

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Социально-экономические
и правовые исследования

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Social, Economic, and Law Research

Журнал основан в 1998 г.
Выходит 4 раза в год

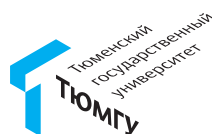
Том 12. № 2 (46)

2026

Vol. 12. No. 2 (46)

Founded in 1998
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

А. М. Симонова, Тюмень, Россия

Заместители главного редактора

Е. В. Андрианова, Тюмень, Россия

А. В. Зайцева, Тюмень, Россия

К. А. Захарова, Тюмень, Россия

Ответственный секретарь

Д. А. Авдеев, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

И. Акихиро, Токио, Япония

М. М. Акулич, Тюмень, Россия

В. В. Гаукин, Тюмень, Россия

В. А. Давыденко, Тюмень, Россия

Д. Сонг, Сеул, Южная Корея

В. Д. Драшкович, Котор, Черногория

Е. Казьмерчик, Познань, Польша

М. И. Клеандров, Москва, Россия

Е. Г. Комиссарова, Тюмень, Россия

Н. А. Костко, Тюмень, Россия

Ф. Крайсиг, Кемниц, Германия

М. С. Матейкович, Москва, Россия

Г. Ф. Ромашкина, Тюмень, Россия

Д. Ю. Руденко, Тюмень, Россия

Е. В. Смахтин, Тюмень, Россия

В. С. Собкин, Москва, Россия

А. В. Сумачев, Тюмень, Россия

Г. Н. Чеботарев, Тюмень, Россия

А. Ф. Шилова, Тюмень, Россия

П. Ярвеляйд, Таллин, Эстония

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press

625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-social-r@utmn.ru

Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе

<http://www.elibrary.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

По подписке

Каталог Российской прессы (индекс ПА249)

Editor-in-chief:

L. M. Simonova, Tyumen, Russia

Deputy editors-in-chief:

E. V. Andrianova, Tyumen, Russia

L. V. Zaytseva, Tyumen, Russia

K. A. Zakharova, Tyumen, Russia

Executive secretary

D. A. Avdeev, Tyumen, Russia

Editorial board

M. M. Akulich, Tyumen, Russia

V. V. Gamukin, Tyumen, Russia

V. A. Davydenko, Tyumen, Russia

V. D. Drašković, Kotor, Montenegro

A. Ishikava, Tokyo, Japan

J. Kaźmierczyk, Poznań, Poland

M. I. Kleandrov, Moscow, Russia

E. G. Komissarova, Tyumen, Russia

N. A. Kostko, Tyumen, Russia

V. Kreissig, Chemnitz, Germany

M. S. Mateykovich, Moscow, Russia

G. F. Romashkina, Tyumen, Russia

D. Yu. Rudenko, Tyumen, Russia

E. V. Smakhtin, Tyumen, Russia

V. S. Sobkin, Moscow, Russia

J. Song, Seoul, South Korea

A. V. Sumachev, Tyumen, Russia

G. N. Chebotaryov, Tyumen, Russia

L. F. Shilova, Tyumen, Russia

P. Järveldid, Tallinn, Estonia

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

Founded by

Published, edited and printed by

For article submission

The journal is distributed

University of Tyumen

UTMN-Press

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

vestnik-social-r@utmn.ru

No publication charges

Accessed at

<http://www.elibrary.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Subscription to

Russian Post catalogue (No. ПIA249)

Содержание

Социология

- 6 Демографическая культура молодежи в системе жизненного планирования
Ж. О. Благорожева
- 25 Институциональная логика и повседневная практика системы долговременного ухода
В. Р. Мисихин
- 40 Анализ социокультурного потенциала устойчивого развития арктического города. Часть 1
А. О. Лёвкина, Г. Ф. Деттер, В. Е. Лёвкин
- 58 Спортивные ставки как социальный феномен: отношение к ним населения и мотивы участия
А. С. Лимарь, Г. З. Ефимова
- 78 Экономическая социология или социальная экономика? (Обзор на издание: Zafirovski, Milan (Ed.). The Routledge International Handbook of Economic Sociology. Routledge. 2024.) Часть 2
Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, М. Р. Нагоричная

Право

- 99 Национальная идентичность в системе конституционных ценностей и элементов национальной безопасности
К. Ю. Гоглева
- 109 Конституционный статус потерпевшего и его эволюция в отечественном законодательстве
Е. А. Кислова
- 128 К вопросу об уголовной ответственности дроперов по законодательству России
В. И. Морозов, С. Г. Лосев
- 144 Публично-правовые основы участия медицинских организаций в системе применения геномных технологий
А. Е. Крайнюкова
- 153 Трудовое право в эпоху ИИ: инструментальное влияние и фундаментальные изменения
О. А. Курсова
- 176 Климатические проекты: концепция и механизмы правового регулирования
Н. В. Данилова

Экономика

- 195 Современные подходы к использованию маркетинга персонала на рынке общественного питания
А. Е. Замураева, Ю. А. Шаламов, Н. В. Красовская, К. Д. Шаламова
- 213 Мультипликационный эффект развития туризма и модель гастрономического туризма в регионе
А. К. Субракова, Е. Г. Гравдина
- 227 Оценка уровня самодостаточности обрабатывающего производства регионов с участием институтов развития
А. У. Фархутдинова
- 245 Эффекты и перспективы региональных запретов на трудовую миграцию в России
А. Э. Евтушенко
- 265 Субъекты РФ в системе «инновационное развитие — качество жизни»: особенности и дисбалансы
К. А. Захарова, А. О. Лёвкина, Н. А. Бабурина, О. А. Крыжановский

Contents

Sociology

- 6 Youth demographic culture in the life planning system
Zh. O. Blagorozheva
- 25 Institutional logic and everyday practice of the long-term care system
V. R. Misikhin
- 40 Analysis of the socio-cultural potential for sustainable development of an Arctic city (Part 1)
A. O. Ljovkina, G. F. Detter, V. E. Ljovkin
- 58 Sports betting as a social phenomenon: Public attitudes and motivation for participation
A. S. Limar, G. Z. Efimova
- 78 Economic sociology or social economics? (Book review: Zafirovski, Milan (Ed.). The Routledge International Handbook of Economic Sociology. Routledge. 2024.) Part II
E. V. Andrianova, V. A. Davydenko, M. R. Nagorichnaia

Law

- 99 National identity in the system of constitutional values and elements of national security
K. Yu. Gogleva
- 109 The constitutional status of the victim and its evolution in domestic legislation
E. A. Kislova
- 128 On the criminal liability of droppers under Russian law
V. I. Morozov, S. G. Losev
- 144 Public legal basis for the participation of medical organizations in the system of genomic technologies application
A. E. Krainiukova
- 153 Labor law in the AI era: Instrumental impact and fundamental changes
O. A. Kursova
- 176 Climate projects: Concept and mechanisms of legal regulation
N. V. Danilova

Economics

- 195 Modern approaches to the use of personnel marketing in the catering market
L. E. Zamuraeva, Yu. A. Shalamov, N. V. Krasovskaya, K. D. Shalamova
- 213 The multiplier effect of tourism development and the model of gastronomical tourism in the region
L. K. Subrakova, E. G. Gravdina
- 227 Assessing the level of self-sufficiency of regional manufacturing with the participation of development institutions
A. U. Farkhutdinova
- 245 Effects and prospects of regional prohibitions on labor migration in Russia
A. E. Evtushenko
- 265 Subjects of the Russian Federation in the “Innovative Development — Quality of Life” system: features and imbalances
K. A. Zakharova, A. O. Levkina, N. A. Baburina, O. A. Kryzhanovskii

Демографическая культура молодежи в системе жизненного планирования

Жанна Олеговна Благорожева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия
Контакт для переписки: blagorozheva@bsuedu.ru

Аннотация. Статья подготовлена по результатам ежегодного социологического мониторинга «Социальные стратегии молодежи». Исследование проводилось методом онлайн-опроса молодежи Белгородской области (N = 5 847), выборка квотная по полу, возрасту, типу поселения. Анализируя место и роль демографической культуры молодежи в системе жизненного планирования, мы обращаемся к следующим индикаторам: матримониальным стратегиям, самосохранительным стратегиям, миграционным стратегиям, карьерным стратегиям, образовательным стратегиям. Первые три типа стратегий образуют структурные элементы демографической культуры, последние опосредуют формирование демографической культуры. В статье делается вывод, что, несмотря на позитивные индикаторы сформированности демографической культуры молодежи Белгородской области, есть и проблемы. Матримониальный компонент демографической культуры характеризуется желанием вступить в брак, создать семью, но не ориентирован на многодетную семью. Самосохранительный компонент демографической культуры отражает желание молодежи следить за своим здоровьем (заниматься спортом, правильно питаться, проходить диспансеризацию) и прожить долгую жизнь. Миграционный компонент демографической культуры носит самый противоречивый характер, так как в нем пересекаются две стратегии: оседлый тип и межрегиональный тип. На наш взгляд, особая значимость изучения демографической культуры молодежи проявляется в контексте социальной, молодежной и семейной политики, с целью организации системы ее развития и поддержки.

Ключевые слова: демографическая культура, молодежь, жизненные стратегии, социальные стратегии, матримониальные стратегии, самосохранение, миграция

Цитирование: Благорожева Ж. О. 2026. Демографическая культура молодежи в системе жизненного планирования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 6–24. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-6-24>

Поступила 05.03.2026; одобрена 04.05.2026; принята 08.05.2026

Youth demographic culture in the life planning system

Zhanna O. Blagorozheva✉

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Corresponding author: blagorozheva@bsuedu.ru✉

Abstract. This article is based on the results of the annual sociological monitoring “Social Strategies of Youth”. The study was conducted using an online survey of young people in the Belgorod Region (N = 5 847). The sample was quota-based on gender, age, and settlement type. In analyzing the place and role of youth demographic culture in life planning, we consider the following indicators: matrimonial strategies, self-preservation strategies, migration strategies, career strategies, and educational strategies. The first three types of strategies form the structural elements of demographic culture, while the latter mediate its formation. The article concludes that, despite positive indicators of the development of demographic culture among young people in Belgorod Region, there are also issues. The matrimonial component of demographic culture is characterized by a desire to marry and start a family, but is not oriented toward large families. The self-preservation component of demographic culture reflects young people’s desire to take care of their health (exercise, eat healthy, undergo medical checkups) and live a long life. The migration component of demographic culture is the most controversial, as it intersects two strategies: the sedentary type and the interregional type. In our view, studying the demographic culture of young people is particularly important in the context of social, youth, and family policy, with the aim of organizing a system for its development and support.

Keywords: demographic culture, youth, life strategies, social strategies, matrimonial strategies, self-preservation, migration

Citation: Blagorozheva, Zh. O. (2026). Youth demographic culture in the life planning system. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 6–24. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-6-24>

Received Mar. 5, 2026; Reviewed May 4, 2026; Accepted May 8, 2026

Введение

Молодежь, являясь целевой социально-демографической группой, отвечает за развитие социального, культурного, демографического капитала общества, составляет фундамент благополучия государства. Основой изучения молодежи в социальном пространстве являются ее жизненные планы. Под системой жизненного планирования молодежи можно понимать целенаправленный процесс самоорганизации жизнедеятельности личности через осознанную систему жизненных смыслов, ценностей, целей и выработку жизненных стратегий и тактик [Самыгин и др., 2021].

Говоря о системе жизненного планирования молодежи, мы придерживаемся концепции И. С. Шаповаловой, в которой выделяются 12 социальных стратегий молодежи [Шаповалова, 2023; Шаповалова, Заводян, 2024] (см. рис. 1).

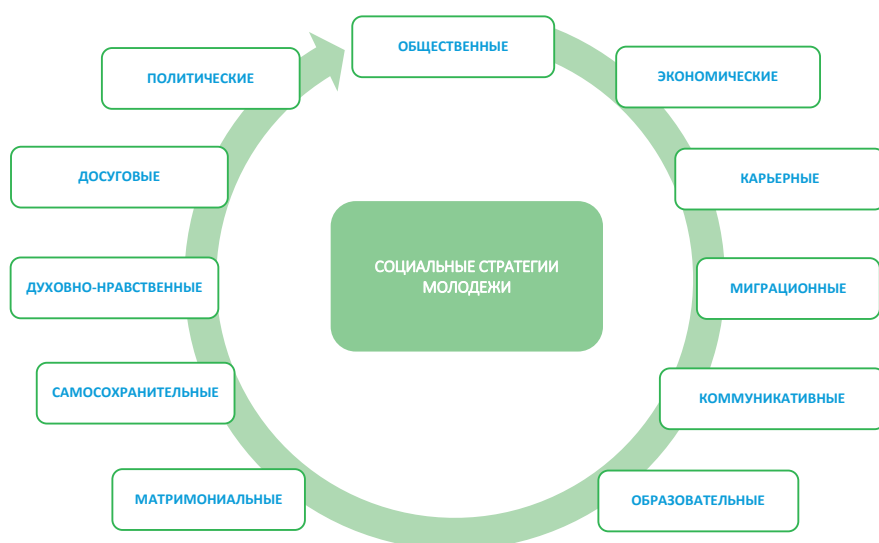

Рис. 1. Социальные стратегии молодежи

Fig. 1. Social strategies of the youth

В контексте изучения жизненных планов молодежи особое место занимает демографическая культура молодежи, которая формируется в рамках матримониальных, самосохранительных, миграционных стратегий. Кроме того, есть и обратная корреляция: демографическая культура молодежи оказывает значительное влияние на формирование и реализацию карьерных, образовательных, экономических стратегий. Демографическая культура молодежи играет важную роль в системе жизненного планирования. Она включает в себя знания, ценности, установки и модели поведения, связанные с населением, его структурой, процессами воспроизводства, миграции и другими демографическими аспектами. Изучение и понимание влияния демографической культуры на жизненные планы молодежи необходимо для разработки и реализации программ поддержки и развития молодежи.

Актуальность изучения демографической культуры молодежи определяется не только национальной идеей Российской Федерации, но и необходимостью развития человеческого капитала. Систематическое сокращение рождаемости может привести к регрессивному типу воспроизводства населения. Критическими показателями в данном случае будут являться утрата демографического потенциала роста, увеличение расходов на обеспечение людей пенсионного возраста, высокая экономическая и трудовая нагрузка.

Анализируя статистические показатели брачности (табл. 1) и рождаемости (табл. 2), можно отметить, что общий коэффициент брачности показывает волнообразную динамику, как на федеральном, так и на региональном уровне. Пик значений пришелся на 2022 г. (возможно, связан с отложенными браками после пандемии), затем наблюдается спад. В целом значения по области близки к общероссийским, но в 2022 г. даже превысили их. Брачность остается нестабильным показателем, чувствительным к социально-экономическим и эпидемиологическим условиям. Снижение в 2023–2024 гг. может говорить о накопленной неопределенности, экономических трудностях или изменении моделей семейного поведения. Снижение числа браков может в перспективе повлиять на рождаемость, так как в России большинство рождений происходит в зарегистрированных браках.

Табл. 1. Общий коэффициент брачности (РФ и Белгородская область)
Table 1. Total marriage rate in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ	Белгородская область
2020	5,3	4,8
2021	6,3	6,2
2022	7,2	7,4
2023	6,5	6,7
2024	6,0	5,7

При этом суммарный коэффициент рождаемости имеет четкую тенденцию к снижению, причем в Белгородской области она более интенсивная. Уровень рождаемости недостаточен для простого воспроизводства населения, при этом ситуация в Белгородской области особенно тревожна: здесь рождаемость падает быстрее, чем на федеральном уровне. Основные последствия выражаются в сокращении трудоспособной доли населения, росте демографической нагрузки на работающих, рисках для пенсионной системы и рынка труда.

Табл. 2. Суммарный коэффициент рождаемости (РФ и Белгородская область)
Table 2. Total birth rate in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ	Белгородская область
2020	1,47	1,22
2021	1,47	1,26
2022	1,42	1,16
2023	1,41	1,12
2024	1,40	1,07

Показатели смертности и продолжительности жизни также имеют свою динамику и специфику (табл. 3, 4). На федеральном уровне мы видим, что общий коэффициент смертности падает, а средняя продолжительность жизни как у мужчин, так и у женщин растет. Безусловно, такие изменения нельзя назвать идеальными, но они имеют положительную динамику.

Табл. 3. Общий коэффициент смертности (РФ и Белгородская область)
Table 3. Total mortality rate in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ	Белгородская область
2020	14,5	15,5
2021	16,6	18,2
2022	12,9	14,2
2023	12,1	13,4
2024	12,5	14,1

Региональные показатели носят спорный характер, связанный прежде всего со статусом Белгородской области как приграничного региона. Общий коэффициент смертности превышает федеральный и имеет тенденцию к возрастанию, при этом продолжительность чуть выше, чем федеральный показатель.

Табл. 4. Ожидаемая продолжительность жизни (РФ и Белгородская область)
Table 4. Life expectancy in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ		Белгородская область	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
2020	76,4	66,0	78,3	68,3
2021	74,5	66,7	74,6	67,6
2022	77,8	65,7	78,4	67,7
2023	78,7	67,6	78,4	68,5
2024	78,3	68,0	79,2	68,1

Важно отметить, что высокая смертность в сочетании с низкой рождаемостью ускоряет естественную убыль населения, особенно в регионах. Однако, несмотря на более высокую смертность, в области живут дольше — это может говорить о лучшем качестве жизни, экологии, доступности медицины для некоторых групп. Важно учитывать, что рост продолжительности жизни при низкой рождаемости усиливает старение населения, но и может повышать качество человеческого капитала, если сопровождается здоровым старением.

Миграционные показатели федерального уровня также имеют положительную динамику, а вот региональный показатель имеет тенденцию к убыли населения (табл. 5). Миграция компенсирует естественную убыль в РФ, но в области происходит обратное: отток усугубляет демографические проблемы. Отток населения в Белгородской области

также связан со статусом региона — приграничным. Особенно критичным в данном случае для региона является сокращение населения, потеря трудоспособной молодежи, экономические риски.

Табл. 5. Показатели миграционного прироста/убыли (РФ и Белгородская область)
Table 5. Migration growth/decline rates in the Russian Federation and Belgorod Region

Год	РФ	Белгородская область
2020	106 474	3 853
2021	429 902	6 436
2022	61 917	–11 116
2023	203 629	–3 649
2024	568 500	–11 708

Цель исследования — на основе эмпирических данных выявить и охарактеризовать состояние демографической культуры молодежи Белгородской области (матримониального, самосохранительного и миграционного компонентов), определить их место в системе жизненного планирования (во взаимосвязи с карьерными и образовательными стратегиями), а также зафиксировать ключевые проблемы.

Обзор литературы

Центральным понятием нашей работы является «демографическая культура». Исследование демографической культуры молодежи имеет проблемы как теоретического, так и эмпирического уровней.

На теоретическом уровне отсутствует многообразие подходов к объекту исследования. Прямое упоминание демографической культуры присутствует в работе коллектива авторов Л. В. Журавлевой, Е. В. Зарубиной, В. А. Ручкина, Н. Н. Симачковой, И. П. Чупиной. По мнению исследователей, демографическая культура — это специфический способ развития человеческого потенциала, который базируется на социальных нормах, национальных традициях и демографической ситуации в конкретном регионе [Журавлева и др., 2023].

Б. С. Павлов не дает точного определения демографической культуре, но говорит в своей работе о культуре демографического поведения. Культура демографического поведения — это система социальных норм, ценностей и ориентиров, которые определяют поведение в сфере воспроизводства населения [Павлов, Соколова, 2009].

К структурным компонентам культуры демографического поведения относят: репродуктивное поведение, брачное поведение, самосохранительное поведение, миграционное поведение [Комабарова, 2008]. Мы частично согласны с данным подходом, но всё же считаем, что если говорить о демографической культуре, то данный феномен будет чуть шире. Кроме того, опираясь на концепцию И. С. Шаповаловой, можем говорить о следующем содержании демографической культуры: матримониальные стратегии, самосохранительные стратегии, миграционные стратегии (рис. 2).

Интересными в контексте изучения демографической культуры молодежи являются исследования в области брачности и матримониального поведения [Ростовская, 2015; Вишневский и др., 2024], родительства и репродуктивных установок [Багирова, Шубат, 2017], миграционных установок и планов [Болдина, 2021; Ромашева и др., 2021], самосохранительных намерений [Локосов и др., 2024]. Особый интерес представляет работа Т. К. Ростовской и Е. Н. Васильевой [Ростовская, Васильева, 2024], в которой раскрываются брачные, репродуктивные и самосохранительные стратегии членов студенческих семей.

Относительно демографической культуры матримониальные стратегии могут выступать как формируемый и реализуемый в определенных условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями. Позиция молодежи относительно матримониальных диспозиций носит волновой характер, что можно связать со сменой поколений [Шаповалова, 2024]. Перевес молодежи, выбирающей традиционную семью и ценности, достаточно небольшой [Благорожева, 2024].

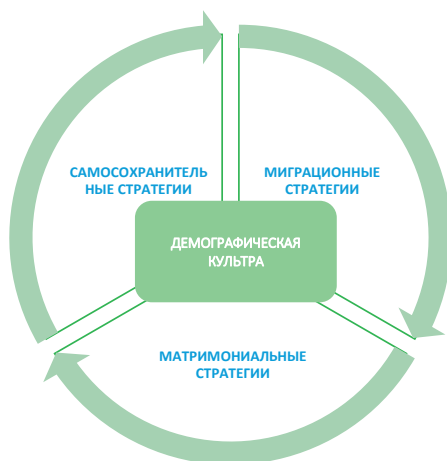

Рис. 2. Структура демографической культуры

Fig. 2. Structure of demographic culture

Современные демографы изучают взаимосвязь брачности и рождаемости с позиции истолкования смены типов семьи (от безразводной многодетной до добровольно бездетной) [Гурко, 2014].

Репродуктивное поведение можно считать одним из важнейших показателей демографической культуры, так как оно является ключевым фактором, который сможет улучшить демографическую ситуацию в стране [Гареева, 2023]. Репродуктивные установки молодежи, характеризующиеся откладыванием рождения ребенка при вступлении в брак, являются угрозой не просто росту рождаемости, но и сохранению имеющегося на сегодня уровня естественного воспроизводства населения [Ростовская и др., 2022]. По нашему же мнению, такая позиция среди молодых людей может свидетельствовать о несформированной демографической культуре.

Самосохранительные стратегии характеризуют систему действий и установок личности, направленных на сохранения здоровья. Важным фактором ориентации на эффективные самосохранительные стратегии молодежи можно считать жизненные планы молодежи на долголетие [Шаповалова, Ковальчук, 2025]. В настоящее время здоровье выступает необходимым условием успешного функционирования в современном обществе, а самосохранительное поведение молодежи позитивно ориентировано на обеспечение возможности достижения поставленных жизненных целей [Малышкина и др., 2023]. Позитивные практики самосохранения могут свидетельствовать о достаточно высоком уровне демографической культуры.

Миграционные стратегии в рамках формирования демографической культуры отражают конкретные решения и действия индивида по смене местожительства. Молодежная миграция носит внутрироссийский характер в целом и внутрирегиональный в частности. Для молодого населения малых городов характерна внутренняя миграция по направлению «малый город (село) — крупный город / мегаполис» [Грунт и др., 2023].

На основе анализа теоретических источников можно сделать вывод, что компоненты демографической культуры являются достаточно изученными в теоретическом и практическом поле. Однако в современной науке практически отсутствует комплексный подход к демографической культуре. В связи с этим, *научная новизна исследования* заключается в теоретическом обосновании трехкомпонентной структуры демографической культуры (матримониальный, самосохранительный, миграционный компоненты), показана ее встроенность в систему жизненного планирования через различение базовых и опосредующих стратегий, представлены данные, позволяющие эмпирически измерять каждый компонент, что применено к специфике приграничного региона.

Материалы и методы

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга «Социальные стратегии молодежи Белгородской области», который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 г. В качестве метода исследования был использован онлайн-опрос с привлечением рекрутеров, организующих взаимодействие с респондентами. Такой метод позволил снизить количество отказов респондентов, обеспечить репрезентативность региональной выборки, в том числе с привлечением молодежи из труднодоступных и закрытых территорий области (приграничные зоны). В статье представлены результаты Мониторинга за 2024 г. Объем выборочной совокупности — 5 847 человек. Выборка квотная по полу, возрасту, типу поселения. Соотношение респондентов по полу: мужчины — 41,5%, женщины — 58,5%. Распределение респондентов по возрастным группам характеризуется следующими квотами: 14–15 лет — 7,4%, 16–17 лет — 26,5%, 18–21 лет — 44,7%, 22–25 лет — 10,9%, 26–30 лет — 3,8%, 31–35 лет — 6,7%. По типу поселения выделены следующие квоты респондентов: крупный город — областной центр — 40,4%, небольшой город — районный центр — 27,8%, поселок, сельское поселение, деревня — 31,7%. Данная структура выборки обеспечивает репрезентативность по ключевым социально-демографическим параметрам и позволяет проводить полноценный анализ. Показателями иссле-

довательской модели Мониторинга выступили экономическая, политическая, карьерная, матримониальная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная стратегии (в статье представлены результаты только по миграционной, матримониальной, самосохранительной, образовательной и карьерной). В качестве индикаторов для каждой стратегии были продиагностированы типы стратегических диспозиций, направления жизненного планирования (жизненные стратегии), ключевые и ценностные диспозиции. Операционализация типов, положенная в основу типологии для каждой стратегии, основана на возможных вариантах отношения к данной стратегии или ее ценностному ядру (например, семья и дети для матримониальных стратегий, здоровье — для самосохранительных, миграционные ориентации для миграционных). В вопросах, касающихся типологии стратегических диспозиций, молодым респондентам предлагались вопросы определения ведущей жизненной установки относительно стратегии, которая определяла бы их дальнейшее поведение (предлагалось ответить на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?»). Выборы по данному вопросу были даны в закрытой форме и на альтернативной основе (не предусмотрено множественного выбора и открытых вариантов ответов). Это позволило получить более четкую структуру типов для региональной молодежи.

Вопросы, касающиеся жизненного планирования, были даны в табличной форме, с обязательной оценкой каждого выбора по шкале «обязательно», «желательно», «не обязательно». Инструкция к вопросу звучала следующим образом: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где „обязательно“ значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия (если Вы уже реализовали какие-то из предложенных вариантов, отметьте их как обязательные)».

В отличие от предыдущих волн Мониторинга, в которых анализировались отдельные социальные стратегии, этап 2024 г. впервые нацелен на интегральный анализ демографической культуры как системы, объединяющей матримониальные, самосохранительные и миграционные стратегии. Предыдущие этапы позволили зафиксировать устойчивые тренды в жизненных стратегиях молодежи, но не ставили перед собой задачи оценить взаимосвязь стратегий в рамках единой демографической культуры.

Результаты и обсуждения

Анализируя место демографической культуры в системе жизненного планирования молодежи, основными показателям являются матримониальные стратегии молодежи. Согласно полученным данным, можно сказать, что большая часть молодежи придерживается традиционного взгляда на брачные отношения (62,6%). Более свободное восприятие семьи присутствует только у четверти молодых респондентов (26,2%). При этом ориентацию на саморазвитие с отказом от семьи можно наблюдать лишь у 8,1% респондентов, сознательный отказ от семьи наблюдается у 3,1%. В данном случае мы видим, что среди молодежи есть значительная ориентация на традиционные ценности, но, на наш взгляд, это касается в большей степени брачных отношений (рис. 3).

Говоря о репродуктивных планах, можно отметить, что молодые люди в большей степени ориентированы на одного ребенка (выбор «обязательно» — 50,6%). Не состоявши-

мися в жизни, не имея двоих детей, будут считать себя лишь треть респондентов (выбор «обязательно» — 30,6%). Важным является то, что молодежь вообще не ориентирована на многодетную семью (выбор «обязательно» — 13%). В связи с этим мы считаем, что молодежь ориентирована на заключение брака, но не на рождение детей (рис. 4).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (матримониальные стратегии)

Fig. 3. Distribution of answers to the question “Which group do you belong to?” (matrimonial strategies)

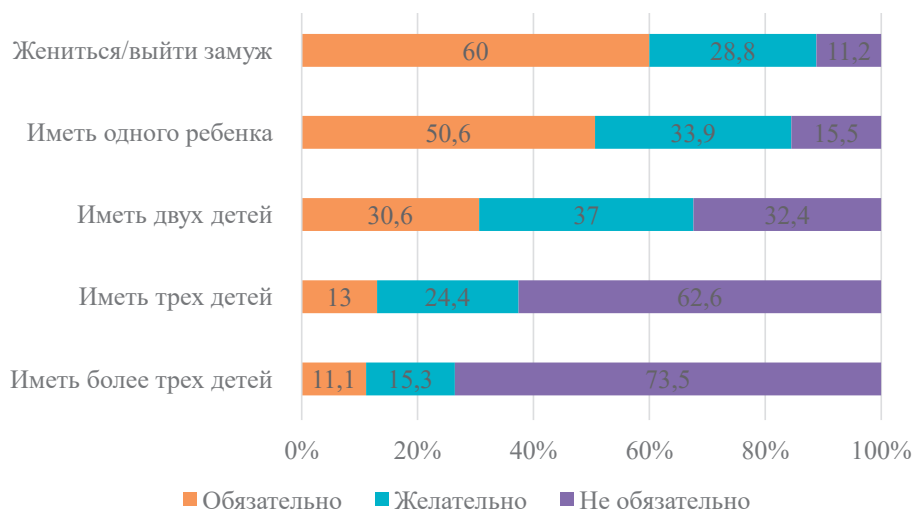

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где „обязательно“ значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия» (матримониальные стратегии)

Fig. 4. Distribution of answers to the question “How important is it for you to take the following steps in the future, where ‘necessary’ means that you will not consider yourself successful in life without fulfilling this condition?” (matrimonial strategies)

Подход к анализу самосохранительных стратегий основывается на типологии относительно поведенческого компонента. Так, можно выделить четыре типа самосохранительных диспозиций: сознательный, осознающий, перспективный, несознательный [Шаповалова, Ковальчук, 2025]. Согласно результатам проведенного исследования, можно отметить, что почти половина респондентов относится к осознающему типу (44,8%), то есть понимает ценность здоровья, старается вести здоровый образ жизни. Чуть больше трети молодых людей (36,6%) являются приверженцами сознательного типа: следят за своим здоровьем, регулярно занимаются спортом, проходят диспансеризацию. Данные результаты свидетельствуют о достаточно положительной тенденции в самосохранении (рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (самосохранительные стратегии)

Fig. 5. Distribution of answers to the question "Which group do you belong to?" (self-preservation strategies)

Оценивая реализацию самосохранительных стратегий молодежи региона, мы видим, что больше чем для половины обязательными являются следующие шаги: занятия спортом (61,0%), не курить (64,2%), не употреблять алкоголь (61,5%), а примерно для половины обязательным является придерживаться правильного питания (52,7%), посещать поликлинику, проходить диспансеризацию (53,4%), дожить до 70 лет (55,3%). На наш взгляд, всё это свидетельствует о достаточно ответственном отношении к своему здоровью среди молодежи и сформированной демографической культуре относительно самосохранения (рис. 6).

Не менее важным показателем демографической культуры молодежи в системе жизненного планирования являются миграционные стратегии. В рамках выбора молодежью миграционной стратегии можно отметить, что половина респондентов относится к переезду достаточно легко и готова к смене места жительства (49,7%). Оседлый тип миграционных диспозиций характерен для 35,5% молодежи, являясь вторым по популярности. Переезд в мегаполисы интересует 10,7% молодежи, а переезд за границу — 4,3% (рис. 7).

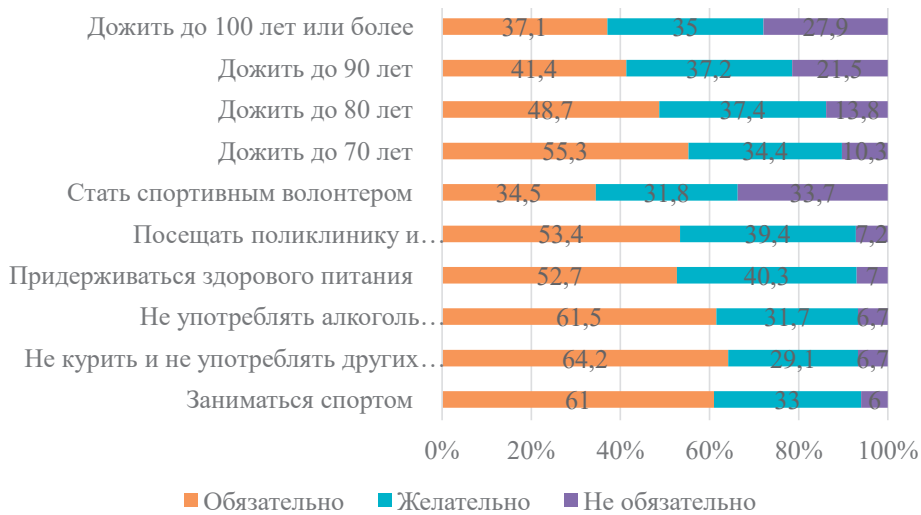

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где „обязательно“ значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия» (самосохранительные стратегии)

Fig. 6. Distribution of answers to the question “How important is it for you to take the following steps in the future, where ‘necessary’ means that you will not consider yourself successful in life without fulfilling this condition” (self-preservation strategies)

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (миграционные стратегии)

Fig. 7. Distribution of answers to the question “Which group do you belong to?” (migration strategies)

Однако миграционные стратегии молодежи Белгородской области носят достаточно нестабильный характер (на наш взгляд, это связано с обстановкой в регионе), так как если оценивать обязательные выборы молодежи относительно миграции, то они не пре-

вышают и четверти. Так, сменить место жительства внутри своего региона хотели бы только 21,2%, переехать в другой регион — 16,9%, уехать в страны Востока — 9,4%, уехать в страны Запада — 8,5% (рис. 8).

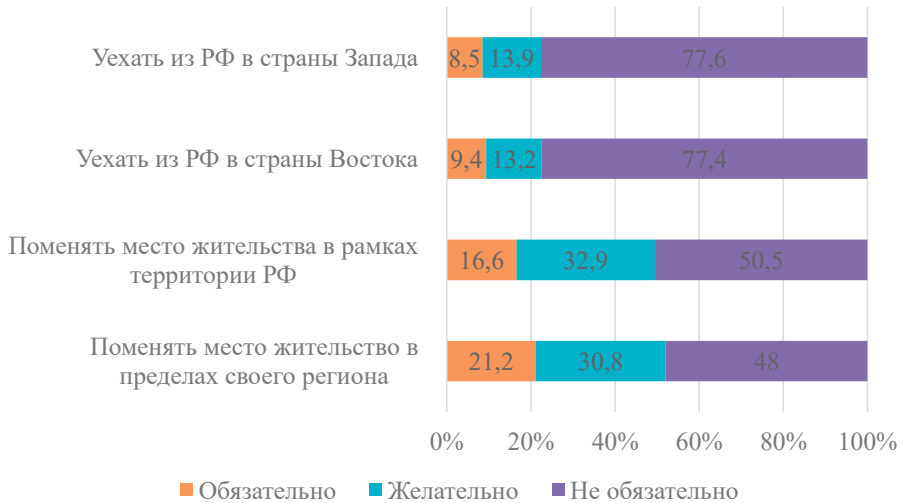

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где „обязательно“ значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия» (миграционные стратегии)

Fig. 8. Distribution of answers to the question “How important is it for you to take the following steps in the future, where ‘necessary’ means that you will not consider yourself successful in life without fulfilling this condition” (migration strategies)

Тем не менее мы считаем, что оценка миграционных стратегий относительно сформированности демографической культуры имеет спорный характер. С одной стороны, миграционные потоки обеспечивают замещение населения и его воспроизводство, с другой стороны, относительно Белгородской области высокий уровень миграции, особенно молодежной, может привести к демографической проблеме. Вместе с тем мы не можем не учитывать приграничную специфику региона, понимая, что в некоторых случаях смена местожительства — вынужденная мера.

В современных исследованиях в области демографии особое внимание уделяется противостоянию между семьей и карьерой. Карьерные стратегии органично вписываются в социальные стратегии молодежи и безусловно отражают реализацию как matrimониальных, так и миграционных стратегий. Относительно нашего исследования, мы также обратим внимание на типологию карьерных диспозиций. Тревожным показателем является то, что большая часть региональной молодежи (38,1%) значительно ориентирована на карьеру и готовы делать почти всё для достижения успеха. Однако ситуацию сглаживает то, что вторая по популярности — группа молодежи, которая не готова жертвовать ничем ради карьеры (26,6%). Третья группа молодежи вообще не ориенти-

рована на карьеру (17,8%). Последняя группа (17,7%) в целом пессимистично относится к карьерному росту, не видя возможностей для реализации своего потенциала (рис. 9). Безусловно, мы понимаем и замечаем, что в некоторых случаях молодежь ориентирована на карьеру с целью увеличения дохода и обеспечения семьи, но потенциальный отказ от создания семьи и рождения детей не может не беспокоить.

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (карьерные стратегии)

Fig. 9. Distribution of answers to the question "Which group do you belong to?" (career strategies)

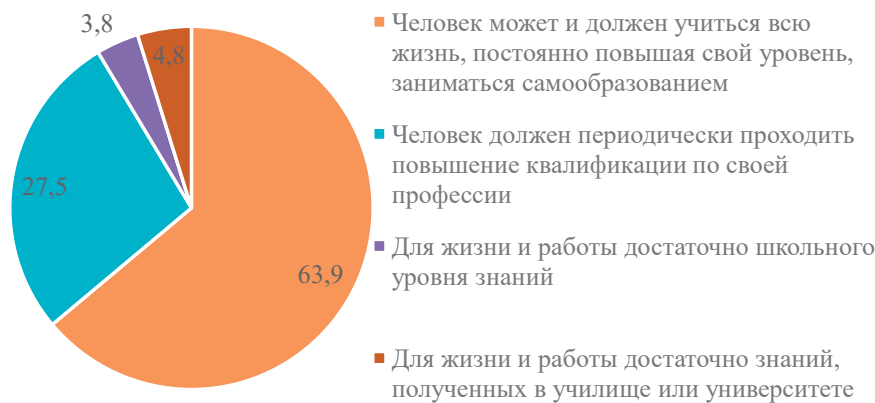

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?» (образовательные стратегии)

Fig. 10. Distribution of answers to the question "Which group do you belong to?" (educational strategies)

Еще хотим обратиться к образовательным стратегиям, они обычно коррелируют с карьерными и также ставятся в приоритет. Здесь мы уже наблюдаем достаточно сильную

ориентацию на образование. 63,9% респондентов считают, что человек должен учиться всю жизнь и заниматься самообразованием. Чуть меньше трети (27,5%) молодых респондентов ориентированы только на повышение квалификации по своей профессии, в то время как 4,8% считают, что университетского образования достаточно, а 3,8% — школьного (см. рис. 10). Рисковым фактором в данном случае может являться отказ от деторождения в благоприятном возрасте в пользу получения образования.

Таким образом, мы можем видеть, что у молодых людей, проживающих в Белгородской области, демографическая культура достаточно сформирована и развита, но остаются спорные моменты. Можно говорить, что в системе жизненного планирования она занимает значимую часть, но диспозиции, установки и действия соотносятся с показателями федерального уровня.

Практические акценты (по результатам мониторинга)

Результаты Мониторинга, проводимого с 2018 г., позволяют сделать определенные акценты на основе эмпирических данных и сформулировать практические рекомендации в области социальной, молодежной и семейной политики. В динамике возрастает приверженность молодежи к традиционному браку, но сохраняется устойчивое расхождение между высокой брачной ориентацией молодежи и отсутствием установки на многодетность (доля считающих трех детей обязательным условием жизненной успешности не превышала 15%). Это обосновывает необходимость смещения акцентов в молодежной политике с пропаганды брака как такового на формирование позитивного образа многодетной семьи. Рост миграционных настроений указывает на потребность в адресных мерах удержания молодежи в приграничном регионе. На основе позитивных самосохранительных установок молодежи целесообразно усилить меры по доступности диспансеризации и спортивных объектов, а также включить модули по здоровьесбережению в образовательные программы.

Заключение

Демографическая культура является одним из ключевых компонентов жизненных стратегий молодежи, включая в себя матримониальные стратегии, самосохранительные стратегии, миграционные стратегии. Несмотря на то что в каузальном отношении можно говорить о существовании двусторонней связи, с одной стороны, социальные стратегии разных направлений могут влиять на формирование и реализацию определенной стратегии, с другой, сформированность определенных установок, планов, влияет на аналогичные элементы других социальных стратегий. В связи с этим значительное влияние на стратегии, входящие в демографическую культуру, в большей степени, на наш взгляд, влияют карьерные, образовательные.

Проведенный анализ позволил полностью реализовать цель исследования: охарактеризовано состояние трех компонентов демографической культуры региональной молодежи, установлены их противоречия (высокая брачная ориентация при отсутствии установки на многодетность, позитивные самосохранительные практики на фоне

ухудшающейся смертности, сочетание оседлых и миграционных диспозиций), а также показана опосредующая роль карьерных и образовательных стратегий в системе жизненного планирования.

По представленным результатам исследования, демографическую культуру молодежи Белгородской области в системе жизненного планирования можно охарактеризовать скорее позитивно, но определенные компоненты требуют развития. Мы видим, что региональная молодежь ориентирована на вступление в брак, поддерживает традиционные ценности и традиционную семью, но не ориентирована на многодетность. Здесь мы видим достаточно спорный вопрос о сформированности демографической культуры. Более благоприятный показатель — самосохранительные стратегии. Важной остается ориентация молодых людей на заботу о своем здоровье, стремление к увеличению продолжительности жизни. Миграционные стратегии, на наш взгляд, характеризуются спорным показателем: с одной стороны, мы отмечаем желание на смену места жительства (связанную, вероятнее всего, с геополитической обстановкой), с другой стороны, на закрепление в регионе ориентированы чуть больше трети молодых людей.

Данные показатели обуславливают перспективы дальнейшего изучения темы: прежде всего, это систематизация как теоретических, так и эмпирических подходов к демографической культуре; проведение комплексного социологического исследования, направленного на анализ и оценку демографической культуры региональной молодежи (как количественными, так и качественными методами); оценка информированности о существующих мерах развития демографической культуры молодежи. Особую значимость может иметь ежегодный мониторинг демографической культуры молодежи с целью оценки ее динамики, рисков и потенциалов. Анализ динамических показателей демографической культуры региональной молодежи поможет расставить необходимые акценты социальной, молодежной и семейной политики.

Список источников

- Багирова А. П., Шубат М. О. 2017. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // Социологические исследования. № 7 (399). С. 126–131.
- Благорожева Ж. О. 2024. Матримониальные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. Т. 10. № 4. С. 89–110.
- Болдина М. Ю. 2021. Образовательная миграция современной российской молодежи (региональный аспект на примере Волгоградской области) // Социология. № 5. С. 102–110.
- Вишневецкий Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. 2024. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. № 1. С. 40–55.
- Гареева И. А. 2023. Социальная обусловленность репродуктивного поведения населения // Власть и управление на Востоке России. № 1 (102). С. 101–110.
- Грунт Е. В., Титаренко Л. Г., Беляева Е. А. 2023. Выявление миграционных установок провинциальной молодежи: на примере учащихся российских и белорусских образовательных учреждений // Социология. № 1. С. 218–226.

- Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., Чупина И. П. 2023. Формирование демографической культуры молодежи как социальная проблема // Образование и право. № 11. С. 407–411.
- Локосов В. В., Ярашева А. В., Александрова О. А. 2024. Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения // Народонаселение. № 1. С. 192–205.
- Малышкина А. И., Кулигина М. В., Панова И. А., Рычихина Н. С. 2023. Самосохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ // Женщина в российском обществе. № 4. С. 113–122.
- Ромашева Ж. Ж., Калининченко О. В., Малышев И. В. 2021. Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. № 4 (40). С. 323–333.
- Ростовская Т. К. 2015. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. № 3. С. 46–52.
- Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. 2024. Брачные, репродуктивные, самосохранительные стратегии членов студенческих семей: по результатам глубинного интервью // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (73). С. 74–82.
- Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н. 2022. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 184–199.
- Самыгин П. С., Самыгин С. И., Каспаров А. Р., Тутова А. Н. 2021. Жизненное проектирование молодежи в условиях социальной неопределенности в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 3. С. 92–98.
- Соколова Э. Г., Павлов Б. С. 2009. Культура демографического поведения семьи как объект семейной политики. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ. 213 с.
- Шаповалова И. С. 2023. Социальные стратегии молодежи: есть ответы на все вопросы // Социодиггер. Т. 4. Вып. 11–12 (30). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/socialnye-strategii-molodezhi-est-otvety-na-vse-voprosy> (дата обращения: 25.05.2026).
- Шаповалова И. С. 2024. Матримониальные диспозиции молодежи как объект социологического анализа // Научный результат. Социология и управление. Т. 10. № 4. С. 167–191.
- Шаповалова И. С., Заводян И. С. 2024. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. № 4. С. 768–792.
- Шаповалова И. С., Ковальчук О. В. 2025. Самосохранительные стратегии молодежи: реализация национальных проектов и интересов // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. № 1. С. 33–41.

References

- Bagirova, A. P., & Shubat, M. O. (2017). parenting in the light of the students' views. *Sociological Studies*, (7), 126–131. [In Russian]
- Blagorozheva, Zh. O. (2024). Matrimonial strategies of regional youth. *Research Result. Sociology and Management*, 10(4), 89–110. [In Russian]

- Boldina, M. Yu. (2021). Educational migration of modern Russian youth (regional aspect on the example of the Volgograd region). *Sociology*, (5), 102–110. [In Russian]
- Vishnevsky, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., & Zyryanova, O. B. (2024). Matrimonial and reproductive attitudes of youth in the context of young family safety. *Woman in Russian Society*, (1), 40–55. [In Russian]
- Gareeva, I. A. (2023). Social conditioning of reproductive behavior of the population. *Power and Administration in the East of Russia*, (1), 101–110. [In Russian]
- Grunt, E. V., Titarenko, L. G., & Belyaeva, E. A. (2023). Identification of migration attitudes of provincial youth: On the example of students of Russian and Belarusian educational institutions. *Sociology*, (1), 218–226. [In Russian]
- Zhuravleva, L. A., Zarubina, E. V., Ruchkin, A. V., Simachkova, N. N., & Chupina, I. P. (2023). Formation of demographic culture of youth as a social problem. *Education and Law*, (11), 407–411. [In Russian]
- Lokosov, V. V., Yarasheva, A. V., & Aleksandrova, O. A. (2024). Factors forming the foundations for self-preservation behavior of the population. *Population*, (1), 192–205. [In Russian]
- Malysheva, A. I., Kuligina, M. V., Panova, I. A., & Rychikhina, N. S. (2023). Self-preservation and reproductive strategies of modern students: A medical and sociological analysis. *Woman in Russian Society*, (4), 113–122. [In Russian]
- Romasheva, Zh. Zh., Kalinichenko, O. V., & Malyshev, I. V. (2021). Connection between basic values and emigration attitudes of Russian youth. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, (4), 323–333. [In Russian]
- Rostovskaya, T. K. (2015). Features of matrimonial behavior of the Russian youth. *Human in the World of Culture*, (3), 46–52. [In Russian]
- Rostovskaya, T. K., & Vasilyeva, E. N. (2024). Marriage, reproductive, self-preservation strategies of student families: According to in-depth interviews. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*, (1), 74–82. [In Russian]
- Rostovskaya, T. K., Zolotareva, O. A., & Vasilyeva, E. N. (2022). Models of matrimonial and reproductive behavior of Russian youth. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 184–199. [In Russian]
- Samygin, P. S., Samygin, S. I., Kasparov, A. R., & Tutova, L. N. (2021). Life planning of young people in the conditions of social uncertainty of the modern Russian society. *Humanities, Social-economic, and Social Sciences*, (3), 92–98. [In Russian]
- Sokolova, E. G., & Pavlov, B. S. (2009). *Culture of Demographic Behavior of the Family as an Object of Family Policy*. GOU VPO UGTU–UPI. [In Russian]
- Shapovalova, I. S. (2023). Social strategies of youth: There are answers to all questions. *Sociodigger*, 4(11–12). Retrieved May 25, 2026, from <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/socialnye-strategii-molodezhi-est-otvety-na-vse-voprosy> [In Russian]
- Shapovalova, I. S. (2024). Matrimonial dispositions of youth as an object of sociological analysis. *Research Result. Sociology and Management*, 10(4), 167–191. [In Russian]
- Shapovalova, I. S., & Zavodyan, I. S. (2024). Youth socio-selfie: Social strategies of regional youth. *Russian Journal of Regional Studies*, (4), 768–792. [In Russian]
- Shapovalova, I. S., & Kovalchuk, O. V. (2025). The self-preserving strategies of the youth: Implementation of National projects and interests. *The Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, (1), 33–41. [In Russian]

Информация об авторе

Жанна Олеговна Благорожева, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью, Институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
blagorozheva@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1119-9644>

Author information

Zhanna O. Blagorozheva, Cand. Sci. (Socio.), Associate Professor, Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia
blagorozheva@bsuedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1119-9644>

Институциональная логика и повседневная практика системы долговременного ухода

Владимир Русланович Мисихин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
Контакт для переписки: misikhin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие институциональной логики системы долговременного ухода (СДУ) и повседневных практик ухаживающих. Опираясь на данные качественного социологического исследования (2025 г., Республика Хакасия и Ярославская область, $n = 68$), реконструируется, как именно сопрягаются управленческие требования, профессиональные решения и субъективный опыт участников. Показывается, что управленческая логика ориентирована на стандартизацию и формальные показатели, тогда как в реальной практике ухода ключевую роль играют дискреция помощников, их эмоциональный труд и способность адаптироваться к конкретным жизненным ситуациям. Научная новизна состоит в рассмотрении СДУ как процесса, в котором институциональные требования сталкиваются и согласуются с морально-реляционными практиками. Главный вывод: устойчивость СДУ держится не только на формальных регламентах, но и на повседневной работе по адаптации стандартов, а значит, управленческие решения должны учитывать реляционную природу заботы

Ключевые слова: система долговременного ухода, институциональная логика, повседневные практики, дискреция, теория заботы

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС за 2026 г.

Цитирование: Мисихин В. Р. 2026. Институциональная логика и повседневная практика системы долговременного ухода // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 25–39. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-25-39>

Поступила 04.03.2026; одобрена 13.03.2026; принята 08.05.2026

Institutional logic and everyday practice of the long-term care system

Vladimir R. Misikhin ✉

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA), Moscow, Russia
Corresponding author: misikhin@mail.ru ✉

Abstract. This article examines the interaction between the institutional logic of the long-term care system (LTCS) and the everyday practices of caregivers. Drawing on data from a qualitative sociological study (2025, Republic of Khakassia and Yaroslavl Oblast, n = 68), the author reconstructs how managerial requirements, professional decisions, and subjective experiences intersect. The managerial logic is oriented toward standardization and formal indicators, whereas in actual caregiving practice, the key roles are played by the discretion of care workers, their emotional labor, and their ability to adapt to specific life situations. The scientific novelty lies in considering the LTCS as a process in which institutional demands confront and align with moral-relational practices. The main conclusion is that the sustainability of the LTCS rests not only on formal regulations but also on the daily work of adapting standards; therefore, managerial decisions must take into account the relational nature of care.

Keywords: long-term care system, institutional logic, everyday practices, discretion, care theory

Acknowledgements: the article was prepared as part of the research work of the RANEPA state assignment for 2026.

Citation: Misikhin, V. R. (2026). Institutional logic and everyday practice of the long-term care system. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 25–39. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-25-39>

Received Mar. 4, 2026; Reviewed Mar. 13, 2026; Accepted May 8, 2026

Введение

Старение населения, рост продолжительности жизни и увеличение числа граждан с ограниченной самостоятельностью формируют устойчивый спрос на институционально организованные формы поддержки пожилых людей и инвалидов. Международные исследования показывают, что численность людей, нуждающихся в интенсивном и продолжительном уходе, последовательно увеличивается, в то время как кадровые, организационные и финансовые ресурсы систем долговременного ухода (далее — СДУ)

остаются ограниченными [Селезнева и др., 2022]. Развитие СДУ рассматривается как ответ на структурные демографические изменения и как попытка выстроить систему социальной поддержки, способную компенсировать ослабление семейных и неформальных форм ухода. В России проект СДУ был запущен в 2018 г. в шести регионах, а с 1 сентября 2023 г. началось поэтапное внедрение СДУ на всей территории Российской Федерации. В нормативных и программных документах система долговременного ухода описывается как комплексная межведомственная модель, ориентированная на преодоление фрагментарности социальной помощи, стандартизацию процессов оказания услуг и формализованный контроль их качества. Управленческая логика СДУ предполагает внедрение единых процедур оценки нуждаемости, регламентацию деятельности работников, разработку стандартов ухода и систему показателей результативности¹.

С момента запуска СДУ в России было проведено несколько исследований, анализирующих опыт регионального применения. Они подчеркивают наличие качественного скачка в методологическом и институциональном обеспечении системы долговременного ухода и указывают на создание новых алгоритмов работы, впервые включивших получателя социальной услуги как ключевого контрагента всего процесса оказания помощи [Скобелина, 2024]. СДУ рассматривается не как расширение существующих услуг, а как попытка сформировать новую модель организации заботы, предполагающую координацию различных ведомств, видов помощи и профессиональных ролей [Олескина, 2022]. Исследователи отмечают, что прежние показатели качества оказания социально-медицинских услуг ориентировались на функциональные обязанности сотрудников профильных организаций: «соблюдение санитарно-противоэпидемического режима на рабочем месте, своевременность и качество заполнения и ведения медицинской документации, соблюдение трудовой дисциплины, требований техники безопасности и охраны труда и другие показатели. В прежней системе контроля качества не учитывались критерии, являющиеся основными в системе долговременного ухода — физический, психический и психологический комфорт получателя социальной услуги» [Костюченко, Демидова, 2024, с. 121].

Реализация системы долговременного ухода рассматривается преимущественно с точки зрения нормативно-правового обеспечения и административного внедрения [Киселёва и др., 2022]. Вместе с тем международно признанным фактом является то, что работа в системе СДУ сопряжена с рядом психоэмоциональных и физических перегрузок. Было доказано, что она ведет к непропорционально высокому уровню производственного травматизма [Quinn и др., 2016], требует постоянного эмоционального напряжения и чревата случаями конфликтного или эмоционально затратного общения [Duffy и др., 2015; Lopez, 2006].

¹ О реализации в Российской Федерации в 2025 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе: Приказ Минтруда России от 27.12.2024 № 732 // СПС «КонсультантПлюс». <https://new.cspnlen.ru/wp-content/uploads/2025/04/prikaz-mintrud-732-ot-27.12.2024.pdf> (дата обращения: 28.02.2026). См. пункты 6 и 7.

По мере реализации СДУ в регионах Российской Федерации всё более отчетливо проявляется необходимость анализа взаимодействия между институциональной моделью системы и практиками ее повседневной реализации. Управленческая логика стандартизации и регламентации сталкивается с конкретными ситуациями оказания ухода, в которых существенную роль играют контекстуальные решения, межличностные контакты и ситуативная ответственность сотрудников, непосредственно работающих с получателями услуг. В результате система длительного ухода функционирует не как однозначно реализуемый набор предписаний, а как совокупность практик, формирующихся в процессе соотнесения формальных требований с конкретными жизненными обстоятельствами.

В социологических исследованиях подобные расхождения нередко описываются через противопоставление нормативной модели и ее фактической реализации. Однако применительно к системе длительного ухода такое противопоставление оказывается аналитически недостаточным, поскольку не позволяет раскрыть механизмы, посредством которых институциональные требования интерпретируются, адаптируются и реализуются в повседневной деятельности. Международные исследования показывают, что стандарты качества и формализованные процедуры не воспроизводятся автоматически и требуют активного «встраивания» в локальные практики [Busetto и др., 2022].

В настоящем исследовании в качестве теоретических оснований используются концепция «уличной бюрократии» (street-level bureaucracy) [Lipsky, 2010], теория заботы [Gilligan, 1982; Noddings, 1984; Tronto, 1993], а методы и интерпретация данных выстраиваются в оптике социологии заботы и институциональной этнографии [Smith, 2005], что позволяет рассмотреть систему длительного ухода как многоуровневый процесс, в рамках которого управленческие решения, профессиональные практики и межличностные взаимодействия оказываются взаимосвязанными, а формальные институциональные требования приобретают конкретное содержание в процессе повседневной реализации.

Под институциональной логикой СДУ понимается совокупность формальных норм, процедур оценки нуждаемости, стандартов оказания услуг, требований отчетности и показателей эффективности, задающих организационную рамку деятельности. Эта логика имплицитно предполагает унификацию ситуаций ухода и возможность их формального контроля. В противоположность ей повседневные практики ухода строятся вокруг принципиальной нестандартизируемости конкретных жизненных обстоятельств, телесности и эмоциональных состояний получателей услуг. Ключевое для данного исследования понятие дискреции трактуется как необходимая способность работников «переднего края» принимать самостоятельные решения в условиях неполноты стандартов, неопределенности и ограниченных ресурсов.

Концепция «уличной бюрократии» М. Липски фиксирует уровень, на котором формальные исполнители действуют в условиях ограниченных ресурсов, временного давления и неоднозначных ожиданий, что делает интерпретацию правил и адаптацию стандартов неотъемлемой частью их профессиональной деятельности. Социология заботы дает возможность включить в рассмотрение моральное и реляционное измере-

ние ухода, которое принципиально не сводится к формализуемым процедурам. Забота рассматривается как совокупность практик, направленных на поддержку уязвимых людей, сохранение их достоинства и выстраивание значимых межличностных отношений. В российской социологической традиции эта перспектива получила развитие в исследованиях, подчеркивающих значимость «невидимого» труда, эмоционального участия и асимметрии отношений стандартизации и заботы [Бороздина и др., 2019; Мисихин, 2025]. Методологической рамкой, позволяющей связать управленческий и реляционный уровни анализа, в настоящем исследовании выступает институциональная этнография. В логике институциональной этнографии институты рассматриваются не как абстрактные структуры, а как устойчивые формы координации повседневных практик, осуществляемые через тексты, регламенты, отчетные формы и управленческие процедуры. Аналитический фокус смещается с формального описания институционального устройства на исследование того, каким образом институциональные требования «входят» в повседневную деятельность акторов и организуют ее. Институциональная этнография позволяет рассматривать стандарты, формы отчетности и показатели качества СДУ не только как элементы управленческого контроля, но и как тексты, посредством которых координируется повседневная деятельность специалистов ухода.

Указанные концепции используются для анализа того, как институциональная модель системы долговременного ухода реализуется в конкретных практиках оказания помощи, а также для выявления способов, посредством которых формальные требования адаптируются к условиям повседневной работы, жизненным обстоятельствам получателей услуг и ситуативным контекстам взаимодействия.

Методология исследования

Выбор качественной методологии для сбора эмпирических данных обусловлен стремлением реконструировать поведенческие модели, ценностные суждения и рутинные решения, которые составляют основу ухода [Dhobi, 2022, с. 179–187; Drugu и др., 2011, с. 318–346]. Такой подход позволяет ответить на центральный исследовательский вопрос: каким образом институциональная логика СДУ сопрягается с повседневными практиками ухаживающих и какие механизмы обеспечивают это сопряжение в условиях неизбежной неполноты стандартов и уникальности каждой ситуации ухода? Аналитическая стратегия была преимущественно индуктивной: категории выделялись из эмпирических данных в процессе открытого кодирования, а затем соотносились с теоретической рамкой исследования.

Полевое исследование проводилось в двух российских регионах — Республике Хакасия и Ярославской области. В исследовании приняли участие три группы информантов, представляющих ключевые позиции в системе долговременного ухода: (1) представители региональных органов власти, вовлеченные в разработку и координацию СДУ; (2) работники, непосредственно осуществляющие уход, включая помощников по уходу — как состоящих в родственных отношениях с получателями услуг, так и неродственных ухаживающих; (3) получатели услуг долговременного ухода. Всего было проведено

68 полуструктурированных интервью. Отбор информантов осуществлялся на основе целенаправленной выборки с учетом степени их вовлеченности в систему долгосрочного ухода и разнообразия социального и профессионального опыта.

Сбор эмпирических данных осуществлялся в апреле-мае 2025 г. Интервью проводились в очном формате с соблюдением принципов добровольного участия и информированного согласия. Для каждой группы информантов были разработаны отдельные интервью-гайды, отражающие специфику их позиции в системе долгосрочного ухода. Тематические блоки интервью включали вопросы, направленные на выявление представлений о целях и принципах функционирования СДУ, опыта взаимодействия между участниками системы, оценки качества ухода, а также проблем и ограничений, с которыми информанты сталкиваются в повседневной практике. Исследовательская позиция предполагала рефлексивное отношение к возможным асимметриям власти и статуса в процессе интервьюирования, особенно в работе с получателями услуг долгосрочного ухода и помощниками по уходу.

В представленном анализе акцент сделан на сведениях от помощников по уходу, поскольку именно эта группа выступает ключевым агентом сопряжения институциональных требований и реляционных практик. Материалы, полученные от управленцев и получателей услуг, используются для контекстуализации и верификации выявленных паттернов, а также для демонстрации точек рассогласования и согласия между разными уровнями системы. Сведения от получателей услуг в этой статье служат для иллюстрации значимости реляционных аспектов заботы, тогда как их систематический анализ потребует отдельной публикации.

Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, качественный дизайн исследования и целенаправленная выборка не предполагают статистической репрезентативности и не позволяют напрямую экстраполировать полученные выводы на все регионы Российской Федерации. Во-вторых, исследование охватывает два региона, что ограничивает возможность анализа иных институциональных конфигураций системы долгосрочного ухода, включая крупные мегаполисы и регионы с иными моделями социального обслуживания. В-третьих, данные исследования отражают субъективные интерпретации и опыт информантов, что может быть связано с эффектами социальной желательности или ретроспективной рационализации. В то же время именно обращение к субъективному опыту участников позволяет выявить те аспекты функционирования системы долгосрочного ухода, которые остаются вне поля формализованных оценок и управленческой отчетности. В статье используются обезличенные цитаты из интервью, имена и потенциально идентифицирующие детали были изменены или исключены с целью обеспечения конфиденциальности и предотвращения возможной идентификации участников.

Результаты и обсуждение

Анализ эмпирического материала демонстрирует, что институциональная логика системы долгосрочного ухода существует в практике работников, непосредственно участвующих в оказании услуг, не как жесткий алгоритм, подлежащий безусловному ис-

полнению, а как один из множества источников для ситуационного принятия решений. Сотрудники не столько применяют готовый регламент к конкретному случаю, сколько каждый раз заново конструируют форму его применимости, встраивая предписание в уникальный контекст взаимодействия. Почти каждое описание рабочего дня содержит указания на необходимость корректировать, дополнять или вовсе переопределять предписанные процедуры — это указывает на системный, а не единичный характер этого явления. Сопоставление данных из двух регионов позволило выявить общие структурные паттерны, воспроизводящиеся независимо от местной специфики.

Регламент как ориентир, а не универсальный алгоритм. Во всех группах информантов нормативная база признается одновременно необходимой и неизбежной. С одной стороны, она задает структуру работы, формирует каркас отчетности и позволяет распределять зоны ответственности. С другой, описывается как принципиально неполная при взаимодействии с «живым» человеком. Повторяющаяся формула «в жизни так не бывает» фиксирует границу применимости стандарта: «*Есть четкий график оказания определенных услуг в определенное время... <... > ... всё прописано вроде бы понятно, но в жизни так не бывает*» (ж., представитель центра социального обслуживания, 40 лет). Примечательно, что сами работники не ставят под сомнение необходимость правил как таковых, но указывают на неизбежность зазора между моделью и реальностью. В административной риторике это расхождение обычно трактуется как проблема реализации — следствие нехватки ресурсов или слабого контроля. Однако эмпирический материал позволяет перевернуть эту оптику: здесь мы сталкиваемся не с неисполнением предписаний, а с ситуацией, где строгое следование правилу способно разрушить терапевтическую и гуманитарную цель социальной политики. Именно этот зазор между предписанием и потребностью становится тем рабочим пространством, в котором помощник по уходу реализует свой профессиональный и человеческий потенциал.

Индивидуальность получателя как фактор перманентной интерпретации. Если регламент по определению опирается на усредненный образ получателя услуг, то практическая работа строится вокруг встречи с конкретной биографией, телесностью и эмоциональным состоянием. Помощники по уходу описывают ситуацию как принципиально нестабильную: «*Мы же с пожилыми людьми, им сегодня хорошо, а завтра плохо*» (ж., помощник по уходу, 48 лет), что превращает каждое посещение в новую когнитивную и этическую задачу. Исполнитель не может механически воспроизвести вчерашний сценарий, даже если внешние обстоятельства кажутся идентичными. Он вынужден заново оценивать ситуацию, соотносить ее с предписаниями и, главное, принимать решение о допустимости и границах отклонения. Повседневная реализация СДУ включает скрытый, но непрерывный процесс локального производства нормативности, где работник выступает не просто транслятором, но соавтором социальной политики на уровне конкретного случая.

Работа со временем: от хронометража к темпоральности заботы. Особенно отчетливо этот процесс локального «нормотворчества» прослеживается в обращении с категорией времени. Нормативная модель стремится распределить помощь по фиксированным, заранее установленным временным интервалам. Однако в практической

деятельности время оказывается производным не от графика, а от состояния подопечного. Показательный пример приводит руководитель учреждения: *«В норме стоит три раза попить воды... <... > ...неужели она ему четвертый раз не даст? Конечно даст»* (ж., руководитель центра социального обслуживания, 42 года). Следование норме вопреки очевидной потребности воспринималось бы всеми участниками взаимодействия как нарушение порядка более высокого — порядка морального. Регламент сохраняет свою легитимность ровно постольку, поскольку он оставляет пространство для подобных корректировок.

Легитимность отступления и институционализация гибкости. Важно подчеркнуть, что описанные корректировки крайне редко рефлексировались самими работниками как нарушение или девиация. В ряде интервью подчеркивается молчаливое согласие руководства с гибкостью работников *«Если она была не оказана в четверг, а была оказана во вторник... за это точно не будут бить»* (ж., руководитель центра социального обслуживания, 40 лет). Это свидетельствует о существовании устойчивого неформального институционального консенсуса: для того чтобы система функционировала, исполнителю необходимо пространство маневра. В этой оптике отклонение от буквы инструкции оказывается не разрушением институционального порядка, а способом его фактического поддержания в условиях принципиально нестандартизируемой реальности.

«Вторая нормативность»: императив человеческого измерения. При столкновении формального и ситуационного требований в интервью регулярно появляется выражение «по-человечески». Оно маркирует альтернативный источник обязательства. *«По документам у тебя одни обязанности, а по-человечески ты не можешь просто развернуться и уйти... <... > ...я могу чем-то помочь. Просто от души»* (ж., помощник по уходу, 52 года). Внутри профессиональной практики сосуществуют два режима оценки правильности действия. Первый основан на соответствии инструкции и ориентации на формально понимаемый результат. Второй — на имплицитном, но чрезвычайно устойчивом представлении о достойной заботе как о морально выверенном отношении. Восприимчивость к ответной реакции получателя услуг выступает здесь не как дополнительная, факультативная характеристика «хорошего ухода», а как базовое условие его признания в качестве ухода как такового. Возникает парадоксальная зависимость: система, институционально ориентированная на предсказуемость и стандартизацию, вынуждена опираться на готовность работников действовать непредсказуемо, руководствуясь ситуативно актуализируемым моральным чувством. Чем интенсивнее формальная логика тяготеет к полному контролю, тем большая доля ответственности де-факто перекладывается на индивидуальное моральное суждение исполнителей.

Реляционное смещение: от услуги к межличностным отношениям. По мере накопления взаимодействий происходит фундаментальная трансформация восприятия, получатель помощи перестает быть объектом приложения усилий или «носителем проблемы». Он становится значимой фигурой личного мира работника. *«Какая она вам подопечная? Ну тетя...»* (ж., помощник по уходу, 60 лет). Эта трансгрессия границы между профессиональным и личным меняет саму логику принятия решений. Помощник по уходу оказывается включен в сложную конфигурацию конкурирующих режи-

мов ответственности, перед формальным предписанием, перед организацией, перед родственниками и, что важнее всего, перед самим получателем. В этой конфигурации решение в пользу человека оказывается единственным способом сохранить ее моральную легитимность перед лицом тех, ради кого она создавалась. Повседневные, зачастую невидимые решения работников, непосредственно взаимодействующих с получателями услуг, становятся той точкой, где абстрактная государственная политика обретает конкретное человеческое измерение.

Невидимый, но определяющий качество услуг результат. Когда участники говорят о том, что в их работе действительно важно, они указывают на изменения, которые не поддаются формализации и не схватываются существующими отчетными механизмами: снижение тревоги, доверие, чувство защищенности. Одна из информантов так описывает важное для нее: *«Главное, чтобы человек пришел и не как на работу, а по-соседски. Чтобы не торопился, спросил, как я, а не только таблетки принес и убежал. Тогда и на душе спокойнее»* (ж., получатель услуг, 78 лет). Другая связывает качество ухода с доверием: *«Я ее боюсь потерять. Она и поговорит, и заметит, если мне плохо. А другие приходят — всё по списку, а мне от этого ни тепло ни холодно»* (ж., получатель услуг, 82 года). В этих высказываниях проявляется тот самый реляционный слой, который остается невидимым для формальной отчетности, но составляет субъективную основу признания ухода «хорошим» или «плохим». *«Цель СДУ не в цифрах... <... > ...каждая жизненная история только в нашей голове»* (ж., представитель центра социального обслуживания, 50 лет). То, что обеспечивает устойчивость и качество взаимодействия, часто существует вне и помимо отчетных механизмов. Помощники по уходу оказываются теми акторами, кто ежедневно принимает на себя риск и бремя несовпадения между тем, что предписано, и тем, что необходимо. Они компенсируют неизбежную неполноту стандарта за счет личного времени, эмоциональных усилий и моральных обязательств. Формальная рационализация ухода, будучи доведенной до своей логической крайности, парадоксальным образом усиливает зависимость системы от этого «человеческого фактора». Чем более детализированными и всеобъемлющими становятся процедуры, тем чаще от исполнителя требуется компетенция принятия решения о возможности и границах их неприменения в конкретном случае.

Теоретическая импликация: забота как режим координации. Если довести выявленные эмпирические закономерности до логического завершения, становится очевидно, что система долговременного ухода функционирует в режиме перманентной зависимости от того, что не может быть полностью институционализировано и формализовано. Она требует формализации для целей распределения ресурсов и обеспечения внешней подотчетности, но одновременно предполагает наличие институционально признанного (пусть и негласно) пространства, где эти формализации будут приостанавливаться, корректироваться или игнорироваться. Это означает, что дискуссии о повышении эффективности СДУ не могут ограничиваться вопросами оптимизации нормативной базы или совершенствования систем контроля. Даже идеально сконструированный стандарт неспособен элиминировать необходимость ситуативного суждения. Более того, стремление административными методами сузить пространство дискреции

может привести к эрозии именно тех реляционных механизмов, которые делают помощь субъективно приемлемой и осмысленной для ее получателей. Поскольку эта адаптационная работа остается в значительной степени невидимой для управленческих структур, ее нагрузка распределяется крайне неравномерно и часто переживается самими работниками как сугубо личная ответственность.

Признание центральной роли дискреции и аффективного труда радикально меняет постановку вопроса о будущем развитии СДУ. Речь должна идти не о том, как окончательно заместить человеческое решение детализированным регламентом, а о том, как создать институциональные условия, при которых это решение будет замечено, справедливо оценено и поддержано. Полученные данные позволяют рассматривать систему долговременного ухода не как совокупность стандартизированных услуг, а как сложный режим координации между императивом стандарта и императивом заботы. Этот режим удерживается благодаря способности помощников по уходу постоянно балансировать между двумя моральными порядками — административным и реляционным. Смещая внимание с макродизайна реформ на микропрактики, фактически обеспечивающие их жизнеспособность, исследование предлагает рассматривать устойчивость социальных программ как результат непрерывного взаимодействия формальных структур и невидимой, но конституирующей моральной работы исполнителей, действующих на переднем крае социальной политики.

Полученные данные позволяют зафиксировать, что совмещение трех теоретических оптик — уличной бюрократии, теории заботы и институциональной этнографии — дает возможность эмпирически верифицировать тезис о том, что дискреция на переднем крае социальной политики является не дефицитом управляемости, а конститутивным условием реализации услуг в сферах, имеющих реляционную природу. В российской социологии заботы этот тезис преимущественно обсуждался теоретически; настоящее исследование наполняет его эмпирическим содержанием. Институционально-этнографический фокус позволил выявить механизмы «перевода» формальных требований в повседневные практики. Тексты регламентов и отчетных форм не просто задают правила, но становятся ресурсом для локального нормотворчества, в рамках которого помощники по уходу выступают соавторами социальной политики на уровне конкретного случая. Работа уточняет понимание дискреции в социальных услугах, показывая, что решение о том, как поступить в ситуации неполноты стандарта, принимается не столько на основе профессионального знания, сколько в логике ответа на уязвимость другого. Тем самым исследование вносит вклад в развитие реляционной этики заботы, демонстрируя, как моральные обязательства институционализируются на уровне организационных практик.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что повседневная работа помощников по уходу представляет собой непрерывный процесс перевода, адаптации и ситуативного преобразования стандартов в соответствии с уникальными обстоятельствами жизни получателей помощи. Стандарты долговременного ухода задают организационную рамку,

необходимую для распределения ресурсов и обеспечения внешней подотчетности, однако их практическая жизнеспособность целиком зависит от готовности работников принимать решения, выходящие за пределы инструкций. Дискреция предстает в этом контексте не угрозой управляемости, а фундаментальным условием реализации социальной поддержки. Без нее реализуемая модель ухода оказалась бы неспособной учитывать ни телесную изменчивость, ни непредсказуемость повседневности, ни необходимость поддержания доверительных отношений.

Исследование выявило устойчивый институциональный парадокс, пронизывающий все уровни функционирования СДУ. Хотя система в высокой степени зависит от реляционного и аффективного труда помощников, однако именно эти элементы остаются наименее признанными и наименее формализованными. Присутствие, разговор, способность создать ощущение безопасности, что сами участники считают сердцевинной своей работы, не схватываются существующими отчетными механизмами и редко становятся частью критериев оценки эффективности. Эмоциональная работа, обеспечивающая согласие на вмешательство и стабильность контакта, образует ту «скрытую инфраструктуру», которая делает систему ухода устойчивой, но сама остается в тени управленческой оптики.

Этот вывод имеет более широкие последствия для анализа социальной политики и управления социальными программами, демонстрирует, что эффективность социальных проектов не может быть адекватно оценена исключительно через параметры институционального дизайна, полноту нормативного регулирования или количественные показатели охвата. Реальная работа системы разворачивается в микропрактиках интерпретации, где работники, непосредственно взаимодействующие с получателями услуг, ежедневно соотносят административные требования с моральной ответственностью. Именно в этих повседневных, зачастую невидимых решениях абстрактная государственная программа обретает конкретную форму, моральную оправданность и социальную эффективность. Игнорирование этого ведет не просто к неполноте описания, но к принципиальной невозможности понять источники устойчивости и уязвимости системы.

Таким образом, система долговременного ухода предстает как сложный режим координации между двумя разнородными порядками — административным и реляционным. Чем более детализированной и формально управляемой становится ее архитектура, тем сильнее она парадоксальным образом зависит от способности работников гибко переопределять эту архитектуру в реальных ситуациях. Помощники по уходу выступают не периферийными исполнителями, а центральными акторами, чья моральная и эмоциональная работа делает возможным функционирование институционализированной заботы в среде человеческой уязвимости.

Результаты исследования позволяют предложить ряд практических рекомендаций, направленных на учет реляционной природы ухода в управленческих решениях.

- 1. Корректировка системы оценки качества.** Наряду с формальными показателями (объем услуг, соблюдение графиков) целесообразно внедрение индикаторов, фиксирующих реляционные аспекты: стабильность пары «помощ-

- ник — получатель», субъективная удовлетворенность отношениями, чувство безопасности. Возможные инструменты — это короткие нарративные отчеты, регулярные супервизии с элементами рефлексии, включение в оценку обратной связи от получателей услуг, собранной не в формате формализованной анкеты, а в режиме доверительного интервью.
2. **Институционализация дискреции.** Управленческие стратегии могут исходить из признания дискреции как необходимого профессионального ресурса. Это предполагает создание организационных условий для ее реализации, закрепление в должностных инструкциях права на ситуативную корректировку графика в пределах разумного, внедрение практик супервизии, где обсуждаются сложные случаи, и формирование организационной культуры, в которой обращение за советом не воспринимается как демонстрация некомпетентности.
 3. **Снижение эмоциональных и временных затрат работников.** Неформальная работа по адаптации стандартов, остающаяся невидимой для отчетности, нуждается в признании и компенсации. Возможные меры — это нормирование нагрузки с учетом не только формального времени оказания услуг, но и временных затрат на «сопутствующее» присутствие, внедрение программ психологической поддержки и профилактики эмоционального выгорания, институциональное признание неформальных усилий (например, через систему наставничества или специальные формы поощрения).
 4. **Учет реляционной составляющей при разработке нормативных документов.** При формировании стандартов и процедур оценки нуждаемости целесообразно включать в экспертные группы не только управленцев и профильных специалистов, но и помощников по уходу, обладающих уникальным знанием о том, как стандарты «работают» (или не работают) в реальных ситуациях.

Будущее развитие СДУ во многом зависит от того, будет ли признана, поддержана и справедливо оценена эта скрытая инфраструктура или же она продолжит оставаться частным выбором и личной ответственностью самих работников, существующих в зазоре между предписанием и живым человеком. Признание центральной роли дискреции и аффективного труда требует смещения фокуса управленческих стратегий от попыток полного контроля к созданию условий, в которых ситуативное решение становится возможным, замеченным и защищенным.

Список источников

- Бороздина Е., Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.). 2019. Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства: сборник статей. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб. 336 с.
- Киселёва Н. А., Колосова Е. А., Семёнова В. В. 2022. Создание системы долговременного ухода для граждан пожилого возраста и инвалидов в Санкт-Петербурге: опыт регионального проекта «Старшее поколение». СПб.: Изд-во СПбГИПСР. 199 с. ISBN 978-5-6048885-2-0.

- Костюченко С. А., Демидова Т. В. 2024. Оценка системы контроля качества предоставляемых медико-социальных услуг при внедрении системы долговременного ухода // История медицины и здравоохранения: взгляд в будущее: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика АМН СССР Н. А. Семашко (Уфа, 18–22 сентября 2024 г.). Уфа: Башкирский гос. мед. ун-т. С. 115–127.
- Мисихин В. Р. 2025. Социологический анализ заботы в системе долговременного ухода // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: сборник материалов VII Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров, Е. Ю. Иванова. М.: РОС. С. 1360–1365.
- Олескина Е. А. 2022. Система долговременного ухода: старость не должна быть временем, когда человек остается наедине со своими бедами и болезнями или становится обузой для семьи // Социодиггер. Т. 3. № 5–6. С. 59–65. <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-dolgovremennogo-uhoda-starost-ne-dolzha-byt-vremenem-kogda-chelovek-ostaetsya-naedine-so-svoimi-bedami-i-boleznyami-ili> (дата обращения: 20.04.2026).
- Селезнева Е. В., Синявская О. В., Якушев Е. А. и др. 2022. Система долговременного ухода: уроки международного опыта для России: доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, НИУ ВШЭ). М.: Изд. дом ВШЭ. 156 с.
- Скобелина Н. А. 2024. Система долговременного ухода в представлениях и оценках студентов и получателей услуг в форме домашнего обслуживания в Волгоградской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 115–136. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2486>.
- Busetto L. et al. 2022. Quality of care in long-term care settings: a systematic review // BMC Geriatrics. Vol. 22. Art. 192. <https://doi.org/10.1186/s12877-022-02865-9>.
- Dhobi S. 2022. PhD Research in Humanities and Social Sciences: Methods and Approaches // Patan Pragma. Vol. 10. No. 01. Pp. 179–187.
- Drury R., Homewood K. M., Randall S. 2011. Less is more: the potential of qualitative approaches in conservation research // Animal Conservation. Vol. 14. Pp. 18–24. <https://doi.org/10.1111/j.1469-1795.2010.00375.x>.
- Duffy M., Armenia A., Stacey C. L. (Eds.). 2015. Caring on the Clock: The Complexities and Contradictions of Paid Care Work. New Brunswick: Rutgers University Press. 342 pp. ISBN: 978-0-8135-6311-4.
- Gilligan C. 1982. In a Different Voice. Cambridge (MA): Harvard University Press. 216 pp.
- Lipsky M. 2010. Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services. 30th Anniversary Edition. New York: Russell Sage Foundation. 296 pp.
- Lopez S. H. 2006. Emotional labor and organized emotional care: Conceptualizing nursing home care work // Work and Occupations. Vol. 33. No. 2. Pp. 133–160. <https://doi.org/10.1177/0730888405284567>.
- Lynch K. Love labour as a distinct and non-commodifiable form of care labour // The Sociological Review. 2007. Vol. 55. No. 3. Pp. 550–570. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2007.00714.x>.
- Noddings N. 1984. Caring: A Relational Approach to Ethics and Moral Education. Berkeley: University of California Press. 226 pp.

- Quinn M. M., Markkanen P. K., Galligan C. J. et al. 2016. Occupational health of home care aides: Results of the safe home care survey // *Occupational and Environmental Medicine*. Vol. 73. No. 4. Pp. 237–245. <https://doi.org/10.1136/oemed-2015-103031>.
- Smith D. E. 2005. *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. Toronto: University of Toronto Press. 257 pp.
- Tronto J. C. 1993. *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. New York: Routledge. 226 pp.

References

- Borozdina, E., Zdravomyslova, E., & Temkina, A. (Eds.). (2019). *Critical Sociology of Care: Crossroads of Social Inequality*. European University at St. Petersburg Press. [In Russian]
- Kiseleva, N. A., Kolosova, E. A., & Semenova, V. V. (2022). Creation Of a Long-Term Care System for the Elderly and Disabled in St. Petersburg: Experience of the Regional Project “Older Generation”. St. Petersburg State University Press. [In Russian]
- Kostyuchenko, S. A., & Demidova, T. V. (2024). Assessment of the quality control system of provided medical and social services when implementing a long-term care system. In *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 150th Anniversary of the AMS USSR Academician N. A. Semashko “History of Medicine and Healthcare”* (September 18–22, Ufa) (pp. 115–127). Bashkir State Medical University. [In Russian]
- Misikhin, V. R. (2025). Sociological analysis of care in the long-term care system. In V. A. Mansurov & E. Yu. Ivanova (Eds.), *Proceedings of the 8th All-Russian Sociological Congress “Sociology and Society: Formation and Function of Public Memory”* (pp. 1360–1365). ROS. [In Russian]
- Oleskina, E. A. (2022). Long-term care system: Old age should not be a time when a person is left alone with their troubles and illnesses or becomes a burden to the family. *Sociodigger*, 3(5–6), 59–65. Retrieved April 20, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-dolgovremennogo-uhoda-starost-ne-dolzha-byt-vremenem-kogda-chelovek-os-taetsya-naedine-so-svoimi-bedami-i-boleznyami-ili> [In Russian]
- Selezneva, E. V., Sinyavskaya, O. V., Yakushev, E. L. et al. (2022). *Long-term Care System: Lessons from International Experience for Russia (Report for the 23rd Yasin (April) International Scientific Conference on Economic and Social Development)*. HSE. [In Russian]
- Skobelina, N. A. (2024). The system of long-term care in the representations and assessments of students and recipients of services in the form of social services home in the Volgograd region. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (1), 115–136. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.1.2486>
- Busetto, L., et al. (2022). Quality of care in long-term care settings: A systematic review. *BMC Geriatrics*, 22, Art. 192. <https://doi.org/10.1186/s12877-022-02865-9>
- Dhobi, S. (2022). PhD research in humanities and social sciences: Methods and approaches. *Patan Pragma*, 10(1), 179–187.
- Drury, R., Homewood, K. M., & Randall, S. (2011). Less is more: The potential of qualitative approaches in conservation research. *Animal Conservation*, 14, 18–24. <https://doi.org/10.1111/j.1469-1795.2010.00375.x>
- Duffy, M., Armenia, A., & Stacey, C. L. (Eds.). (2015). *Caring on the Clock: The Complexities and Contradictions of Paid Care Work*. Rutgers University Press.

- Gilligan, C. (1982) *In a Different Voice*. Harvard University Press.
- Lipsky, M. (2010). *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Services*. 30th Anniversary Edition. Russell Sage Foundation.
- Lopez, S. H. (2006). Emotional labor and organized emotional care: Conceptualizing nursing home care work. *Work and Occupations*, 33(2), 133–160. <https://doi.org/10.1177/0730888405284567>
- Lynch, K. (2007). Love labour as a distinct and non-commodifiable form of care labour. *The Sociological Review*, 55(3), 550–570. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2007.00714.x>
- Noddings, N. (1984). *Caring: A Relational Approach to Ethics and Moral Education*. University of California Press.
- Quinn, M. M., Markkanen, P. K., Galligan, C. J., et al. (2016). Occupational health of home care aides: Results of the safe home care survey. *Occupational and Environmental Medicine*, 73(4), 237–245. <https://doi.org/10.1136/oemed-2015-103031>
- Smith, D. E. (2005). *Institutional Ethnography: A Sociology for People*. University of Toronto Press.
- Tronto, J. C. (1993). *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. Routledge.

Информация об авторе

Владимир Русланович Мисихин, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия
misikhin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3653-2349>

Author information

Vladimir R. Misikhin, Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.
misikhin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3653-2349>

Анализ социокультурного потенциала устойчивого развития арктического города. Часть 1

Анастасия Олеговна Лёвкина¹✉, Геннадий Филиппович Деттер²,
Вадим Евгеньевич Лёвкин¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Научный центр изучения Арктики ЯНАО, Салехард, Россия
Контакт для переписки: a.o.lyovkina@utmn.ru✉

Аннотация. В условиях реализации национальных стратегий устойчивого развития и усиления человекоцентричного подхода в государственной политике изучение социокультурного потенциала городов как центров инноваций и социальной активности приобретает особую значимость. Особенно это актуально для малонаселенной и стратегически значимой Арктической зоны, где устойчивое развитие напрямую зависит от вовлеченности и проактивности местного сообщества. Целью исследования является изучение социокультурного потенциала арктического города на примере Салехарда (ЯНАО). Разработанная на основе антропосоциокультурного и деятельностного подходов авторская методика обеспечивает комплексную диагностику ресурсов, проблем и резервов развития городского сообщества, а также выявление уровня и потенциала социокультурной активности его участников. Эмпирической базой послужили данные трех фокус-групп (27 участников, 557 высказываний). Выявлены основные проблемы и резервы развития городского сообщества и его социокультурного потенциала. Результаты анализа легли в основу SWOT-оценки стратегии устойчивого развития города и рекомендаций по активизации его социокультурного потенциала через системное соучастие горожан в социопроектировании городской экосистемы, ориентированной на общие конструктивные смыслы, потребности и инициативы населения.

Ключевые слова: социокультурный потенциал, устойчивое развитие городов, Арктика, арктические города

Цитирование: Лёвкина А. О., Деттер Г. Ф., Лёвкин В. Е. 2026. Анализ социокультурного потенциала устойчивого развития арктического города. Часть 1 //

Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 40–57. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-40-57>

Поступила 25.12.2025; одобрена 24.02.2026; принята 08.05.2026

Analysis of the socio-cultural potential for sustainable development of an Arctic city (Part 1)

Anastasia O. Ljovkina¹✉, Gennadii F. Detter², Vadim E. Ljovkin¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russia

² Arctic Research Center, Salekhard, Russia

Corresponding author: a.o.lyovkina@utmn.ru✉

Abstract. With the implementation of national sustainable development strategies and the strengthening of a human-centered approach in public policy, studying the sociocultural potential of cities as hubs of innovation and social activity is particularly important. This is especially relevant for the sparsely populated and strategically important Arctic zone, where sustainable development directly depends on the engagement and proactivity of the local community. The aim of this study is to examine the sociocultural potential of an Arctic city using Salekhard (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug) as an example. Developed based on socio-cultural and activity-based approaches, the author's methodology provides a comprehensive diagnosis of the resources, problems, and reserves for the development of an urban community, as well as the identification of the level and potential of the socio-cultural activity of its participants. Data from three focus groups (27 participants, 557 statements) served as the empirical base. The key challenges and potential for the development of the urban community and its sociocultural potential were identified. The results of the analysis formed the basis for a SWOT assessment of the city's sustainable development strategy and recommendations for enhancing its socio-cultural potential through the systematic involvement of citizens in the joint social design of the urban ecosystem, focused on the common constructive meanings, needs, and initiatives of the population.

Keywords: sociocultural potential, sustainable urban development, Arctic, Arctic cities

Citation: Ljovkina, A. O., Detter, G. F., & Ljovkin, V. E. (2026). Analysis of the socio-cultural potential for sustainable development of an Arctic city (Part 1). *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 40–57. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-40-57>

Received Dec. 25, 2025; Reviewed Feb. 24, 2026; Accepted May 8, 2026

Введение

Актуальность. Имеющийся правовой контекст РФ предполагает необходимость устойчивого инновационного развития страны, в первую очередь посредством активизации ее социокультурного потенциала, и определяет основные национальные ценностно-смысловые контуры развития. В соответствии с Указом Президента РФ от № 309 от 7 мая 2024 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в качестве основных приоритетов установлены сохранение населения, повышение благополучия, реализация потенциала человека, комфортная, безопасная среда для жизни. Указы Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» и № 809 от 9 ноября 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» рассматривают социокультурный потенциал (в форме идентичности, единства, межэтнического доверия, культурной интеграции) как фундамент устойчивого развития, определяют ценностную парадигму социокультурного развития. Исполнение указа Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» требует высокого уровня гражданской и профессиональной активности и результативности для обеспечения устойчивого инновационного развития РФ в условиях нестабильной геополитической ситуации. Стратегия развития социокультурного потенциала отдельных макрорегионов взаимосвязана с рядом дополнительных стратегических документов. Так, Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645 (в редакции указов Президента РФ от 12.11.2021 № 651, от 27.02.2023 № 126) «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» акцентирует внимание на ключевых компонентах социокультурного потенциала, выделяя их как стратегические приоритеты: человеческое развитие, культурное наследие, участие, качество жизни, привлекательность территорий для жизни.

Задача активизации и развития социокультурного потенциала в рамках сформулированных стратегических целевых и ценностных ориентиров обуславливает, во-первых, его понимание в широком смысле как совокупность интеллектуальных, социальных, кадровых, духовных ресурсов, а также потенциальные возможности их использования в решении задач культурного, социального и экономического развития общества. Во-вторых, актуализирует необходимость соответствующих исследований, выявляющих проблемы и ресурсы использования социокультурного потенциала для устойчивого инновационного развития социально сильного государства [Лапин, 2020].

Проблема. Города являются двигателями экономического роста, инноваций и одновременно центрами экологических и социальных проблем [Shen и др., 2023], что обуславливает ключевую роль городов в выполнении стратегических задач безопасности

и развития страны [Han, Kim, 2025], в особенности арктических городов¹. Особенное значение для обеспечения безопасности и устойчивости развития страны имеют «убывающие арктические города» [Недосека и др., 2024], учитывая необходимость заселенности и развития больших пространств с высокой геополитической значимостью.

Современные демографические вызовы Арктики подчеркивают критичность этой задачи: за период 1990–2025 гг. население Арктической зоны РФ сократилось на 1,9 млн человек, а в четырех полностью арктических регионах (Мурманская область, НАО, ЯНАО, ЧАО) миграционная убыль постоянного населения за 2010–2023 гг. составила 211,4 тыс. человек². В условиях урбанизации и оттока населения из периферийных территорий сохранение жизнеспособности «убывающих» городов требует не только административных мер, но и активизации социокультурного потенциала как ресурса устойчивости. Как отмечают исследователи, в условиях «антропоцентрической парадигмы» современного развития территорий именно человек становится центральным субъектом трансформации пространства, а его проактивная позиция — условием сохранения территориальной идентичности и предотвращения деградации поселений [Лапин и др., 2022, с. 40–41]. Учитывая данный контекст, под устойчивым развитием арктического города в данной работе понимается прежде всего социально-институциональная устойчивость — способность городской системы сохранять жизнеспособность и адаптивность через развитие гражданской активности, вовлечение жителей в процессы управления и сохранения культурной идентичности в условиях климатических, экономических и демографических трансформаций Арктики. Акцент сделан на социальном измерении устойчивости: именно социокультурный потенциал рассматривается как условие долгосрочной жизнеспособности «убывающих» арктических городов, для которых заселенность и качество жизни населения имеют стратегическое значение для национальной безопасности.

В отличие от западной практики, где акцент делается на гражданскую активность, самоорганизацию и совместное проектирование городской среды [Prateepornnarong, 2025; He и др., 2025], для российской практики характерна недооценка социокультурного потенциала как ресурса устойчивого развития городов [Черныш, Маркин, 2022]. Учитывая приоритетную роль социального измерения в устойчивом развитии городов [Zhao и др., 2023], актуализируется необходимость эффективного использования и целенаправленного развития социокультурного потенциала городских сообществ, в частности через социальное соучастие в развитии города [Певная и др., 2022; Nakano, Washizu, 2021]. Активизация и развитие социокультурного потенциала городов требует глубокого понимания его наличного состояния, проблем и ресурсов для устойчивого развития города. Отдельной научной проблемой является разработка релевантных научных методов для такого анализа.

¹ О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 // Президент России: оф. сайт. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 14.04.2026).

² Численность и миграция населения РФ // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 14.04.2026).

Целью данного исследования является анализ состояния городского социокультурного потенциала и его проактивных возможностей улучшения городской среды для устойчивого развития города (на примере Салехарда, ЯНАО).

Методы

Для выявления реальных ресурсов и барьеров устойчивого развития города необходимо, прежде всего, качественно осмыслить, как горожане через повседневные практики, ценности и формы участия реализуют свой социокультурный потенциал как основу социальной и личной субъектности [Папенков и др., 2019]. В соответствии со спецификой предмета и цели исследования, в качестве методологической базы исследования были выбраны антропосоциокультурный (Н. И. Лапин) и деятельностный (А. Н. Леонтьев) подходы. Методика предполагает видение предмета исследования (социокультурного потенциала города) как условий деятельности и, одновременно, результатов деятельности (включая их рефлексивность субъектом деятельности). К условиям деятельности относятся и выявленные в исследовании представления горожан (как деятелей) о различных сторонах их жизни. Данные представления сгруппированы нами в четыре подгруппы, выделенные по критерию уровня проактивности, отраженного в полученных от горожан формулировках сообщений о 1) состояниях, 2) проблемах, 3) ресурсах или 4) предложениях. Под проактивностью понимается свойство индивидуального или коллективного субъекта принимать ответственность за себя и свою жизнь, нацеленность на упреждение и решение проблем с опорой на осознанные и согласованные ценности. Проактивность выступает внутренним ресурсом, трансформирующимся в практику соучастия — равноправного партнерства граждан и институтов в проектировании и реализации решений для устойчивого развития города [Nakano, Washizu, 2021; Кичерова, Юрина, 2024].

В мировом полидисциплинарном социально-гуманитарном дискурсе для описания соответствующих феноменов и процессов преимущественно используется термин «агентность» [Cavazzoni и др., 2022]. Проактивная позиция респондентов (как членов городского сообщества) является наиболее значимой в оценке социокультурного потенциала устойчивого инновационного развития города [Kapsalis, 2023; Kidron, Vinarski-Peretz, 2024]. К проявлениям проактивной позиции, деятельному социокультурному потенциалу мы относим сообщения о ресурсах и предложениях, отражающих внутренний локус контроля [Galvin, 2018] и стремление улучшать общие условия жизни [Мироненко, Сорокин, 2022]. Количество и качество проактивных сообщений характеризует уровень и направленность деятельного социокультурного потенциала (содержание мотивов, предпочитаемые средства деятельности, характер осуществляемой рефлексии).

Для сбора первичной информации был выбран и применен метод фокус-групп как соответствующий целям совместной рефлексии содержания социокультурного потенциала. Были применены следующие общие требования к составу фокус-групп: оптимальное количество человек для динамичной, продуктивной работы — 8–12, способ отбора — по заданным критериям. Основным методом работы в фокус-группах было

групповое интервью с элементами ситуативной дискуссии между участниками [Беляновский, Никольская, 2022], управляемой модератором с целью поддержания фокуса на предмете обсуждения. Вопросы были предварительно разработаны в соответствии с типологизацией и с присущим группе социокультурным полем деятельности. Подготовленные вопросы позволяли модератору выбирать их вариации в зависимости от ситуативного настроения и готовности группы работать на определенном уровне проактивности: отразить свое состояние по поводу экономической и социальной ситуации в городе, выделить проблемы, найти ресурсы и озвучить конкретные предложения по поводу улучшения перспектив устойчивого развития города. Подробнее описание процедуры, инструкции, вопросы и содержание каждого этапа проведения фокус-групп описаны в гайдах¹.

В итоге высказывания респондентов были проанализированы экспертами, отнесены и сгруппированы по трем блокам аналитических разрезов:

1. Тип высказывания: состояние, проблема, ресурс, предложение. Данный аналитический разрез использовался для выявления специфики социокультурного потенциала с позиций деятельностного подхода (определялся уровень проактивности исследуемой группы по отношению к определенному аспекту развития города). Предложенная типологизация может быть представлена в виде матрицы (рис. 1).
2. Сфера городского устойчивого развития: Экономика и предпринимательство, Социокультурное пространство, Жилищный фонд, Культура, Здравоохранение, Образование, Общество, Рынок труда, Социальная сфера, Цифровизация, Управление городом, Транспортная инфраструктура, Экология. Перечень сфер был сформирован в соответствии с мировой повесткой² и современной научной парадигмой устойчивого городского развития [Karvonen и др., 2021]. Этот разрез использовался при анализе результатов исследования в сочетании с типом высказывания для выявления основного фокуса внимания при анализе проблем или ресурсов развития города.
3. Предмет: конкретизирует предмет обсуждения (например, «интересные места города», «досуг и развлечения», «ведение открытого диалога с администрацией города» и т. п.). Предмет формулируется из аутентичного высказывания участника путем концентрации смысла в более сжатой, точной и ясной форме. Данный аналитический разрез более «точно» позволяет выявить фокус внимания в сфере деятельностных социокультурных отношений. В сочетании с типом высказывания он дает информацию о конкретном предмете проблем, типе ресурса, о содержании рефлексии состояний и предложений. В сочетании

¹ Ljovkina, A., & Detter. 2025. Гайды для фокус-групп // Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18041837>.

² OECD. (2022). Rethinking urban sprawl: Moving towards sustainable cities // OECD Publishing. https://www.oecd.org/en/publications/rethinking-urban-sprawl_9789264189881-en.html (дата обращения: 14.04.2026).

со сферой деятельности дает информацию о конкретных проблемах и ресурсах в каждой отдельно взятой сфере деятельности.

		ПОЗИЦИЯ	
		Констатирующая (осознание и интерпретация фактов)	Деятельная (формирующая) (выбор ресурсов и способа изменений)
РЕФЛЕКСИЯ	Условий деятельности (ориентировка в ситуации)	1. Состояния В какой ситуации находимся? (констатация условий)	2. Ресурсы Чем располагаем для решения противоречий? (выбор ресурсов)
	Предмета деятельности (конкретизация ситуации)	3. Проблемы Какие противоречия нужно решать? (констатация противоречий)	4. Предложения Как будем решать противоречия? (выбор способов действий)

Рис. 1. Матрица проактивности интеллектуальной работы группы

Fig. 1. The proactivity matrix of the intellectual work of the group

Для повышения надежности результатов анализа был применен метод триангуляции через независимое кодирование двумя исследователями с последующей экспертной верификацией расхождений. Перед началом анализа была проведена процедура согласования понимания категорий кодирования на тестовой выборке (10% от общего объема данных), в ходе которой достигнутый уровень согласия составил Cohen’s $\kappa = 0,8$. В ходе основного кодирования расхождения в оценках, возникавшие в 7% случаев, разрешались путем обсуждения или привлечения третьего независимого эксперта. Итоговый коэффициент межэкспертной надежности по всему массиву данных составил Cohen’s $\kappa = 0,95$, что подтверждает устойчивость и воспроизводимость применяемой схемы классификации.

Анализ социокультурного потенциала устойчивого развития был проведен по вышеописанной деятельностной методике на примере арктического города Салехарда экспертами Тюменского государственного университета совместно со специалистами Научного центра изучения Арктики в период 2021–2022 гг. Были выделены три фокус-группы (ФГ), отличающиеся спецификой обсуждаемых вопросов и экспертностью участников: 1) ФГ «Социум», состоящая из обычных граждан Салехарда от 30 до 60 лет; 2) ФГ «Экономика», состоящая из предпринимателей и специалистов администрации, 9 чел., и 3) ФГ «Молодежь», состоящая из школьников и студентов колледжей, 10 чел.

Результаты и обсуждение

В результате проведения фокус-групп было зафиксировано 557 высказываний по 170 предметам (табл. 1).

Табл. 1. Количество и доля высказываний по типам и предметам
Table 1. Number and proportion of statements by type and subject

Типы высказываний	Всего высказываний (кол-во, ед./доля в %)	Кол-во высказываний по ФГ, кол-во, ед. (доля в %)			Кол-во предметов высказываниях
		ФГ «Социум»	ФГ «Экономика»	ФГ «Молодежь»	
Состояние	170 (31%)	41 (25%)	44 (26%)	85 (38%)	49 (29%)
Проблема	214 (38%)	85 (53%)	59 (35%)	70 (31%)	66 (39%)
Ресурс	58 (10%)	22 (14%)	20 (12%)	16 (7%)	28 (16%)
Предложение	115 (21%)	13 (8%)	48 (28%)	54 (24%)	27 (16%)
Итого	557	161 (29%)	171 (31%)	225 (40%)	170

Наибольшая доля высказываний (40% от общего количества) пришлась на ФГ «Молодежь». На 10% меньше высказываний зафиксировано в ФГ «Социум» и ФГ «Экономика». Наибольшая доля (39%) предметов высказываний была сформулирована по поводу различных проблем устойчивого развития города.

Участники ФГ «Молодежь» хотя и сгенерировали наибольшее количество предложений, но при этом высокая доля рефлексивных высказываний типа «состояния» (38%) косвенно указывает на то, что ими слабо осознаны многие городские явления и процессы. Тем не менее данный результат показывает проактивное мировоззрение молодежи, что подтверждает необходимость ее привлечения к выработке городской политики, мероприятий и проектов по решению сложившихся проблем. Наименьшее количество высказываний (161) сгенерировано ФГ «Социум», при этом их наибольшая доля пришлась на формулирование проблем (53%) и наименьшая — на формулирование предложений (всего 8%), что отражает способность и склонность взрослого поколения граждан фиксировать и формулировать проблемы, но не генерировать их конкретные решения. Участники ФГ «Экономика» видят проблемы в обществе и экономике и способны находить ресурсы и вырабатывать предложения для их преодоления. В целом, доля высказываний, относящихся к деятельной позиции (ресурсы и предложения), наибольшая в ФГ «Экономика» (40%) и наименьшая в ФГ «Социум» (22%). Такая ситуация может говорить о том, что молодежь, имеющая достаточно большой потенциал к развитию деятельной позиции (31%) в дальнейшем, при отсутствии партисипативной политики может приобрести склонность к социальной пассивности (как участники ФГ «Социум») или, наоборот, при благоприятных условиях — раскрыть и значительно увеличить деятельный потенциал (как участники ФГ «Экономика»). Данные результаты подтверждают необходимость формирования молодежной и социальной политики, направленной на раскрытие и увеличение конструктивного деятельного потенциала

граждан и необходимость развития эффективных инструментов партисипативного управления.

Учитывая в два раза большее количество сформулированных проблем и состояний (115) по отношению к предложениям и ресурсам (55), можно предположить, что сегодняшний социокультурный потенциал условно предполагает способность генерировать решения для половины значимых аспектов устойчивого развития города, а значит, включение населения в процессы принятия и исполнения решений, направленных на повышение качества жизни в городе, является оправданным и принесет позитивные результаты.

В значительной степени жителей Салехарда волнуют вопросы экономики и управления городом, образования и общественных отношений. В сфере социокультурного пространства чаще всего поднимались вопросы состояния городской среды, информационная открытость, возможности для отдыха и досуга, безопасность, возможность самореализации (см. табл. 2).

Табл. 2. Количество высказываний по сферам деятельности и предметам

Table 2. Number of statements by area of activity and subject

Сфера деятельности	Количество высказываний			Количество предметов		
	Всего	Конст.	Деят.	Всего	Конст.	Деят.
Социокультурное пространство	147	96	51	21	15	6
Экономика и предпринимательство	65	26	39	23	11	12
Управление городом	63	50	13	26	20	6
Образование	48	32	16	12	7	5
Общество	45	38	7	19	15	4
Цифровизация	36	10	26	13	4	9
Рынок труда	28	24	4	10	8	12
Экология	27	25	2	19	4	12
Жилищный фонд	26	26	0	7	7	0
Транспортная инфраструктура	25	20	5	7	5	2
Социальная сфера	23	21	2	10	8	2
Культура	18	10	8	10	5	5
Здравоохранение	6	6	0	3	3	0
ИТОГО	557	384	173	180	112	75

Соотношение «констатирующих» высказываний (384) к «деятельным» (173) показывает преимущественно «наблюдательную (пассивную) позицию» населения по отношению к развитию города. Однако приоритетная позиция меняется в зависимости от обсуждаемой сферы. Так, в жилищной сфере и здравоохранении горожане не смогли выявить ресурсы и сделать предложения по очевидным для них проблемам. Низкий уровень проактивности населения наблюдается в сферах управления городом, рынка труда,

экологии и в социальной сфере. Наиболее высокий уровень актуализации деятельного социокультурного потенциала проявляется в сфере экономики и цифровизации. Так, в сфере цифровизации было сформулировано «дейтельных» высказываний в 2,6 раза больше, чем «констатирующих», что говорит о высоком уровне готовности горожан подключаться к социоконструированию умных технологий для устойчивого развития города.

Для выявления ключевых конкретных проблем и возможностей развития города проведен анализ по типам и предметам высказываний¹. Перечень первых пяти (в ранжированном по убыванию списке) предметов высказываний по основным состояниям и проблемам, ресурсам и предложениям жителей города Салехарда представлен в табл. 3. Наибольший интерес, беспокойство и внимание салехардцев вызывают вопросы, относящиеся к сфере социокультурного пространства, образования, безопасности.

Табл. 3. Топ-5 предметов обсуждения жителей г. Салехарда, количество высказываний по итогам фокус-групп

Table 3. Top 5 discussion subjects of Salekhard citizens, statements number based on the results of the focus groups

Предмет	Тип	ФГ «Социум»	ФГ «Экономика»	ФГ «Молодежь»	Итого
Совместное создание и развитие востребованных досуговых объектов и мероприятий	предложение	1	0	26	27
Нехватка объектов досуга и культурных событий, ориентированных на интересы различных групп	проблема	0	8	9	17
Мало мест и возможностей для досуга, самореализации и развлечения	проблема	6	0	9	15
Образовательная миграция	состояние	0	0	11	11
Недостаточно мер профилактики и контроля за безопасностью в городе	проблема	0	0	11	11
Необходимость развития производства уникальных северных продуктов	предложение	0	10	0	10

¹ Ljovkina, A., & Detter, G. (2025). Результаты фокус-групп, г. Салехард [Data set] // Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18041620>.

Наибольшей проблемой для жителей города является нехватка объектов досуга и культурных событий, ориентированных на интересы различных групп (17)¹, а также нехватка мест и возможностей для досуга, самореализации и развлечения (15). Данные проблемы, в основном, обозначаются молодежью. Также часто упоминаются проблемы развития городского пространства и среды (10), нехватки объектов спортивной инфраструктуры (5), несоответствия культурно-массовых мероприятий и объектов актуальным запросам жителей города (5), невовлеченности молодежи в процессы развития города (4), отсутствия больших торговых центров (4).

Молодежь негативно оценивает отсутствие в городе организаций высшего образования и выражает готовность к образовательной миграции (11). Более детальный анализ проблем в сфере образования выявляет также несоответствие образования потребностям рынка (5), неудовлетворенную потребность в разнообразных развивающих курсах и ДПО для молодежи (5), нехватку учреждений высшего образования (4). Данные результаты подтверждают тезис об отсутствии сегодня в арктических городах полноценно функционирующей образовательной и инновационной среды [Смиреникова и др., 2021].

Не менее острой темой в сфере социокультурного пространства является безопасность. В частности, в ФГ «Молодежь» проблема нехватки мер профилактики и контроля за безопасностью в городе упоминалась 11 раз, нехватка безопасных и доступных мест для досуга и самореализации молодежи — 9 раз. Кроме того, часто высказывалась потребность подростков в поддержке психологических и социальных служб (9). Углубленный анализ наиболее частых высказываний в ФГ «Молодежь» и ФГ «Социум» также показывает высокую значимость проблем воспитания и подростковой агрессии (5), низкого качества охраны в учреждениях (4) и вандализма (2).

Следующим по значимости выделено состояние «суровые природные условия и климат» (9), озвученное в большей мере молодежью. Вместе с тем часто взрослыми горожанами отмечается красота и близость к природе (3). В экологической сфере горожан более всего волнуют проблемы мусора на территории города (4) и его переработки (3), а также недостаток объектов санитарии (4).

Следующие значимые проблемы отмечаются на рынке труда: нехватка специалистов в производственной сфере в результате конкуренции с бюджетными отраслями (8) и нехватка квалифицированных кадров в целом (5). Участники ФГ «Молодежь» часто упоминают ограниченные возможности трудоустройства для молодежи (5), а участники ФГ «Экономика» — нехватку интересных вакансий для молодежи (2). Нередко отмечаемыми проблемами в сфере экономики также являются высокая стоимость аренды помещений (5), необходимость диверсификации экономики (3), брендинга для развития туризма (3). Также молодежь поднимает проблему недостаточности возможностей для ведения бизнеса, в том числе социального (2).

¹ Здесь и далее в скобках указывается количество высказываний, относящихся к конкретной проблеме.

Наиболее острые проблемы в сфере жилья и ЖКХ: аварийное, ветхое жилье (7), нехватка доступного жилья (4), недостаток нового строительства (4), нового красивого жилья (6), высокая стоимость жилья (2). Примечателен тот факт, что горожане подняли важную и общеобсуждаемую проблему жилья, но не поставили ее на первое место, отдавая приоритет обсуждению вопросов досуга, образования, безопасности и трудоустройства.

В сфере управления городом горожане часто отмечают нехватку эффективных механизмов совместного принятия решений и контроля их выполнения (7), недостаточную информированность граждан о городских событиях, планах и проектах (4), необходимость проактивной результативной деятельности в управлении (4), нехватку информации и понимания стратегических и текущих планов и проектов (3), изменчивость стратегии, проектов, процессов и задач при смене власти (2). В то же время отмечались и частые позитивные констатирующие высказывания, например, текущая стратегия нацелена на создание комфортных условий для жизни (3). В целом горожане ощущают недостаток своего участия в управлении городом, непонимание действий властей, что, на наш взгляд, тесно связано с общими негативными социально-психологическими состояниями, такими как «опасения „умирания“ города» (2).

Следующей по уровню значимости для горожан идет проблема недостаточно развитой транспортной инфраструктуры города (6), сопутствующие проблемы низкого качества дорог (5), необходимости увеличения числа теплых остановок (4), а также ряд проблем, связанных с возможностью выезда из города. Горожане признают необходимость совершенствования существующих цифровых ресурсов для их большей таргетированности и эффективности (3), участники ФГ «Молодежь» испытывают «потребность в удобном едином цифровом ресурсе для молодежи» (5).

Анализ предметов обсуждения выявляет первоочередные сферы актуализации деятельного социокультурного потенциала жителей города. Молодежь активно предлагает решение проблем в части досуга и комфортности городской среды путем совместного создания и развития востребованных досуговых объектов и мероприятий (27 предложений). Участники ФГ «Экономика» сформулировали 10 предложений по развитию производств уникальных северных продуктов и инноваций, ориентированных на северную специфику. Все участники фокус-групп отмечали возможности города в развитии туризма (9), но не сформулировали конкретных предложений. Часто отмечаемая необходимость комфортных условий для молодежи и продвижения их инициатив (9) и необходимость эффективных мер поддержки малого бизнеса (9) означает, что люди готовы решать вместе с городом стоящие перед ним проблемы из деятельной позиции, но необходимо создание благоприятных условий и эффективных механизмов в управлении городом. Участниками ФГ «Социум» и «Экономика» высказывается необходимость прозрачной, понятной и результативной стратегии развития города (6).

Участники показали высокий уровень готовности совместно решать проблемы нехватки озеленения, парков и уютного оформления пространства (8).

В целях устойчивого развития города необходимость доступного и востребованного высшего образования (5), для чего необходим «мониторинг востребованных профессий и подготовка соответствующих кадров» (3). Молодежь считает, что нужно повышать доступность различных дополнительных курсов для профессионального и личного развития (5).

В сфере цифровизации отмечается ресурс наличия действующих механизмов решения проблем через обращения в социальных сетях и онлайн-технологии (4), однако существует потребность в удобном едином ресурсе для взаимодействия населения и администрации города (5) и дальнейшем развитии цифрового взаимодействия администрации города и населения (3), что означает недостаточную эффективность действующих интернет-ресурсов обратной связи с населением. Интерес молодежи к умным технологиям (5) формирует ресурс развития цифровизации и реализации концепции «умного города» в Салехарде. В сфере безопасности участниками активно поддерживается идея необходимости расширения видеонаблюдения в городе (3).

Анализ ресурсов также показал, что важным ресурсом развития города являются «любовь к городу», «потребность быть полезным для города и жителей», «развитие взаимопомощи и поддержки», «сильное ощущение себя частью городского сообщества». ФГ «Экономика», в свою очередь, видит ресурсы для развития бизнеса с учетом финансовой и организационной поддержки малого и среднего предпринимательства, предоставляемой органами местного самоуправления.

В итоге результаты фокус-групп были обработаны в форме таблицы SWOT-анализа с точки зрения выявления сильных сторон (ресурсы), слабых сторон (негативные состояния, внутренние проблемы), угроз (внешние проблемы) и возможностей (позитивные состояния, предложения)¹ и дополнены экспертной информацией. Далее SWOT-анализ был операционализирован нами в форме программы социокультурного развития города Салехарда², предусматривающей активизацию, развитие и эффективное использование социокультурного потенциала города. Предложенная программа позволяет решить проблемы устойчивого развития города, обозначенные в Стратегии социально-экономического развития Салехарда³, более эффективно в соответствии с современными успешными практиками обоснованного и прозрачного планирования и партисипативного городского развития [Stradling, 2023].

¹ Detter, G., & Ljovkina, A. (2025). SWOT анализ результатов ФГ, г. Салехард // Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18041753>.

² Detter, G., & Ljovkina, A. (2025). Дополнения к программе устойчивого развития города (г. Салехард) // Zenodo. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18041811>.

³ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития муниципального образования город Салехард до 2030 года: Решение Городской думы города Салехарда от 21.12.2018 № 91 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://salekhard.org/city/socs/strategiya-razvitiya-mo> (дата обращения: 14.04.2026).

Заключение

В результате исследования получены данные о состоянии городского социокультурного потенциала и его проактивных возможностей, необходимые для разработки научно обоснованной политики в сфере устойчивого развития города (на примере г. Салехарда):

1. Выявлен уровень готовности жителей к участию в управлении городом при текущих процессах и механизмах управления; определены сферы, в которых преобладает социальная пассивность, настроенность ждать готовых решений от органов власти и повышенные требования к ним.
2. В то же время в части вопросов городского хозяйства и благоустройства общество готово активно включиться в работу. Для этого, в первую очередь, необходима поддержка инициатив молодежи, которая является основным драйвером изменений. Одновременно это может способствовать снижению образовательной миграции молодежи.
3. Социокультурный потенциал выезжающей молодежи замещается временным населением, активно привлекаемым муниципальными органами власти. Социокультурный потенциал временного населения еще не исследован, однако фокус-группами отмечено снижение проактивности горожан, в связи с чем целесообразно изучение установок и стратегий поведения жителей города, прибывших из других мест для временного исполнения трудовых функций.
4. При поддержке инициатив населения бизнесом и администрацией города возможно повышение качества жизни в городе. Для этого необходимы изменения городской политики взаимодействия с гражданским обществом, молодежью в частности, их включение в цепочки разработки стратегии развития города и участия в ее реализации.
5. Социокультурный потенциал является одним из необходимых факторов достижения высокого уровня личной и коллективной безопасности. Чувство общности ценностей и сплоченности посредством вовлечения в разработку и осуществление мероприятий, направленных на повышение безопасности, способны поддержать действия городских властей по повышению безопасности города при меньших затратах бюджетных средств.
6. Экономика Салехарда ограничена локальными рынками, высокой конкуренцией со стороны интернет-торговли, федеральных торговых сетей и крупных строительных компаний. Развитие въездного туризма и производства уникальных северных продуктов определяется жителями одним из перспективных направлений развития устойчивой экономики города.

Результаты SWOT-анализа фокус-групп и его дальнейшей операционализации в форме мер, нацеленных на актуализацию и развитие социокультурного потенциала Салехарда, позволяют разрабатывать научно обоснованные человекоцентрированные стратегии развития города, нацеленные на повышение качества жизни людей и предусматривающие соучастие различных слоев населения и бизнеса в развитии города.

Список источников

- Беляновский С. А., Никольская А. В. 2022. К дискуссии о фокус-группах // Мониторинг Общественного Мнения: Экономические и Социальные Перемены. № 3. С. 373–393. <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2022.3.1994>.
- Кичерова М. Н., Юрина Е. А. 2024. Соучаствующее проектирование как фактор развития пространства города // Социология города. № 2. С. 5–18. https://doi.org/10.35211/19943520_2024_2_5.
- Лапин Н. И. 2020. О стратегии становления социально сильного государства и развитии гражданско-общественной культуры населения России // Экономическое возрождение России. Т. 4. № 66. С. 13–22. https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2021/02/EVR_4_2020-ALL.pdf (дата обращения: 14.04.2026).
- Лапин Н. И., Вележева Л. А., Шабунова А. А. (ред.) 2022. Социокультурная эволюция России: 30 лет исследований. М.: Весь мир. 190 с. ISBN 978-5-7777-0876-2.
- Мироненко И. А., Сорокин П. С. 2022. Проблема проактивности личности во взаимодействии со средой в современном международном дискурсе // Психологический журнал. Т. 4. № 43. С. 79–89. <https://doi.org/10.31857/S020595920021483-7>.
- Недосека Е. В., Шарова Е. Н., Шорохов Д. М. 2024. Убывающие города российской Арктики: статистические тренды и публичный дискурс о причинах оттока населения // Арктика и Север. № 54. С. 169–189. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169>.
- Папенков К. В., Никоноров С. М., Ситкина К. С. 2019. Устойчивое развитие городов. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. 288 с. ISBN 978-5-906932-27-3.
- Певная М. В., Шуклина Е. А., Черникова-Бука М. 2022. Участие студенчества в социокультурном развитии города: проблемы социокультурной субъектности (на материалах международного исследования // Социологические исследования. № 5. С. 101–113. <https://doi.org/10.31857/S013216250018512-6>.
- Смиренникова Е. В., Уханова А. В., Воронина Л. В. 2021. Оценка демографического потенциала арктических регионов Российской Федерации в контексте инновационного развития // Арктика: экология и экономика. Т. 11. № 1. С. 19–29. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-1-19-29>.
- Черныш М. Ф., Маркин В. В. (ред.) 2022. Социокультурный потенциал малых городов России. М.: ФНИСЦ РАН. 212 с. <https://doi.org/10.19181/sbornik.978-5-89697-401-7.2022>.
- Cavazzoni F., Fiorini A., Veronese G. 2022. How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency // Social Indicator Research. Vol. 159. Pp. 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>.
- Galvin B. M. 2018. Changing the focus of locus (of control): A targeted review of the locus of control literature and agenda for future research // Journal of Organizational Behavior. Vol. 39. No. 7. Pp. 820–833. <https://doi.org/10.1002/job.2275>.
- Han M. J. N., Kim M. J. 2025. A smart social sustainability model for smart city to enhance human context experience // Cities. No. 159. Pp. 105788. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.105788>.
- He Y., Li Z., Wang X., Chen X. 2025. Government investment, human capital flow, and urban innovation: Evidence from smart city construction in China // International Review of Financial Analysis. No. 99. Pp. 103916. <https://doi.org/10.1016/J.IRFA.2025.103916>.

- Kapsalis T. 2023. Promoting sustainable futures through community proactivity: The social impact // *Societal Impacts*. Vol. 1. No. 1–2. Pp. 100015. <https://doi.org/10.1016/j.soci-mp.2023.100015>.
- Karvonen A., Cvetkovic V., Herman P. et al. 2021. The “New Urban Science”: Towards the interdisciplinary and transdisciplinary pursuit of sustainable transformations // *Urban Transformations*. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–13. <https://doi.org/10.1186/S42854-021-00028-Y>.
- Kidron A., Vinarski-Peretz H. 2024. Linking psychological and social capital to organizational performance: A moderated mediation of organizational trust and proactive behavior // *European Management Journal*. Vol. 42. No. 2. Pp. 245–254. <https://doi.org/10.1016/J.EMJ.2022.11.008>.
- Nakano S., Washizu A. 2021. Will smart cities enhance the social capital of residents? The importance of smart neighborhood management // *Cities*. Vol. 115. Pp. 103244. <https://doi.org/10.1016/J.CITIES.2021.103244>.
- Prateppornnarong D. 2025. Cities and sustainability: Exploring contributions, opportunities and challenges of smart city implementation towards social sustainability // *Urban Governance*. Vol. 5. No. 1. Pp. 69–78. <https://doi.org/10.1016/j.ugj.2025.02.005>.
- Shen L., Ochoa J., Bao H. 2023. Strategies for sustainable urban development — exploring innovative approaches for a liveable future // *Buildings*. Vol. 13. No. 3. Pp. 764–764. <https://doi.org/10.3390/buildings13030764>.
- Stradling D. 2023. Reimagining urban sustainability scholarship // *Journal of Urban Affairs*. Vol. 45. No. 7. Pp. 1387–1390. <https://doi.org/10.1080/07352166.2022.2148784>.
- Zhao P., Ali Z. M., Ahmad Y. 2023. Developing indicators for sustainable urban regeneration in historic urban areas: Delphi method and Analytic Hierarchy Process (AHP) // *Sustainable Cities and Society*. Vol. 99. Pp. 104990. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2023.104990>.

References

- Belyanovskij, S.A., Nikol'skaya, A.V. (2022). To the discussion of focus groups. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 373–393. <https://doi.org/10.14515/MONITORING.2022.3.1994> [In Russian]
- Kicherova M. N., & Yurina E. A. (2024) Participatory planning as a factor in the development of urban space. *Urban Sociology*, 2, 5–18. https://doi.org/10.35211/19943520_2024_2_5 [In Russian]
- Lapin, N. I. (2020). On the strategy for establishing a socially strong state and developing the civic and public culture of the Russian population. *Economic Revival of Russia*, 4(66), 13–22. Retrieved April 14, 2026, from https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2021/02/EVR_4_2020-ALL.pdf [In Russian]
- Lapin, N. I., Velezheva, L. A., & Shabunova, A. A. (Eds.). (2022). *Sociocultural Evolution of Russia: 30 Years of Research*. Ves Mir. [In Russian]
- Mironenko, I. A., & Sorokin, P. S. (2022). The problem of human agency in contemporary international science. *Psychological journal*, 43(4), 79–89. <https://doi.org/10.31857/S020595920021483-7> [In Russian]
- Nedoseka, E. V., Sharova, E. N., & Shorokhov, D. M. (2024). Shrinking cities of the Russian Arctic: Statistical trends and public discourse on the causes of population outflow. *Arctic and North*, 54, 169–189. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.54.169> [In Russian]

- Papenov, K. V., Nikonorov, S. M., & Sitkina, K. S. (2019). *Sustainable Urban Development*. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics. [In Russian]
- Pevnaya, M. V., Shuklina, E. A., & Chernikova-Buka, M. (2022). students' participation in the socio-cultural development of the city: Socio-cultural agency issues (international research perspectives). *Sociological Studies*, 5, 101–113. <https://doi.org/10.31857/S013216250018512-6> [In Russian]
- Smirennikova, E. V., Ukhanova, A. V., & Voronina, L. V. (2021). Assessment of the demographic potential of the Arctic regions of the Russian Federation in the context of innovative development. *Arctic: Ecology and Economy*, 11(1), 19–29. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-1-19-29> [In Russian]
- Chernysh, M. F., & Markin, V. V. (Eds.). (2022). *Sociocultural Potential of Small Towns in Russia*. Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. <https://doi.org/10.19181/sbornik.978-5-89697-401-7.2022> [In Russian]
- Cavazzoni, F., Fiorini, A., & Veronese, G. (2022). How do we assess how agentic we are? A literature review of existing instruments to evaluate and measure individuals' agency. *Social Indicator Research*, 159, 1125–1153. <https://doi.org/10.1007/s11205-021-02791-8>
- Galvin, B. M. (2018). Changing the focus of locus (of control): A targeted review of the locus of control literature and agenda for future research. *Journal of Organizational Behavior*, 39(7), 820–833. <https://doi.org/10.1002/job.2275>
- Han, M. J. N., & Kim, M. J. (2025). A smart social sustainability model for smart city to enhance human context experience. *Cities*, 159, 105788. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.105788>
- He, Y., Li, Z., Wang, X., & Chen, X. (2025). Government investment, human capital flow, and urban innovation: Evidence from smart city construction in China. *International Review of Financial Analysis*, 99, 103916. <https://doi.org/10.1016/J.IRFA.2025.103916>
- Kapsalis, T. (2023). Promoting sustainable futures through community proactivity: The social impact. *Societal Impacts*, 1(1–2), 100015. <https://doi.org/10.1016/j.socimp.2023.100015>
- Karvonen, A., Cvetkovic, V., Herman, P. et al. (2021). The “New Urban Science”: Towards the interdisciplinary and transdisciplinary pursuit of sustainable transformations. *Urban Transformations*, 3(1), 1–13. <https://doi.org/10.1186/S42854-021-00028-Y>
- Kidron, A., & Vinarski-Peretz, H. (2024). Linking psychological and social capital to organizational performance: A moderated mediation of organizational trust and proactive behavior. *European Management Journal*, 42(2), 245–254. <https://doi.org/10.1016/J.EMJ.2022.11.008>
- Nakano, S., & Washizu, A. (2021). Will smart cities enhance the social capital of residents? The importance of smart neighborhood management. *Cities*, 115, 103244. <https://doi.org/10.1016/J.CITIES.2021.103244>
- Prateppornnarong, D. (2025). Cities and sustainability: Exploring contributions, opportunities and challenges of smart city implementation towards social sustainability. *Urban Governance*, 5(1), 69–78. <https://doi.org/10.1016/j.ugj.2025.02.005>
- Shen, L., Ochoa, J., & Bao, H. (2023). Strategies for sustainable urban development — exploring innovative approaches for a liveable future. *Buildings*, 13(3), 764–764. <https://doi.org/10.3390/buildings13030764>
- Stradling, D. (2023). Reimagining urban sustainability scholarship. *Journal of Urban Affairs*, 45(7), 1387–1390. <https://doi.org/10.1080/07352166.2022.2148784>

Zhao, P., Ali, Z. M., & Ahmad Y. (2023). Developing indicators for sustainable urban regeneration in historic urban areas: Delphi method and Analytic Hierarchy Process (AHP). *Sustainable Cities and Society*, 99, 104990. <https://doi.org/10.1016/j.scs.2023.104990>

Информация об авторах

Анастасия Олеговна Лёвкина, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
a.o.lyovkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9938-5822>

Геннадий Филиппович Деттер, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Научного центра изучения Арктики, Салехард, Россия
detter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2590-0243>

Вадим Евгеньевич Лёвкин, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
v.e.levkin@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5056-9946>

Information about the authors

Anastasia O. Ljovkina, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen, Tyumen, Russia
a.o.lyovkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9938-5822>

Gennadii F. Detter, Cand. Sci. (Econ.), Lead Researcher, Arctic Research Center, Salekhard, Russia
detter@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2590-0243>

Vadim E. Ljovkin, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
v.e.levkin@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5056-9946>

Спортивные ставки как социальный феномен: отношение к ним населения и мотивы участия

Андрей Сергеевич Лимарь[✉], Галина Зиновьевна Ефимова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: stud0000248542@study.utmn.ru[✉]

Аннотация. В статье рассматривается букмекерство и ставки на спорт как социальный феномен, формирующийся на пересечении экономических, культурных и институциональных процессов. Анализируется противоречивый характер общественного отношения к букмекерской деятельности. Теоретическую основу исследования составляют классические и современные социологические подходы к анализу игры, девиантного поведения, социального неравенства и рационализации экономических практик. Основное внимание уделяется мотивации участия в спортивных ставках, роли социального окружения, медиа и цифровых коммуникаций в процессе вовлечения. Рассматриваются финансовые и нефинансовые стимулы участия, эмоционального вовлечения, а также особенности доверия к рекламным и неформальным источникам информации. Материал исследования основан на данных социологического опроса, проведенного в г. Тюмени, рассмотрены взаимосвязи между социальным контекстом вовлечения, мотивацией участия и субъективной оценкой последствий ставок. Анализируется спектр социальных и экономических последствий участия в букмекерских практиках, а также стратегии ограничения или прекращения участия. В заключении определяется место букмекерства в структуре современных досуговых и экономических практик, его роль в воспроизводстве социальных различий и формировании амбивалентного общественного отношения к азартным играм.

Ключевые слова: социология азартных игр, букмекерские конторы, ставки на спорт, беттинг, гэмблинг, азартное поведение, игровые практики

Благодарности: Дурных К. А. за консультативную помощь при подготовке статьи.

Цитирование: Лимарь А. С., Ефимова Г. З. 2026. Спортивные ставки как социальный феномен: отношение к ним населения и мотивы участия // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 58–77. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-58-77>

Поступила 09.02.2026; одобрена 13.03.2026; принята 08.05.2026

Sports betting as a social phenomenon: Public attitudes and motivation for participation

Andrey S. Limar[✉], Galina Z. Efimova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: stud0000248542@study.utmn.ru[✉]

Abstract. This article examines bookmaking and sports betting as a social phenomenon emerging at the intersection of economic, cultural, and institutional processes. It analyzes the contradictory nature of public attitudes toward bookmaking. The theoretical basis of the study is formed by classical and modern sociological approaches to the analysis of gambling, deviant behavior, social inequality, and the rationalization of economic practices. The main focus is on the motivation for participation in sports betting, the role of the social environment, media, and digital communications in the process of involvement. Financial and non-financial incentives for participation, emotional involvement, as well as the characteristics of trust in advertising and informal sources of information are considered. The study is based on data from a sociological survey conducted in Tyumen and examines the relationships between the social context of involvement, motivation for participation, and subjective assessment of the consequences of betting. The range of social and economic consequences of participation in bookmaking practices, as well as strategies for limiting or terminating participation, are analyzed. In conclusion, the place of bookmaking in the structure of modern leisure and economic practices, its role in the reproduction of social differences and the formation of ambivalent public attitudes towards gambling are determined.

Keywords: gambling sociology, bookmaking companies, sports betting, betting, gambling, gambling behavior, gaming practices

Acknowledgements: to Durnykh K. A. for advisory assistance in the article preparation.

Citation: Limar, A. S., & Efimova, G. Z. (2026). Sports betting as a social phenomenon: Public attitudes and motivation for participation. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 58–77. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-58-77>

Received Feb. 9, 2026; Reviewed Mar. 13, 2026; Accepted May 8, 2026

Введение

Отношение населения к деятельности букмекерских контор формируется в контексте многовековой истории азартных игр, прошедшей путь от стихийных пари до рационализированной индустрии. Эта эволюция находит отражение в иерархической структу-

ре ключевых понятий: родового гэмблинга, охватывающего все формы игр на деньги с неопределенным исходом; его видовой формы — беттинга, предполагающего ставку на прогноз исхода реального (преимущественно спортивного) события; и, наконец, букмекерства как институционализированного подвида беттинга, организованного через профессиональных посредников, формирующих коэффициенты и фиксирующих пари.

Теоретические подходы к анализу букмекерства в социологии

Интерес к азартному поведению как форме социальной активности получил теоретическое осмысление задолго до цифровых платформ, прежде всего в рамках классических исследований игры и риска [Хэйзинга, 1997]. Уже в XVIII–XIX вв., с формированием городских культур досуга и коммерциализацией развлечений, игры на деньги становятся объектом анализа философов и экономистов, изучавших связь азарта с денежными отношениями и социальным взаимодействием [Зиммель, 1999]. В этих интерпретациях азарт выступает не просто развлечением, а сложной моделью социального взаимодействия, объединяющей риск, ожидание выгоды, соревнование и постоянное сравнение себя с другими.

Подход М. Вебера к социальному действию позволяет объяснить мотивацию участников букмекерских практик. Поведение игроков редко сводится к чисто целерациональному расчету прибыли. Чаще в нем переплетаются иные типы мотивации: ценностно-рациональное стремление доказать свою осведомленность, аффективное желание испытать азарт, а также традиционные паттерны (например, ритуал ставки на «свою» команду). Для многих ставки становятся способом выйти за рамки повседневной рутины. Одновременно идеи Вебера о рационализации описывают развитие самой индустрии, которая, используя цифровые технологии и алгоритмы, превращает игру в четко организованный процесс [Филиппов, Вебер, 2008].

Теория демонстративного потребления Т. Веблена позволяет рассматривать ставки через социально-символическую призму. Для части игроков они становятся формой престижного поведения. Участие может выполнять функцию самопрезентации: демонстрировать вовлеченность в спортивную повестку, осведомленность, принадлежность к определенному кругу. В этом контексте ставка — не столько попытка заработать, сколько символический акт, подтверждающий социальную идентичность [Веблен, 1984].

Идеи П. Бурдьё дополняют анализ, позволяя учитывать конвертацию различных капиталов в букмекерских практиках. Габитус, сформированный доступом к этим капиталам и социальной средой, определяет, воспринимается ли ставка как эпизодический риск, интеллектуальное хобби или стратегия престижа. Финансовые возможности задают границы участия, однако важен и культурный капитал — знание спорта, умение интерпретировать статистику, ориентироваться в коэффициентах. Существенную роль играет социальная среда: общение с другими игроками, обсуждение прогнозов. Сочетание этих факторов формирует устойчивые привычки и определяет, станет ли ставка регулярной практикой, формируя специфический габитус игрока [Бурдьё, 2001].

Концепция аномии Р. Мертонa, развивающая идеи Э. Дюркгейма, позволяет интерпретировать букмекерство как девиантную реакцию на разрыв между социально одобряемыми целями (материальный успех) и легитимными возможностями их достижения

[Merton, 1938]. В условиях экономической нестабильности и ограниченных шансов на социальный подъем ставки воспринимаются как быстрый альтернативный способ улучшить свое положение. Такая логика делает участие в букмекерских практиках привлекательным, но повышает риск формирования проблемного поведения, когда надежда на выигрыш подменяет системные стратегии достижения успеха.

Зарубежные исследования анализируют букмекерство и азартные практики. Например, Д. Котт рассматривает азартные игры как форму повседневного риска и эмоционального потребления. Р. Смит фокусируется на социальных и культурных механизмах вовлечения, включая влияние групповых норм и медиа. Ф. Престон исследует игровую зависимость как социально обусловленное явление, укорененное в организации индустрии. В работах К. Ли и других подчеркивается роль цифровых платформ в формировании современных форм вовлеченности [Волкова, Стребков, 2011]. В целом эти исследования сосредоточены на институциональных и технологических факторах, конструирующих современные практики.

В отечественной социологии азартные игры и букмекерская сфера традиционно изучаются на стыке нескольких направлений — социологии игры, анализа девиантного поведения и изучения социокультурных трансформаций. Важную теоретическую основу заложили идеи Р. Кайуа, который трактовал игру как символическую активность, регулируемую нормами и встроенную в культурный порядок. Его типология игровых практик, в частности сочетание соревновательного расчета (*agon*) и риска случая (*alea*), позволяет рассматривать букмекерство как значимую практику, а не пустое развлечение [Кайуа, 2007].

Развитие данных идей в российской научной традиции связано с работами В. А. Аликина, Л. А. Тюриной и С. Н. Зенкина. В их исследованиях игровые практики описываются как устойчивые, институционализированные способы организации досуга, риска и соревнования, укорененные в социальной структуре [Аликин, 2016; Зенкин, 2007; Тюрина, 2020]. В рамках такой логики букмекерство предстает не случайным или маргинальным явлением, а институционально оформленной формой игры, в которой переплетаются элементы развлечения, расчета и социального взаимодействия.

Отдельное направление рассматривает гэмблинг как социальную проблему. В работах В. Э. Волковой, Д. О. Стребкова, Е. М. Осипова и А. Е. Гришиной анализируются риски азартного поведения: финансовые потери, рост долгов и социальная дезадаптация. Исследования связывают игровую вовлеченность с социальной стратификацией и экономическим положением, показывая, что зависимость формируется не только на индивидуальном уровне, но и под влиянием структурных факторов [Волкова, Стребков, 2011; Осипов, 2009а, 2009б; Гришина, 2020].

Другое направление посвящено букмекерству как специфическому феномену современной России. В работах Н. С. Орлова, А. Б. Фахретдиновой и Д. Р. Насибуллиной оно анализируется как часть молодежной культуры и медиасреды, связанная с цифровыми платформами и спортивным контентом. Исследователи отмечают рост доступности ставок, их встраивание в онлайн-пространство и амбивалентное восприятие, при котором признание легального статуса индустрии сочетается с запросом на усиление государственного контроля [Орлов, 2016; Фахретдинова, Насибуллина, 2022].

Рассмотренный теоретический и исследовательский контекст обозначает букмекерство как комплексный социальный феномен, находящийся на пересечении повседневных практик досуга, экономических стратегий, культурных трендов и зоны социального риска. Этот синтез подходов и задает основную оптику для анализа эмпирических данных в данной работе.

Историческая эволюция букмекерства: от античности к цифровой эре

Практика заключения ставок на исход событий зародилась в глубокой древности. Ярким примером могут служить гонки колесниц в Древнем Риме и Греции. Однако оформление отрасли произошло значительно позже, в Великобритании XVIII–XIX вв., где скачки стали катализатором появления профессиональных букмекеров. Переход от эпизодических пари к профессиональной деятельности связан с институционализацией букмекерства. Ключевым примером считается деятельность Г. Огдена в 1790-е гг.: он организовал коммерческий прием ставок с выставлением коэффициентов на скачках в Ньюмаркете. Эта практика стала прототипом современной системы фиксированных коэффициентов и положила начало индустрии ставок как формализованному социально-экономическому институту¹.

Ключевым правовым рубежом в развитии индустрии азартных игр стал британский закон «Betting and Gaming Act» (1960 г.), легализовавший сеть пунктов приема ставок и создавший модель лицензированного рынка. Эта модель распространилась в Австралии, Европе и других регионах, нередко сосуществуя с государственными монополиями. Новый сдвиг произошел в конце XX в. с цифровой революцией: онлайн-платформы и мобильные приложения демократизировали доступ, глобализировали предложение и добавили к традиционным ставкам киберспортивные и виртуальные события.

Таким образом, букмекерство представляет собой исторически сложившуюся, регламентированную форму реализации базового человеческого стремления к азарту. Его развитие за рубежом детерминировано триадой факторов: адаптацией законодательства, технологическими инновациями и интеграцией в медиа окружение, что привело к формированию сложной, высококонкурентной рыночной экосистемы.

Становление и современное состояние рынка ставок в России

В России первые ставки на спорт появились в дореволюционный период и получили распространение среди привилегированных слоев общества (аристократии, купцов и состоятельных горожан) и преимущественно связаны со скачками, как элитным досугом. После революции азартные практики фактически запрещены советской властью, и лишь во второй половине XX в. в СССР начали возрождаться легальные формы ставок, такие как лотерея «Спортлото» (1970 г.) и Всесоюзный спортивный тотализатор «Спортпрогноз» (1989 г.). Современное частное букмекерство начало формироваться в России на рубеже 1980–1990-х гг. в условиях перехода к рыночной экономике. В начале 1990-х гг. первые частные букмекерские конторы действовали в условиях правового вакуума и не имели четкого легального статуса. Системное государственное регули-

¹ The History of The First Professional Bookmakers // Local Histories. 2023. <https://localhistories.org/the-history-of-the-first-professional-bookmakers/> (дата обращения: 21.12.2025).

рование букмекерской деятельности введено в 2000-х гг. с принятием Федерального закона № 244¹, который закрепил правовые основы функционирования букмекерских контор и тотализаторов. Последующие изменения законодательства в 2010-е гг., включая регулирование интерактивных ставок, способствовали формированию институционально оформленного легального букмекерского рынка в России².

Со временем букмекерство вышло за рамки маргинального развлечения и оформилось как полноценный социально-экономический институт, встроенный в повседневную культуру. Эта сфера стала одним из ключевых каналов легализации и нормализации азартного поведения, оказывая значительное влияние на стили досуга, общественные установки и финансовые потоки. В последние годы рост рынка ставок на спорт приобрел системный характер. По данным Единого регулятора азартных игр (ЕРАИ), совокупный валовой игровой доход (англ. GGR) легальных букмекерских контор в Российской Федерации составил 302,1 млрд руб. в 2023 г., увеличившись до 414,9 млрд руб. в 2024 г., что свидетельствует о значительном росте прибыльности отрасли. За 9 месяцев 2025 г. GGR достиг 316,3 млрд руб., что указывает на сохранение восходящей динамики даже в условиях нестабильной социально-экономической среды. Рост данных показателей подтверждает дальнейшее укрепление букмекерского сектора как значимого сегмента рынка легальных азартных игр в России³.

Исследователи отмечают, что в странах с развитой игровой индустрией (США, Канада) доходы государства от азартных игр сопоставимы или превышают поступления от других сегментов индустрии развлечений, что подчеркивает их фискальную значимость [Волкова, Стребков, 2011]. Сумма ставок, принятых букмекерскими конторами, становится важным индикатором масштабов и интенсивности функционирования рынка. По данным Единого регулятора азартных игр, в России этот объем составил 1,224 трлн руб. в 2023 г. и вырос до 1,734 трлн руб. в 2024 г. За 9 месяцев 2025 г. показатель достиг 1,397 трлн руб.⁴ Динамика показывает замедление роста: если в 2024 г.

¹ О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ // КонсультантПлюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64924/ (дата обращения: 20.12.2025).

² Букмекерство в России — как в стране появились ставки на спорт // Альманах Чайка. 2022. <https://www.chayka.org/node/12810> (дата обращения: 19.12.2025).

³ Исследование «Деятельность по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах в Российской Федерации в 2023–2025 годах: состояние и динамика» // ППК ЕРАИ. <https://erai.ru/issledovanie-dejatelnost-po-organizacii-i-provedeniju-azartnyh-igr-v-bukmekerskih-kontorah-v-rossijskoj-federacii-v-2023-2025-godah-sostojanie-i-dinamika/> (дата обращения: 21.12.2025).

⁴ Исследование «Деятельность по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах в Российской Федерации в 2023–2025 годах: состояние и динамика» // ППК ЕРАИ. <https://erai.ru/issledovanie-dejatelnost-po-organizacii-i-provedeniju-azartnyh-igr-v-bukmekerskih-kontorah-v-rossijskoj-federacii-v-2023-2025-godah-sostojanie-i-dinamika/> (дата обращения: 21.12.2025).

прирост за аналогичный период был около 50%, то в 2025 г. — лишь 11%, что может означать переход от бурного расширения к более устойчивому развитию. Экономическую значимость отрасли подчеркивают и целевые отчисления на спорт. В 2024 г. они составили 35,3 млрд руб. (почти вдвое больше, чем 19,1 млрд руб. в 2023 г.), а их общий объем за несколько лет превысил 75 млрд руб.¹ Однако финансовый вес отрасли не снижает остроты общественной дискуссии.

Таким образом, букмекерство в современной России — мощный, легализованный и экономически значимый институт. Однако его стремительная институционализация и коммерциализация происходят на фоне глубоко амбивалентного отношения в обществе, унаследованного от советской эпохи. Это создает поле социальных противоречий, требующих эмпирического изучения.

Общественное восприятие и социальная противоречивость

Научная разработка проблемы начала складываться сравнительно недавно. Повышенный интерес исследователей к азартному поведению и букмекерскому бизнесу связан с экспансией онлайн-платформ и резким ростом аудитории цифровых игр в 2010–2020-е гг. (по данным исследований индустрии азартных игр, РАНХиГС, 2010–2022 гг.). В рамках российской социологии можно сформировалось несколько ключевых направлений анализа: изучение поведенческих и мотивационных аспектов участия в азартных практиках (А. Орлова, М. Афанасьев), осмысление роли цифровых технологий в формировании и поддержании игровой зависимости (Е. Ильин, М. Котов), а также рассмотрение механизмов государственного регулирования и правовых ограничений в сфере ставок (И. Бычкова, Д. Шестаков) [Волкова, Стребков, 2011]. Однако, несмотря на накопленный массив работ, вопрос общественного восприятия деятельности букмекерских компаний остается фрагментарно изученным. Эта лакуна усиливает актуальность обращения к данной теме и подчеркивает необходимость ее дальнейшего эмпирического и теоретического осмысления.

Букмекерские компании занимают особое положение внутри индустрии гэмблинга, располагаясь на стыке классических игорных заведений и цифровых сервисов. Их деятельность формирует специфическое социальное пространство, в котором закрепляются устойчивые роли — участника ставок, оператора, посредника между событием и денежным исходом. Наличие этих ролевых позиций, а также регулярность и нормативная упорядоченность взаимодействий позволяют рассматривать букмекерство не как разрозненный набор практик, а как сформировавшийся социальный институт, что соответствует институциональному пониманию устойчивых форм социального действия в классической и современной социологической теории [Дюркгейм, 1996].

¹ Исследование «Деятельность по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах в Российской Федерации в 2023–2025 годах: состояние и динамика» // ППК ЕРАИ. <https://erai.ru/issledovanie-deyatelnost-po-organizacii-i-provedeniju-azartnyh-igr-v-bukmekerskih-kontorah-v-rossijskoj-federacii-v-2023-2025-godah-sostojanie-i-dinamika/> (дата обращения: 21.12.2025).

Современные ставки на спорт превратились из разрозненной практики в сложную социально-экономическую систему. В городской среде они выполняют несколько функций: расширяют формы досуга, служат инструментом поддержки спортивных соревнований и перераспределяют финансовые ресурсы через налоговые механизмы. Однако развитие рынка сопровождается негативными последствиями: ростом числа людей с игровой зависимостью, усилением социального расслоения, перераспределением ресурсов в пользу операторов индустрии и закреплении практик, которые в общественном сознании нередко воспринимаются как отклоняющиеся от нормы [Гришина, 2020].

Букмекерство нельзя однозначно отнести ни к полезным, ни к проблемным практикам: массовое восприятие фиксирует одновременно признание его легальности и настороженность. По данным Фонда «Общественное мнение» (июнь 2025), 60% респондентов считают, что букмекерские конторы приносят вред, а 78% полагают, что зависимость от азартных игр — болезнь, требующая лечения¹. На ценностном уровне сохраняется высокое моральное неприятие: по исследованию ВЦИОМ, 74% россиян назвали азартные игры морально неприемлемыми². Это противоречие между экономической выгодой и социальными рисками формирует преобладающее настороженное отношение к деятельности букмекерских компаний.

Результаты опроса Аналитического центра Университета «Синергия» (2025 г.) показывают, что 43% россиян относятся к букмекерам положительно, 39% — нейтрально и лишь 18% — резко отрицательно³. В России 11% респондентов делали ставки хотя бы раз, 6% — регулярно; среди молодежи наиболее популярны ставки на футбол и теннис. Основные мотивы: развлечение (37%), дополнительный доход (23%), поддержка спорта (16%). Для сравнения: в США 34% взрослых в возрасте 25–34 лет делали ставки на протяжении года⁴. При этом 43% американцев считают легализацию ставок вредной для общества (рост с 34% в 2022 г.), а 40% видят в ней вред для спорта⁵. Рынок растет, но параллельно становится заметной и проблема зависимости.

¹ Взгляд россиян на азартные игры // Фонд «Общественное мнение». 2025. 8 июля. <https://fom.ru/Ekonomika/15210> (дата обращения: 18.12.2025).

² Мораль и поведение: взгляды россиян и американцев, общее и отличное // ВЦИОМ. 2025. 15 сентября. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/moral-i-povedenie-vzglyady-rossijan-i-amerikancev-obshchee-i-otlichnoe> (дата обращения: 17.12.2025).

³ Опрос: Более 80% россиян относятся к ставкам на спорт положительно или нейтрально // Sportclan.ru. 2025. <https://sportclan.ru/blog/opros-bolee-80-rossijan-otnosyatsya-k-stavkam-na-sport-polozhitelno-ili-nejtralno/> (дата обращения: 17.12.2025).

⁴ Букмекеры в США сообщили о рекордных доходах на фоне роста лудомании // Ведомости. Спорт. 2025. 5 марта. <https://www.vedomosti.ru/sport/around/articles/2025/03/05/1096215-rost-ludomanii-v-ssha> (дата обращения: 20.12.2025).

⁵ Gramlich J. Americans increasingly see legal sports betting as a bad thing for society and sports // Pew Research Center. 2025. Oct. 2. <https://www.pewresearch.org/short-reads/2025/10/02/americans-increasingly-see-legal-sports-betting-as-a-bad-thing-for-society-and-sports/> (дата обращения: 21.12.2025).

С позиции социального неравенства деятельность букмекерских компаний представляет собой систему с асимметричным распределением выгод и рисков. Основные финансовые потоки концентрируются у операторов, тогда как возможные потери ложатся на игроков. Такая диспропорция усиливает социальное расслоение, формирует ощущение несправедливости и подпитывает критическое отношение к ставкам как к социальной практике. В общественном сознании букмекерство может ассоциироваться со структурой, где устойчивая выгода недоступна для большинства, а вероятность индивидуальных потерь высока. Это усиливает недоверие к финансовым институтам и позволяет рассматривать данную сферу как фактор, обостряющий социальные противоречия [Осипов, 2009а].

В этом контексте современное букмекерство предстает не как принципиально новое явление, а как исторически сложившаяся, но предельно формализованная и институционализированная разновидность азартных практик, встроенная в логику рынка и цифровых технологий. Оно становится не просто развлечением, а символическим полем, через которое проецируются общественные тревоги, связанные с риском, финансовой уязвимостью и распределительной несправедливостью.

Методология исследования

Эмпирическая часть данной работы направлена на проверку ключевых теоретических концептов, рассмотренных ранее: рационализации, демонстративного потребления, конвертации капиталов и аномии. Для этого решаются следующие задачи: 1) декомпозиция структуры мотивов участия в ставках на спорт; 2) описание поведенческих паттернов; 3) построение социально-демографического профиля участников; 4) анализ последствий ставок для различных групп респондентов. Сбор данных проводился методом онлайн-анкетирования (CAWI). Метод выбран потому, что он обеспечивает анонимность и удобство для респондентов, позволяя заполнять анкету самостоятельно в цифровой среде с помощью привычных устройств (смартфона или компьютера).

Основные исследовательские вопросы статьи:

1. Насколько массовой и социально приемлемой стала практика ставок на спорт?
2. Какие мотивы и какие социальные механизмы (влияние ближайшего окружения, медиасреда, цифровые платформы) лежат в основе вовлечения в букмекерские практики и способствуют их устойчивости?
3. Какое влияние оказывают ставки на жизнь участников (финансы, психологическое состояние, социальные связи)?
4. Как участники оценивают индивидуальные и социальные последствия своего участия в ставках и как эта оценка влияет на решение продолжать или прекратить данную практику?

Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетного опроса, проведенного в г. Тюмени в мае–июне 2024 г. ($n = 378$). Выборка квотная (со стихийным отбором в рамках квот), респонденты привлекались как в общественных местах, так и посредством онлайн-рассылки (платформа «Анкетолог»). Генеральную совокупность исследования

составляет экономически активное население юга Тюменской области¹. По данным выборочного обследования рабочей силы Росстата на начало 2024 г., численность данной группы составляет 748,3 тыс. человек, в том числе 387,0 тыс. мужчин и 361,3 тыс. женщин.

В опросе приняли участие 52% женщин и 48% мужчин, что репрезентирует гендерную структуру экономически активного населения региона. Возрастная структура респондентов характеризуется преобладанием молодежи: наибольшая доля опрошенных пришлось на категорию 18–29 лет (41%), далее следовали группы 30–39 лет (27%) и 40–49 лет (19%). Доля респондентов в возрасте 50 лет и старше составила 13%. По сравнению с генеральной совокупностью экономически активного населения данная структура отражает смещение в сторону младших возрастных когорт, что может быть связано со спецификой предмета исследования и большей вовлеченностью молодежи в цифровые практики и опросную активность. По уровню образования 46% имели высшее образование, 39% — среднее профессиональное и 15% — только среднее общее. В профессиональной структуре респондентов выделялись студенты и учащиеся (28%), специалисты и служащие (32%), рабочие (18%), предприниматели (9%), а также безработные и пенсионеры (13%). В целом выборка охватывает широкий спектр социально-демографических групп, что позволяет анализировать дифференцированное отношение к рассматриваемой проблематике с учетом выявленных ограничений.

Основные результаты

Масштабы распространенности букмекерских практик и уровень личной вовлеченности в ставки на спорт

Ставки на спорт воспринимаются населением как привычное явление, но отношение к ним остается скорее настороженным. Критический взгляд преобладает: «скорее негативно» к ставкам относятся 37% опрошенных, еще 17% выбирают вариант «крайне негативно»². В сумме негативные оценки (54%) более чем вдвое превосходят позитивные (11% «крайне позитивно» и 16% «скорее позитивно»). Отдельного внимания заслуживают затруднившиеся с ответом (19%). Для них ставки на спорт — тема внутреннего конфликта, где образ доступного развлечения сталкивается с сюжетами о зависимостях и серьезных потерях.

Полученное нами соотношение оценок отличается от представленных выше результатов общероссийских опросов, где положительное отношение к букмекерам фиксируется у 43% россиян, а отрицательное — лишь у 18%³. Это расхождение объясняется различиями в предмете исследования и выборке. Во-первых, федеральные исследова-

¹ Обследование рабочей силы 2023 // Федеральная служба государственной статистики Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 17.12.2025).

² Вопрос: «Как вы лично относитесь к спортивным ставкам» (один вариант ответа).

³ Опрос: Более 80% россиян относятся к ставкам на спорт положительно или нейтрально // Sportclan.ru. 2025. <https://sportclan.ru/blog/opros-bolee-80-rossiyan-otnosyatsya-k-stavkam-na-sport-polozhitelno-ili-nejtralno/> (дата обращения: 17.12.2025).

ния измеряли отношение к букмекерству как к легальному бизнес-институту, тогда как мы оценивали отношение непосредственно к практике ставок на спорт — более лично-значимому и часто стигматизируемому поведению. Во-вторых, в нашем исследовании в выборку включена молодежь 18–29 лет (41%), которая активнее вовлечена в спортивные ставки и чаще сталкивается с их негативными последствиями, что закономерно усиливает критическую оценку. Таким образом, более высокий уровень негатива в нашем исследовании — не противоречие, а следствие иной операционализации объекта изучения и особенностей выборки.

Несмотря на преобладающую настороженность, личный опыт участия в ставках широко распространен. Лишь 26% респондентов никогда не делали ставок. Активными пользователями (от нескольких раз в год до ежедневно) являются 51%. Еще 23% имеют такой опыт в прошлом, но уже прекратили. Так, три четверти опрошенных (74%) так или иначе соприкасались со ставками. Это выявляет ключевое противоречие: ставки стали социальной нормой по степени распространения, но не стали нормой моральной.

Если отделить тех, кто делает ставки сейчас, от тех, кто уже вышел из практики, доля действующих участников составляет 51% (суммарно варианты «каждый день», «несколько раз в неделю», «несколько раз в месяц», «несколько раз в год»). При этом внутри этой группы преобладает эпизодическое участие: крупнейшая подгруппа (25% делают ставки несколько раз в год). Это соответствует «событийному» сценарию, когда ставки совершаются к крупным матчам и турнирам, чтобы усилить эмоции от просмотра.

Такой характер практики способствует ее нормализации. Широкое, даже эпизодическое участие делает ставки привычным элементом повседневности, снижая восприятие их как маргинального занятия. Критическое отношение формируется не к абстрактному явлению, а к уже укоренившемуся социальному факту.

Мотивы, лежащие в основе принятия решения об участии в ставках

На эмпирических материалах выявлена иерархия факторов, которые подталкивают человека к первым ставкам. Тем, кто уже имеет опыт участия в ставках на спорт, предлагалось оценить влияние различных источников¹. Наиболее весомым оказался фактор ближайшего окружения: влияние друзей и знакомых получило среднее значение (М) 3,48 балла, при медиане (Ме) 4 балла. Заметно ниже влияние блогеров и лидеров мнений (М = 2,94, Ме = 3), реклама (М = 2,85, Ме = 3) и абстрактного «общественного мнения» (М = 2,59, Ме = 2). Минимальное влияние, по оценкам участников, оказывает семья (М = 2,39, Ме = 2) (во всех случаях n = 279). Это позволяет предположить, что первая ставка чаще является результатом влияния непосредственного социального круга, а не рекламы или семейных традиций. При этом данные отражают субъективное восприятие респондентов, которое может субъективно преуменьшать воздействие маркетинга.

¹ Вопрос: «Кто в большей степени повлиял на то, что вы начали заниматься ставками на спорт» (по пятибалльной шкале, где 1 — минимальное значение, 5 — максимальное).

Выявленная иерархия факторов указывает на важный момент: вовлечение в букмекерские практики чаще происходит через повседневные социальные связи, где ставки становятся темой обсуждений, шуток и совместных прогнозов. Это легитимизирует практику, вплетая ее в повседневность. Реклама в этом контексте играет скорее поддерживающую роль, усиливая существующий интерес, чем создавая запрос «с нуля».

Особенно показателен контраст между влиянием друзей (максимальным) и семьи (минимальным). Это говорит о том, что ставки редко являются одобряемой семейной практикой. Скорее, вовлечение происходит за пределами семьи — в кругу друзей, коллег или спортивных сообществ, где обсуждение ставок становится частью повседневной коммуникации.

Однако для понимания устойчивости практики важен и анализ мотивов, которые делятся на две взаимосвязанные группы: нефинансовые и финансовые. Именно их сочетание обеспечивает вовлеченность даже при осознании рисков.

Анализ нефинансовых мотивов респондентов выявил следующую иерархию значимости (по 5-балльной шкале)¹. Наибольшее значение имеют развлечение и ощущение адреналина ($M = 3,45$, $Me = 4$). Ставка в этом случае выступает как эмоциональный усилитель: спортивное событие перестает быть «чужим» и приобретает личную значимость. Следом идет возможность расслабиться и переключиться ($M = 3,24$, $Me = 4$), что особенно важно в условиях повседневной занятости и постоянного контроля. Для части респондентов ставки становятся способом временно выйти из рутинного режима и позволить себе импульсивное действие.

Относительно высоко оцениваются также мотивы поддержки любимой команды или спортсмена ($M = 3,11$, $Me = 4$), а также демонстрации собственной компетентности и знаний в спорте ($M = 3,05$, $Me = 3$). Эти ответы показывают, что ставки нередко оправдываются через рациональный язык: человек не просто рискует, а «разбирается», анализирует статистику, чувствует себя экспертом. Такой механизм самолегитимизации делает участие более приемлемым как для самого игрока, так и для его окружения. Общественное мнение на тему ставок, хотя и присутствует в мотивационной структуре, занимает последнее место ($M = 2,86$, $Me = 3$), что подчеркивает вторичность социального контакта по отношению к личным эмоциям и интересам к спорту.

В отличие от комплексных психологических стимулов, финансовые мотивы носят более прагматичный и прямолинейный характер. В большей мере распространенным стимулом оказалось желание выиграть крупную сумму (34% респондентов). Это подчеркивает, что ставки воспринимаются не только как развлечение, но и как пространство ожиданий резкого изменения финансовой ситуации. Еще 18% опрошенных связывают свое участие в практике спортивных ставок со стремлением немного улучшить свое материальное положение, а 13% — с наличием серьезных финансовых трудностей. Лишь 13% заявили, что финансовые мотивы для них несущественны.

¹ Вопрос: «Какой из следующих нефинансовых мотивов вас больше всего подталкивает делать ставки?». Респондентам предложено выразить степень влияния для каждого мотива от 1 до 5, где 1 — никак не повлиял, а 5 — повлиял очень сильно.

Так, мотивация к участию в ставках формируется на пересечении двух ключевых векторов: гедонистического (поиск острых ощущений и уход от рутины) и утилитарного (расчет на денежную выгоду). При этом важнейшую роль играет рациональная упаковка рискованного поведения в образ взвешенного аналитического решения, что смягчает внутренний и социальный конфликт. В совокупности эти данные показывают, что даже при доминировании эмоциональных и досуговых стимулов финансовая надежда остается центральным элементом вовлеченности. Образ «крупного выигрыша» постоянно присутствует в логике участия в практиках беттинга и затем повторяется в объяснениях того, почему люди продолжают делать ставки.

Отношение населения к рекламе букмекерских контор

Анализ отношения к рекламной информации о букмекерских компаниях демонстрирует выраженный скептицизм. Полное доверие к подобным сообщениям выразили лишь 18% респондентов, еще 23% склонны доверять им частично. При этом почти 60% опрошенных демонстрируют недоверие: 19% относятся к рекламе с осторожностью, а 40% прямо заявляют о полном отсутствии доверия. Такое соотношение говорит о том, что в массовом сознании реклама букмекеров редко воспринимается как нейтральный источник информации и чаще ассоциируется с инструментом манипуляции. Этот скептицизм может быть частью ранее описанной рационализации: дистанцируясь от «прямого соблазна», игрок подтверждает статус своего решения как взвешенного и независимого.

Высокий уровень недоверия контрастирует с масштабным рекламным присутствием. Большинство респондентов регулярно сталкиваются с рекламой букмекеров. Основным источником выступает Интернет (44%), далее следуют отзывы друзей (14%), телевидение (13%), материалы блогеров (11%) и наружная реклама (10%). Лишь 8% опрошенных никогда не видели такую рекламу, что подтверждает ее повсеместное присутствие в информационном поле.

Массовое недоверие к рекламе сочетается с ее тотальной распространенностью. Это указывает на то, что ключевая функция подобной рекламы — не столько информирование или прямое убеждение, сколько постоянное напоминание и триггерное воздействие. Она работает через создание ощущения нормальности и повсеместности ставок, а также через активацию существующих в сознании мотивов — будь то надежда на «крупный выигрыш» или поиск эмоционального вовлечения.

Однако при переходе от вопроса «где видят» рекламу к вопросу «кому доверяют» из источников ее распространения картина резко меняется. Наибольшее доверие вызывают личные рекомендации: 48% респондентов указали, что полностью доверяют отзывам друзей и знакомых. Также высоко влияние лидеров мнений, которым доверяют 45% опрошенных. Интернет-реклама демонстрирует наименьший уровень доверия: лишь 24% респондентов заявили, что верят ей. Схожий уровень скепсиса зафиксирован и в отношении наружной рекламы: 55% не доверяют ей вовсе (см. рис. 1).

Расхождение между охватом и доверием позволяет говорить о принципиально разном статусе источников информации. Реклама воспринимается как заинтересованный

и «продающий» механизм, априори вызывающий сомнение. Личные связи, напротив, выглядят более надежными и понятными, даже несмотря на то, что и они могут искажаться выборочными историями успеха и неудач. Именно эта логика объясняет, почему реклама редко становится решающим фактором вовлечения, уступая место социальному заражению и неформальному обмену опытом в ближайшем окружении.

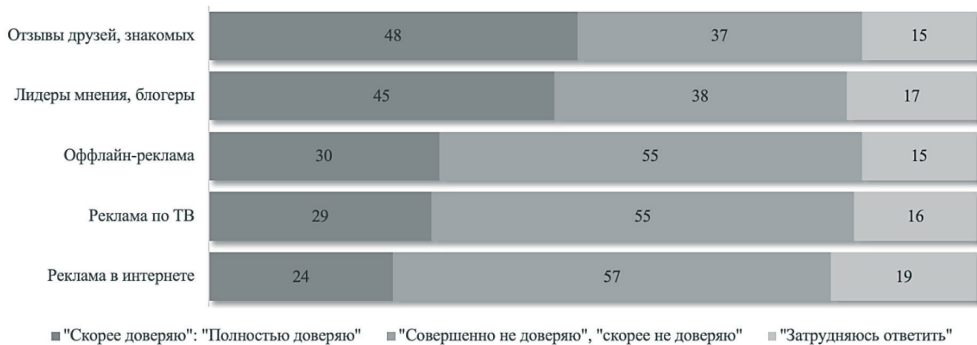

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какому из источников информации о букмекерских конторах вы доверяете больше всего» (в % к числу ответивших)

Fig. 1. Distribution of respondents' answers to the question: "Which source of information about bookmakers do you trust the most?" (in % of the number of respondents)

Оценка социальных последствий деятельности букмекерских контор

Оценки влияния ставок на собственную жизнь демонстрируют заметный разрыв между субъективным восприятием и переживаемыми негативными последствиями. Среди респондентов с опытом участия в практиках спортивных ставок мнения относительно общего эффекта ставок разделились: 31% отметили позитивное влияние (14% — «однозначно позитивно», 17% — «скорее позитивно»). Однако почти половина участников видят в ставках источник проблем: 35% выбрали «скорее негативно», 13% — «однозначно негативно». Таким образом, даже на субъективном уровне негативная оценка количественно преобладает.

Более показательно наличие конкретных негативных последствий. На прямой вопрос о столкновении с неприятными эффектами 49% ответили утвердительно, а 28% — отрицательно. Почти половина участников прямо признает проблемы, связанные со ставками. При этом осознание вреда не всегда ведет к отказу: многих удерживает ожидание «отыгрыша» и надежда на крупный выигрыш, что создает противоречие между пониманием рисков и реальным поведением.

Чтобы понять, какие смыслы удерживают людей в ставках, респондентам предложено оценить по пятибалльной шкале ряд утверждений, описывающих возможные эффекты

участия¹. Наиболее значимым оказывается финансовое ожидание: утверждение «горю желанием выиграть джекпот» ($M = 3,23$, $Me = 4$). Это подтверждает, что даже в контексте субъективно «позитивных» эффектов ключевую роль играет мечта о крупном выигрыше. Ставки редко воспринимаются респондентами как спокойное хобби — скорее как пространство возможного рывка и резкого изменения ситуации.

Социально-игровые аспекты также оцениваются высоко. Возможность заводить новые знакомства получила в среднем 3,12 балла ($Me = 3$), а «дух соревнования» — 2,99 ($Me = 3$). Это указывает, что ставки на спорт встроены в спортивную и коммуникативную среду: обсуждение прогнозов, соперничество и сравнение стратегий становятся частью повседневных ритуалов. Именно эта встроенность в общение и совместный просмотр спорта делает практику устойчивой.

Утверждения, связанные с удовольствием и эмоциональной разрядкой, занимают средние позиции: ставки как «веселье» ($M = 2,86$, $Me = 3$), способ избежать скуки ($M = 2,53$, $Me = 2$), снизить стресс ($M = 2,52$, $Me = 2$) или выйти из рутины ($M = 2,45$, $Me = 2$). Результаты показывают, что ставки действительно выполняют функцию эмоционального переключения, но она не является доминирующим мотивом.

Отдельного внимания заслуживает пункт, связанный с желанием отыграть проигранные деньги ($M = 2,64$, $Me = 2$). Хотя среднее значение здесь не самое высокое, само его присутствие в верхней части списка говорит о том, что механизм «погони за проигрышем» знаком значительной части респондентов, имеющих опыт совершения ставок на спорт. Именно этот элемент связывает эмоциональную и финансовую стороны участия и нередко становится переходной точкой от развлечения к проблемам, усиливая стресс и финансовые потери.

Среди опрошенных 49% отметили, что участие в практиках осуществления спортивных ставок имело негативное влияние на их жизнь. Конкретизация характера этих последствий позволяет выделить зоны наибольшего социального и личного ущерба².

Анализ негативных последствий участия в букмекерских практиках выявил следующую иерархию их субъективной значимости (по 5-балльной шкале). Наиболее выраженными респонденты считают финансовые проблемы ($M = 4,09$, $Me = 4$) и увеличение уровня стресса ($M = 4,09$, $Me = 4$). Высокие значения этих показателей указывают на тесную взаимосвязь экономических и психоэмоциональных последствий. Финансовые потери усиливают тревожность и напряжение, а повышенный уровень стресса, в свою очередь, снижает способность к самоконтролю и рациональной оценке ситуации.

Социальные последствия участия в ставках оцениваются респондентами ниже, чем финансовые, но также имеют высокую значимость. Ухудшение отношений с друзьями

¹ Респондентам был представлен перечень утверждений и предложено напротив каждого из них указать цифру по шкале от 1 до 5 (где 1 — совершенно не согласен, 5 — полностью согласен).

² Респондентам предложено оценить по 5-балльной шкале обострение конкретных проблем после их взаимодействия с букмекерскими конторами (где 0 — не сталкиваюсь (не сталкивался) с данной проблемой, 1 — почти не сталкиваюсь (не сталкивался) и 5 — крайне обостренная проблема).

($M = 3,82$, $Me = 4$), ухудшение отношений с родственниками ($M = 3,78$, $Me = 4$) и учащение лжи в общении с близкими ($M = 3,72$, $Me = 4$) показывают, что негативный эффект со временем затрагивает ближайшее социальное окружение.

Вовлечение в ставки часто начинается с восприятия их как источника эмоций и развлечения. Затем на первый план выходит ожидание крупного выигрыша и попытка компенсировать потери. По мере роста финансовых потерь усиливается напряжение, а следом возникают конфликты с близкими и необходимость скрывать свое участие. Эта последовательность делает букмекерскую практику потенциально проблемной даже для тех, кто изначально относился к ней как к безобидному досугу.

Планы респондентов относительно дальнейшего участия показывают, что быстрый отказ маловероятен. Лишь 16% планируют прекратить в течение года. Наиболее распространенный вариант — отказ через 1–3 года (38%). Еще 17% рассматривают участие на срок 3–10 лет, 16% — более 10 лет, а 13% допускают его на протяжении всей жизни. В целом ставки воспринимаются не как временный эксперимент, а как долгосрочная практика. Причины устойчивости участия раскрываются в мотивах: вера в крупный выигрыш (44%), эмоциональный азарт (22%), влияние социального окружения (17%) и привычка (16%).

Резюмируем, удержание в практике обеспечивается несколькими механизмами: финансовыми ожиданиями, эмоциональной привлекательностью, социальными связями и силой привычки. Это объясняет, почему даже при осознании негативных последствий многие откладывают отказ на неопределенное будущее.

Для проверки гипотезы о взаимосвязи мотивов был проведен корреляционный анализ (по Спирману)¹. Он выявил статистически значимые связи, которые можно структурировать в четыре ключевых паттерна.

1. Социальное влияние сверстников как фактор риска

Наиболее сильные корреляции наблюдаются между фактором социального влияния «Друзья, знакомые» и рядом негативных последствий. Чем выше степень влияния друзей и знакомых на начало занятия ставками, тем чаще респонденты отмечают: возникновение финансовых проблем ($r_s = 0,424$, $p < 0,01$), увеличение общего уровня стресса ($r_s = 0,329$, $p < 0,01$), учащение лукавства и лжи в отношениях ($r_s = 0,215$, $p < 0,01$).

Аналогично, доверие к «отзывам друзей, знакомых» как источнику информации значимо коррелирует с теми же негативными исходами: финансовыми проблемами ($r_s = 0,384$, $p < 0,01$) и общим стрессом ($r_s = 0,372$, $p < 0,01$). Этот паттерн указывает на то, что социально опосредованное вовлечение в ставки тесно связано с ухудшением психологического и материального благополучия.

2. Мотив «развлечение и адреналин» в контексте социальных влияний

Выраженность этого мотива положительно коррелирует с финансовыми проблемами ($r_s = 0,413$, $p < 0,01$), общим стрессом ($r_s = 0,384$, $p < 0,01$) и влиянием друзей ($r_s = 0,518$, $p < 0,01$). При этом наблюдается умеренная отрицательная корреляция с влиянием семьи

¹ Коэффициент корреляции Спирмена используется для измерения силы и направления монотонной связи между двумя переменными, измеренными в порядковой (ранговой) шкале.

($r_s = -0,442$, $p < 0,01$). Это позволяет предположить, что ставки как источник острых ощущений более характерны для респондентов, испытывающих влияние сверстников, а не семьи, и сопряжены с высоким риском дезадаптивных последствий.

3. Парадоксальная роль ставок как средства регуляции эмоций

Убеждения, что ставки «снижают ежедневный стресс» и «позволяют уйти от рутины», сильно коррелируют между собой ($r_s = 0,412$, $p < 0,01$) и демонстрируют сходную структуру связей. Оба утверждения значимо положительно коррелируют с мотивом «стремление отыграться» ($r_s = 0,264$ и $r_s = 0,151$ соответственно, $p < 0,01$) и «влиянием семьи», но при этом отрицательно связаны с негативными последствиями (финансовые проблемы: $r_s = -0,396$ и $r_s = -0,398$; общий стресс: $r_s = -0,388$ и $r_s = -0,366$, $p < 0,01$). Парадоксально, что восприятие ставок как средства снятия стресса связано с меньшим отчетом о его усилении, что может указывать на когнитивное искажение или краткосрочный эффект, маскирующий долгосрочные проблемы.

4. Семья как защитный (сдерживающий) фактор

Влияние семьи на вовлечение респондента в спортивные ставки имеет значимые отрицательные связи с большинством негативных последствий: с финансовыми проблемами ($r_s = -0,323$, $p < 0,01$), общим стрессом ($r_s = -0,319$, $p < 0,01$), ухудшением отношений с родственниками ($r_s = -0,199$, $p < 0,01$). Также отмечается отрицательная связь с мотивом «развлечение и адреналин» ($r_s = -0,442$, $p < 0,01$) и доверием к отзывам друзей ($r_s = -0,428$, $p < 0,01$). Это позволяет интерпретировать влияние семьи как потенциально сдерживающий фактор вовлечения в практики ставок на спорт, связанный с менее рискованными моделями поведения и меньшим ущербом.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о неоднородности факторов вовлечения в спортивные ставки и их связи с негативными исходами. Ключевыми предикторами психосоциальных и финансовых проблем выступают: влияние друзей и знакомых, доверие к отзывам сверстников и мотив «развлечение и адреналин». В противоположность этому, влияние семьи коррелирует с менее проблемными паттернами. Использование ставок как способа совладания со стрессом требует дальнейшего изучения ввиду парадоксальных связей с отчетом о последствиях. Полученные данные подчеркивают важность учета социального контекста и ведущих мотивов при оценке риска дезадаптации у лиц, занимающихся спортивными ставками.

Следует отметить, что полученные корреляции не устанавливают причинно-следственных связей, но выделяют ключевые переменные для дальнейшего, более глубокого анализа (например, с помощью регрессионных моделей), направленного на выявление предикторов проблемного вовлечения в ставки на спорт.

Заключение

Проведенный в статье теоретико-эмпирический анализ позволяет сделать вывод о глубокой амбивалентности отношения населения к ставкам на спорт, коренящейся в их двойственной природе. С одной стороны, букмекерская индустрия развивается на прочной исторической и социальной почве. Эволюционировав от стихийных пари

к рационализированному институту, она прочно встроилась в современную экономику развлечений. Цифровизация, высокий интерес к спорту и масштабы рынка (о чем свидетельствует динамика игровых доходов и объемов ставок) закрепляют ее легитимный статус. Значительные целевые отчисления на развитие спорта дополнительно укрепляют ее институциональную позицию.

С другой стороны, эмпирические данные свидетельствуют о том, что экономическая укорененность не ведет к моральной нейтральности или одобрению в общественном сознании. Причина — в специфической логике вовлечения и устойчивости практики. Ставки входят в жизнь людей преимущественно не через формальные каналы или семью, а через ближайшее окружение — друзей и знакомых, что подтверждается иерархией факторов влияния. При этом, как показал корреляционный анализ, именно влияние сверстников наиболее сильно связано с возникновением негативных последствий, тогда как влияние семьи выступает сдерживающим фактором.

Мотивационная структура участников сложна и не сводится к простому расчету. Центральное место занимает финансовая надежда на крупный выигрыш, что согласуется с теоретической рамкой аномии Р. Мертона: ставки могут восприниматься как альтернативный способ достижения материального успеха. Однако не менее важны нефинансовые мотивы: развлечение и адреналин, желание продемонстрировать компетентность (что переключается с идеями демонстративного потребления Т. Веблена) и эмоциональная разрядка. Эта многослойность делает практику устойчивой и именно эта устойчивость оборачивается риском. Ядро негативных последствий формирует тесная связка финансовых проблем и роста уровня стресса, выявленная корреляционным анализом. К ним добавляются социальные издержки: ухудшение отношений с близкими и учащение лжи, что разрушает базовое социальное доверие.

Так, общественное восприятие букмекерства остается глубоко противоречивым не из-за информационного дефицита, а потому, что сама практика ставок на спорт внутренне амбивалентна. Она органично вплетена в ткань современного спортивного досуга и цифровой коммуникации, давая эмоции и ощущение вовлеченности, но одновременно системно продуцируя риски финансовых потерь, психологического стресса и социальной дезадаптации. Букмекерство предстает как комплексный социальный феномен, последствия которого (от безобидного развлечения до рискованного поведения) определяются конкретным сочетанием социального контекста, ведущих мотивов и индивидуальной способности к саморегуляции.

Список источников

- Аликин В. А. 2016. Игра в философии Роже Кайуа: между инстинктами и культурой // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. № 1 (31). С. 21–27.
- Бурдьё П. 2001. Практический смысл / пер. с франц. СПб.: Алетейя. 562 с.
- Веблен Т. 1984. Теория праздного класса. М.: Прогресс. 194 с.
- Волкова В. Э., Стребков Д. О. 2011. Социология азартных игр: основные авторы и подходы // Экономическая социология. № 4. С. 93–111.

- Гришина А. Е. 2020. Гэмблинг как одна из форм девиантного поведения: сущность, причины возникновения // Скиф. № 4 (44). С. 78–82.
- Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон. 432 с.
- Зенкин С. Н. 2007. Роже Кайуа: игра, язык, сакральное. М.: ОГИ. С. 7–30.
- Зиммель Г. 1999. Философия денег / пер. с нем. М.: Гнозис. 593 с.
- Кайуа Р. 2007. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры / пер. с фр. М.: ОГИ. 304 с.
- Орлов Н. С. 2016. Спортивный беттинг — современный образ жизни молодежи // Приволжский научный вестник. № 1 (53). С. 126–128.
- Осипов Е. М. 2009а. Гэмблинг как девиантное поведение: психологические и социальные корни // Социология власти. № 1. С. 85–91.
- Осипов Е. М. 2009б. Роль гэмблинга в обществе: стратификационные особенности и социокультурная обусловленность // Социология власти. № 2. С. 128–134.
- Тюрина Л. А. 2020. Игра как феномен и ее типология в концепции Р. Кайуа // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). № 1 (11). С. 42–52.
- Фахретдинова А. Б., Насибуллина Д. Р. 2022. Спортивный беттинг в социокультурном пространстве современного российского общества // Казанский социально-гуманитарный вестник. № 6 (57). С. 86–91.
- Филиппов А. Ф. (пер.), М. Вебер. 2008. Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. № 2. С. 86–127.
- Хейзинга Й. 1997. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс-Традиция. 416 с.
- Merton R. 1938. Social Structure and Anomie // American Sociological Review. Vol. 3. No. 5. Pp. 672–682.

References

- Alikin, V. A. (2016). Game in the philosophy of Roger Caillois: Between instincts and culture. *The Science Journal of Volgograd State University. Series 7. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, (1), 21–27. [In Russian]
- Bourdieu, P. (2001). *Practical Reason* (Translated from French). Aletheia. [In Russian]
- Veblen, T. (1984). *The Theory of the Leisure Class*. Progress. [In Russian]
- Volkova, V. E., & Strebkov, D. O. (2011). Sociology of gambling: Main authors and approaches. *Economic Sociology*, (4), 93–111. [In Russian]
- Grishina, A. E. (2020). Gambling as a form of deviant behavior: Essence and causes. *Skiff*, (4), 78–82. [In Russian]
- Durkheim, E. (1996). *On the Division of Social Labor* (Translated from French by A. B. Hoffmann). Canon. [In Russian]
- Zenkin, S. N. (2007). *Roger Caillois: Game, Language, and the Sacred* (pp. 7–30.). OGI. [In Russian]
- Simmel, G. (1999). *The Philosophy of Money* (Translated from German). Gnosis. [In Russian]
- Caillois, R. (2007). *Games and People. Articles and Essays on the Sociology of Culture* (Translated from French). OGI. [In Russian]

- Orlov, N. S. (2016). Sports betting — modern lifestyle youth. *Privolzhsky Scientific Bulletin*, (1), 126–128. [In Russian]
- Osipov, E. M. (2009a). Gambling as deviant behavior: Psychological and social roots. *Sociology of Power*, (1), 85–91. [In Russian]
- Osipov, E. M. (2009b). The role of gambling in society: Stratification features and sociocultural determination. *Sociology of Power*, (2), 128–134. [In Russian]
- Tyurina, L. A. (2020). A game as a phenomenon and its typology in the conception of R. Caillouis. *Abyss (Studies in Philosophy, Political Science, and Social Anthropology)*, (1), 42–52. [In Russian]
- Fakhretdinova, A. B., & Nasibullina, D. R. (2022). Sports betting in modern socio-cultural space. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*, (6), 86–91. [In Russian]
- Filippov, A. F. (translator), & Weber, M. (2008). Basic sociological concepts. *Russian Sociological Review*, 7(2), 86–127. [In Russian]
- Huizinga, J. (1997). *Homo Ludens: Articles on the History of Culture* (Compiled, translated and introduction commentary by D. V. Silvesterov). Progress-Tradition. [In Russian]
- Merton, R. (1938). Social structure and anomie. *American Sociological Review*, 3(5), 672–682.

Информация об авторах

Андрей Сергеевич Лимарь, магистрант, направление «Медиакоммуникации», кафедра философии, медиа и журналистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000248542@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5505-426X>

Галина Зиновьевна Ефимова, кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
g.z.efimova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4826-2259>, SPIN-код: 6600-6604, AuthorID: 571660

Information about the authors

Andrey S. Limar, Master Student (Media communication), Department of Philosophy, Media, and Journalism, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000248542@study.utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5505-426X>

Galina Z. Efimova, Cand. Sci. (Socio.), Associate Professor, Professor of the Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
g.z.efimova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4826-2259>, SPIN-code: 6600-6604, AuthorID: 571660

Экономическая социология или социальная экономика? (Обзор на издание: Zafirovski, Milan (Ed.). The Routledge International Handbook of Economic Sociology. Routledge. 2024.) Часть 2

Елена Владимировна Андрианова[✉],
Владимир Александрович Давыденко,
Мария Руслановна Нагоричная

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: e.v.andrianova@utmn.ru[✉]

Аннотация. Во второй части критического обзора хэндбука по экономической социологии под редакцией Милана Зафировского рассмотрено пятнадцать заключительных эссе, в логике анализа первой части: сохранено стремление к предельно точной передаче смысла авторских текстов в емком и компактном формате «сухого остатка», продолжение попыток переосмысления «открытий и переоткрытий заново в экономической социологии и экономике», учитывая особенности применяемых методологических подходов, ретроспективных принципов и рефлексивных позиций. Проведен анализ эссе хэндбука по экономической социологии XXI в. значений текста и смысловых единиц моральной экономики, экономики соглашений (базовая часть новой французской экономической социологии), фискальной социологии, социологии финансовых рынков, социологии денежно-кредитной политики и центрального банка, социологии потребления, досуга и образа жизни, социологии устойчивого развития; социального капитала и его видов, разных рынков и социальных сетей, сетевые структуры взаимозависимостей, идентифицируемые с помощью Харрисона Уайта «идентичности и контроля», «неопределенности в социологии», «будущего в экономике», каждое из которых прописано их создателями как незаурядные направления экономической социологии с мотивациями на продолжение научных поисков. В каждом из разобранных эссе представлены перспективы тематики рецензируемого хэндбука, заслуживающие пристального внимания читателей, которые по замыслу их авторов имеют нарративы, расширяющие

и углубляющие стыковые области исследования экономики и социологии. Подытоживая в целом, среди крамольных выводов из анализа хэндбука под редакцией Милана Зафировского закрадывается опасная мысль: а был ли на самом деле прав Пьер Бурдьё, который поставил для себя цель изгнания модели «homo economicus» из экономической социологии, идентифицируя его с «антропологическим монстром» («anthropological monster») экономики? Резюмируя, мы как авторы второй части критического анализа фокусируемся также и на том, что в обзоре исходили из собственных научных интересов и ценностных предпочтений и обосновывали реинтерпретации тех теорий и подходов, которые нам ближе всего. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что все без исключения авторы эссе хэндбука под редакцией Милана Зафировского писали их на реалистической эмпирической основе и все внесли весомый научный вклад в современную социальную науку — экономическую социологию и социальную экономику.

Ключевые слова: экономическая теория, экономическая социология, моральная экономика, креативная экономика, эмоции в экономике, фискальная социология, социология труда, гуаньси

Цитирование: Андрианова Е. В., Давыденко В. А., Нагоричная М. Р. 2026. Экономическая социология или социальная экономика? (Обзор на издание: Zafirovski, Milan (Ed.). The Routledge International Handbook of Economic Sociology. Routledge, 2024.) Часть 2 // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 78–98. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-78-98>

Поступила 04.02.2026; одобрена 10.03.2026; принята 08.05.2026

Economic sociology or social economics? (Book review: Zafirovski, Milan (Ed.). The Routledge International Handbook of Economic Sociology. Routledge. 2024.) Part II

Elena V. Andrianova[✉], **Vladimir A. Davydenko**, **Maria R. Nagorichnaia**

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: e.v.andrianova@utmn.ru[✉]

Abstract. In the second part of the critical review of the Handbook of Economic Sociology, edited by Milan Zafirovski, fifteen concluding essays are examined following the analytical logic of the first part. The commitment to the most precise possible

transmission of the meaning of the authors' texts in a concise and compact format of a "residual essence" is preserved, along with continued attempts to rethink the "discoveries and rediscoveries anew in economic sociology and economics" (p. 3), taking into account the specific features of the methodological approaches employed, retrospective principles, and reflexive positions. An analysis is conducted of the essays in the Handbook of Economic Sociology of the Twenty-First Century concerning the meanings of texts and semantic units of moral economy, the economics of conventions (the foundational component of the new French economic sociology), fiscal sociology, the sociology of financial markets, the sociology of monetary policy and central banking, the sociology of consumption, leisure, and lifestyle, the sociology of sustainable development, social capital and its types, various markets and social networks, network structures of interdependencies identified by Harrison White as "identities and control," "uncertainty in sociology," and the "future in economics," each of which is presented by its creators as an outstanding direction of economic sociology, with motivations for the continuation of scholarly inquiry. Each of the analyzed essays presents thematic perspectives of the reviewed handbook that deserve close attention from readers, which, according to the intentions of their authors, constitute narratives that expand and deepen the intersecting research areas of economics and sociology. Summarizing overall, among some of the provocative conclusions of the analysis of the handbook edited by Milan Zafirovski, a troubling question arises: was Pierre Bourdieu actually correct in setting himself the goal of expelling the model of homo economicus from economic sociology, identifying it as an "anthropological monster" of economics? In conclusion, as authors of the second part of the critical analysis, we also emphasize that the review proceeded from our own scholarly interests and value preferences, and we substantiated reinterpretations of those theories and approaches that are closest to us. At the same time, it is necessary to stress that, without exception, all authors of the essays in the handbook edited by Milan Zafirovski wrote them on a realistic empirical foundation and have all made a significant scholarly contribution to contemporary social science—economic sociology and social economics.

Keywords: economic theory, economic sociology, moral economics, creative economics, emotions in economics, fiscal sociology, sociology of labor, guangxi

Citation: Andrianova, E. V., Davydenko, V. A., & Nagorichnaia, M. R. (2026). Economic sociology or social economics? (Book review: Zafirovski, Milan (Ed.). The Routledge International Handbook of Economic Sociology. Routledge. 2024.) Part II. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 78–98. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-78-98>

Received Feb. 4, 2026; Reviewed Mar. 10, 2026; Accepted May 8, 2026

Введение

Во второй части критического обзора хэндбука по экономической социологии под редакцией Милана Зафировского [Zafirovski, 2024] рассмотрено пятнадцать заключительных эссе, в логике анализа первой части: то есть сохранено стремление к предельно точной передачи смысла авторских текстов в емком и компактном формате «сухого остатка», с продолжением попыток переосмысления «открытий и переоткрытий заново в экономической социологии и экономике» (с. 3). Эти пятнадцать заключительных эссе написаны современными учеными мирового уровня, которые предложили свои глубокие знания по поводу того, как работает общество в целом, и по разным областям в социальной экономике, институциональной экономике, этике, политической экономии, антропологии. Ученые в своих текстах представляемых предметных областей исходили из *главной предпосылки* о том, что «экономическая социология как социальная наука и новая экономическая социология как ее продолжение родились и получили становление в связи с жесткой критикой неоклассической экономики и ее базовой модели *homo economicus*», которой они бросили вызов. События, происходящие в мире, постоянно доказывают, что движение экономики определяют политики, и, в свою очередь, детерминируют все социальные процессы. Милану Зафировскому как редактору хэндбука, на наш взгляд, пришлось отождествлять дефиниции экономической социологии и социологической экономики (с. 1). Отсюда возникает простой вопрос: почему в самом заглавии хэндбука стоит термин *экономическая социология*, а не *социологическая экономика*, если это «одно и то же» (с. 2)? По своей сути, это «теоретические хитрости», которые уведут от предмета исследования: что именно представляет собой предмет экономической социологии? На наш взгляд, выдвинутая гипотеза как предпосылка хэндбука не была строго ни операционализирована, ни верифицирована.

Другой разворот этой *главной проблемы*, поднимаемой в работе, состоит в том, что исходные дефиниции сами по себе изначально внятно не были определены, и потому наступила «путаница в понятиях». В этой реперной точке, по идее, должна быть обоснована внятная шкала социально-экономических измерений, однако вместо этого возникла *иная проблема*: как при использовании математических методов можно остановить «десоциализацию» (утрату социальных нарративов) экономики? Один из конструктивных путей — это не критика «*homo economicus*», в карикатурном виде вообще доходящая до его «смерти», которую позволил себе британский социолог Питер Флеминг («Смерть *homo economicus*»), когда он пишет: «*homo economicus* представляет собой модель социального бытия экономического человека, выдуманную экономистами, которая затем как шаблон используется для понимания и управления государством, рынком, сектором занятости и даже (согласно Гэрри Беккеру, экономисту Чикагской школы) семьей и преступностью» [Fleming, 2017, с. 97]. Верное решение поставленной проблемы — конструктивное встраивание математического аппарата в социальную ткань общества, с учетом изменяющихся предпосылок [Fourcade, Healy, 2024; Thaler, 2015].

Методы, применяемые авторами статьи, сводятся к аналитике смыслов и значений нарративов текстов и сопоставлению идей экономистов и социологов различных временных периодов и дискурсов.

Результаты: было показано, что вековое противостояние экономической теории и социологии в контексте хэндбука в редакции Милана Зафировского стало вполне естественным развитием концептов ограниченной рациональности и неценовой экономики с попытками социологов конструктивно связать их с компонентами социальной коммуникации и координации, что позволило бы выйти на ключевые моменты возможного конструктивного сотрудничества. Этими предварительными замечаниями обращаем внимание читателей на те области экономики и социологии, которые были актуализированы в пятнадцати заключительных эссе, особенно в виде ответвлений моральной экономики, экономической антропологии и этики, смыслы которых часто пересекаются.

Обзор литературы

Цель любого обзора — ввести читателей в круг идей по степени проработанности поднимаемой проблемы, поэтому идеология отбора источников в ее методологической составляющей довольно специфична. В каждом из эссе есть более ста ссылок, однако мы считаем, что для объяснения собственной научной позиции мы должны ввести иные информационные материалы, которые указывают на основные достижения и нерешенные дилеммы. Среди недавних публикаций это книга Марион Фуркад и Киран Хили «Ординальное общество», в которой они стремятся понять современный цифровой капитализм и «ординальное» (цифровое) общество, когда любой аспект нашей жизни измеряется, ранжируется и обрабатывается в стандартизированные единицы цифровой информации; и хотя алгоритмы и системы рационализированных вычислений этой новой модели *homo economicus* вызывают у многих социологов негативную реакцию, однако они также привлекательны тем, что от них трудно отказаться. Современные технологии управления информацией, подпитываемые обилием персональных данных и инфраструктурой Интернета, фиксируют и трансформируют то, как мы относимся к себе и друг к другу через рынок, бизнес, работу, семью, общественную сферу и государство [Fourcade, Nealy, 2024]. Эта теория экономической социологии в стремлении соединить цифру, экономику, индивида и общность бросает вызов основным положениям хэндбука под редакцией Милана Зафировского.

Еще одна замечательная публикация в тематике такого противостояния — это книга Ричарда Талера «Неправильное (плохое) поведение: становление поведенческой экономики» [Thaler, 2015], где он на многих экспериментах показал, что наличие рациональных участников как таковых в теории имеет мало общего с реальными людьми, принимающими решения на практике. В его терминах, мы ведем себя «неправильно» и даже «плохо», важно то, что такое «неправильное поведение» имеет серьезные последствия. Поначалу экономисты других школ воспринимали подход Ричарда Талера как забавную побочную практику, но тщательное изучение методологии просчетов и их влияния на рынки привело к выводу, что адекватно воспринятая теория «квазирациональной

экономики» помогает решению вопросов, откуда берутся ошибки и как стимулировать усилия по принятию эффективных решений в жизни, бизнесе и правительстве.

Среди «неправильного» и «плохого поведения» особняком стоит экономическая антропология, ее вклад для продвижения экономической социологии весьма существен. У её истоков были великие Карл Полаanyi и Пьер Бурдьё, которые теоретические выводы обосновывали на базе собственных антропологических верификаций. Как хорошо известно, Карл Полаanyi сформулировал знаменитую типологию трех принципов экономической интеграции — взаимности, перераспределения и обмена [Polanyi, 2001, с. 49–50], Пьер Бурдьё сделал открытия социальной и институциональной структур экономики, включая производство, фирмы и рынки [Bourdieu, 2005].

Среди современных зарубежных публикаций мы выделяем хэндбук в редакции Джеймса Кэрриера [Carrier, 2022], антрополога мирового уровня. Главные темы — охват природы экономической стилистики и изменяющиеся способы, которыми люди думают об экономике, имея в виду, что сегодня стабильная работа уступает место краткосрочной работе и платформенной экономике, с учетом расширения финансового сектора и стремления всё контролировать. В нем описаны особенности социального воспроизводства домохозяйств и социальных отношений в течение долгого времени, растущая озабоченность ценностями, моралью, этикой и политическими ориентациями, которые мотивируют людей [Carrier, 2022].

Глубокая по своему содержанию книга «Новая экономическая антропология» Франсуа Режиc Майе акцентирована на оценке социальных основ экономического действия по многим ключевым антропологическим вопросам, которые вовсе не рассматривались в микроэкономике. Доказывается, что диалог между индивидом и микроэкономикой скуден, приводятся доводы в пользу новой экономической антропологии, которая, выйдя из конфликта микроэкономки и антропологии, находит ресурсы взаимной дополняемости. Показывается, что экономической теории для включения широких идей о человеке надо стать открытой, и антропология может быть обогащена с помощью методов и моделей экономики. Новая экономическая антропология выходит за рамки простого наблюдения за индивидами и группами, она «нова» потому, что вводит дефиниции ответственного человека и идентичности, спектр личностных характеристик агента экономики, с привлечением в анализ признаков уязвимости, хрупкости, ошибочности, дефектности, страдания, благополучия; ставит проблемы этики в экономике, выдвигает императив «не увеличивай страдание», эвристика ищется в факторах долгосрочного равновесия. Она призывает к расширению предмета — к переходу от индивида к личности, к диапазону ценностей альтруизма, социального и человеческого капитала, доверия и недоверия, ответственности, дисциплинарных ссылок на долг, заботу, достоинство, бедность, когда они становятся добродетелью. Благодаря этому подходу обогащаются экономика, социология, антропология, области конкретной экономики, исследования развития [Mahieu, 2023].

Обращаясь к «моральной экономике», мы вспоминаем, что термин ввел в научный оборот Александр Чаянов, доказавший, что смысл семейно-трудового хозяйства состоял в доставлении средств существования хозяйствующей семье, а не в извлечении прибыли,

формулировке «хозяйственного человека» противопоставил его «человеку экономическому» [Чаянов, 1989, с. 62] («...не нужно золота ему, когда простой продукт имеет»). Британский марксист Эдвард Томпсон продвигал теорию моральной экономики в ином контексте — на базе оценок продовольственных бунтов «английской толпы XVIII в.». Моральная экономика этой версии — народные действия, которые основаны на «вере в то, что они защищают традиционные права и обычаи; и, в общем, что они поддержаны наиболее широким консенсусом сообщества»; моральная экономика «предполагала определенные и страстно поддерживаемые представления об общем благе» [Thompson, 1971, с. 78–79].

Аналогичный ментальный конструкт обнаружил Джеймс Скотт, который развивал политическую экономию на основе сравнения аграрных обществ и доказал, что моральная экономика крестьянина во всём мире примерно схожа, сопряжена с представлениями о том, что есть экономическая справедливость, что из себя представляет эксплуатация на самом деле [Scott, 1977].

Питер Рона и Ласло Жолнаи представили философско-экономическое погружение в моральную экономику в онтологических и эпистемологических проекциях. Изучая природу экономических объектов, они выдвинули гипотезу, что этика — неотъемлемый аспект всех уровней экономической деятельности, начиная от индивидуальной и групповой и заканчивая общественной и глобальной. Их методология привлекательна тем, что они выставили на обсуждение исходные вопросы: «какую реальность должны охватывать экономические термины и концепции? Что является предметом измерения, к которому должны применяться равновесие, предельная склонность к потреблению, случайные коэффициенты, регрессоры, предпочтения?» [Róna, Zsolnai, 2019, с. 6]. Предмет их экономики — «люди и их поведение» [Róna, Zsolnai, 2019, с. 73], интерпретация ролей и правил, лежащих в основе экономических действий.

Теоретико-методологический инструментарий и содержательный анализ заключительных пятнадцати эссе хэнббука под редакцией Милана Зафировского

Во второй части критического обзора хэнббука по экономической социологии под редакцией Милана Зафировского мы стремились обрисовать все эссе кратко, но в точно сформулированных чертах, пропуская отдельные изыскания в силу ограничений на объеме статьи, концентрируясь в основном на достоинствах. Ниже проведен критический обзор заключительных пятнадцати эссе хэнббука.

Исследование Филиппо Барбера («Повседневная жизнь и моральная экономика», с. 343–357) посвящено анализу описательной и предписывающей частей моральной экономики. В первом случае выясняется влияние норм, ценностей, обязательств и «концепций справедливости» на экономическую жизнь, во втором — указания на ценностные суждения как ее основы, где принципы социальной справедливости применяются эффективно; важны и «социальные блага» — объекты и качества, обладание которыми удовлетворяет человеческие нужды, запросы и потребности. Автор развил концепцию «фундаментальной экономики», обнаруживаемую через пространственное неравен-

ство, экономику повседневной жизни и гражданской политики на местах. Уточняя концептуальный смысл введенной концепции, он привел доводы в пользу важности базовых услуг людям на местах, где их коллективное потребление, распространяемое через сети домохозяйств, идентифицируется как «инфраструктура повседневной жизни» (с. 344). Новизна предлагаемой методологии состоит в том, что признание, которую приобретает личность человека в глазах других, понимается как общественная ценность, моральное искажение которой толкает людей на подвиги. Филиппо Барбера показал, что общественная ценность личности оказывается под угрозой в маргинализованных районах, страдающих от нехватки базовых услуг, понимаемой как «моральное оскорбление». Оно наполнено символической антиценностью и враждебной самобытностью, которые питают неблагоприятное отношение к жизни в сочетании с закрытостью от внешнего многообразия, поисков общих корней в этнической причастности, что ведет к ситуациям потенциального бунта. Филиппо Барбера выявил систематические взаимосвязи между территориальной маргинальностью и поддержкой евроскептически настроенных партий, в свете реванша мест, которые больше не имеют значения. В качестве вывода указано то, что ключевым фактором голосования британцев против Евросоюза стал долгосрочный моральный спад, как и разрывы между богатыми и бедными регионами. Долговременная потеря статуса людей из таких районов объясняет обрушение демократических правил моральной экономики и политическое голосование в поддержку Дональда Трампа (с. 347–348).

Хенрик Фёрст и Патрик Асперс описывают нюансы экономики «следующего поколения», где главные капитализируемые ценности — новые идеи (инновации, новинки), креативные продукты («Креативная экономика: производство, потребление и темпоральность», с. 358–372). «Креативная экономика», по их мнению, представляет очевидный интерес для экономических социологов. Этот термин означает, что экономическая ценность является следствием творческого вклада человека в производство товаров и услуг, указывает на экономику в целом как новую отрасль; с другой стороны, имеют значение конкретные виды деятельности, такие как производство и потребление фильмов, компьютерных игр, литературы, моды, искусства в дополнение к творчеству, подчеркивая не только «экономическое» измерение, но его практику и последствия (с. 358). Хенрик Фёрст и Патрик Асперс показывают, каким способом социальное ускорение приводит к сужению настоящего, означающее рост темпов изменения ожиданий. Движущей силой культурной экономики является очень высокий спрос на новые продукты, в итоге у производителей контента остается всё меньше времени для проявления своей собственной креативности (с. 368).

В статье Нины Банделж и Джинны Ким Мэйбл («Эмоции и экономика», с. 373–391) главной идеей стало представление эмоций, включая также роль интуиции, в связи с различными аспектами экономической жизни, рынков труда, жилья и финансов с точек зрения эмоционального труда и потребления. Их исследование сосредоточено на создании аналитической рамки, которая способна интегрировать термин «эмоция» в экономику и социологию по разным основаниям. Опираясь на влиятельные исследования Арли Хохшильда о стюардессах и их эмоциональной работе, где подчеркивается, что

обслуживающий персонал обучен и должен выражать определенные эмоции как часть своей работы, эмоциональный труд продается за заработную плату и имеет свою меновую стоимость [Hochschild, 2003], авторы эссе продвигают концепты эмоциональной работы и эмоциональных правил. Эмоции и экономика представлены в разных профессиональных ролях: медсестер, театральных актеров, ученых, сферы гостеприимства, финансовых экспертов, влиятельных лиц. В финансах и академических кругах управление эмоциями основывается на создании установок легитимности и формировании у работников ментальности как «рациональных» и «объективных» акторов. У «белых воротничков» явление эмоциональной увлеченности трудом стало важным культурным сценарием, рассматривается как желательная характеристика при найме и продвижении по службе. Страсть играет важную роль в других видах деятельности, таких как работа влиятельных людей в социальных сетях, блогеров, креативщиков, когда для создателей творческого контента обязательным требованием является необходимость испытывать определенные чувства или имитировать их, работники должны демонстрировать искренность в отношении продуктов, которые они одобряют, выражать положительные эмоции, создавая привлекательный образ, чтобы привлечь клиентов. Люди участвуют в эмоциональной работе для оценки соответствия продукта их идентичности. Даже потребление автомобилей не сводится просто к рациональному экономическому выбору: есть «автомобильные эмоции», которые относятся к эстетическим, эмоциональным и сенсорным реакциям на процессы вождения как концептуальной конструкции (наряду с чисто функциональным «ехать надо»), почему автомобили прочно вошли в культуру (с. 378). Нина Банделж и Джинна Ким Мэйбл в завершении также употребляют ритуальный нарратив против экономического человека — в сфере эмоций, и солидарны в том, что развитие современности привело к *homo economicus*, и к *homo sentimental* (человек сентиментальный), когда оба концепта вполне научны (с. 384).

В своем широкоформатном эссе Яньцзе Бянь и Лэй Чжан («Экономика и социальный капитал, рынки и социальные сети» с. 392–406) теорию социального капитала и сетей как ментальную матрицу стремятся наложить на хорошо им известную китайскую эмпирику, в результате чего предстала широкомасштабная экономико-социологическая неформальная картина китайского общества. Подчеркнем, что среди современных российских ученых публикации по экономико-социологическому анализу неформальной экономики принадлежат С. Ю. Барсуковой и В. В. Радаеву [Барсукова, 2004, 2017, 2021; Барсукова, Радаев, 2012], которые следует использовать как своеобразную матричную модель (смыслы — значения — содержания — их структуры и фреймы) в качестве увеличительной линзы для глубокого понимания и анализа тех или иных совокупностей социальных фактов. В свою очередь, Яньцзе Бянь и Лэй Чжан, привлекая взаимосвязанные области исследований с упором на социальный капитал и социальные сети, изучили плотные связи между экономикой и социальным капиталом, между рынками и социальными сетями, уделяя внимание роли социального капитала в неформальной экономике, экономике знаний, социальной экономике, ролям, которые социальные сети играют на рынках труда, капитала и жилья. Опираясь на определения экономико-социологического инструментария современных классиков, авторы привлекли

самые разнообразные определения социального капитала, понимая эту дефиницию как располагаемые индивидами ресурсы в структуре контактов коллективного актива сети: всеобщая взаимность внутри социальных групп, доверие, нормы сотрудничества, имеющие значение на индивидуальном уровне, поскольку материальные и нематериальные ресурсы, мобилизуемые из сетей социальных контактов, облегчают социальные действия акторов или сдерживают их. Опираясь на концепт трех ресурсов встроенности в социальные сети — связующего, как однородных социальных связей, соединяющего — разнородных социальных связей, и объединяющего — как сети иерархических связей (с. 392), Яньцзе Бянь и Лэй Чжан сфокусировались на элементах неформальной экономики. Дифференцируя ее по сегментам, они выявили несколько стандартных зон и схем ее действия: серая, теневая, подпольная, черные рынки и неформальный сектор, составляющий 31% мирового валового внутреннего продукта с 1991 по 2017 г. (с. 392). Сила, весомость и ценность неформальной экономики устанавливаются не только в том, что значительная ее часть «отвечает» за развитие местной экономики, но и в том, что в отсутствие формальных систем поддержки неформальной экономики для ее создания и развития незаменимым механизмом становится социальный капитал. Объединяющий социальный капитал плотных сетей обеспечивает высокий уровень доверия и нормы сотрудничества, а социальный капитал разреженных сетей создает деловые возможности для поддержания неформального сектора. Социальный капитал формального и неформального секторов имеет разный социальный вес: когда наблюдается высокий уровень институционального доверия со стороны граждан, преобладает формальная экономика, и наоборот, там, где уровень институционального доверия граждан низок, неформальная экономика становится крупной, сильной и устойчивой. Формальный сектор ценит обобщенное доверие, тогда как неформальный сектор служит подспорьем конкретному доверию личных связей. Влияние социальных сетей на неформальный сектор в три раза сильнее, чем на сектор формальный (с. 393). Яньцзе Бянь и Лэй Чжан утверждают, что неформальный сектор не только живет за счет социального капитала, но сам является богатым источником его формирования на местном уровне, управляя социальными действиями в форме прямых коммуникаций между продавцом и покупателем. Это видно на вещевых рынках (барахолки) и уличных базарах всего мира, которые были центрами социального взаимодействия, богатыми социальным капиталом, необходимой линией жизни сообществ, которую не могла обеспечить формальная экономика. В экономике знаний услуги и производство основаны на наукоемких видах деятельности, где ценятся человеческий капитал, креативные идеи, инновации, интеллектуальная собственность и новые стратегии, которые должны обеспечивать конкурентные преимущества. Социальный капитал, приобретая значение в экономике знаний в Интернете, был назван «онлайнным», а его рост зависит от профессионализма фрилансеров и репутационного капитала, расширения его действий в сетях. Цифровая экономика обладает духом сообщества и самоподдерживающимися свойствами, направлена на местные социальные блага и развивается глобально. Формы социальной экономики — ассоциации, кооперативы, фонды, социальные фирмы, которые имеют оригинальное отношение к социальному капиталу, толкуемое через веберовское понятие «избирательное сродство» («elective

affinity”) (с. 394). Изучая сетевой капитал, авторы выявили, что чем выше институциональная неопределенность, тем большую роль в конкурентных преимуществах играет система гуаньси (guanxi). Гуаньси — китайский термин, в русском языке толкуемый как «блат», «связи», «кумовство», «круговая порука». В оригинале он не несет в себе отрицательной нагрузки, обозначает помощь, поддержку, услугу. Чем выше уровень рыночной конкуренции, тем чаще используется гуаньси, который сегодня занимает центральную роль в бизнесе Китая, оказывая растущее влияние на возможности и результаты рынков труда и жилья, а большая его часть, согласно Яньцзе Бянь и Лэй Чжан, транслирует политическую власть коммунистической партии в расширяющуюся рыночную экономику (с. 400–401).

Реза Азарян в эссе «Неопределенность в экономике и социологии» (с. 407–422), фокусируясь на том, что пропасть между экономикой и социологией глубока, считает эти две дисциплины взаимоисключающими, поскольку каждая из них принадлежит к определенной научной школе и исходит из конкретного набора методологических и онтологических позиций, но несмотря на это, ищет исключения в случаях неопределенности и ее влияния на поведение организаций (фирм). Он также считает, что различные концептуализации неопределенности в экономической теории и социологии являются наиболее плодотворной основой для междисциплинарного диалога (с. 407). Опираясь на обзоры концептуализации неопределенности в экономике и социологии, он предпринимает попытку в рамках этих дисциплин интегрировать причины и последствия неопределенности. По его мнению, ему это сделать удастся. Выявляя параметры и трактовки неопределенности в экономике, он опирается на работу Фрэнка Найта, основателя Чикагской школы, который впервые осознал важность неопределенности для экономического анализа и сравнил ее с риском. Существенно, что риск означал величину, поддающуюся измерению, а неопределенность обозначала факты незнания и необходимости действия на основе мнения, а не знания. Неопределенность всегда присутствует в экономической жизни, особенно у предпринимателей, ее преодоление является необходимым элементом их действий. Подводя итоги, Реза Азарян справедливо отмечает, что неопределенность имеет глубокие и далеко идущие последствия вообще и для конкретных экономических форматов в частности, которые проводят свои действия, процессы и организации на микро- и макроуровнях. На этом фоне для акторов важно разработать устройства и механизмы, снижающие неопределенность, и применять стратегии преодоления, которые могли бы привести достаточную степень упорядоченности, внятности и простоты в относительно управляемых областях с определенными уровнями стабильности, предсказуемости и расчётливости (с. 418).

Кристоф Дойчманн вносит вклад в восполнение пробела по социологии труда («Социология производства, труда и производственных отношений», с. 425–442), представляя различные попытки анализа этой темы. Если Адам Смит сосредоточился на разделении труда, от которого зависит производительность, то у Карла Маркса ключевым термином стало производство. Люди, производя средства к существованию, создают социальные отношения и институты, благодаря проникновению в производственный процесс, приобретают реальный и экзистенциальный характер, демонстрируя связь про-

изводства с творчеством. Кристоф Дойчманн, делая особый упор на профессиональных союзах, которые изначально были порождены из производственных отношений между работодателями и наемными работниками, проводит подробный обзор их практик, подчеркивая факты угасания во всём мире из-за нового сегмента труда — цифровой экономики. Считая, что растущий слой в области цифровых услуг высокооплачиваемых профессионалов не видит смысла организовываться в профсоюзы, предпочитая полагаться на индивидуальную переговорную силу, Кристоф Дойчманн привел факты, фиксирующие их упадок: дерегулирование государственного сектора и демонтаж аутсорсинга государственной занятости. В своих выводах он учитывает, что провозглашать конец профсоюзов и «производственных отношений» было бы в цифровом секторе преждевременным, учитывая демографические ограничения на стороне предложения рынков труда, растущую сложность трудовых отношений в капиталистических странах, работодатели вполне могут оказаться в ситуации, когда им придется заново изобретать профсоюзы, если они всё-таки исчезнут (с. 438–439).

Джеральд Хейдж в относительно короткой статье с длинным названием «Социология экономического предпринимательства, управления, предпринимательства и инноваций: государственный сектор, частный сектор и неправительственные организации» (с. 442–460) вносит свои собственные научные вклады в современные описания этой темы. Напекая на длину названия (проще: «экономическая социология организаций»), свой подход он аргументирует богатством существующей литературы. Создавая когнитивную карту, позволяющую усвоить интеллектуальные важные традиции, он начинает с двух основных: Адама Смита в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» и Макса Вебера о рационально-правовых государственных учреждениях. Избрав стратегию повторов ритуальных нарративов, Джеральд Хейдж, на наш взгляд, не внес чего-либо существенного нового в рецензируемый нами хэндбук.

Алексис Спайр в эссе «Фискальная социология» (с. 461–475) развивает новые идеи финансовой социологии и утверждает, что она олицетворяет междисциплинарный подход, который рассматривает налогообложение как структурную характеристику демократических государств. Трехединая задача фискальной социологии ее концепта — анализ технологии сбора налогов, учет государственных расходов и одновременно оценка взаимоотношения налогоплательщиков с налогообложением и использованием методологии сравнительного анализа в нескольких странах. С этой точки зрения налогообложение рассматривается не просто как суверенная прерогатива отдельных государств, но как такой инструмент государственной политики, который подлежит обмену данными между странами, и то, как использовали деньги налогоплательщиков (с. 461). Но здесь появляются две неразрешимые проблемы: во-первых, доступ к налоговым базам разных стран реально сильно ограничен, во-вторых, важны изменения лексичности полей: «налогоплательщики», «борьба с мошенничеством», «гражданская позиция в отношении налогов» — все это нарративы наводят на крамольные мысли, что налоги в разных странах не позволяют преодолевать социальные разногласия и различия в благосостоянии (с. 470). В качестве выводов Алексис Спайр справедливо отметила, что финансовая и фискальная социологии — это нечто большее, чем обычное применение

социологической рефлексии к предмету налогообложения и государственных финансов, и представила институционализированную программу исследований со своими основополагающими авторами, гипотезами, принципами понимания и целями. Ключевая фишка «новой финансовой социологии» — в сильной аналитике использования данных налогообложения как инструмента, позволяющего выражать принципы, которые структурируют индивидов, группы, власти и общности, в длительной исторической перспективе (с. 470–471).

Фредерик Лебарон в эссе «Социология финансовых рынков, денежно-кредитной политики и центрального банка» (с. 475–489) заостряет внимание на том, что сегодня асимметричное положение дисциплин, изучающих мир финансов, является результатом, прежде всего, технического характера этого сектора, который стал автономным пространством, присущим распространением сложных инструментов и монополией на практику юрисдикции специализированных специалистов. Они обучены финансовым дисциплинам и осуществляют профессиональную деятельность в рамках специализированных учреждений частных банков, фондов, консалтинговых фирм, центральных банков, финансовых администраций, независимых агентств. Это является первой характеристикой долгосрочной эволюции того, что слишком быстро и огульно стали называть «финансами»: на самом деле это дифференцированное социальное пространство, которое противопоставляет свою собственную логику взглядам «извне», будь то взгляды сограждан или специалистов в других дисциплинах, изучение этого пространства предполагает минимальное знакомство с определенной лексикой и синтаксисом и, в более широком смысле, с конкретными вопросами финансовой сферы. Излагая основные черты новой институциональной экономической социологии в финансовой сфере, Фредерик Лебарон возвращает способность объяснять, как на деле работают общие убеждения, нормы и институты. Задавая вопрос: «Каков же тогда может быть вклад социологического подхода, который рассматривает в качестве своего объекта взаимодействие и взаимосвязи между финансовыми рынками, денежно-кредитной политикой и центральным банком?» — он пытается ответить в том духе, что первичны аналитическая база и живые исследования. Предлагая методологию взаимосвязей финансовых рынков, денежно-кредитной политики и центрального банка как соответствующих «социальных миров», он считает необходимым понять и объяснить, как реально структурирован мир акторов, курирующих вопросы управления деньгами в финансовом секторе, как это относится к реальной экономике, основанной на долговременной истории валютно-финансового пространства и как это соотносится с действиями центральных банков, ежедневно вмешивающихся в финансовые рынки. Фредерик Лебарон убежден, что их вмешательство по детерминации «денежно-кредитной политики» первично, поскольку, устанавливая новые «ключевые» процентные ставки и проводя свои правила игры, это представляется как особая институциональная структура, характерная для всех стран мира, хотя и с вариациями. При анализе социально-финансовой аналитики Фредерик Лебарон базируется на данных мирового кризиса 2007–2008 гг., который высветил болевые точки и экстремальные действия финансовых акторов. В качестве главного концептуального вывода он идентифицирует парадокс

нынешнего периода, смысл которого заключается в том, что поддержание устоявшегося когнитивного порядка в финансовом секторе основано на радикальном прорыве в денежной доктрине центральных банков, которая стала триумфом нетрадиционной политики в полной противоположности традиционной ортодоксии, направленной на обеспечение стабильности цен, сосредоточенной исключительно на мониторинге цен и контроле денежной массы. Этот прорыв привел к тому, что центральные банки стали измеряться как ежедневные гаранты стабильности всей социальной системы, в результате их решения (будущие изменения процентных ставок) более, чем когда-либо, могут влиять на действия финансовых и экономических субъектов, на их интересы и их дисбалансы (с. 484–485).

В эссе «Социология потребления, досуга и образа жизни: теорией чего является теория потребления?» (с. 490–507) Йорг Россель, Патрик Шенк и Себастьян Вайнгартнер проводят подробный обзор социальных научных направлений теоретизирования и эмпирики потребления. Они различают много тем: индивидуалистическую традицию, распространенную в экономических и социально-психологических подходах, социокультурный подход к потреблению, на который оказали сильное влияние философские и социологические описания современного общества, и теории практик, которые стали самыми распространенными теоретическими подходами. Авторы выдают широко-масштабную картину различных направлений теоретизирования потребления — как результат индивидуального принятия решений, теории рационального выбора, запланированного поведения, теории двойных процессов (с. 493), различая социокультурные, экономические и психологические теории, в деталях описывая каждую в отдельности и в сравнении друг с другом, выявляя множество концептуальных нюансов и смысловых оттенков. Они сделали вывод о том, что теории потребления — это не столько теории различных аспектов потребления, сколько различные способы теоретизирования, что должно было бы стать одной из причин роста интенсивности теоретических дискуссий в социологии потребления (с. 503–504).

Эдвард Креншоу в эссе «Экономический рост, социологические традиции и восстановление социальной экологии в экономической социологии» (с. 508–524) стремится разрешить «главный парадокс, лежащий в основе социальной науки о развитии: почему одни страны прогрессируют довольно быстро, а другие находятся в упадке, даже если кажется, что у них достаточно природных и человеческих ресурсов» (с. 508). Для решения этой загадки ему приходится анализировать экономические и социологические школы, вовлекая в научный оборот спектры разнообразных методологий и теорий, причем он ритуально критикует *homo economicus*, призывая от него отказаться, усматривая в такой методологической позиции фундаментальное единство для всех неэкономических социальных наук. В ином случае он пугает тем, что противоположная точка зрения «неизбежно приведет к эпистемологическому сдвигу в сторону идеализма и феноменологии в попытке реформировать экономику» (с. 515). Приближаясь к разгадке обозначенного парадокса, Эдвард Креншоу отмечает, что в странах «государств-рантье» их центральные правительства поддерживают себя за счет внешней «ренды», добычи ресурсов, там есть экономические институты с глубокими изъянами, вынуждающие

компания вести переговоры с суррогатными владельцами ресурсов, с центральным правительством. Рента, получаемая от продажи нефти, расходуется на внутреннюю экономику, лишая население возможности в полной мере пользоваться преимуществами ключевой функции. Государства позволяют правительству фактически игнорировать своих граждан, они часто тратят ренту на непроизводительные бюрократические структуры, импорт материалов и создание крупных вооруженных сил. В заключение Эдвард Креншоу делает вывод о том, что традиции в экономической теории в том виде, в каком они существуют, не пытаются объяснить всю полноту экономической жизни. Однако он, к сожалению, на взгляд авторов, так и не выдал ответа на решение парадокса, который поставил в самом начале своего эссе (с. 519–520).

Дэвид Ноук в своем далеко не беспроblemном по названию эссе «Экономика и экономическая социология коллективных действий по борьбе с глобальным потеплением» (с. 525–541) анализирует теории коллективных действий и факторы, влияющие на людей, нации и организации, побуждающие присоединяться к коллективной деятельности. Главный вопрос: как коллективные действия выступают в борьбе с глобальным потеплением? Указывая на пять дисциплин, которые это изучают (антропологию, государственное управление, политологию, социологию, экономику), Дэвид Ноук уточняет концептуализации теорий, проецируя на четыре спорных области: безбилетник, трагедия общин, дилемма заключенных и полицентрическая модель. Теоретические вопросы заключаются в следующем: когда происходят коллективные действия? Почему они часто приводят к неоптимальному использованию общественных благ? Как можно изменить условия для получения более выгодных результатов? Концепция общественных благ нужна для того, чтобы выйти на аналитическое исследование темы, обозначенной в названии: «зачем нужны коллективные действия по борьбе с глобальным потеплением?» (с. 527). Дэвид Ноук отвечает на вопрос эмпирически, приводя фактуальные данные и живописные примеры. Он приходит к выводу, что проанализированные им модели были признаны неудовлетворительными в качестве достоверных объяснений нерешительного международного ответа на кризис глобального потепления, что сильно его удручает (с. 535).

Томас Бернс, Бет Шефер Канилья и Кэрри Лесли в эссе «Глобальная экономика, культура и неравный экологический обмен в позднем модерне: роль фрактальных институциональных процессов в устранении дисбалансов» (с. 542–563) изучают экологические проблемы, утверждая, что высокая сложность экологической нестабильности требуют моделей управления, которых ранее не было. Они предложили концепцию фрактального управления как свой эвристический инструмент для разработки систем снятия и устранения экологических дисбалансов, включающих характеристики, необходимые для создания позитивных социальных изменений: сотрудничество и многоуровневое равенство, принятие новых систем измерения, учитывающих реальные затраты на производство и потребление, оценки внешних воздействий на окружающую среду и экосистемных услуг; создание систем рефлексивного управления, признающих масштабную сложность экологических проблем и четко распределяющих полномочия для их решения; разработку моделей управления, в которых экологические проблемы

ставятся в один ряд с проблемами накопления капитала (с. 542). Рассматривая позитивные примеры фрактального управления, авторы отметили пять результатов: разнообразие участников, возможности для совместного обучения, нацеленность на достижение консенсуса, несмотря на противоречия, обеспечение вкладов в разработку политики, где часто доминируют интересы капитала, обеспечение последующего мониторинга, который укрепляет доверие между секторами и служит для обеспечения баланса интересов окружающей среды и капитала (с. 551). Делая выводы, авторы настаивают на том, что теория фрактального управления должна сочетать формальную организацию с работой экологического сознания, что станет противовесом институциональному изоморфизму, который сводит то, что могло быть охраной окружающей среды, к отчужденной бюрократической инерции. Заостряя внимание на экологической справедливости, авторы эссе подчеркивают, что она неразрывно связана с экологической ответственностью, и говорят, что важно быть осведомленным, как она воспринимается в различных политических и экономических сферах, в ином случае пафосно объявляется о том, что устойчивость планеты будет поставлена под угрозу (с. 553).

Дейл Йеттс, Кристи Куксей и Ли Мессенджер в эссе «Социология устойчивого развития: фокус на сообществах» (с. 564–583) разрабатывают тему устойчивого развития в социологии, хотя она приоритетна в экономической теории. Они предложили свой термин: «устойчивое развитие сообществ» (“sustainable community development”), включающее три компонента: экономическую жизнеспособность, здоровую физическую среду и социальную справедливость, обеспечивающую хорошее здоровье, комфорт и счастье. Разбирая эти компоненты на конкретных примерах городов и районов США, авторы отмечают, что для прогрессивного роста сообществ все три компонента должны работать в гармонии. Приводя многочисленные примеры, когда местные сообщества начали сталкиваться с обилием отходов, что привело к повышенному загрязнению и увеличению площадей для свалок, авторы обратили свой взор на Агентство по охране окружающей среды США, которое ввело жесткие экологические нормы, вынуждавшие предприятия закрываться. Предприятия и отрасли, связанные с экологией, вынуждены следовать технологическим рекомендациям по снижению загрязнения. Представители делового сообщества стали воспринимать Агентство по охране окружающей среды чуть ли не как хулигана и задиру, навязывающего неприятные для них перемены, а «грязные» предприятия искали новые места для размещения и строительства, которые не вызывали бы особого сопротивления, и это были районы с низким уровнем дохода (с. 567–568). Выход из кризисной ситуации был найден путем внедрения влиятельной инициативы по созданию департаментов устойчивого развития не только в крупных, но и в средних и малых городах. В качестве выводов авторы эссе отметили, что для удовлетворения потребностей настоящего времени без ущерба для долгосрочного будущего необходимо разрабатывать чистые технологии и практиковать конструктивные компромиссы тем, кто поддерживает экономические, экологические и социальные повестки дня устойчивого развития сообществ (с. 579–580).

В заключительном эссе «Будущее в экономике» (с. 583–600) Мартина Зилигер и Тимура Эрген предлагают парадокс про экономику, хотя статья посвящена социологии

(с. 583). Они делают оговорку, что когда говорят об исследованиях в экономике, посвященных будущему, то имеют в виду не социологический прогноз, а будущее исследуемых субъектов, организаций и обществ, временные горизонты которых могут совпадать или не совпадать с временными горизонтами исследователей, вводя в научный оборот методологию «будущего прошлого» (“futures past”), экспериментирующую с «объяснительной силой». Экономические социологи, в отличие от экономистов, недавно стали экспериментировать в постановке будущего в центр анализа. Авторы обсуждают возможности для этого в ключевых темах социологической теории конфликта, координации, сотрудничества и сопряженные с ними тем в экономике, сопровождая каждый вопрос эмпирической информацией, демонстрируя объяснительный потенциал различных точек зрения, сосредоточиваясь на будущих намерениях и последствиях для акторов (с. 583–584). Представляя галерею высказываний классиков по поводу «умения предвосхищать будущее», которое «предопределяет прошлое» (Эмил Дюркгейм), авторы эссе находят эти мотивы в концептах социализации, норм и ценностей, когнитивных сценариях, сетях, доверии и недоверии, противостоянии формальных и формальных институтов, применяя при этом прагматические и феноменологические возможности для переоценок будущего в теориях действия для создания ментальных карт будущего. В методологическом плане здесь работает матричная структура указанных компонентов, процессуальное и социальное понимание экономического действия, связанное с прагматическими мыслями процессов принятия решений, когда «индивидуальная ориентация, социальная координация и коллективные действия могут быть поняты как опора на intersубъективно сформированные образы будущего» (с. 585). Авторы отмечают, что в научной литературе образы будущего не получили своего полного развития, но они могут быть концептуализированы как «глубоко переплетенные с институтами, социальными сетями, организациями и наиболее широкими культурными моделями». Важно, что у мейнстримной экономики почти все модели ориентированы исключительно на будущее, опираясь на исходные предпосылки предпочтений, ожиданий и ограничений, особенно в теориях рационального выбора, добровольного рыночного обмена как сотрудничества. На реальных примерах авторы объясняют, что экономические модели помогают оценить возникновение, изменение и крах корпоративных сетей (с. 586–587), и подчеркивают, что «образы будущего являются ключевым полем битвы в социальных конфликтах и, если будущее является воображаемым, ожидания мотивируют реальные решения акторов, которые имеют решающие последствия для распределения ресурсов и тем самым могут стать объектом борьбы интересов. Исследования политики ожиданий выходят за рамки проблем микро- и мезоуровня и затрагивают вопросы политической экономии» (с. 589). «Исследования, посвященные прогнозированию и технологическим особенностям, показали, что будущее формируется не только когнитивно и нарративно, но в большой степени с помощью материальных устройств, моделей и инструментов» (с. 594). Приводя в заключении выводы, Мартина Зилигер и Тимур Эрген резонно считают, что систематический анализ социального конструирования ожиданий является полезной альтернативой экономическим теориям сотрудничества, конфликта и координации» (с. 596).

Выводы

В качестве заключения следует подчеркнуть, что в обозреваемом хэнббуке представлен действительно систематический, всесторонний отбор уникальных эссе предметной области экономической социологии, которая опирается на теоретические основы и эмпирические выводы как из экономики, так и из социологии. Редактор хэнббука Милан Зафировский приводит исторический факт о том, что саму экономическую социологию «как идею и в качестве термина, вероятно, изобрел „чистый“ экономист-неоклассик (Джевонс), а другой экономист (Шумпетер) полностью воспринял, последовательно развил, систематически заново открыл ее элементы у множества других экономистов и по-своему переформулировал, что привело к недавнему результату о ее существенном и номинальном включении в современную экономику посредством полуофициальной научной классификации» [Zafirovski, 2024, с. 1–2]. В качестве одного из главных выводов подчеркнем, что в некоторых новых справочниках по экономике кардинально пересмотрены отношения к социологии в конструктивных отношениях, в частности, в Оксфордском хэнббуке по международной политической экономике 2025 г. в редакции Дж. К. У. Пивехауса и Леонарда Сибрука отмечается, что «эти ключевые изменения, произошедшие с тех пор, как Бенджамин Коэн („Дебаты Коэна“ / “Cohen debate”) всё это мудро затеял, носят троякий характер: (1) долгосрочного прекращения конфликтов между методологией и „конфликтующими подходами“... когда методологические инновации теперь являются частью обновленной, хотя и всё еще фрагментарной открытости; (2) повышение доступности данных; и (3) развитие исследовательских технологий, часто заимствованных из других дисциплин, что позволяет использовать новые формы исследования». Поэтому экономика как дисциплина «также расширилась как в количественном, так и в интеллектуальном отношении. В этой области появилось много новых ученых с меньшим историческим багажом и лучшей методологической подготовкой... наблюдается прагматичный отказ от разграничения „уровней анализа“ (“levels of analysis”) в международной политической экономике и сравнительной политической экономике (comparative political economy) и стремление к пониманию уровней-взаимосвязей с точки зрения национального, регионального и исторического контекстов» [Pevehouse, Seabrooke, 2025, с. 34]. Чисто экономико-социологическую тематику этого хэнббука имеют 15 эссе и смешанную — 12, всего 27 из 48 эссе от экономистов мирового уровня. В качестве нашей собственной гипотезы предположим, что вековое противостояние экономической теории и экономической социологии и в дальнейшем будет давать новые импульсы и факты конструктивных диалогов, предоставляя уникальные научные взгляды на взаимозависимости экономики и социологии.

В качестве нашего общего вывода критического обзора хэнббука по экономической социологии под редакцией Милана Зафировского [Zafirovski, 2024] в целом отметим, что была реализована одна из главных идей этой нашей статьи — показать заинтересованному читателю в кратком виде научное творчество различных авторов мирового уровня по тематике экономической социологии и социальной экономики — с тем,

чтобы, кто обратил внимание на то или иное эссе, мог бы сам прочитать и оценить оригинальные научные тексты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Барсукова С. Ю. 2004. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 446 с.
- Барсукова С. Ю. 2017. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 221 с.
- Барсукова С. Ю. 2021. Лекции по неформальной экономике: кратко, понятно, наглядно. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 221 с.
- Барсукова С. Ю., Радаев В. В. 2012. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. Вып. 13 (2). С. 99–111.
- Чаянов А. В. 1989. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / редкол. сер. Л. И. Абалкин и др. М.: Экономика. 492 с.
- Bourdieu P. 2005. Principles of an economic anthropology // The Handbook of Economic Sociology / Smelser N., Swedberg R. (Eds.). Princeton: Princeton University Press. Pp. 75–89.
- Carrier J. G. (Ed.). 2022. A Handbook of Economic Anthropology. [Б. м.]: Edward Elgar Publishing. 560 pp.
- Fleming P. 2017. The Death of Homo Economicus: Work, Debt and the Myth of Endless Accumulation. [Б. м.]: Pluto Press. 224 pp.
- Fourcade M., Healy K. 2024. The Ordinal Society. [Б. м.]: Harvard University Press. 384 pp.
- Hochschild A. 2003. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling, Twentieth Anniversary Edition, With a New Afterword. 2nd ed. [Б. м.]: University of California Press. 330 pp.
- Mahieu F. R. 2023. A New Economic Anthropology. [Б. м.]: Routledge. 118 pp. <https://doi.org/10.4324/9781003386742>.
- Pevehouse J. C. W., Seabrooke L. (Eds.). 2025. The Oxford Handbook of International Political Economy. [Б. м.]: Oxford University Press. 880 pp. <https://doi.org/10.1093/oxford-hb/9780198793519.001.0001>.
- Polanyi K. 2001. The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time. [Б. м.]: Beacon Press. 360 pp.
- Róna P., Zsolnai L. (Eds.). 2019. Economic Objects and the Objects of Economics. [Б. м.]: Springer. 339 pp.
- Scott J. 1977. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. [Б. м.]: Yale University Press. 254 pp.
- Thaler R. 2015. Misbehaving: The Making of Behavioral Economics. [Б. м.]: Norton & Company. 432 pp.
- Thompson E. 1971. The moral economy of the English crowd in the eighteenth century // Past & Present. Vol. 50 (1). Pp. 76–136.
- Zafirovski M. (Ed.). 2024. The Routledge International Handbook of Economic Sociology. [Б. м.]: Routledge. 632 pp.

References

- Barsukova, S.Y. (2004). *Informal economy: an economic and sociological analysis*. Moscow. Publishing House of the Higher School of Economics. 446 p. [In Russian]
- Barsukova, S.Y. (2017). *Essays on the informal economy, or 16 shades of Grey*. 2nd ed. Moscow. Publishing House of the Higher School of Economics. 221 p. [In Russian]
- Barsukova, S.Y. (2021). *Lectures on the informal economy: briefly, clearly, visually*. Moscow. Publishing House of the Higher School of Economics. 221 p. [In Russian]
- Barsukova, S.Y., Radaev, V.V. (2012). Informal economy in Russia: a brief overview. *Economic Sociology*. 13(2), 99–111. [In Russian]
- Chayanov, A.V. (1989). *Peasant farming: Selected works*. In L. I. Abalkin et al. (Eds.). M.: Economics. 492 p. [In Russian]
- Bourdieu, P. (2005). Principles of an Economic Anthropology. In Smelser N. & Swedberg R. (Eds.), *The Handbook of Economic Sociology* (pp. 75–89). Princeton University Press.
- Carrier, J. G. (Ed.). (2022). *A handbook of economic anthropology*. Edward Elgar Publishing. 560 p.
- Fleming, P. (2017). *The death of homo economicus: work, debt and the myth of endless accumulation*. Pluto Press. 224 p.
- Fourcade, M., Healy, K. (2024). *The Ordinal Society*. Harvard University Press. 384 p.
- Hochschild, A. (2003). *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling, Twentieth Anniversary Edition, With a New Afterword*. 2nd ed. University of California Press. 330 p.
- Mahieu, F. R. (2023). *A new economic anthropology*. Routledge. 118 p. DOI: 10.4324/9781003386742
- Pevehouse, J.C.W., Seabrooke, L. (Ed.). (2025). *The Oxford handbook of international political economy*. Oxford University Press. 880 p. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198793519.001.0001
- Polanyi, K. (2001). *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. Beacon Press. 360 p.
- Róna, P., Zsolnai, L. (Eds.). (2019). *Economic Objects and the Objects of Economics*. Springer. 339 p.
- Scott, J. (1977). *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. Yale University Press. 254 p.
- Thaler, R. (2015). *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. Norton & Company. 432 p.
- Thompson, E. (1971). The moral economy of the English crowd in the eighteenth century. *Past & Present*, 50(1), 76–136.
- Zafirovski, M. (Ed.). (2024). *The Routledge international handbook of economic sociology*. Routledge. 632 p.

Информация об авторах

Елена Владимировна Андрианова, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
e.v.andrianova@utmn.ru, ORCID: 0000-0002-7769-9206, Web of Science: R-3798-2017, Scopus: 57202746090, ПИНЦ: 612791

Владимир Александрович Давыденко, доктор социологических наук, профессор, начальник Научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

v.a.davydenko@utmn.ru, ORCID: 0000-0001-8389-4254, Web of Science: R-4047-2017, Scopus: 55951477100, РИНЦ: 250308

Мария Руслановна Нагоричная, аспирант кафедры общей и экономической социологии, менеджер Научно-исследовательского центра, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

m.r.nagorichnaia@utmn.ru, ORCID: 0000-0002-5053-5172, Web of Science: LFU-8745-2024, РИНЦ: 1147338

Information about the authors

Elena V. Andrianova, candidate of sociological sciences, associate professor, head of the department of general and economic sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
e.v.andrianova@utmn.ru, ORCID: 0000-0002-7769-9206, Web of Science: R-3798-2017, Scopus: 57202746090, RSCI: 612791

Vladimir A. Davydenko, doctor of sociology, professor, head of the scientific research center, University of Tyumen, Tyumen, Russia
v.a.davydenko@utmn.ru, ORCID: 0000-0001-8389-4254, Web of Science: R-4047-2017, Scopus: 55951477100, RSCI: 250308

Maria R. Nagorichnaia, postgraduate student of the department of general and economic sociology, manager of the scientific research center, University of Tyumen, Tyumen, Russia
m.r.nagorichnaia@utmn.ru, ORCID: 0000-0002-5053-5172, Web of Science: LFU-8745-2024, RSCI: 1147338

Национальная идентичность в системе конституционных ценностей и элементов национальной безопасности

Ксения Юрьевна Гоглева

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: goglevakseniya@gmail.com

Аннотация. Предлагаемая читателю статья посвящена исследованию национальной идентичности в системе конституционных ценностей и элементов национальной безопасности. Автор доказывает, что национальная идентичность — это систематизированный институт интерпретации индивидом специфических национальных самобытных культурных ценностей как уникальных признаков, на основе принадлежности к которым индивиды позиционируют себя в качестве граждан Российской Федерации. Последнее обуславливает необходимость доктринальной дифференциации понятий «этнической идентичности» и «гражданской идентичности», а также теоретического осмысления их взаимного влияния на формирование национальной идеи и решение задач обеспечения национальной безопасности в условиях современных геополитических условий и угроз. Ведь наличие эффективного механизма публично-правового обеспечения сохранения и укрепления традиционных ценностей многонационального народа, в том числе составляющих элементы культурной самобытности входящих в него народов, формирования их национальной политической идентичности, способно обеспечить не только недопущение нарушений прав и свобод человека и гражданина, как основной задачи сбалансированной деятельности всех ветвей власти, но и укрепить легитимность публичной власти посредством практики реализации конституционных ценностей в правоприменительной сфере. Отдельное внимание в статье уделено попытке выработки предложений по определению допустимых пределов универсализации конституционных ценностей, необходимых к установлению в национальной правовой системе и основанных, прежде всего, на сохранении уникальности, самобытности этнической и религиозной ментальности народа данного государства.

Ключевые слова: национальная идентичность, культурная идентичность, гражданская идентичность, этническая идентичность, политическая национальная идентичность, конституционные ценности, национальная безопасность, национальная культура, национальная самобытность, суверенитет, традиционные ценности

Цитирование: Гоглева К. Ю. 2026. Национальная идентичность в системе конституционных ценностей и элементов национальной безопасности // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 99–108. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-99-108>

Поступила 18.02.2026; одобрена 16.04.2026; принята 08.05.2026

National identity in the system of constitutional values and elements of national security

Kseniya Yu. Gogleva ✉

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
Corresponding author: goglevakseniya@gmail.com ✉

Annotation. This article explores national identity within the system of constitutional values and elements of national security. The author demonstrates that national identity is a systematized institution through which individuals interpret specific national, distinctive cultural values as unique attributes, through which they position themselves as citizens of the Russian Federation. This latter distinction necessitates a doctrinal differentiation between the concepts of “ethnic identity” and “civic identity”, as well as a theoretical understanding of their mutual influence on the formation of a national idea and the solution of national security challenges in the face of modern geopolitical conditions and threats. Indeed, the existence of an effective public-law mechanism for preserving and strengthening the traditional values of a multinational people, including those that constitute elements of the cultural identity of its constituent peoples and the formation of their national political identity, can ensure not only the prevention of violations of human and civil rights and freedoms — the primary objective of balanced activity across all branches of government — but also strengthen the legitimacy of public authority through the practical implementation of constitutional values in law enforcement. Particular attention in the article is given to the attempt to develop proposals for determining the permissible limits of the universalization of constitutional values that need to be established in the national legal

system and based, first of all, on the preservation of the uniqueness and originality of the ethnic and religious mentality of the people of a given state.

Keywords: national identity, cultural identity, civic identity, ethnic identity, political national identity, constitutional values, national security, national culture, national originality, sovereignty, traditional values

Citation: Gogleva, K. Yu. (2026). National identity in the system of constitutional values and elements of national security. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 99–108. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-99-108>

Received Feb. 18, 2026; Reviewed Apr. 16, 2026; Accepted May 8, 2026

В борьбе обретаешь ты право свое.

Р. Иеринг

Введение

Национальная идентичность является важной, многоаспектной характеристикой народа. Сложность ее научного познания заключается в многогранности самого понятия «идентичность», выступающего объектом исследования целого ряда наук: психологии, социологии, культурологии, юриспруденции и т. д., и, несмотря на то, что понятие идентичности стало одной из главных тем общественной мысли XX столетия [Заковоротная, 1999], претендующей на исключительную релевантность [Середа, 1997], поиск его первоначального значения, способного стать аксиомичным утверждением для проводимых прикладных научных исследований (в том числе и в области национальной идентичности), продолжается. Ведь социальная действительность не является статичным явлением, а, напротив, крайне подвержена изменениям, связанным как с геополитическим влиянием извне, так и со внутренними изменениями внутри самого государства, которые опосредуют определенные сложности в осмыслении индивидом (как структурным элементом нации) тождественности, устойчивости и непрерывности личностного опыта, составляющих суть аксиологической идеи идентичности, в качестве проблемных.

Методы

В процессе исследования был задействован комплекс общенаучных методов, включая анализ и синтез для структурирования информации, сравнительно-правовой анализ для сопоставления различных подходов к сути рассматриваемой проблемы и формально-юридический метод для точной интерпретации правовых норм. Особое значение в исследовании придавалось использованию системного и структурно-функционального методов при анализе роли органов публичной власти в обеспечении укрепления и сохранения этнической идентичности народов России и моделировании механизма установления допустимых пределов универсализации конституционных ценностей в условиях современного, правового, демократического российского государства.

Результаты и обсуждение

Этимология слова «идентичность» (лат. *identitas*) является вариацией термина *idem* — «тот же самый», что в буквальном переводе на русский язык означает «узнавание» и «отождествление» [Сапожникова, 2005, с. 14]. Однако некоторые исследователи выделяют совершенно иное основание корня данного слова — латинское *ipse* («бытие»), производными от которого являются слова «самость» (*ipsite*) и «сущность» (*essentia*) [Рикер, 1995, с. 18].

Данный доктринальный спор наглядно отражает биполярную суть понятия «*идентичность*», заключающую в себе одновременно онтологию и рефлексию, связанную с характеристикой как внутреннего состояния «переживания» индивида по поводу сущности своей личностной природы, так и отражением притяжения им культуры окружающей его объективной социальной действительности в качестве тождественной его природе. Подобного рода рефлексия, на наш взгляд, может быть охарактеризована через понятие *культурной идентификации*, которая выступает фундаментом человеческого мировоззрения, актуализируясь через процесс отождествления индивидом себя с другими людьми или группами людей, отличающихся единством ценностных ориентаций.

Понятие *культурной идентичности* является неотъемлемой частью национальной *идентичности* ввиду того, что субъектом воспроизводства и сохранения духовных и материальных культурных ценностей выступает именно нация [Герандоков, Герандокова, 2017, с. 154]. К числу данных ценностей относятся:

- язык как средство общения, мышления и сохранения культурной памяти;
- религия (верования и религиозные практики, участвующие в формировании мировоззрения и ценностей народа);
- искусство, отражающее духовный мир народа, опыт его поколений;
- традиции и обычаи как устойчивые формы поведения, передающиеся из поколения в поколение;
- объекты материальной культуры, которые отражают уровень развития общества и его материальные потребности и т. д.

То есть фактически *национальная идентичность* — это своего рода форма соответствия индивида культуре, которая его окружает, выраженная в субъективном ощущении им самодостаточности и осознании сопричастности определенной социальной группе [Эриксон, 1996, с. 340] и ее национальной культуре, которая символизирует его связь с прошлым, настоящим и будущим данного сообщества. Последнее особенно важно и ценно, так как именно чувство преемственности индивидами опыта в качестве «своего», устойчивость функции самоотождествления, составляет сущность *социальной идентичности нации* и коррелирует с объективно существующими социальными позициями индивида, предопределяя его устойчивость в противодействии угрозам социальной нестабильности общества, кризису традиционных ценностей и конституционных идеалов. И именно в «критические» моменты жизни нации, угрожающие ее национальной безопасности и самому существованию, проявляется глубинный онтологический смысл ощущения идентичности. Ведь, как верно указывает Т. М. Буякас,

речь идет о «порождении смысла как ответа всем своим существом, ответа, который исходит из глубинного, целостного ощущения себя. Человек принимает тот смысл, который, как он сам это чувствует, упорядочивает его внутренний мир и открывает ему перспективу жизненного пути» [Буякас, 2000, с. 61]. Представляется, что именно этот смысл, заложенный в субъективном сравнении на предмет соответствия, способен сложить ту самую решающую антиномическую пару «своих» и «чужих», предопределив единственно верный общий выбор нации в контексте ее дальнейшего развития и реформации в ответ на динамичность происходящего. И именно поэтому столь важна роль *национальной идентичности* в системе конституционных ценностей и элементов национальной безопасности государства. Ведь на генетическом уровне заложены лишь два способа поведения человека в опасных, критических ситуациях: открытое сопротивление или бегство [Красовская, 2020, с. 345]. И здесь выбор зависит не только от акцентуации характера самого индивида, но и от уровня сформированности в обществе *национальной идентичности* по формуле «Я — это часть Нации». В подобном обществе практически исключена возможность дезориентации человека и восприятия им угрозы национальной безопасности субъективно непреодолимой, а следовательно, исключена апатичная, отстраненная реакция [Левин, Фредерик, 2007, с. 115]. Следовательно, первостепенная цель органов публичной власти должна состоять в обеспечении укрепления и сохранения *национальной идентичности* как гарантии сохранения и укрепления государственности. В Российской Федерации данная цель может быть достигнута лишь посредством решения задачи сохранения и укрепления традиционных ценностей и идеалов народов, составляющих в совокупности многонациональный народ России.

Основными критериями, по которым индивидом проводится сравнение на предмет тождественности «самоощущения» окружающей его социальной группе, являются: историческое единство территории обитания и хозяйствования; языковая идентичность; сопричастность исторической памяти и существующей массовой культуре, принятой в данном обществе; легитимность и «реальность» законодательных императивов для всех членов данного социума, их справедливость [Бадмаев, Сангаджиева, 2011, с. 310]. И в этой связи мы можем осуществить некоторое разделение между самобытностью народов, населяющих Российскую Федерацию, охарактеризовав ее в качестве *национальной культурной идентичности* (*этнической идентичности*), и национальной идентичностью многонационального народа России как единственного источника власти и носителя единого и неделимого суверенитета (ст. 3 Конституции Российской Федерации), определив ее через понятие *политической национальной идентичности* (*гражданской идентичности*) [Хугаева, Могоева, 2019, с. 154].

Ведь национальный суверенитет — это не только независимость государства на внешнеполитической арене, но и верховенство и единство закона и власти внутри государств. Таким образом, принимая во внимание принципы федерализма, закрепленные в ч. 3 ст. 5 Конституции России: государственную целостность Российской Федерации, единство системы государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправие и самоопределение

народов России; а также ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации, закрепляющую конституционную гарантию единства экономического пространства на территории нашей страны, и ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, устанавливающую верховенство конституционных правоустановлений на всей территории России, мы можем утверждать, что единственным носителем политической власти и, как следствие, *политической национальной идентичности* в России может быть ее многонациональный народ, в состав которого входит множество этнических групп (в количестве, превышающем 190¹), говорящих на разных языках, имеющих свои культурные традиции и религиозные верования.

Единство политической жизни, наличие и легитимность общего законодательного регулирования позволяет дифференцировать *«политическую нацию»* от *«культурной нации»*, критериями выделения которой являются, в первую очередь, общность культуры, языка и религии. *«Жизнеспособность»* данного вывода подтверждается результатами опроса россиян, более 70% из которых назвали *чувство гражданской принадлежности* в качестве главного критерия определения своей коллективной *идентичности*².

Однако укрепление и обеспечение сохранности языкового, традиционного многообразия, составляющего основу *культурной идентичности* народов России, априори, является *конституционной ценностью* Российской Федерации и элементом ее уникального наследия (ст. 68, 69 Конституции Российской Федерации), как и равноправие народов, входящих в многонациональный союз на территории нашего государства (ч. 4 ст. 5, ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации). Ведь *конституционные ценности* — это не что иное, как общечеловеческие ценности, признанные и составляющие объект конституционной защиты [Невинский, 2018, с. 106]. При этом, практически каждой конституционной норме, каждому праву или свободе корреспондирует конкретная *ценность* [Шустров, 2017, с. 134].

Так, одной из форм сохранения и укрепления *культурной национальной самобытности* народов России является конституционное закрепление и сохранение исторических территорий их компактного проживания в качестве обособленных единиц в составе административно-территориального устройства Российской Федерации [Мирзоян, Плесовских, 2013, с. 54] (республики, автономная область и автономные округа — ст. 5 Конституции Российской Федерации); а также правоустановления ст. 69 Конституции Российской Федерации, в которой декларируется защита прав коренных малочисленных народов России и т. д.

Конституционные ценности составляют *«ядро»* правовой национальной системы и определяют вектор ее развития. В этой связи нельзя не упомянуть о процессе *универсализации конституционных ценностей*, который активно развивался на протяжении XX в. и заключался как в универсализации ценности как самой конституции, так и ее основных *принципов*. Однако любой процесс универсализации должен иметь свои

¹ Большая российская энциклопедия 2004–2017. <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/5550482> (дата обращения: 13.01.2026).

² Там же.

пределы, установленные, национальной правовой системой и основанные, прежде всего, на сохранении уникальности, самобытности этнической и религиозной ментальности народа данного государства.

Обеспечение *исторической идентичности народа* и суверенитета собственного государства является приоритетом, национальным интересом современного российского государства в обеспечении его *национальной безопасности* (п. 7 ст. 25 Раздела III Стратегии национальной безопасности Российской Федерации)¹ [Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400]. В обеспечение данных национальных интересов, политика государства должна быть направлена, с одной стороны, на гармонизацию отношений государства с международными и межгосударственными институтами, а с другой стороны, на обеспечение настоящих и отдаленных интересов своего народа, которые подчеркивают его исторически устоявшуюся самобытность.

Важно подчеркнуть, что осознание индивидом своей идентичности многонациональному народу Российской Федерации напрямую связано с понятием национальной идеи, на формировании которой оказывают большое влияние как элементы культурной идентичности, о которых речь шла выше, так и символы, связанные с исторической памятью [Русакова, 2023; Пахалюк, 2020; Соловьев, 2024]. К числу последних сегодня, в первую очередь, относятся исторические военные победы многонационального народа России [Брюно, 2025, с. 52].

Подобная тенденция объясняется тем, что осознание значимости ратных подвигов, как символа «торжества добра над злом» посредством силы единства наций и народностей, населяющих Россию, в достижении общей цели установления справедливости и обеспечения миропорядка, является весьма актуальной в условиях современной геополитической ситуации и течения специальной военной операции. Именно сейчас, как никогда, важно укрепление политической национальной идентичности и национальной идеи, способных консолидировать российское общество в осознании необходимости удовлетворения не только, и не столь, своих личных потребностей, сколько улучшения самой жизни для будущих поколений. Фактически, это единственное средство для «выживания нации» [Кодиров, 2023, с. 69].

При этом, *политическая национальная идентичность* представляет собой систематизированный институт интерпретации индивидом специфических национальных самобытных культурных ценностей как уникальных признаков (правовое сознание, правовая психология, правовое поведение, правовая культура, правовая ментальность), на основе принадлежности к которым индивиды позиционируют себя в качестве граждан Российской Федерации [Бадмаев, Сангаджиева, с. 311], базирующихся на автохтонной системе воспроизводства *культурной национальной идентичности* народов Российской Федерации.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

Заключение

На основании произведенного анализа предмета рассмотрения настоящей статьи следует сделать вывод о том, что *культурная национальная идентичность* народов России является *конституционной ценностью и приоритетом* обеспечения *национальной безопасности*, которая должна быть рассмотрена в качестве критерия *предела универсализации* конституционной ценности *политической национальной идентичности* многонационального народа Российской Федерации при построении успешного и стабильного «завтра» нашего государства. Ведь уровень проявления гражданской ответственности и солидарной поддержки социально-значимых целей всем (или большинством) населением страны свидетельствует о наличии сильного, эффективного гражданского общества — как одного из оплотов любого демократического государства.

Список источников

- Бадмаев В. Н., Сангаджиева Н. Н. 2011. Национальная идентичность: правовое измерение // Россия: тенденции и перспективы развития. № 6-2. С. 310–312.
- Брюно В. В. 2025. Государственная политика сохранения памяти как важный фактор в формировании национальной идеи, национальной идентичности и образа страны // Мир русскоговорящих стран. № 1 (23). С. 38–56.
- Буякас Т. М. 2000. О проблемах становления чувства самоидентичности у студентов-психологов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. № 1. С. 56–63.
- Герандоков М. Х., Герандокова В. З. 2017. Понятие национальной культуры // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В. М. Кокова. № 1 (15). С. 150–156.
- Заковоротная М. В. 1999. Идентичность человека (Социально-философские аспекты): дис. ... на соиск. док. фил. наук. Ростов-на-Дону. 370 с.
- Кодиров Н. З. 2023. Роль национальной идеологии в формировании национальной идентичности // Вестник Тюменского государственного института культуры. № 2 (28). С. 68–70.
- Красовская Н. Р. 2020. Динамика кризиса идентичности личности в условиях социальной нестабильности // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. № 3. С. 344–349.
- Левин П. А., Фредерик Э. 2007. Пробуждение тигра — исцеление травмы. Природная способность трансформировать экстремальные переживания / пер. с англ.; науч. ред. Е. С. Мазур. М.: АСТ. 316 с.
- Мирзоян Г. В., Плесовских С. Н. 2013. Проблемы национально-культурных автономий и их роль в становлении и развитии национальной идентичности // Сборники конференций НИЦ Социосфера. № 13. С. 53–59.
- Невинский В. В. 2018. Сущность и универсализация конституционных ценностей в современном обществе // Lex Russica [=Русский закон]. № 11 (144). С. 106–121.
- Пахалюк К. А. 2020. Политика памяти как ценность и дискурс // Новое прошлое. № 4. С. 232–239.

- Рикер П. 1995. Герменевтика, этика, политика: Моск. лекции и интервью / Поль Рикер; пер.; [отв. ред. и авт. послесл. И. С. Вдовина]. М.: Камі: Academia. 160 с.
- Русакова О. Ф. 2023. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. Т. 20. № 2. С. 32–51.
- Сапожникова Р. Б. 2005. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ. № 1. С. 13–17.
- Середа Л. В. 1997. Проблема идентичности в контексте коммуникации: автореферат дис. ... на соиск. канд. фил. наук. Екатеринбург. 18 с.
- Соловьев К. А. 2024. Историческая политика, как инструмент преодоления кризиса легитимности: опыт XV века // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). Т. 21. № 2. С. 141–158.
- Хугаева А. А., Могоева З. О. 2019. Теоретические подходы к определению понятий «этническая идентичность», «гражданская идентичность» и соотношения категорий «этнической» и «гражданской» идентичностей // Бюллетень Владикавказского института управления. № 57. С. 145–156.
- Шустров Д. Г. 2017. *Essentia constitutionis*: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX–XXI веков // Сравнительное конституционное обозрение. № 4 (119). С. 124–141.
- Эриксон Э. Г. 1996. Детство и общество / пер., науч. ред. [и примеч.] А. А. Алексеева; [статьи Д. Элkinda, В. А. Сони́на]. СПб.: Психол. центр «Ленато»; Балашиха: Фонд «Унив. кн.». 589 с.

References

- Badmaev, V. N., & Sangadzhieva, N. N. (2011). National identity: Legal dimension. *Russia: Trends and Development Prospects*, (6-2), 310–312. [In Russian]
- Bryuno, V. V. (2025). State policy of preserving memory as an important factor in the formation of the national idea, national identity and the country's image. *World of Russian-speaking Countries*, (1), 38–56. [In Russian]
- Buyakas, T. M. (2000). On the problems of developing a sense of self-identity in psychology students. *Lomonosov Psychology Journal*, (1), 56–63. [In Russian]
- Gerandokov, M. Kh., & Gerandokova, V. Z. (2017). The concept of national culture. *Izvestiya of Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V. M. Kokov*, (1), 150–156. [In Russian]
- Zakovorotnaya, M. V. (1999). *Human Identity (Social and Philosophical Aspects)* [Dr. Sci. (Philos.) dissertation]. Rostov-na-Donu. [In Russian]
- Kodirov, N. Z. (2023). Role of national ideology in the formation national identity. *Herald of Tyumen State Institute of Culture*, (2), 68–70. [In Russian]
- Krasovskaya, N. R. (2020). Dynamics of the personal identity crisis under conditions of social instability. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International relations*, (3), 344–349. [In Russian]
- Levine, P. A., & Frederick, A. (2007). *Waking the Tiger: Healing Trauma. Natural Ability to Transform Extreme Experiences* (Edited, Translated from English by E. S. Mazur). AST. [In Russian]

- Mirzoyan, G. V., & Plesovskikh, S. N. (2013). The problems of national and cultural autonomies and their role in the formation and development of national identity. *Conference Proceedings of the Sociosphere Research & Publishing Center*, (13), 53–59. [In Russian]
- Nevinskij, V. V. (2018). Essence of the universalization of constitutional values in modern society. *Lex Russica*, (11), 106–121. [In Russian]
- Pakhalyuk, K. A. (2020). Memory policy as a value and discourse. *The New Past*, (4), 232–239. [In Russian]
- Ricœur, P. (1995). *Hermeneutics, Ethics, and Politics: Moscow Lectures and Interviews* (Edited by I. S. Vdovina). Kami: Academia. [In Russian]
- Rusakova, O. F. (2023). The discourse of the state memory politics as a factor in the formation of the national identity of modern Russia. *Discourse-P*, 20(2), 32–51. [In Russian]
- Sapozhnikova, R. B. (2005). The Analysis of the identity concept: Theoretical and methodological premises. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, (1), 13–17. [In Russian]
- Sereda, L. V. (1997). *The Problem of Identity in the Context of Communication* [Cand. Sci. (Philos.) dissertation abstract]. Ekaterinburg. [In Russian]
- Soloviov, K. A. (2024). Historical politics as a tool for overcoming the crisis of legitimacy: Experience of the 15th century. *Lomonosov Public Administration Journal. Series 21*, 21(2), 141–158. [In Russian]
- Khugaeva, A. A., & Mogoeva, Z. O. (2019). Theoretical approaches to defining the concepts of “ethnic identity”, “civil identity”, and the relation between “ethnic” and “civil” identities. *Bulletin of the Vladikavkaz Institute of Management*, (57), 145–156. [In Russian]
- Shustrov, D. G. (2017). Essentia constitutionis: The Constitution of the Russian Federation in the focus of constitutional theories of the 20th and 21st centuries. Part 1. *Constitutional Watch*, (4), 124–141. [In Russian]
- Erikson, E. H. (1996). *Childhood and Society* (Edited and Translated by A. A. Alekseev; Articles by D. Elkind, V. A. Sonin). Lenato; Fond Univ. kn. [In Russian]

Информация об авторе

Ксения Юрьевна Гоглева, кандидат юридических наук, начальник кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
goglevakseniya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

Information about the author

Ksenia Yu. Gogleva, Cand. Sci. (Jur.), Head of the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
goglevakseniya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

Конституционный статус потерпевшего и его эволюция в отечественном законодательстве

Елена Александровна Кислова[✉]

Москва, Россия

Контакт для переписки: kislowaea@gmail.com[✉]

Аннотация. В статье рассматривается статус потерпевшего от преступления с позиции конституционного права, что отличает данную работу от исследований, в которых анализируются уголовно-процессуальные вопросы, и свидетельствует о ее новизне. Актуальность работы обусловлена необходимостью проверки устоявшегося в литературе тезиса о дисбалансе юридических гарантий прав участников уголовного судопроизводства в пользу стороны обвинения. Такая проверка проведена с учетом многочисленных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Цель исследования — рассмотреть статус потерпевшего от преступления с точки зрения конституционного (государственного) права, причем в его развитии с Древней Руси до наших дней. Основные методы исследования: диалектико-материалистический метод исследования правовых явлений и процессов, сравнительный, исторический, логический методы. В статье с учетом современной тенденции конституционализации отраслевого законодательства статус потерпевшего раскрыт как конституционно-правовой. Доказано, что именно расширение конституционно-правового регулирования позволяет обеспечить необходимый уровень юридической защиты потерпевших от преступлений в уголовном судопроизводстве. В немалой степени тому способствует практика высших судов, которая за сравнительно небольшой в историческом масштабе период времени произвела настоящую эволюцию как в переосмыслении правового положения потерпевшего, так и в создании ему реальных гарантий реализации прав, закрепленных в Основном законе Российского государства.

Ключевые слова: Конституция, потерпевший, преступление, жертва преступления, Конституционный Суд, Верховный Суд, возмещение вреда, доступ к правосудию

Цитирование: Кислова Е. А. 2026. Конституционный статус потерпевшего и его эволюция в отечественном законодательстве // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 109–127. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-109-127>

Поступила 28.04.2026; одобрена 06.05.2026; принята 08.05.2026

The constitutional status of the victim and its evolution in domestic legislation

Elena A. Kislova✉

Moscow, Russia

Corresponding author: kislowaea@gmail.com✉

Abstract. This article examines the status of a crime victim from the perspective of constitutional law, which distinguishes this work from studies analyzing criminal procedural issues and demonstrates its novelty. The relevance of this work stems from the need to test the established thesis in the literature regarding the imbalance of legal guarantees for the rights of participants in criminal proceedings in favor of the prosecution. This examination was conducted taking into account numerous legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. The purpose of the study is to examine the status of a crime victim from the perspective of constitutional (state) law, including its development from ancient Rus to the present day. The main research methods include the dialectical-materialist method of studying legal phenomena and processes, as well as comparative, historical, and logical methods. Taking into account the current trend toward constitutionalization of sectoral legislation, the article explores the status of a victim as a constitutional and legal one. It is demonstrated that the expansion of constitutional and legal regulation ensures the necessary level of legal protection for crime victims in criminal proceedings. This is largely due to the practice of the highest courts, which, over a relatively short period of time, have produced a genuine evolution both in redefining the legal status of victims and in creating real guarantees for them to exercise their rights enshrined in the Basic Law of the Russian State.

Keywords: Constitution, victim, crime, crime victim, Constitutional Court, Supreme Court, compensation for damages, access to justice

Citation: Kislova, E. A. (2026). The constitutional status of the victim and its evolution in domestic legislation. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 109–127. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-109-127>

Received Apr. 28, 2026; Reviewed May 6, 2026; Accepted May 8, 2026

Результаты и обсуждение

Статус потерпевшего от преступления в отечественном законодательстве длительное время не был оформлен, а возмещение вреда пострадавшему, причиненного преступлением, имело факультативное значение по отношению к платежам в казну, налагаемым на преступника. Источники русского права, особенно древнего и даже средневекового, включали как писанные акты, так и нормы обычного, церковного права, прецеденты, договоры [Салтыкова, 2012; Рожнов, 2024], причем писанные законы, по существу, являли собой специфически кодифицированные сборники обычного права. Уголовный запрет не был жестко отграничен от гражданского правонарушения и главным образом преследовал цель наказать за «обиду» [Маркунцов, 2014] — увечье, хищение, вырванную бороду, пытки по ложному оговору. Возмещение причиненного потерпевшему вреда было вторичным по отношению к «вире» («вине») — откуп за содеянное в пользу князя. По Псковской судной грамоте, «обида» могла остаться без воздаяния, если послух (свидетель) не смог одолеть обвиняемого на судебном поединке [Псковская судная грамота, 1940]¹.

По Судебнику Ивана Грозного 1550 г., за истцом, чьи требования были отклонены судьей-взяточником, признавалось право получить с такого судьи компенсацию за злоупотребление властью — сумму иска и судебные издержки в тройном размере². Таким образом, к потенциальным причинителям «обида» теперь были отнесены не только преступники — физические лица, но государевы служащие, выполнявшие судебские функции. По Соборному Уложению 1649 г., диапазон совершаемых судебными чиновниками деликтов, при совершении которых потерпевший мог рассчитывать на денежную компенсацию, был существенно расширен: за оскорбление («бесчестье»); за калечащее телесное повреждение («увечье»); за волокиту при выдаче выездной торговой грамоты («простой и убытки»); за ненадлежащую охрану пойманного вора или разбойника — возмещение причиненных преступлением убытки с охранявшего его пристава и т. д.³

Сводом законов российской империи, с изданием которого юридически прекратило действие Соборное уложение, потерпевший по-прежнему признавался «обиженной стороной» и мог претендовать на «вознаграждение» за счет имущества виновного, а при отсутствии такового — ходатайствовать о заключении должника в тюрьму⁴.

Радикальное изменение статуса потерпевшего от преступления произошло в рамках судебной реформы 1864 г.: заявив иск о вознаграждении, он получал статус граждан-

¹ Псковская судная грамота. Перевод и комментарий Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева // Исторические записки Института истории Академии наук СССР / отв. ред. Б. Д. Греков. 1940. Вып. 6. С. 237–297.

² Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / отв. ред. А. Д. Горский. М.: Юридическая литература, 1985. С. 97–120.

³ Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985. С. 448–463.

⁴ Соборное Уложение 1649 года.

ского истца и мог претендовать на разрешение гражданского иска непосредственно в ходе уголовного процесса¹. Советская власть, несмотря на отказ от судоустройства Российской империи, сохранила институт гражданского иска, в том числе обязанность суда принять меры к его обеспечению². Позднее эта обязанность была возложена также на следователя³. В УПК РСФСР 1960 г. появилась категория морального вреда, причинение которого, наряду с вредом физическим или имущественным, позволяло претендовать на статус потерпевшего (ст. 53)⁴.

После принятия Конституции РСФСР 1978 г. претерпел изменения и уголовно-процессуальный закон, в частности, было возрождено установленное еще Судебником 1450 г. право на возмещение ущерба при незаконном привлечении к уголовной ответственности или необоснованном заключении под стражу⁵.

Законом СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-I «О печати и других средствах массовой информации» (ст. 39) впервые в истории советского законодательства «материализован» моральный вред: он подлежал возмещению в денежном выражении по решению суда за причинение неимущественного ущерба путем распространения порочащих честь и достоинство лица сведений⁶. С учетом криминальности на тот момент не только клеветы, но и оскорбления соответствующие действия, совершенные с использованием средств массовой информации, порождали у потерпевшего право не только добиваться опровержения и уголовного наказания для виновного, но и денежной сатисфакции за причиненный моральный вред. Позднее право на компенсацию морального вреда причинителем такого вреда было подтверждено в Основях гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. (ст. 131)⁷.

Однако еще раньше, согласно Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., перед каждым государством была поставлена задача эффективного восстанов-

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 118–385.

² Декрет о суде № 2 от 15 февраля 1918 года // Декреты Советской власти. Т. 1. М.: Гос. Изд-во полит. Литературы, 1957. С. 466–474.

³ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР»: Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁵ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153.

⁶ О печати и других средствах массовой информации: Закон СССР от 12 июня 1990 года № 1552-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 26. Ст. 492.

⁷ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 года № 2211-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

ления лица «в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» (ст. 8)¹.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII² был ратифицирован Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г., согласно пп. «а» п. 3 ст. 2 которого государство должно «обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве»³.

29 ноября 1985 г. резолюцией 40/34 Генеральная Ассамблея ООН при участии СССР приняла Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. В документе детерминировано понятие «жертв» преступлений, критериями отнесения к которым признано причинение телесных повреждений, морального вреда, эмоциональных страданий, материального ущерба, иное существенное ущемление основных прав и свобод в результате действия или бездействия, криминализованного национальным уголовным правом. Признание жертвой преступления не зависит от изобличения и осуждения преступника. Различаются непосредственные жертвы преступлений и их близкие родственники, иждивенцы, которым при определенных условиях также может быть предоставлен статус жертвы. Ключевыми правами жертв преступлений является уважение их человеческого достоинства, доступ к правосудию и оперативная компенсация причиненного ущерба⁴.

Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., в качестве одной из основных целей провозглашала «необходимость приведения законодательства РСФСР в соответствие с общепризнанными международным сообществом стандартами прав и свобод человека». Поэтому применительно к потерпевшим она оперирует терминологией, присущей упомянутой Декларации ООН: речь идет именно о «жертвах» преступлений и злоупотреблений

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // ООН: оф. сайт. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 03.04.2026).

² О ратификации Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 года № 4812-VIII // Ведомости ВС СССР. 1973. № 40. Ст. 564.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года // ООН: оф. сайт. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 03.04.2026).

⁴ Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // ООН: оф. сайт. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 03.04.2026).

властью и об их ключевых правах на доступ к правосудию и на скорейшую компенсацию за причиненный ущерб¹.

Действующая Конституция Российской Федерации предусматривает охрану законом прав «потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью», а к числу их основных прав относит доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). Таким образом, категория «жертва преступления» заменена категорией «потерпевшего от преступления».

Кроме того, основу правового статуса потерпевших составляют охрана государством достоинства личности и недопустимость его умаления (ч. 1 ст. 21), конституционные гарантии государственной защиты прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45) и право на самозащиту любыми законными способами (ч. 2 ст. 45), в том числе конституционные гарантии судебной защиты прав (ч. 1 ст. 46), право на равноправное и состязательное участие в судопроизводстве (ч. 3 ст. 123).

Понятие «потерпевшего» от преступления раскрывается в ч. 1 ст. 42 УПК РФ, согласно которым потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный и моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. По существу, пролонгировано действие нормы ст. 53 УПК РСФСР 1960 г., а в историко-правовом плане — норм древнерусского права об «увече», «животе», «обиде», «татбе» как основании для наделения пострадавшего правом на компенсацию ущерба наряду с обязательными платежами в пользу государства («виroy»).

Считается, что понятие «потерпевший» — узкое, юридическое, а термин «жертва преступления» — широкий, обыденный, но более точный, трансформируемый правом в понятие «потерпевшего» [Власов, 2000].

Полагаем, что использование категорий «потерпевший от преступлений» и «жертва преступлений» в правовых актах не несет никакой специфики. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power) могла быть переведена и как «Декларация... для потерпевших от преступлений...». В литературе оба понятия также часто употребляются в качестве синонимов (см., в частности: [Мироненко, 2022]). Правильным переводом слова «victims» в контексте Декларации было бы «потерпевшие», поскольку такая интерпретация соответствует тексту юридического акта и его предмету — защите прав пострадавших от преступных посягательств, тогда как перевод «жертвы» употребим в медийном контексте и применим не только к преступлениям, но любым чинящим ущерб действиям и событиям — катастрофам, эпидемиям, экономическим кризисам и т. д.

Использование термина «жертва преступления» в юридическом обороте оправдано в тех ситуациях, когда следствием преступного посягательства явилась смерть потер-

¹ О Декларации прав и свобод человека и гражданина: Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 года № 1920-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

певшего (само слово «жертва» исходит от старославянского «жрътва», родственного словам «жрец», «жрать» — «пожирать огнем», приносить жертву). В этом случае закон допускает переход прав потерпевших к близким родственникам, близким лицам, при отсутствии таковых — к иным родственникам (ч. 8 ст. 42 УПК РФ). В этом случае складывается уникальная ситуация: жертва преступления по понятным причинам не может претендовать ни на какую сатисфакцию, а фактический потерпевший обладает правом на возмещение ущерба, которого мог и не претерпеть. Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, содержащийся в решении суда вывод о близости погибшему лицу, признанного потерпевшим, должен подтверждаться доказательствами¹, с 2017 г. права потерпевших запрещено передавать органам социальной защиты населения, администрациям муниципальных образований². На основании мотивированного решения суда потерпевшими может быть признано несколько близких родственников или близких лиц.

Таким образом, для «перехода прав потерпевшего» от жертвы преступления к близким, к иным родственникам погибшего, к близким к нему лицам ключевым критерием становится не причинение ущерба (которого, по факту, может и не быть, в частности из-за того, что погибший и его родственники давно не поддерживали отношений, расходы на погребение произведены за счет государства, о преступлении им, родственникам, стало известно от следователя и к статусу потерпевшего они относятся формально), а наличие близкого или иного родства, тесные отношения с погибшим при жизни. Поэтому отказ близкому родственнику в признании потерпевшим недопустим, как не обязательно и принятие близким родственником прав потерпевшего. Следователь не обязан выявлять круг всех близких родственников и всех близких к погибшему лиц, не обязан получить заявление об отказе в принятии прав потерпевшего, если на это не претендует сам близкий родственник, иное близкое лицо. Наделение статусом потерпевшего в случае смерти жертвы преступления, прежде всего, предполагает связь потерпевшего с погибшим, а не с преступлением [Стельмах, 2025]. Тем не менее лицо, наделенное правами потерпевшего, фигурирует в процессе как потерпевший, обладает правами потерпевшего в полном объеме в отличие, например, от представителя, законного представителя потерпевшего.

Жертва преступления — погибший — вследствие смерти не может реализовать свои конституционные права, интересы. Не вдаваясь в этические вопросы жизни, смерти, ни в коей мере не ставя под сомнение религиозные учения традиционных конфессий, следует отметить, что жертва преступления при жизни не получает никакого возмещения за причинный вред. При этом погибший мог испытывать боль, особенно если

¹ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 года № 17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 9.

² О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 года № 17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 7.

преступление совершено с особой жестокостью, страх, отчаяние, переживания за судьбу близких. Болезненное состояние, обусловленное причинением тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, может быть длительным, сопровождаться страданиями, осознанием неизбежности смерти, а эффект от медицинских мероприятий паллиативного характера при отсутствии способности больного к коммуникации носит предположительный характер, реальные ощущения пациента остаются неизвестными.

Находящийся в опасном для жизни, критическом состоянии потерпевший, потенциальная жертва преступления, безусловно, имеет право на то, чтобы для его спасения были приняты все возможные меры. Нарушенные функции органов и систем организма должны быть восстановлены, насколько это возможно¹, а возможность спасения жизни и восстановления пострадавшего в некоторых случаях зависит от своевременной маршрутизации больного на высокотехнологичный этап лечения, использования дорогостоящих препаратов, квалификации медицинского персонала и т. д. Фактически некоторые виды медицинской помощи в отдельных случаях не могут быть предоставлены нуждающемуся в них потерпевшему даже при наличии права на их бесплатное получение. Поэтому лицо, совершившее преступление, обязано принять исчерпывающие меры к тому, чтобы необходимая медицинская помощь была оказана потерпевшему, в том числе на платной основе. Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, исковые требования о возмещении с причинителя вреда фактически понесенных расходов на лечение при наличии права на бесплатное получение соответствующего вида медицинской помощи могут быть удовлетворены судом².

В частности, лечебно-профилактическое учреждение, работающее в системе обязательного медицинского страхования (ОМС), не всегда может применить необходимые способы (методы) диагностики и лечения. В силу организационно-технических причин (отсутствие нужных материалов, исчерпание квот и т. д.) не всегда удастся провести диагностику и лечение в сроки, адекватные состоянию пациента. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выбор варианта лечения — платного или бесплатного — остается правом пациента. Применение выходящих за пределы программы ОМС, но предусмотренных клиническими рекомендациями методов диагностики и лечения является законным интересом пациента — потерпевшего от преступления. И это стремление не предвзвешено, оно не подлежит ограничению³.

Таким образом, в рассматриваемом контексте обязанностью государства является не только доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба потерпевшим,

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 25-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 26. Ст. 3518.

² О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина (пп. «а» п. 27): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 3.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2025 года № 4-П // СЗ РФ. 2025. № 6. Ст. 539.

но и принятие всех мер к тому, чтобы максимально, насколько это возможно, снизить число жертв преступлений, не допустить того, чтобы при наличии малейшего шанса на спасение жизни этот шанс не был реализован. Следует отметить, что Российское государство принимает колоссальные усилия по оказанию качественной, своевременной медицинской помощи пострадавшим в террористических актах. Так, вскоре после жестокого террористического акта в г. Беслане Республики Северная Осетия — Алания 3 сентября 2004 г. было незамедлительно организовано лечебно-эвакуационное обеспечение раненых детей, в том числе с использованием новой технологии — размещения реанимобиля в транспортном самолете, благодаря чему ни один ребенок в процессе эвакуации не погиб [Розинов и др., 2015].

Итак, мы полагаем, что понятия «потерпевший от преступления» и «жертва преступления» должны быть разграничены как широкое, юридическое, и узкое, бытовое. «Жертва преступления», с нашей точки зрения, — только тот, для которого преступление и смерть находятся в причинно-следственной связи.

Понятие потерпевшего раскрыто в ст. 42 УПК РФ, но только для целей уголовно-процессуального права, это определение не может быть экстраполировано на уровень конституционного регулирования.

С позиции конституционно-правовой теории понятие «потерпевшего от преступления» необходимо рассматривать, исходя из объектов конституционного регулирования. С. А. Авакьян выделяет четыре таких объекта: 1) общество; 2) государство; 3) человек как первичный компонент общества и гражданин своего государства; 4) отношения, возникающие в процессе осуществления власти народа Российской Федерации [Авакьян, 2021a].

Несмотря на то что Уголовный кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) — «единственный законодательный акт, определяющий преступность, наказуемость и иные уголовно-правовые последствия деяния»¹, он как источник отраслевого законодательства лишь конкретизирует нормы Конституции Российской Федерации, в частности принцип, закрепленный в ч. 2 ст. 54 — «*nullum crimen, nulla poena sine lege*» («нет преступления, нет наказания без указания на то в законе»)². Наказание за совершение общественно опасного деяния, предусмотренное УК РФ, выступает ограничением прав и свобод человека, соразмерным целям защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55). Почему именно уголовно-правовой запрет, а не гражданско-правовой или предусмотренный законодательством об административных правонарушениях? Во-первых, это обусловлено значимостью охраняемых уголовным законом ценностей, во-вторых — существенностью причиняемого вреда,

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2025 года № 3190-О // Конституционный Суд Российской Федерации: оф. сайт. <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision876454.pdf> (дата обращения: 02.06.2026).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 23-П // СЗ РФ. 2018. № 26. Ст. 3932.

в-третьих, свидетельствует о невозможности противодействия криминальным посягательствам иными правовыми средствами.

Конституционным судом России выявлен конституционно-правовой смысл норм уголовного закона о преступлении как основании уголовной ответственности (ст. 2, 8, 14 УК РФ). Это деяние, которому должны быть присущи все признаки состава преступления, причем на момент его совершения, опасное для личности, общества или государства¹. Таким образом, потерпевшими от преступлений, исходя из конституционных предписаний в их истолковании, данным Конституционным Судом, выступают личность (человек, гражданин), общество, государство.

Личность (человек, гражданин), прежде всего, ассоциируется со статусом потерпевшего. Особенная часть УК РФ начинается с преступлений против личности. Уголовно-процессуальный закон связывает понятие потерпевшего с физическими и юридическими лицами, притом что юридические лица по своей конституционно-правовой сущности выступают объединениями граждан². Развивая данную позицию, Конституционный Суд указал, что юридическим лицам как объединениям граждан могут принадлежать основные права и свободы человека и гражданина «в той степени, в какой это право по своей природе может быть к ним применимо». В частности, имущественный вред может быть причинен и физическому, и юридическому лицу. Однако юридическое лицо, имея обособленное имущество, отвечает по обязательствам этим, обособленным имуществом, которому соответственно и причиняется вред преступным посягательством. В данном случае мы ведем речь о тех юридических лицах, которые учреждены физическими лицами, или другими юридическими лицами, учрежденными физическими лицами. Физическое лицо даже в случае осуществления предпринимательской деятельности имущество, используемое для личных нужд и для предпринимательской деятельности, не разграничивает, отвечает по обязательствам всем своим имуществом, и ущерб, причиненный этому имуществу, также не разделяет³. Юридические лица со стопроцентным государственным или муниципальным участием (государственные, муниципальные органы, казенные, бюджетные учреждения, автономные учреждения и т. д.) выполняют функции потерпевших формально, поскольку имущественный ущерб, связанный с хищением имущества, закрепленного за этими организациями, по существу, причиняется государству в широком смысле (то есть Российской Федерации, субъекту Федерации или муниципальному образованию).

Общество, рассматриваемое нами как объединение людей на основе традиционных ценностей, общих интересов, также может быть потерпевшим от преступления. Мы придерживаемся концепции, исходя из которой государство есть общество — го-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 года № 11-П // СЗ РФ. 2021. № 16 (ч. III). Ст. 2874.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 1996 года № 17-П // СЗ РФ. 1996. № 45. Ст. 5202.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 года № 20-П // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 197.

сударственно организованное. Значительная часть интересов общества, действительно, реализуется в рамках государства (политическая система, безопасность, оборона, борьба с преступностью, социальные программы и т. д.). Однако часть дел граждане, их объединения могут осуществлять самостоятельно, без участия государства и его органов: реализация духовных потребностей, культурное развитие, получение информации, общественный контроль за деятельностью исполнительной власти и внесение предложений в сфере политики и деятельности государственных органов, социальная забота, волонтерство, помощь Защитникам Отечества, территориальное общественное самоуправление. Если государство — это государственно организованное общество, то общество (гражданское общество) — это платформа, база общества, сфера решения основных государственных задач [Авакьян, 2021б]. Сотрудничество государства и общества подразумевает не только использование общественных ресурсов для реализации государственной политики, но и оказание поддержки институтам гражданского общества, как это предусмотрено п. «е1» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации. Не менее важно противодействие со стороны государства и его органов криминальным посягательствам на интересы общества — преступлениям против общественной нравственности, против семьи, против конституционных прав и свобод граждан, связанных с их участием в общественной, духовной жизни (в частности, нарушение права на свободу совести и вероисповеданий).

Наконец, потерпевшим может быть и само государство. Разделяя теоретическое наследие В. Е. Чиркина, мы рассматриваем государство как территориальный публичный коллектив — общество в государственных границах страны, для которого (в отличие от общественного объединения) характерна «особая универсальная иерархическая организация населения в соответствии с территориальными признаками»: решение общих вопросов жизнедеятельности, наличие территориальной иерархии (вышестоящие и нижестоящие территориальные публичные коллективы), разветвленность и специализация органов управления, регулирование правовыми нормами, формы принуждения, обеспечивающие единство общество и правопорядок [Чиркин, 2005]. Причинение ущерба муниципальному образованию, а тем более субъекту Федерации — это посягательство на само Российское государство, поскольку субъекты Федерации, даже будучи государствами (как республики) находятся в составе России, являются частью России и не обладают государственным суверенитетом [Гошуляк, 2020], их статус определяется Конституцией Российской Федерации (ч. 1 и 2 ст. 66) и может дополняться, конкретизироваться конституциями республик, уставами других субъектов Федерации, но не поправляться ими [Богданова, 1996 (1997)].

Муниципальное образование как потерпевший от преступления также рассматривается нами в контексте посягательства на интересы государства. Во-первых, Конституция Российской Федерации в действующей редакции допускает непосредственное участие органов государственной власти в формировании власти на муниципальном уровне (ч. 1.1 ст. 131). В современной литературе всё настойчивее говорится о государственной природе местного самоуправления [Чеботарев, 2022] и о фактической невозможности его организации на районном, городском уровне, где реализуются пре-

имущественно государственные функции [Казанник, 2016]. Основной целью местного самоуправления является удовлетворение основных жизненных потребностей населения соответствующей территории¹, муниципальная публичная власть преимущественно хозяйственная, предназначение которой — благоустройство населенного пункта и создание комфортных условий для проживания населения [Евдокимов, Конышева, 2016]. Однако самостоятельность в решении вопросов местного значения, в частности в развитии дорожной, транспортной, социальной инфраструктуры, сбалансирована равными гарантиями социальных прав для всех граждан страны, проживающих в любом муниципальном образовании². Для обеспечения таких равных гарантий предусмотрена система перераспределения бюджетных ресурсов, прежде всего, в целях восполнения недостатка доходов бюджета для решения задач, возложенных на соответствующий уровень публичной власти. Таким образом, местный бюджет, как и бюджет субъекта Федерации, не существуют изолированно, а являются составной частью финансовой системы единого Российского государства³. Причинение ущерба бюджету муниципального образования не только существенно ущемляет права каждого жителя — члена такого территориального публичного коллектива (особенно если коллектив невелик) на получение муниципальных услуг, но, вероятнее всего, потребует компенсации выпадающих доходов из других уровней бюджетной системы, что, собственно, обуславливает наш подход к криминальным посягательствам на интересы любых территориальных публичных коллективов как к преступлениям в отношении государства.

В случае совершения хищения, должностного преступления в отношении государства с причинением имущественного ущерба орган государственной власти, орган местного самоуправления, организация с государственным участием, как уже отмечалось, выступает в качестве потерпевшего формально. По существу, происходит передача прав потерпевшего от территориального публичного коллектива к конкретному юридическому лицу, поскольку в силу ст. 125 ГК РФ от имени публичных образований (территориальных публичных коллективов) имущественные и личные неимущественные права, обязанности осуществляют органы государственной власти, органы местного самоуправления, а по специальному поручению в случаях и порядке, установленном законодательством, — также иные государственные органы, юридические и физические лица.

Участниками хозяйственного общества наряду с государством (субъектом Федерации, муниципальным образованием) могут быть физические и юридические лица, учрежденные физическими лицами. В этом случае в качестве потерпевших следует рассматривать и государство, и физических лиц, а юридическое признание данного хозяйственного общества потерпевшим есть наделение правами потерпевшего в силу закона.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2017 года № 2516-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 1.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2006 года № 5-П // СЗ РФ. 2006. № 22. Ст. 2375.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2004 года № 12-П // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2803.

В литературе уже ставился вопрос о «настоящих» и «ненастоящих» потерпевших, критерием разграничения которых выступает материально-правовая связь лица с криминальным деянием: отсутствие такой связи (наделение правами потерпевшего исключительно в силу родственной связи с ним или близких отношений) и законодательная формулировка «переход прав» потерпевшего свидетельствуют о сходстве такого перехода с гражданскими правоотношениями [Стельмах, 2025].

Поэтому мы считаем, что правовое положение потерпевшего выходит далеко за рамки уголовно-процессуальных норм, как и норм иных отраслей, где возможен потерпевший (в частности, законодательства об административных правонарушениях). Посягательство на основные конституционные права, свободы, ценности, интересы, конституционная обязанность государства защищать потерпевших позволяют считать, что статус потерпевшего является конституционным, детализация которого происходит в отраслевом законодательстве [Матейкович, 2009]. В частности, способ совершения деяния, размер вреда и тяжесть наступивших для потерпевшего последствий разграничивают административную (КоАП РФ) и уголовную (УК РФ) наказуемость этого деяния¹. Степень общественной опасности содеянного зависит от того, насколько значимо для потерпевшего то благо, на которое совершено посягательство². В свою очередь, степень общественной опасности непосредственно учитывается при назначении наказания³, при изменении категории совершенного преступления на менее тяжкую⁴. Юридическое признание потерпевшим от преступления и его права, производные от конституционных, относятся к предмету уголовно-процессуального законодательства. Переход права потерпевшего и оформление полномочий представителя потерпевшего — результат комбинированного регулирования нормами гражданского и уголовно-процессуального законодательства.

В любом случае приобретение статуса потерпевшего обусловлено фактом совершения против него преступления, то есть признаком сущностным⁵, а не формальным, каким является решение следователя, дознавателя или суда о признании потерпевшим.

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2025 года № 1851-О // Конституционный Суд РФ: оф. сайт. <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision855521.pdf> (дата обращения: 19.04.2026).

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 года № 1162-О // Конституционный Суд РФ: оф. сайт. <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision139897.pdf> (дата обращения: 19.04.2026).

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 (абзацы третий и четвертый п. 1) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

⁴ О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 года № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 7.

⁵ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 года № 1555-О // Конституционный Суд РФ: оф. сайт. <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision82445.pdf> (дата обращения: 20.04.2026).

Такое решение «только оформляет, но не формирует статус потерпевшего»¹. Примечательно, что в производстве по делам об административных правонарушениях вынесение самостоятельного процессуального документа о признании потерпевшим вообще не предусмотрено [Аникеенко, Новоселова, 2025]. Однако решение о признании потерпевшим тоже имеет свой конституционно-правовой смысл: во-первых, оно трансформирует фактический статус в юридический; во-вторых, позволяет реализовать процессуальные права в полном объеме; в-третьих, должно быть принято незамедлительно, ибо иначе возможности восстановления нарушенных прав могут быть безвозвратно утрачены². При отсутствии на момент возбуждения уголовного дела сведений о том, кому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения таких данных³.

Одно и то же криминальное деяние может посягать на права, интересы нескольких потерпевших. Это очевидно, когда преступление, охватываемое одним умыслом, причиняет вред более чем одному лицу: убийство двух и более человек, хищение имущества, принадлежащего разным собственникам, и т. д.

Множественность потерпевших возможна при наличии правопреемников лица, погибшего в результате преступления, поскольку на защиту вправе претендовать любой из близких родственников. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации со ссылками на ст. 45, 46 и 52 Основного закона, отказ в признании лица потерпевшим от преступления и в обеспечении его прав возможен лишь при отсутствии соответствующих оснований, т. е. в случае, если права и законные интересы этого лица непосредственно не были затронуты деянием, в связи с которым ведется предварительное расследование или судебное разбирательство. Если же преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких лиц, никто из них не может быть лишен возможности судебной защиты. Значимыми критериями для надения правопреемников погибшего правами потерпевшего, исходя из правовой позиции Конституционного Суда, выступают характер их отношений с лицом, погибшим в результате преступления, значимость для них последствий его смерти⁴.

В рамках одного преступного посягательства, направленного на основной объект, может быть причинен вред и дополнительному объекту. При этом любое преступление, по конституционно-правовому смыслу уголовной ответственности, влечет причинение

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2014 года № 28-П // СЗ РФ. 2014. № 47. Ст. 6632.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2022 года № 18-П // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202205170006> (дата обращения: 22.04.2026).

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2019 года № 1190-О // Конституционный Суд РФ: оф. сайт. <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision404112.pdf> (дата обращения: 22.04.2026).

⁴ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 года № 131-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2005. № 3.

вреда или реальную угрозу его причинения, независимо от указания или не указания в диспозиции нормы УК РФ на общественно опасные последствия как криминообразующие признаки состава деяния¹.

В частности, основным объектом преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ (публичное оскорбление представителя власти), является нормальная деятельность органов власти, их авторитет, дополнительным — честь и достоинство представителя власти. В этой связи подлежат компенсации негативные последствия преступления, причиненные как государству в лице органа власти — управления полиции, так и конкретному физическому лицу — сотруднику полиции².

Жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ) прежде всего причиняет вред обществу, поскольку попирает основные принципы этики и морали, негативно влияет на психику и нравственное развитие детей, разрушает необходимые для нормальной жизнедеятельности социума чувство сострадания, сопереживания, проецирует агрессивное поведение в семье, жестокость к беззащитным, пренебрежение к обществу в целом [Пейсикова, 2023]. Это же преступление причиняет моральный вред человеку, особенно в условиях привязанности к конкретному животному, осуществления заботы о нем, эмоциональной привязанности.

При фальсификации доказательств по уголовному делу (ст. 303 УК РФ) прежде всего «страдают» общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия. В качестве дополнительного объекта выступают права и свободы граждан. Поэтому потерпевшими здесь необходимо признать и государство, и человека, пострадавшего из-за фальсификации доказательств по уголовному делу.

Должностное преступление прежде всего посягает на интересы публичной власти и государственной либо муниципальной службы. Однако в коррупционном преступлении может присутствовать, не желая того, отнюдь не преступник-коррупционер. Речь идет, в частности, о том, кто сталкивается с вымогательством взятки, сообщает об этом в правоохранительные органы, активно сотрудничает со следствием с целью изобличения преступника. Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации, коррупционер, склоняющий другое лицо к даче взятки, даже без признаков вымогательства незаконного вознаграждения, не только нарушает установленный порядок осуществления публично-властной деятельности, но и выражает презрительное, негативное отношение к правам и интересам конкретного человека. Сам по себе факт вовлечения лица в преступную коррупционную деятельность способен причинить нравственные переживания, вплоть до опасений за свои безопасность

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 года № 2257-О // Конституционный Суд РФ: оф. сайт. <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision300640.pdf> (дата обращения: 22.04.2026).

² Обзор практики Верховного суда Российской Федерации по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке), утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 декабря 2024 года // Верховный Суд РФ: оф. сайт. <https://vsrf.ru/documents/reviews/34193/> (дата обращения: 22.04.2026).

и благополучие, одновременно происходит вторжение в имущественную сферу лица, склоняемого к передаче взятки¹. Таким образом, наряду с государством потерпевшим от должностного преступления может быть человек, склоняемый к участию в коррупционной деятельности.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации позволяет рассматривать потерпевших от злоупотреблений властью как потерпевших от преступлений, основным объектом которых выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия, интересы публичной власти и государственной либо муниципальной службы.

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что реализация конституционных норм о потерпевших от преступлений не лишена серьезных проблем. Как отмечается в научной литературе, путь потерпевших к правосудию требует пройти целый ряд стадий, первая из которых (и нередко самая сложная) — возбуждение уголовного дела [Румянцева, 2019]. В частности, сообщение о преступлении практически повсеместно рассматривает участковый уполномоченный полиции, и чаще всего он выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, что препятствует формальному признанию заявителя потерпевшим [Масленникова, 2025]. Указывается на одностороннюю, в пользу обвиняемого, интерпретацию принципа гуманизма, который на самом деле адресован как обвиняемому, так и потерпевшему [Дорошков, 2025]. Ученые обращают внимание на сохранение традиций древнерусского права и Средневековья, согласно которым основное внимание в уголовной политике уделяется наказанию, взысканиям в пользу государства, конфискации и т. д., тогда как восстановление прав потерпевшего остается второстепенной задачей [Антонченко, 2025].

Вместе с тем нормы Конституции, практика Конституционного Суда, Верховного Суда Российской Федерации за сравнительно небольшой в историческом масштабе период времени произвели настоящую эволюцию как в переосмыслении правового положения потерпевшего, так и в создании ему реальных гарантий реализации прав, закрепленных в Основном законе Российского государства.

Список источников

- Авакьян С. А. 2021а. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. Т. 1. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М. 864 с.
- Авакьян С. А. 2021б. О преподавании конституционного права России в современных реалиях: правовые, предметные и методологические (методические) аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. № 4. С. 7–23. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-4-7-23>.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 2024 года № 42-П // СЗ РФ. 2024. № 41. Ст. 6205.

- Аникеенко Ю. Б., Новоселова Н. В. 2025. Административно-деликтное право: учебное пособие / под общ. ред. С. Д. Хазанова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М. 335 с. <https://doi.org/10.12737/2167512>.
- Антонченко В. В. 2025. Сущность уголовного наказания: месть или правосстановление? // Российский судья. № 5. С. 38–42. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-5-38-42>.
- Богданова Н. А. 1996 (1997). Равноправие субъектов Российской Федерации: некоторые проблемы и решения // Правовой статус субъектов современной федерации: российский и зарубежный опыт: Республиканский научно-практический семинар (г. Барнаул, Алтайский государственный университет, 27–28 сентября 1996 г.): тезисы докладов / отв. ред. В. В. Невинский. Барнаул. С. 67–71.
- Власов А. А. 2000. Возмещение вреда жертвам преступлений // Законность. № 2. С. 40–42.
- Гошуляк В. В. 2020. Факторы, влияющие на закрепление правового статуса субъектов Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 4 (56). С. 17–25. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-4-2>.
- Дорошков В. В. 2025. О справедливости и гуманизации современного уголовного правосудия // Мировой судья. № 5. С. 2–8. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2025-5-2-8>.
- Евдокимов В. Б., Конышева Е. Г. 2016. Местное самоуправление в системе публичной власти: конституционные пути развития // Государственная власть и местное самоуправление. № 11. С. 18–23.
- Казанник А. И. 2016. В плену надуманных конструкций // Государственная власть и местное самоуправление. № 6. С. 22–26.
- Маркунцов С. А. 2014. Исторические особенности возникновения первичных уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. № 1. С. 132–142.
- Масленникова Л. Н. 2025. Социально-политическая роль следователя в защите прав потерпевшего от преступления // Российский следователь. № 12. С. 16–20. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2025-12-16-20>.
- Матейкович М. С. 2009. «Конституционализация» уголовного процесса // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Право. № 2. С. 25–29.
- Мироненко С. Ю. 2022. Классификация и типология личности потерпевших от преступлений против жизни и здоровья // Виктимология. Т. 9. № 2. С. 175–181. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2022-19205>.
- Пейсикова Е. В. 2023. Жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ): судебная практика, поиск новых критериев // Уголовное судопроизводство. № 4. С. 10–15. <https://lawinfo.ru/articles/4380/zestokoe-obrashhenie-s-zivotnymi-st-245-uk-rf-sudebnaya-praktika-poisk-novykh-kriteriev>.
- Рожнов А. А. 2024. Русское гражданское право в эпоху Древней Руси // Нотариус. № 2. С. 51–56.
- Розинов В. М., Петлах В. И., Иванов Д. Ю., Шабанов В. Э. 2015. Опыт Беслана: эффективность лечебно-эвакуационного обеспечения детей // Российский вестник детской хирургии, анестезиологии и реаниматологии. Т. V. № 1. С. 33–41.
- Румянцева М. О. 2019. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы: монография. М.: Юстицинформ. 148 с.

- Салтыкова С. А. 2012. Особенности формирования правовой системы Древней Руси // История государства и права. № 15. С. 45–48.
- Стельмах В. Ю. 2025. Участие в уголовном деле потерпевшего вместо лица, погибшего в результате совершения преступления // Уголовное право. № 7. С. 72–81. <https://newtech.legal/cabinet/catalog/ugolovnoe-pravo/7861/9523/>.
- Чеботарев Г. Н. 2022. Муниципальная власть в единой системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. № 1. С. 57–60. https://old.lawinfo.ru/assets/files/Konst/2022/1/Konst_1_22-12.pdf.
- Чиркин В. Е. 2005. Публичная власть. М.: Юристъ. 175 с.

References

- Avakyan, S. A. (2021a). *The Constitutional Law of Russia. Training Course: in 2 Vols. Vol. 1.* (7th ed. rev & enl.). Norma: INFRA-M. [In Russian]
- Avakyan, S. A. (2021b). On granting the Constitutional Law of Russia in modern realities: Legal, subject and methodological aspects. *Moscow Juridical Journal*, (4), 7–23. <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-4-7-23> [In Russian]
- Anikeenko, Yu. B., & Novoselova, N. V. (2025). *Administrative and Tort Law* (Edited by S. D. Khazanov. 2nd ed. rev. & enl.). INFRA-M. <https://doi.org/10.12737/2167512> [In Russian]
- Antonchenko, V. V. (2025). The essence of criminal punishment: Revenge or restoration of rights?. *Russian Judge*, (5), 38–42. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-5-38-42> [In Russian]
- Bogdanova, N. A. (1996, 1997). Equality of subjects of the Russian Federation: Some problems and solutions. In *Republican Scientific and Practical Seminar “Legal Status of Subjects of the Modern Federation: Russian and Foreign Experience”* (September 27–28, Barnaul, Russia) (pp. 67–71). [In Russian]
- Vlasov, A. A. (2000). Compensation for damage to victims of crimes. *Zakonnost = Legality*, (2), 40–42. [In Russian]
- Goshulyak, V. V. (2020). Factors influencing the subjects’ legal status of the Russian Federation. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. Law*, (4), 17–25. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2020-4-2> [In Russian]
- Doroshkov, V. V. (2025). On fairness and humanization of modern criminal justice. *Magistrate Judge*, (5), 2–8. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2025-5-2-8> [In Russian]
- Yevdokimov, V. B., & Konysheva, E. G. (2016). Local government within the system of public authorities: Paths of constitutional development. *State Power and Local Self-government*, (11), 18–23. [In Russian]
- Kazannik, A. I. (2016). In the grip of pointless constructions. *State Power and Local Self-government*, (6), 22–26. [In Russian]
- Markuntsov, S. A. (2014). Historical features of origin of primary criminal prohibitions. *Journal of Russian Law*, (1), 132–142. [In Russian]
- Maslennikova, L. N. (2025). The socio-political role of the investigator in protecting the rights of crime victims. *Russian Investigator*, (12), 16–20. <https://doi.org/10.18572/1812-3783-2025-12-16-20> [In Russian]

- Mateikovich, M. S. (2009). "Constitutionalization" of criminal proceedings. *Vestnik TSU. Law*, (2), 25–29. [In Russian]
- Mironenko, S. YU. (2022). Classification and typology of personality of victims of crimes against life and health. *Victimology*, 9(2), 175–181. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2022-19205> [In Russian]
- Peisikova, E. V. (2023). Cruelty to animals (Article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation): Judicial practice, search for new criteria. *Criminal Judicial Proceedings*, (4), 10–15. Retrieved from <https://lawinfo.ru/articles/4380/zestokoe-obrashhenie-s-zivotnymi-st-245-uk-rf-sudebnaya-praktika-poisk-novykh-kriteriev> [In Russian]
- Rozhnov, A. A. (2024). Russian civil law in the era of Ancient Rus. *Notary*, (2), 51–56. [In Russian]
- Rozinov, V. M., Petlakh, V. I., Ivanov, D. Yu., & Shabanov, V. E. (2015). The Beslan experience: The effectiveness of medical and evacuation support for children. *Russian Bulletin of Pediatric Surgery, Anesthesiology and Resuscitation*, V(1), 33–41. [In Russian]
- Rumyantseva, M. O. (2019). *Initiation of a Criminal Case: Problems and Prospects*. Yustitsinform. [In Russian]
- Saltykova, S. A. (2012). Features of the formation of the legal system of Ancient Rus. *History of the State and Law*, (15), 45–48. [In Russian]
- Stelmakh, V. Yu. (2025). Participation in a criminal case of a victim instead of a person who died as a result of a crime. *Criminal Law*, (7), 72–81. Retrieved from <https://newtech.legal/cabinet/catalog/ugolovnoe-pravo/7861/9523/> [In Russian]
- Chebotarev, G. N. (2022). Municipal government in the single government system. *Constitutional and Municipal Law*, (1), 57–60. Retrieved from https://old.lawinfo.ru/assets/files/Konst/2022/1/Konst_1_22-12.pdf [In Russian]
- Chirkin, V. E. (2005). *Public Power*. Jurist. [In Russian]

Сведения об авторе

Елена Александровна Кислова, кандидат юридических наук, Москва, Россия
kislowaea@gmail.com

Information about the author

Elena Aleksandrovna Kislova, Cand. Sci. (Jur.), Moscow, Russia
kislowaea@gmail.com

К вопросу об уголовной ответственности дроперов по законодательству России

Виктор Иванович Морозов[✉],
Сергей Геннадьевич Лосев^{✉✉}

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакты для переписки: v.i.morozov@utmn.ru[✉], s.g.losev@utmn.ru^{✉✉}

Аннотация. В последнее время в России наблюдался взрывной рост преступлений, связанных с мошенничеством с использованием информационно-коммуникационных сетей. Одним из звеньев системы хищений являются так называемые дроперы — люди, которые содействуют мошенникам в выводе похищенных средств из банковской системы. Сравнительно недавно борьба с дроперством осложнялась тем, что их участие в преступных схемах не подразумевало осведомленности о преступном происхождении тех денежных средств, которые дропер переводит на счета, обналичивает или иным образом содействует преступникам, похитившим средства. Изменения, которые были внесены в ст. 187 УК РФ, позволяют привлекать дроперов к уголовной ответственности вне зависимости от их вовлеченности в мошеннические схемы. Анализу данных изменений и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: дроперы, дроперство, мошенничество, легализация преступных доходов

Цитирование: Морозов В. И., Лосев С. Г. 2026. К вопросу об уголовной ответственности дроперов по законодательству России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 128–143. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-128-143>

Поступила 05.02.2026; одобрена 16.02.2026; принята 08.05.2026

On the criminal liability of droppers under Russian law

Viktor I. Morozov[✉], Sergey G. Losev^{✉✉}

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding authors: v.i.morozov@utmn.ru[✉], s.g.losev@utmn.ru^{✉✉}

Abstract. Russia is experiencing an explosive growth in crimes related to fraud using information and communication networks. One of the links in the system of theft is the so-called droppers — people who assist fraudsters in withdrawing stolen funds from the banking system. Until relatively recently, the fight against droppers was complicated by the fact that their participation in criminal schemes did not imply awareness of the criminal origin of the funds that the dropper transferred to accounts, cashed out, or otherwise assisted the criminals who had stolen the funds. Changes that were made to the Criminal Code of the Russian Federation in terms of amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation allow for the prosecution of droppers regardless of their involvement in fraudulent schemes. This article is devoted to the analysis of these changes.

Keywords: droppers, droppery, fraud, money laundering

Citation: Morozov, V. I., & Losev, S. G. (2026). On the criminal liability of droppers under Russian law. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 128–143. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-128-143>

Received Feb. 5, 2026; Reviewed Feb. 16, 2026; Accepted May 8, 2026

Введение

В последние годы Россию буквально накрыла волна «дистанционно-коммуникационного» мошенничества, совершаемого посредством телекоммуникационных сетей: мошенники используют общение в социальных сетях и телефонные звонки, чтобы убедить россиян перевести им значительные суммы денег или совершить террористический акт. Целью работы является анализ проблемы уголовно-правового противодействия незаконному обороту средств платежа, в том числе электронных, а также разработка предложений по совершенствованию действующего законодательства в рассматриваемой сфере.

Обзор литературы

Необходимо отметить то обстоятельство, что тема дроперства стала привлекать внимание авторов публикаций на юридическую тематику начиная с 2023 г., которых можно распределить как минимум на три группы: те, кто пишет на уголовно-правовую

проблематику дроперства, те, кто описывает криминологические проблемы данного уголовно-правового явления, и те, кто описывает криминалистические, процессуальные и оперативно-розыскные проблемы дроперства. К первой группе можно отнести А. В. Архипова, О. В. Зайцеву, А. А. Зверева [Архипов, 2025; Зайцева, 2024; Зверев, 2025]. Ко второй группе можно отнести следующих авторов: С. Л. Кисленко, А. Д. Фокина, Н. А. Саморай, М. А. Уколову, Э. Л. Сидоренко¹ [Кисленко, Фокин, 2025а, 2025б; Саморай и др., 2024; Саморай, Романовский, 2025; Сидоренко, 2025]. Наконец, к третьей группе можно отнести И. С. Марсакова, А. А. Шевченко [Марсаков, 2025; Шевченко, 2025].

Нужно отметить тот факт, что, как правило, в этих публикациях отсутствует подробный анализ содержания ч. 3–6 ст. 187 УК РФ.

Методы

В ходе проведения исследования применялись следующие методы:

- основу исследования составил диалектический метод и иные общенаучные и частнонаучные методы, позволившие определить рамки исследования и его основных составляющих — уголовной ответственности за нелегальный оборот средств платежа и электронных средств платежа;
- формально-юридический метод как основной метод анализа текста нормативных источников и содержащихся в них понятий;
- гипотетико-дедуктивный метод связан с соотношением выдвинутых предложений и гипотез с эмпирическими данными;
- диалектический метод, увязывающий изменения в действующем законодательстве с изменениями социально-экономического состояния общества;
- изучения и анализа нормативных актов, в том числе нормативных источников России, касающихся уголовно-правового преследования за нелегальный оборот средств платежа.

Результаты и обсуждение

Проблемы «дистанционного» мошенничества касаются не только нашей страны. Согласно сведениям известного украинского журналиста А. Шария, выходцы с Украины под контролем местных спецслужб создали настоящую индустрию мошенничества, центром которой является бывший Днепропетровск, в котором «колцентры» действуют, ничуть не скрываясь. Филиалы данных колцентров были также обнаружены в Грузии, Молдавии, Албании. Жертвами становятся не только граждане России, но и стран ЕС, Турции, Канады, ОАЭ. Для введения в заблуждение своих жертв мошенники нанимают носителей языков, предлагая им переезд. Они предлагают потерпевшим скачать

¹ Данная работа отличается уголовно-правовым анализом изменений в ст. 187 УК РФ.

приложения, которые похищают персональные данные пользователей, приобрести «мусорные» акции и т. д.¹

Необходимо отметить, что соучастники украинских колцентров действуют и на территории России. Так, в сообщении ТАСС от 25.07.2025 указывалось, что на территории Новосибирской, Московской, Томской областей и Алтайского края сотрудниками ФСБ были задержаны участники преступных групп, причастные к 35 эпизодам мошенничества на сумму свыше 200 млн рублей [Богацкая, 2024].

По оценкам, которые привел в своем интервью И. С. Ашманов, всего в украинской индустрии мошенничества занято от 50 до 100 тыс. человек. Один из признанных экспертов в российской IT-сфере в качестве детерминант эпидемии цифрового мошенничества называет следующие:

1. Массовая неразумная цифровизация, когда многие процессы в обществе бездумно переводятся в дистанционно-цифровой формат по мотиву удобства и прогресса. При этом эти прогресс и удобство носят достаточно сомнительный характер: по остроумному замечанию И. С. Ашманова, раньше вор мог украсть у вас кошелёк с сотней рублей, а сегодня может украсть сразу миллион с вашего счета в банке.
2. Недостаточная ответственность участников предпринимательской и иных видов деятельности за сохранение персональных данных. По мнению Ашманова, наиболее действенной мерой явилось бы введение оборотных штрафов, что, с одной стороны, заставило бы организации приложить усилия для усиления цифровой безопасности, с другой — отбило бы желание бездумно собирать персональные данные граждан, которые затем мошенники используют для введения потерпевших в заблуждение.
3. Отсутствие контроля за операторами связи, в том числе мобильной (для совершения звонков своим жертвам преступники используют так называемые сим-боксы — прибор, к которому подключают множество сим-карт, что не может не привлекать внимание персонала операторов сотовой связи, однако никакой ответственности за это операторы не несут).
4. Массовое использование зарубежных программных и аппаратных решений при наличии отечественных аналогов, что создает условия в том числе и для цифрового шпионажа со стороны недружественных государств².

Также следует отметить, что в качестве одной из детерминант рассматриваемых видов преступлений можно назвать широкое использование в России зарубежных социальных сетей и мессенджеров, которые могут не соблюдать российское законодательство.

¹ Шарий А. Турки будут бомбить Киев вместо ЕС? [Видео] // Рутуб. <https://rutube.ru/video/2ad68594fecf0ebfdcf7b7fc92870b9f/> (дата обращения: 20.01.2026).

² Цепляев В. Кражи, шпионаж, отупление. Игорь Ашманов оценил плоды бездумной цифровизации // Аргументы и факты. <https://aif.ru/society/safety/krazhi-shpionazh-otupenie-igor-ashmanov-ocenil-plody-bezdumnoy-cifrovizacii> (дата обращения: 20.01.2026).

Ограничение в использовании Telegram и WhatsApp привело к резкому сокращению мошеннического трафика в мессенджерах на 70%¹.

Важно, что телефонные мошенники выступают в качестве «деталей» механизма по вербовке граждан России для совершения террористических актов и диверсий, о чем предупреждает ФСБ².

Анализ правоприменительной практики показывает, что одним из важнейших звеньев в системе «телефонных мошенничеств» являются т. н. дроперы (которые по сути являются разновидностью т. н. «обнальщиков»), поскольку на них лежит функция вывода похищенных средств из банковской системы. Очевидно, что без соответствующей инфраструктуры, которая включает в себя безналичные счета, контролируемые группировками мошенников, совершение хищений было бы просто невозможно. Точно так же очевидно, что пока похищенные средства находятся на счетах, всегда имеется возможность для правоохранительных органов блокировать их и вернуть потерпевшим. Понятно, что в сложившихся условиях открывать счета в российских банках из-за границы связано с определенными сложностями. Следовательно, именно благодаря лицам, которые соглашаются принять участие в схемах по передаче мошенникам своих счетов в российских банках, «телефонные мошенники» могут продолжать свою деятельность.

Согласно сведениям Е. А. Чеклауковой, дроперов можно классифицировать по мотивации и по месту в системе легализации похищенных средств [Чеклаукова, 2025]:

- согласно первой классификации, дроперы бывают «неразводные», которые осведомлены о своей роли в совершаемых преступлениях, и «разводные», которые не понимают, что участвуют в совершении общественно-опасного деяния;
- исходя из роли в механизме перемещения средств, выделяют «обнальщиков», которые выводят средства, «транзитников», которые перемещают средства между счетами, и «заливщиков», которые зачисляют наличные средства на счета.

Подробно механизм совершения дропа описан в работе А. М. Ахатовой [Ахатова, 2025].

Необходимо отметить, что на проблему уголовной ответственности дроперов существовали различные точки зрения.

Так, О. В. Зайцева отстаивает позицию, что в УК РФ не следовало вносить каких-либо изменений и действующей редакции УК РФ было достаточно [Зайцева, 2025].

Схожую позицию высказывала Е. Е. Самсина, в частности, указывая, что дроперов можно привлекать к ответственности по ст. 174 УК РФ [Самсина, 2025].

Однако, например, А. Б. Латышев и его научный руководитель Р. В. Колесников высказывают сомнения в части возможности привлечения дроперов по ст. 174 УК РФ, мотивируя это тем, что такие действия следует рассматривать не как легализацию денежных средств, похищенных у потерпевших, а как способ их сокрытия [Латышев, 2025].

¹ В четырех регионах России задержали соучастников украинских кол-центров // Тасс. <https://tass.ru/proisshestviya/24607489> (дата обращения: 20.01.2026).

² ФСБ: Так называемые «мошенники» организовали рекрутинг пенсионеров-смертников как системный бизнес-процесс // Афтершок. <https://aftershock.news/?q=node/1532777> (дата обращения: 20.01.2026).

Схожую позицию заняла У. И. Богацкая, которая указывала на невозможность привлечения к ответственности за деятельность дроперов в соответствии с прежней редакцией УК РФ [Богацкая, 2024].

Советник АБ «Соколов, Трусов и партнеры» М. Бакакина указала, что основной проблемой привлечения к уголовной ответственности дроперов по ст. 159 УК РФ или ст. 187 УК РФ (в прежней редакции) является содержание субъективной стороны совершаемого ими деяния: зачастую среднестатистический «дроппер» не задумывается о том, как принадлежащие ему финансовые инструменты будут использованы другими лицами. «Их редко посвящают в вопросы дальнейшего использования приобретенного банковского продукта»¹.

Показательным в плане привлечения к ответственности за дроппинг можно назвать уголовное дело по привлечению к ответственности Т.

Приговором Кировского районного суда г. Иркутска от 23.12.24 Т. был осужден по ч. 1 ст. 187 УК РФ (в прежней редакции) за сбыт банковских карт. Т. зарегистрировал на свое имя ООО, при этом, как было установлено, без цели реально заниматься предпринимательской деятельностью, а для того чтобы получить электронные средства, предназначенные для дистанционного осуществления денежных операций по расчетным счетам. Банковские карты, логины и пароли виновный за деньги передавал неустановленному лицу, осознавая, что третьи лица могут осуществлять операции по счету.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 13 марта 2024 г. приговор в отношении Т. был оставлен без изменения.

Однако кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29.10.2024 приговор и апелляционное определение в отношении Т. отменены, уголовное дело по ч. 1 ст. 187 УК РФ прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления.

В кассационном представлении прокурора в ВС РФ содержалось требование передать дело на новое кассационное рассмотрение. Также прокурор указал, что суд неправильно истолковал нормы уголовного закона и сделал ошибочный вывод об отсутствии в действиях Т. состава преступления.

Отказывая в удовлетворении данного представления, коллегия по уголовным делам указала следующее:

- норма, содержащаяся в ч. 1 ст. 187 УК РФ, предполагает уголовную ответственность лишь при доказанности умысла лица, в том числе включающего осознание им предназначения изготавливаемых или сбываемых электронных средств;
- суд кассационной инстанции в своем решении обоснованно указал на отсутствие доказательств поддельности банковских карт и других документов, полученных Т. в банке, а также доказательств, подтверждающих то обстоятельство,

¹ Павлова З. Предложено активнее бороться с неправомерным оборотом средств платежей // Адвокатская газета. <https://www.advgazeta.ru/novosti/predlozhenoe-aktivnee-borotsya-s-nepravomernym-oborotom-sredstv-platezhey/> (дата обращения: 20.01.2026).

что указанные в приговоре электронные средства и электронные носители информации изначально, при их изготовлении, были предназначены для противоправных целей;

- сами по себе действия Т. — открытие расчетных счетов без намерения осуществления предпринимательской деятельности — при отсутствии преступного умысла не являются преступлением¹.

Отечественный законодатель по факту криминализировал дроперство вне зависимости от осознания виновным дальнейшего использования оформленных на него банковских карт и иных электронных средств платежа. По инициативе Правительства РФ, для борьбы с электронным мошенничеством был принят законопроект, в котором были предусмотрены меры ответственности для тех, кто участвует в схемах по выводу средств, похищенных у граждан.

24.06.2025 Президентом Российской Федерации В. В. Путиным был подписан федеральный закон о внесении изменений в ст. 187 УК РФ: в нее добавлены новые части с третьей по шестую, а также четыре примечания.

Пояснительная записка к законопроекту указывает, что проект разработан в целях совершенствования правовых механизмов противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе электронных средств платежа (далее — ЭСП) и доступа к ним, которые применяются для оборота денежных средств, полученных преступным путем.

В записке отмечается, что по итогам 2024 г. зарегистрировано более 485 тыс. преступлений, предусмотренных ст. 158, 159, 159.3, 159.6 УК РФ с использованием электронных платежных средств, а сумма ущерба составила 197,5 млрд рублей².

В качестве одного из условий рассматриваемой противоправной деятельности авторы законопроекта называют «серый» рынок сбыта ЭСП, владельцы которых открывают платежные карты, электронные кошельки и счета на свое имя с целью их дальнейшей передачи или предоставления доступа к ним за денежное вознаграждение третьим лицам, либо для неправомерного осуществления операций по приему, переводу денежных средств, выдаче и (или) получению наличных денежных средств, а также рынка услуг по обналичиванию преступных доходов лицами, не причастными к совершению самих уголовно наказуемых деяний, в результате которых такие доходы извлекаются.

Авторы пояснительной записки указывали, что законодательство не содержит прямого запрета на такую деятельность, а отсутствие у держателей ЭСП умысла на хищение имущества не позволяет привлекать их к уголовной ответственности в рамках уголовно-правовых запретов на хищения.

¹ Определение Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по № 66-УДП25-11-К8 // Верховный Суд Российской Федерации: оф. сайт. https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2454058 (дата обращения: 03.06.2026).

² О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: Законопроект № 909076-8 [В архиве] // Система обеспечения законодательной деятельности. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/909076-8> (дата обращения: 03.06.2026).

Рассматриваемый закон призван разрешить проблему так называемых дроперов, которые являются одним из ключевых звеньев в схемах совершения дистанционного мошенничества с использованием телекоммуникационных сетей.

В нынешней редакции ст. 187 УК РФ имеет шесть частей и четыре примечания — такая сложная система присуща весьма ограниченному количеству статей в Особенной части УК РФ.

Если рассматривать регулирующее законодательство, то можно назвать федеральный закон о платежной системе¹, который использует схожие термины. В качестве актов толкования права можно назвать разве что Постановление Пленума Верховного Суда РФ о фальшивомонетничестве².

Ст. 187 содержит 6 разновидностей составов преступлений, причем часть первая и вторая содержат взаимосвязанные составы — основной и квалифицированный, а остальные части содержат отдельные смежные составы преступлений.

Часть первая содержит основной формальный состав тяжкого преступления, который предусматривает ответственность за оборот поддельных электронных средств, используемых в сфере платежа, при отсутствии признаков фальшивомонетничества.

Часть вторая содержит квалифицированный состав данного преступления, совершенного организованной группой, и также относится к категории тяжкого преступления, хотя, исходя из принципов построения уголовно-правовых санкций, уместно ужесточить размер наказания по ч. 2 ст. 187 УК РФ, позволяющий отнести эту часть статьи к особо тяжким преступлениям.

Третья часть предусматривает ответственность клиента оператора платежных систем доступа к своим электронным средствам платежа. Состав с альтернативными действиями, формальный. Четвертая часть предусматривает ответственность клиента оператора платежных систем за неправомерные операции по переводу денежных средств при отсутствии признаков незаконной банковской деятельности. Состав формальный, также с альтернативными действиями. Санкции ч. 3 и 4 позволяют отнести эти деяния к преступлениям средней тяжести.

Часть пятая предусматривает ответственность за сбыт электронных средств платежа лицом, которому они не принадлежат. Состав формальный, с альтернативными действиями, санкция характеризует это преступление, как тяжкое.

И, наконец, шестая часть предусматривает ответственность за осуществление неправомерных операций с использованием электронного средства платежа лицом, которому данное средство не принадлежит. Состав формальный, с альтернативными действиями. Это деяние также относится к категории тяжкого преступления.

¹ О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 03.06.2026).

² О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (ред. от 06.02.2007) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4040/ (дата обращения: 03.06.2026).

Видовым объектом рассматриваемых преступлений, по мнению законодателя, являются общественные отношения в сфере экономической деятельности. К такому выводу можно прийти исходя из того, что ст. 187 расположена в Главе 22 УК РФ. С этой позицией можно поспорить, в силу того что рассматриваемые преступления посягают и на общественные отношения в сфере отправления правосудия, так некоторые из них представляют собой прикосновенность к преступлению (например, преступление, предусмотренное ч. 6 ст. 187 УК РФ). Если рассматривать непосредственный объект, то сразу можно отметить тот факт, что в теории российского уголовного права не существует однозначной классификации объектов уголовно-правовой охраны норм, содержащихся в главе 22 УК РФ, однако вряд ли погрешим против истины, если в качестве такового укажем установленный порядок оборота средств платежей, в том числе электронных.

В качестве предмета преступления выступают поддельные платежные карты, распоряжения о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, а также ЭСП.

При этом ключевые признаки ЭСП в УК РФ и регулирующем нормативном акте одинаковы, разница только в редакции.

Разница между данными определениями, как представляется, только в том, что, пытаясь отграничить электронное средство платежа от электронного средства, в тексте УК РФ законодатель акцентирует внимание на легальный статус электронного средства платежа.

Также статья вводит такой вид средства совершения преступления, как электронное средство, под которым понимается не предусмотренное законодательством РФ или полученное незаконным (преступным) путем средство и/или способ, который позволяет передать поручение оператору перевода денежных средств осуществление приема, выдачи, перевода денежных средств, не предусмотренные законодательством Российской Федерации, либо средство, эмитированное (предоставленное) с использованием недостоверных сведений.

Как представляется, к электронным средствам следует отнести незаконно изготовленные средства доступа к электронным счетам. Как уже отмечено выше, объективная сторона составов, описанных в ч. 1 и 2 ст. 187 УК РФ, является альтернативной и включает в себя изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыт предметов преступления.

Объективная сторона ч. 3 ст. 187 УК РФ также представляет собой альтернативу из передачи виновным законно полученных им ЭСП третьему лицу (для неправомερных целей) либо предоставление неправомερного доступа к своим ЭСП другому лицу

Объективная сторона ч. 4 ст. 187 УК РФ запрещает совершение неправомερных операций с использованием ЭСП виновным, который владеет доступом к ЭСП законно. Указанные действия должны осуществляться либо по указанию другого лица, либо в его интересах.

Ч. 5 ст. 187 УК РФ предусматривает ответственность за приобретение либо передачу другому лицу ЭСП или доступа к нему, либо приобретение ЭСП для осуществления неправомερных операций, совершенные виновным, который не имеет правомερного доступа к указанным ЭСП.

И, наконец, ч. 6 предусматривает ответственность за совершение неправомерных действий с использованием ЭСП виновным, который владеет или получил доступ к ЭСП незаконно. Фактически законодатель криминализировал приготовление к совершению преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ. Поскольку такой способ умышленного создания условий для легализации денежных средств, приобретенных преступным путем, является самостоятельным преступлением, дальнейшие действия по приданию правомерного вида владению, пользованию или распоряжению этими денежными средствами следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 6 ст. 187 и ст. 174 (174.1) УК РФ.

Субъекты рассматриваемых составов преступлений весьма разнообразны.

Части 1–3 содержит в себе признаки общего субъекта преступления.

Так, 10.09.2025 Ульяновский областной суд прекратил уголовное дело в отношении П., возбужденное по ч. 3 ст. 187 УК РФ, в связи с истечением сроков давности, совершенное при следующих обстоятельствах: в конце октября 2022 г. к П. обратился ранее ему не знакомый А., который предложил за денежное вознаграждение в размере выполненных контрактов по фиктивному статусу индивидуального предпринимателя оформить П. в качестве индивидуального предпринимателя, при этом всю работу должен был выполнять А. В свою очередь, П. согласился на предложение оформить статус индивидуального предпринимателя без цели ведения финансово-хозяйственной деятельности. В ответ А. при нем зашел на сайт налоговой службы, где от имени П. зарегистрировался в качестве ИП. В последующем А. просил П. открыть расчетные счета в банках и передать карточки, банковские документы и сим-карты, прикрепленные к банковским счетам. П. на предложения согласился, при этом показал, что доступ от данных счетов передал третьим лицам, операций по ним не производил, ни с кем договоры не заключал, каких-либо услуг не оказывал¹.

Кроме того, Ш. в июле 2023 г. предложил Р. за вознаграждение зарегистрироваться в качестве ИП, после чего за определенную сумму получил от Р. банковскую карту от его расчетного счета как ИП и ПИН-код к ней².

Ч. 4 указывает, что субъектом преступления является лицо, которое выступает клиентом оператора системы перевода денежных средств, т. е. находится в гражданско-правовых отношениях с теми юридическими лицами, которые занимаются переводом наличных-безналичных денежных средств, — банками, мобильными операторами и т. д. Отношения «клиент — оператор» должны существовать в связи с тем, что ЭСП, которое выступает предметом преступления, использовались виновным для осуществления

¹ Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 10.09.2025 по делу № 22-1378/2025 // Ульяновский областной суд: оф. сайт. https://oblsud--uln.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=19932238&_uid=366efaad-8570-4d85-8fec-d5d159e88532&_deloId=1540006&_caseType=&_new=4&srv_num=1 (дата обращения: 03.06.2026).

² Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 01.10.2025 по делу № 22-1510/2025 // Ульяновский областной суд: оф. сайт. <http://www.ulobsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=121584> (дата обращения: 03.06.2026).

неправомерных операций по переводу денежных средств по указанию другого лица или в его интересах, в противном случае содеянное следует квалифицировать по другим частям рассматриваемой статьи.

Так, 01.08.2025 в Москве было направлено первое уголовное дело по ч. 4 ст. 187 УК РФ в отношении виновной, которая предоставила доступ к своему банковскому счету мошенникам. Испытывая материальные затруднения в связи с необходимостью оплачивать многочисленные кредиты, виновная, воспользовавшись интернет-рекламой, связалась с мошенниками, которые дали ей указания зарегистрироваться в качестве ИП и открыть как индивидуальный предприниматель счет, а реквизиты, обеспечивающие доступ к счету, выслать им. Мошенники перечислили и вывели со счета более 10 млн рублей, ранее полученных преступным путем. За свои «услуги» виновная получила 5 тыс. рублей¹.

В Красноярском крае возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 187 УК РФ о неправомерном обороте средств платежей в отношении несовершеннолетней. 16-летняя школьница обнаружила в социальной сети объявление о работе в удаленном формате и связалась с «работодателем». Мошенник предложил ей переводить через счет ее банковской карты денежные средства, получая за это процент. При этом в отдел полиции № 8 МУ МВД «Красноярское» обратилась местная жительница с заявлением о мошенничестве. Выяснилось, что похищенные у потерпевшей деньги были переведены на счет школьницы. Всего виновная выручила 1 600 руб.²

Ч. 5 и 6 предусматривают ответственность для тех виновных, которые не имели законных прав для использования ЭСП, к которым они имели доступ и использовали их.

Так, Т. 19.08.2025 был задержан по ч. 6. ст. 187 УК РФ за приобретение у неустановленного лица доступа к безналичному банковскому счету³.

Что же касается вопросов разграничения составов преступлений, содержащихся в ст. 187 УК РФ, то, субъективно, к числу таковых можно отнести три группы составов.

Первая группа — это составы, содержащиеся в ст. 172 УК РФ, так как эта статья прямо указана в ст. 187 УК РФ. Как представляется, главный признак, отграничивающий деятельность дроперов от незаконной банковской деятельности, заключается в том, что дроперы пользуются существующей банковской инфраструктурой, не пытаются создать параллельные банковские институты. В том же случае, если для перемещения похищенных денежных средств дроперы будут использовать собственные каналы перемещения денег для их вывода, например, создают коммерческую организацию и используют ее возможности для незаконной банковской деятельности, то содеянное следует квалифицировать по ст. 172 УК РФ.

¹ Волк И. Прокуратура Москвы направила в суд первое уголовное дело в отношении дропера // Интерфакс. <https://www.interfax.ru/moscow/1039207> (дата обращения: 20.01.2026).

² Розанова И. В Красноярском крае завели первое уголовное дело по закону о дроперах // РБК. <https://www.rbc.ru/life/news/68bea9d59a7947cea9382725?ysclid=mfwlfq6t4y97557318> (дата обращения: 20.01.2026).

³ Апелляционное постановление № 10-19591/2025 от 16.09.2025 по делу № 3/1-0118/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. <https://sudact.ru/regular/doc/Vt26pWJsqoHw/> (дата обращения: 04.06.2026).

Вторая и третья группа — это уже упоминавшиеся нормы, предусматривающие ответственность за отмыwanie денежных средств, полученных преступным путем, а также нормы, предусматривающие ответственность за мошенничество.

Как уже было отмечено ранее, просто в силу того, что действия дроперов, даже если они являются умышленным созданием условий для совершения другого преступления, образуют самостоятельный состав оконченного преступления, их деяния следует квалифицировать по совокупности соответствующей части ст. 187 УК РФ и статье, предусматривающей ответственность за те деяния, для совершения которых осуществлялось дроперство.

Какие же правила квалификации можно сформулировать применительно к новой редакции ст. 187 УК РФ?

В том случае, если дропер не осознает дальнейшее использование тех средств платежа, которые зарегистрированы на его имя в преступных целях, то содеянное квалифицируется только по соответствующей части ст. 187 УК РФ.

Если же совершение общественно опасного дроперства являлось подготовкой к совершению мошеннических действий, вымогательства, легализации доходов от преступления, в том числе от ранее совершенных хищений, то содеянное, как представляется, следует квалифицировать по совокупности ст. 187 УК РФ и соответствующей статьи Особенной части УК РФ — 159–159.6, 163, 174, 174.1 УК РФ, в зависимости от стадии преступной деятельности со ссылкой на ст. 30 УК РФ либо без нее, если такое преступление было окончено.

Если дропер принимал участие в хищении выводимых средств, то содеянное следует квалифицировать по совокупности оконченного хищения (или вымогательства) и по соответствующей части ст. 187 УК РФ.

Вступление в силу закона практически сразу повлекло возбуждение нескольких уголовных дел в отношении любителей «заработать» без значительных усилий.

Так, было возбуждено уголовное дело в отношении гражданина, скупавшего банковские карты и перепродававшего их мошенникам. Выдал его один из дропов, который предоставлял ему свои данные. Воспользовавшись предоставляемым примечанием правом на освобождение от уголовной ответственности, он сообщил данные о том, кому передал в управление открытый на него счет¹.

Нужно отметить, что нормы, содержащиеся в ст. 187 УК, стали активно применяться как органами следствия, так и суда.

Выборочное изучение судебной практики судов Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновской области, Казани, Екатеринбурга позволяет сделать вывод о том, что в судах имеется устойчивая практика применения норм ст. 187 УК РФ в прежней редакции. Нередко приговоры по ст. 187 УК РФ сопровождаются дополнительной квалификацией. Наиболее характерной является дополнительная квалификация по ст. 173.1 УК РФ, что позволяет сделать вывод о том, что изначально данное преступление совершалось т. н.

¹ Исакова Т., Жабин А. Фрод отключили по звонку // Коммерсантъ: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7974166?ysclid=meu9wtyrc321325452> (дата обращения: 20.01.2026).

«обнальщиками» — криминальными «предпринимателями», оказывающими «услуги» по выводу безналичных средств в наличный оборот с целью содействия уклонению от уплаты налогов. Таким образом, цифровые мошенники могли воспользоваться уже существующей криминальной «инфраструктурой».

Необходимо учесть, что деятельность лиц, которые передают доступ к своим счетам посторонним, не ограничивается только участием в «схемах» по легализации похищенных средств, но и в иных преступлениях экономической направленности.

Заключение

1. Статья 187 УК РФ не содержится в перечне тех составов, ответственность за совершение которых предусмотрена с 14 лет. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ответственность за совершение указанных преступлений наступает с 16 лет. Однако многие исследователи отмечают тот факт, что данный вид общественно-опасных деяний совершается подростками в поисках легкого «заработка». Поэтому, как представляется, законодатель должен рассмотреть возможность снижения возраста уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ, путем указания на них в части второй ст. 20 УК РФ.
2. Можно констатировать, что ч. 3–6 ст. 187 УК РФ не являются «мертворожденными», и их применение позволяет повысить эффективность использования уголовно-правовых средств в противодействии хищениям, совершаемым с использованием цифровых телекоммуникационных сетей.
3. Совершение деяния, предусмотренного ст. 187 УК РФ, является самостоятельным оконченным преступлением вне зависимости от того, являлось ли оно умышленным созданием условий для совершения другого преступления или нет.
4. В том случае, если дропер не осознает дальнейшее использование тех средств платежа, которые зарегистрированы на его имя, в преступных целях, то содеянное квалифицируется только по соответствующей части ст. 187 УК РФ.

Если же совершение общественно опасного дроперства являлось подготовкой к совершению мошеннических действий, вымогательства, легализации доходов от преступления, в том числе от ранее совершенных хищений, то содеянное следует квалифицировать по совокупности ст. 187 УК РФ и соответствующей статьи Особенной части УК РФ — 159–159.6, 163, 174, 174.1 УК РФ, в зависимости от стадии преступной деятельности со ссылкой на ст. 30 УК РФ либо без нее, если такое преступление было окончено.

Список источников

- Архипов А. В. 2025. Значение принадлежности банковского счета для квалификации кражи, совершенной с использованием электронных средств платежа (на примере уголовных дел в отношении дроперов) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. № 4. С. 37–41.
- Ахатова А. М. 2024. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оцен-

- ки и правоприменения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». № 6. С. 1075–1083. <https://cyberleninka.ru/article/n/drop-kak-souchastnik-prestupleniy-sovershennyh-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-setey-problemy-ugolovno-1>.
- Богацкая У. И. 2024. Особенности привлечения к уголовной ответственности дропов за совершение преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. СПб. С. 51–54. <https://elibrary.ru/kjuqcu>.
- Зайцева О. В. 2024. Уголовная ответственность дропперов: за и против // Вестник СГЮА. № 6 (161). С. 138–146. <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennosti-dropperov-za-i-protiv>.
- Зверев А. А. 2025. К вопросу об уголовной ответственности «дропперов»: правовые и организационные проблемы // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. С. 155–162.
- Кисленко С. Л., Фокин А. Д. 2025а. Личность современного телефонного мошенника в сфере оборота жилых помещений: правовой и криминалистический аспекты // Актуальные проблемы российского права. № 8. С. 133–146. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.177.8.133-146>.
- Кисленко С. Л., Фокин А. Д. 2025б. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как угроза национальной безопасности Российской Федерации // European and Asian Law Review. № 1. С. 41–54. <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-tehnologiy-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy>.
- Латышев А. Б. 2025. Уголовно-правовая оценка действий дропперов и дроповодов // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сб. научных статей XVIII Международной научной конференции обучающихся образовательных организаций высшего образования в рамках V Санкт-Петербургского международного молодежного научного форума «Северная Пальмира: территория возможностей». СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ. С. 491–499. <https://elibrary.ru/dsdtva>.
- Марсаков И. С. 2025. Феномен «дроппа» в процессе легализации преступных доходов: оперативно-розыскной аспект // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 3 (60). С. 40–47. <https://sciup.org/140312405>.
- Саморай Н. А., Романовский В. А. 2025. Осуществление незаконных операций с привлечением дропов: профилактика и актуальные меры противодействия // Инновационные механизмы управления цифровой и региональной экономикой: материалы VII Международной студенческой научной конференции. М.: НИЯУ МИФИ. С. 728–737. <https://openrepository.mephi.ru/handle/123456789/39536>.
- Саморай Н. А., Уколова М. А., Романовский В. А. 2024. Проблематика вовлечения молодежи в мошеннические схемы: меры профилактики и противодействия дропам // Финансовая безопасность — новые горизонты: материалы X Международной научно-практической конференции Международного сетевого института. М.: НИЯУ МИФИ. С. 769–780.
- Самсина Е. Е. 2025. Мошенничество с использованием дропперов, меры противодействия // Вестник национального института бизнеса. № 1 (57). С. 181–185.

- Сидоренко Э. Л. 2025. Борьба с дропперством: ключевые задачи уголовной политики и вопросы квалификации деяний // *Мировой судья*. № 12. С. 8–17. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2025-12-8-17>.
- Чеклаукова Е. А. 2025. Дропперство в банковском секторе // *Современные технологии и научно-технический прогресс*. № 1. С. 372–373. <https://doi.org/10.36629/2686-9896-2025-1-372-373>.
- Шевченко А. А. 2025. Способы вовлечения несовершеннолетних в дропперство // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. № 3 (107). С. 179–186. <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-vo vlecheniya-nesovershennoletnih-v-dropperstvo>.

References

- Arkhipov, A. V. (2025). The importance of ownership of a bank account for the qualification of theft committed using electronic means of payment (based on the example of criminal cases against droppers). *Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century*, (4), 37–41. [In Russian]
- Akhatova, A. M. (2024). Drop as an accomplice to crimes committed using information and telecommunication networks: Problems of criminal law assessment and law enforcement. *Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law"*, (6), 1075–1083. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/drop-kak-souchastnik-prestupleniy-sovershennyh-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-setey-problemy-ugolovno-1> [In Russian]
- Bogatskaya, U. I. (2024). Features of bringing drops to criminal responsibility for committing crimes using information and telecommunication technologies. In *Proceedings of the Annual International Scientific and Practical Conference "Criminal Legislation: Yesterday, Today, Tomorrow"* (pp. 51–54). Retrieved from <https://elibrary.ru/kjuqcu> [In Russian]
- Zaitseva, O. V. (2024). Criminal liability of droppers: Pros and cons. *Saratov State Law Academy Bulletin*, (6), 138–146. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennosti-dropperov-za-i-protiv> [In Russian]
- Zverev, A. A. (2025). On the issue of criminal liability of "droppers": Legal and organizational problems. In *Proceedings of the Annual International Scientific and Practical Conference "Criminal Legislation: Yesterday, Today, Tomorrow"* (pp. 155–162). Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. [In Russian]
- Kislenko, S. L., & Fokin, A. D. (2025a). Profile of modern telecom fraudster in residential property transactions: Legal and forensic aspects. *Actual problems of Russian Law*, 20(8), 133–146. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2025.177.8.133-146> [In Russian]
- Kislenko, S. L., & Fokin, A. D. (2025b). Fraud using information and telecommunication technologies as a threat to the national security of the Russian Federation. *European and Asian Law Review*, (1), 41–54. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-s-ispolzovaniem-informatsionno-telekommunikatsionnyh-tehnologiy-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy> [In Russian]
- Latyshev, A. B. (2025). Criminal and legal assessment of the actions of droppers and dropper leaders. In *Collection of Scientific Articles of the 18th International scientific Conference of Students of Educational Institutions of Higher Education within the Framework of the 5th St. Petersburg International Youth Scientific Forum "Northern Palmyra: Territory of Opportunities" — "Security of the Individual, Society and the State: Theoretical and Legal Aspects"* (pp. 491–499). Retrieved from <https://elibrary.ru/dsdtva> [In Russian]

- Marsakov, I. S. (2025). The “drop” phenomenon in the process of legalization of criminal incomes: Operational and investigative aspect. *Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*, (3), 40–47. <https://sciup.org/140312405> [In Russian]
- Samorai, N. A., & Romanovsky, V. A. (2025). Carrying out of illegal financial schemes involving droppers: Prevention and counteraction measures. In *Proceedings of the VII International Student Scientific Conference “Innovative Mechanisms for Managing the Digital and Regional Economy”* (pp. 728–737). National Research Nuclear University MEPhI. Retrieved from <https://openrepository.mephi.ru/handle/123456789/39536> [In Russian]
- Samorai, N. A., Ukolova, M. A., & Romanovsky, V. A. (2024). Problems of youth involvement in fraudulent schemes: Preventive and counter-drop measures. In *Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference of the International Network Institute “Financial Security — New Horizons”* (pp. 769–780). National Research Nuclear University MEPhI. [In Russian]
- Samsina, E. E. (2025). Fraud using droppers, counteraction measures. *Bulletin of the National Institute of Business*, (1), 181–185. [In Russian]
- Sidorenko, E. L. (2025). The struggle against dropper business: Key tasks of the criminal policy and action qualification issues. *Magistrate Judge*, (12), 8–17. <https://doi.org/10.18572/2072-4152-2025-12-8-17> [In Russian]
- Cheklaukova, E. L. (2025). Droppery in the banking sector. *Modern Technologies and Scientific and Technological Progress*, (1), 372–373. <https://doi.org/10.36629/2686-9896-2025-1-372-373> [In Russian]
- Shevchenko, A. A. (2025). Ways of involving minors in crime committing as droppers. *Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia*, (3), 179–186. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-vovlecheniya-nesovershennoletnih-v-dropperstvo> [In Russian]

Информация об авторах

Виктор Иванович Морозов, кандидат юридических наук, доцент Академического департамента, Школа права и управления, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
v.i.morozov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0627-4083>

Сергей Геннадьевич Лосев, кандидат юридических наук, доцент Академического департамента, Школа права и управления, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
s.g.losev@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4024-0081>

Information about the authors

Victor I. Morozov, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor of the Academic Department, School of Law and Management, University of Tyumen, Tyumen, Russia
v.i.morozov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0627-4083>

Sergey G. Losev, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor of the Academic Department, School of Law and Management, University of Tyumen, Tyumen, Russia
s.g.losev@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0004-4024-0081>

Публично-правовые основы участия медицинских организаций в системе применения геномных технологий

Анастасия Евгеньевна Крайнюкова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: nkryukova98@mail.ru

Аннотация. Медицинская организация выступает тем субъектом публично-правовых отношений, который в основном обеспечивает реализацию гражданами норм ст. 41 Конституции Российской Федерации, направленных на сохранение здоровья населения. Активное развитие геномных технологий постепенно трансформирует не просто методы диагностики и лечения, но и сами организационные подходы к их реализации. Такие трансформационные процессы естественным образом затрагивают и учреждения здравоохранения, включая государственные и частные медицинские организации. На основании вышеизложенного настоящая статья ориентирована на определение места медицинских организаций в системе публично-правовых отношений, связанных с применением геномных технологий. Автор анализирует организационную структуру системы здравоохранения, сочетающую государственные, муниципальные и частные элементы, а также модель финансирования через Фонд обязательного медицинского страхования, стимулирующую конкуренцию за пациентов. На основе легального определения медицинской организации выделяются ее существенные признаки.

Ключевые слова: геномные технологии, медицинское право, медицинская организация, лечение граждан, законодательство о геноме, система здравоохранения

Цитирование: Крайнюкова А. Е. 2026. Публично-правовые основы участия медицинских организаций в системе применения геномных технологий // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 144–152. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-144-152>

Поступила 26.05.2026; одобрена 02.06.2026; принята 18.06.2026

Public legal basis for the participation of medical organizations in the system of genomic technologies application

Anastasiya E. Krainiukova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: nkryukova98@mail.ru

Abstract. A medical organization acts as the subject of public law relations, which mainly ensures the implementation by citizens of the norms of Article 41 of the Constitution of the Russian Federation aimed at preserving public health. The active development of genomic technologies is gradually transforming not only diagnostic and treatment methods, but also organizational approaches to their implementation. Such transformational processes naturally affect healthcare institutions, including public and private medical organizations. Considering all of the above, this article focuses on determining the place of medical organizations in the system of public relations related to the use of genomic technologies. The author analyzes the organizational structure of the healthcare system, that combines state, municipal and private elements, as well as the model of financing through the Compulsory Health Insurance Fund, stimulating competition for patients. Based on the legal definition of a medical organization, its essential features are highlighted.

Keywords: genomic technologies, medical law, medical organization, treatment of citizens, genome legislation, healthcare system

Citation: Krainiukova, A. E. (2026). Public legal basis for the participation of medical organizations in the system of genomic technologies application. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 144–152. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-144-152>

Received May 26, 2026; Reviewed Jun. 2, 2026; Accepted Jun. 18, 2026

Введение

Рассмотрение публично-правового статуса медицинских организаций в России следует начать с организационных аспектов, закладывающих основу их функционирования.

Так, важно иметь в виду систему здравоохранения, состоящую из государственной муниципальной и частной составляющих. Субъекты, осуществляющие управление в данной системе, функционируют на основании публично-правового регулирования и определяют основные правила поведения вышеперечисленных субъектов правоотношений, в том числе связанных с применением геномных технологий в медицинской деятельности.

Цель настоящего исследования — определить место медицинских организаций в системе публично-правовых отношений, связанных с применением геномных технологий, выявить существующие пробелы в правовом регулировании и предложить направления их устранения.

Методы

Методологическую основу исследования составляют общенаучные (анализ, синтез, системный метод) и специально-правовые методы: формально-юридический (при анализе норм Конституции РФ, Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федерального закона № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», подзаконных актов), сравнительно-правовой (при сопоставлении государственной и частной моделей здравоохранения), а также метод правового моделирования при формулировании предложений по совершенствованию законодательства.

Результаты и обсуждение

На территории Российской Федерации действует система, сочетающая в себе признаки государственной и частной страховой модели здравоохранения. С одной стороны, существенные бюджетные средства выделяются на профилактику и лечение всех граждан в одинаковом объеме на каждого вне зависимости от образа жизни, материального и физического состояния, антропометрических данных и т. д. В этой же системе на основании Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»¹ имеет место конкурентная борьба между медицинскими учреждениями, стремящимися показать максимальное число пациентов для получения соответствующего финансирования из Фонда обязательного медицинского страхования. Последнее обстоятельство отчетливо следует из совокупности положений разд. IX Правил обязательного медицинского страхования, утвержденных Приказом Минздрава России от 21 августа 2025 г. № 496н², и Методических указаний по представлению информации в сфере обязательного медицинского страхования, направленных Письмом Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 30 декабря 2011 г. № 9161/30-1/и³. Согласно данным источникам, сложная система финансирования

¹ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 29 октября 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. 6 декабря. № 49. Ст. 6422.

² Правила обязательного медицинского страхования, утвержденные Приказом Минздрава России от 21 августа 2025 г. № 496н // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202508290047> (дата обращения: 18.04.2026).

³ Методические указания по представлению информации в сфере обязательного медицинского страхования, направленные Письмом Федерального фонда обязательного медицинского страхования от 30 декабря 2011 г. № 9161/30-1/и (ред. от 19 января 2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125196/86f6a31e230894eb03e83b3081cc6cbfb52a0d2b/ (дата обращения: 04.06.2026).

с участием указанного выше фонда с его территориальными подразделениями, страховых и медицинских организаций предполагает формирование счетов на оплату лечения разных категорий пациентов, неустоек, пеней и т. д. и в результате приводит к формуле: чем больше пациентов, тем выше финансирование медицинской организации. Последнее обстоятельство позволяет формировать излишки, за счет которых модернизировать больницу или поликлинику, стимулировать труд их работников и т. д.

С другой стороны, функционируют частные медицинские учреждения, которые, возможно, оказывают медицинские услуги на более высоком уровне, имеют более современное оборудование и высококвалифицированные кадры [Исакова, Волконская, 2025], но также конкурируют с государственными больницами и поликлиниками за пациентов, получая финансирование уже от последних.

Безусловно, каждый имеет право выбора, но иногда оказывается в безвыходной ситуации, обращаясь в известные или близлежащие медицинские организации, но описанные экономические обусловленности существенным образом влияют на содержание правоотношений между обозначенными субъектами. Другой аспект, который нужно учитывать, — это взаимоотношения между государством, подведомственными ему организациями и коммерческими медицинскими учреждениями на фоне обстоятельств, описанных выше. Необходимо предусмотреть поправки в публично-правовое регулирование, направленные на гарантирование равного выбора гражданами порядка получения медицинской помощи, что становится особенно актуально в процессе применения геномных технологий в медицинской деятельности. К тому же такой подход соответствует поправке, затронувшей ряд норм Конституции Российской Федерации в части обеспечения доступности медицинской помощи, куда вовлечен даже муниципальный уровень публичного управления. Таким образом, любой сельский житель самого удаленного населенного пункта России должен иметь возможность выбора порядка и условий получения медицинской помощи. В современных сложных экономических условиях реализовать на практике это крайне сложно, но организационно-правовые меры для этого предпринимать необходимо.

Вне зависимости от своей подведомственности, согласно п. 11 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ (далее — Закон о здравоохранении), «медицинская организация — юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, предоставленной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности. Положения... Федерального закона, регулирующие деятельность медицинских организаций, распространяются на иные юридические лица независимо от организационно-правовой формы, осуществляющие наряду с основной (уставной) деятельностью медицинскую

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. 2011. 28 ноября. № 48. Ст. 6724.

деятельность, и применяются к таким организациям в части, касающейся медицинской деятельности... к медицинским организациям приравниваются индивидуальные предприниматели, осуществляющие медицинскую деятельность».

Исходя из данного определения предлагается выделить следующие признаки:

1. Обширная трактовка организационно-правовой формы, под которую подпадают юридические и физические лица, осуществляющие профессиональную деятельность в рамках рассматриваемого законодательного акта.
2. Медицинская деятельность, в том числе связанная с применением геномных технологий, должна быть поименована в качестве основной в уставе организации и других документах, фиксирующих вид деятельности.
3. Вышеуказанная деятельность осуществляется на основании лицензии, выданной уполномоченным органом государственной власти на конкретно определенные виды деятельности, включая геномную медицину.

В то же время современная юридическая доктрина выработала предложения по лицензированию врачей, а не организаций, в которых они работают [Данилов, 2020]. В случае принятия данного предложения возникнет необходимость реформатирования публично-правовых отношений в данной сфере, поскольку в настоящее время сложилась практика, в том числе судебная, согласно которой за причинение имущественного и личного неимущественного вреда, осуществленное работником организации, последняя несет за него ответственность [Идрисов, 2019], после чего самостоятельно принимает решение о продолжении трудовых отношений с ним в рамках действующего законодательства. Перспективность лицензирования врачей усложнит работу контрольно-надзорных государственных органов, разгрузит медицинские организации, снизив их востребованность, увеличит участие индивидуальных предпринимателей-врачей, а также повлечет ряд других последствий.

Исходя из законодательных норм, выделяются еще следующие признаки:

1. Участие государственных органов в деятельности медицинских организаций, которое выражается в лицензировании, решении кадровых вопросов в отдельных случаях, определении порядка пользования государственной собственностью применительно к подведомственным организациям [Даунгли, 2023], коих большинство по ряду сравнительных параметров¹, и т. д.
2. Выполнение публично значимых задач, поскольку в основе лежит реализация конституционного права граждан на охрану здоровья [Даунгли, 2023]. В то же время А. А. Мохов констатирует и значительный объем коммерческой составляющей в процессе функционирования медицинской организации [Мохов, 2023].

Как было показано выше, основная масса медицинских организаций в России — государственные. Однако система публично-правовых отношений в части их взаимодействия с государством в сфере применения геномных технологий нормативно не закреплена, что воспринимается в качестве пробела. Оценивая перспективы такого нормативного

¹ Здравоохранение в России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 89–96.

закрепления, Е. О. Данилов предлагает учитывать, что фактическое управление организациями со стороны публичной власти не осуществляется на системном уровне [Данилов, 2020]. Это объясняется тем, что имеет место относительно централизованная система государственных медицинских организаций и свободно, разрозненно развивающаяся сфера частной медицинской практики, которая только контролируется государством через систему лицензирования и проверок на соответствие лицензии. Таким образом, если данная совокупность субъектов права несистемна, то несистемны и общественные отношения с их участием в масштабах Российской Федерации. С одной стороны, необходимо четкое структурирование для достижения большего уровня гарантирования правового статуса, например, пострадавших от врачебной ошибки пациентов или иных нарушений. С другой стороны, это требует такого публично-правового регулирования и практики его применения, которые явно будут ограничивать развитие медицинской науки и инноваций [Бурцев, Васильев, 2019], а также практики лечения в России.

Значимым элементом геномной медицины выступает геномная терапия, которая в основном осуществляется путем создания, распространения и применения фармакологических препаратов, содержащих геномные материалы и/или воздействующих на геном пациента, хотя и включает в себя иные формы медицинского воздействия. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что согласно п. 12 ч. 1 ст. 2 Закона о здравоохранении «фармацевтическая организация — юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее фармацевтическую деятельность (организация оптовой торговли лекарственными средствами, аптечная организация)». По аналогии с медицинскими организациями, к фармацевтическим относятся в том числе индивидуальные предприниматели.

От указанных субъектов зависит доступность лекарственных препаратов для граждан, в связи с чем их также можно позиционировать в качестве субъектов рассматриваемой системы правоотношений, хотя основной целью своего функционирования они имеют извлечение прибыли. В данном случае также можно выстроить следующую последовательность взаимоотношений: пациент после получения рецепта от врача вступает в правоотношения с фармацевтической компанией для организации процесса собственного лечения. Если последняя не может предоставить такой возможности, то указанное физическое лицо вынуждено обращаться к другим аналогичным юридическим лицам. В случае отсутствия такого препарата на рынке необходимо искать аналоги, для чего также следует возобновить правоотношения с врачом. Когда невозможно и это, возникают вопросы к системе государственного управления, не обеспечивающей доступность лекарственных препаратов. К сожалению, в отечественной практике такие случаи уже имели место [Свечкарева и др., 2024].

Заключение

На основании всего вышеизложенного российскому законодателю предлагается предусмотреть особый порядок осуществления применения геномных технологий в медицинской деятельности государственными и частными организациями с точки зрения обеспечения их доступности с сохранением защищенности информации о геноме

человека. При этом автор не ставит вопроса об активном применении императивных мер воздействия. Речь скорее идет о стимулировании развития данного направления лечебного дела с использованием потенциала всех заинтересованных и способных субъектов публичного права. Указанной цели можно достигнуть в том числе при помощи законодательного допущения лицензирования конкретных специалистов, что видится значимым для малонаселенных территорий, где функционирование крупного учреждения экономически нецелесообразно.

Список источников

- Бимбинов А. А., Воронин В. Н., Понятовская Т. Г. и др. 2022. Медицинское уголовное право: монография / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Проспект. 576 с.
- Бурцев А. К., Васильев С. А. 2019. Вопросы установления юридической ответственности за правонарушения, связанные с диагностикой и редактированием генома человека // Актуальные проблемы российского права. № 8 (105). С. 62–67. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.105.8.062-067>.
- Данилов Е. О. 2020. К вопросу о правовом статусе медицинской организации // Административное право и процесс. № 1. С. 76–79. <https://elibrary.ru/bbapcx>.
- Данилов Е. О. 2023. О правовом статусе медицинских работников вообще и врачей в частности // Медицинское право. № 2. С. 7–11. <https://lawinfo.ru/articles/2437/o-pravovom-statuse-medicinskix-rabotnikov-voobshhe-i-vrachei-v-castnosti> (дата обращения: 04.06.2026).
- Даунгли А. В. 2023. Учреждение здравоохранения как юридическое лицо публичного права // Административное право и процесс. № 9. С. 78–80. <https://lawinfo.ru/articles/3760/ucrezhdenie-zdravooxraneniya-kak-yuridiceskoe-lico-publicnogo-prava> (дата обращения: 04.06.2026).
- Идрисов Х. В. 2019. Юридическая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни или здоровью гражданина // Российский юридический журнал. № 4. С. 121–132. <https://www.ruzh.org/?q=ru/node/391&kodart=4851> (дата обращения: 04.06.2026).
- Исакова Ю. И., Волконская О. А. 2025. Основные модели и подходы к организации здравоохранения (зарубежный и отечественный опыт) // Медицинское право. № 1. С. 40–44. <https://lawinfo.ru/articles/9669/osnovnye-modeli-i-podxody-k-organizacii-zdravooxraneniya-zarubeznyi-i-otechestvennyi-opyt> (дата обращения: 04.06.2026).
- Комарова В. В., Садовникова Г. Д. (отв. ред.). 2017. Современный российский конституционализм: проблемы становления и перспективы развития: монография. М.: Инфра-М. 448 с.
- Коробко К. И. 2020. Инновационный характер предпринимательской деятельности в сфере медицинской деятельности // Современный юрист. № 2 (31). С. 133–141.
- Коробко К. И. 2022. Урегулирование споров в сфере медицинской деятельности: возможности, риски, перспективы // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. № 2. С. 26–32. <https://doi.org/10.18101/2658-4409-2022-2-26-32>.
- Магазинер Я. М. 2006. Избранные труды по общей теории права / отв. ред. А. К. Кравцов. СПб.: Юридический центр Пресс. 352 с.

- Машкова К. В., Варлен М. В., Зенин С. С. и др. 2020. Концептуальные основы формирования правового механизма саморегулирования в сфере геномных исследований: монография. М.: Юрист. 224 с.
- Монастырский Ю. Э. 2022. Охрана прав, возникающих из причинения вреда в российском гражданском праве // Российская юстиция. № 7. С. 3–12. <https://newtech.legal/cabinet/catalog/rossiyskaya-yustitsiya/2112/4071/> (дата обращения: 04.06.2026).
- Мохов А. А. 2023. Концепция правового регулирования медицинской деятельности // Актуальные проблемы российского права. № 4. С. 93–104. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.093-104>.
- Перфильев М. Н. 1974. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Ленинград: Наука. 237 с.
- Свечкарева И. Р., Шилова Д. Е., Баранова М. И. 2024. Проблемы и потенциальные решения дефицита лекарств // Реальная клиническая практика: данные и доказательства. Т. 4. № 2. С. 29–35. <https://doi.org/10.37489/2782-3784-mygrwd-55>.
- Семина Т. В. 2024. Медицинское право: судебная практика в России и за рубежом: монография. М.: Проспект. 405 с.
- Хромова Н. М. 2019. Уголовная ответственность в сфере медицинской деятельности: правовая практика и тенденции законодательства // Журнал российского права. № 6. С. 97–110. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.6.10>.
- Чеботарев Г. Н. (отв. ред.). 2024. Гуманитарный потенциал конституции Российской Федерации: коллективная монография. Тюмень: ТюмГУ-Press. 240 с. ISBN 978-5-400-01777-3.

References

- Bimbinov, A. A., Voronin, V. N., Ponyatovskaya, T. G. et al. (2022). *Medical Criminal Law* (Edited by A. I. Rarog). Prospekt. [In Russian]
- Burtsev, A. K., & Vasiliev S. A. (2019). Issues of establishing legal liability for offenses related to the diagnosis and human genome editing. *Actual Problems of Russian Law*, (8), 62–67. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.105.8.062-067> [In Russian]
- Danilov, E. O. (2020). On the legal status of a medical organization. *Administrative Law and Procedure*, (1), 76–79. <https://elibrary.ru/bbapcx> [In Russian]
- Danilov, E. O. (2023). On the legal status of healthcare professionals in general and doctors in particular. *Medical Law*, 2, 7–11. Retrieved June 4, 2026, from <https://lawinfo.ru/articles/2437/o-pravovom-statuse-medicinskix-rabotnikov-voobshhe-i-vracei-v-castnosti> [In Russian]
- Daungli, A. V. (2023). A healthcare institution as a public law legal entity. *Administrative Law and Procedure*, (9), 78–80. Retrieved June 4, 2026, from <https://lawinfo.ru/articles/3760/ucrezdenie-zdravooxraneniya-kak-yuridicheskoe-lico-publicnogo-prava> [In Russian]
- Idrisov, Kh. V. (2019). Legal liability of medical organizations for harm caused to the life or health of a citizen. *Russian Juridical Journal*, (4), 121–132. Retrieved June 4, 2026, from <https://www.ruzh.org/?q=ru/node/391&kodart=4851> [In Russian]
- Isakova, Yu. I., & Volkonskaya, O. A. (2025). Basic models and approaches to healthcare organization (foreign and domestic experience). *Medical Law*, (1), 40–44. Retrieved June 4, 2026, from <https://lawinfo.ru/articles/9669/osnovnye-modeli-i-podxody-k-organizacii-zdravooxraneniya-zarubezhny-i-otecestvennyi-opyt> [In Russian]

- Komarova, V. V., & Sadovnikova, G. D. (Exec. eds.). (2017). *Modern Russian Constitutionalism: Problems of Formation and Prospects for Development*. Infra-M. [In Russian]
- Korobko, K. I. (2020). Innovative character of entrepreneurship in the field of medical activity. *Modern Lawyer*, (2), 133–141. [In Russian]
- Korobko, K. I. (2022). Dispute resolution in medical care: Opportunities, risks, prospects. *Vestnik of Buryat State University. Jurisprudence*, (2), 26–32. <https://doi.org/10.18101/2658-4409-2022-2-26-32> [In Russian]
- Magaziner, Ya. M. (2006). *Selected Works on General Theory of Law* (Edited by A. K. Kravtsov). Yuridicheskiy tsentr Press. [In Russian]
- Mashkova, K. V., Varlen, M. V., Zenin, S. S. et al. (2020). *Conceptual Foundations for the Formation of a Legal Mechanism for Self-Regulation in the Field of Genome Research*. Yurist. [In Russian]
- Monastyrskiy, Yu. E. (2022). Protection of the rights arising from infliction of harm in Russian Civil Law. *Russian Justice*, (7), 3–12. Retrieved June 4, 2026, from <https://newtech.legal/cabinet/catalog/rossiyskaya-yustitsiya/2112/4071/> [In Russian]
- Mokhov, A. A. (2023). The Concept of legal regulation of medical activities. *Actual Problems of Russian Law*, (4), 93–104. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.149.4.093-104> [In Russian]
- Perfiliyev, M. N. (1974). *Social Relations. Methodological and Sociological Problems*. Nauka. [In Russian]
- Svechkareva, I. R., Shilova, D. E., & Baranova, M. I. (2024). Problems and potential solutions to drug shortages. *Real-World Data & Evidence*, 4(2), 29–35. <https://doi.org/10.37489/2782-3784-myrwd-55> [In Russian]
- Semina, T. V. (2024). *Medical Law: Judicial Practice in Russia and Abroad*. Prospekt. [In Russian]
- Khromova, N. M. (2019). Criminal liability in medical care: Legal practice and legislation trends. *Journal of Russia Law*, (6), 97–110. <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.6.10> [In Russian]
- Chebotarev, G. N. (Exec. ed.). (2024). *The Humanitarian Potential of the Constitution of the Russian Federation*. TyumGU-Press. [In Russian]

Информация об авторе

Анастасия Евгеньевна Крайнюкова, аспирант кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин, Школа права и управления, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
nkryukova98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4846-543X>

Information about the author

Anastasiya E. Krainiukova, Postgraduate Student, Department of Theoretical and Public Law Disciplines, School of Law and Management, University of Tyumen, Tyumen, Russia
nkryukova98@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4846-543X>

Трудовое право в эпоху ИИ: инструментальное влияние и фундаментальные изменения

Оксана Александровна Курсова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: o.a.kursova@utmn.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта (ИИ) на трудовое право, с акцентом на их инструментальное и фундаментальное воздействие. Анализируется оптимизация существующих трудовых практик с помощью ИИ, а также трансформация предмета и метода трудового права. Подчеркивается, что внедрение ИИ влечет риски нарушения трудовых прав, требуя адаптации юридических технологий и создания новых регуляторных механизмов. Особое внимание уделяется применению ИИ в отношениях по трудоустройству, организации труда и управлению трудом, подготовке и дополнительному профессиональному образованию работников, социальному партнерству и разрешению трудовых споров. В связи с применением ИИ выявлены как новые возможности, так и риски, создающие угрозы усиления дисбаланса договорных возможностей сторон трудовых отношений. Новизна исследования заключается в выявлении тенденций конвергенции отраслей права под влиянием ИИ и эволюции методов трудового регулирования к риск-ориентированному подходу. Делается вывод о необходимости этических и правовых рамок для сбалансированного развития технологий ИИ в сфере труда.

Ключевые слова: правовое регулирование технологий ИИ, юридические технологии, трудовые права, риск-ориентированное регулирование, алгоритмизация права

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Фундаментальные проблемы методики разработки и связанного с ней правового и этического регулирования в сфере применения систем и моделей искусственного интеллекта» (FEWZ-2024-0052).

Цитирование: Курсова О. А. 2026. Трудовое право в эпоху ИИ: инструментальное влияние и фундаментальные изменения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 153–175. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-153-175>

Поступила 22.01.2026; одобрена 03.02.2026; принята 08.05.2026

Labor law in the AI era: Instrumental impact and fundamental changes

Oksana A. Kursova✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: o.a.kursova@utmn.ru✉

Abstract. This article examines the impact of artificial intelligence (AI) technologies on labor law, focusing on their instrumental and fundamental impact. It analyzes how AI can optimize existing labor law practices, as well as how it can transform the subject and method of labor law. It emphasizes that the introduction of AI entails risks of labor rights violations, requiring the adaptation of legal technologies and the creation of new regulatory mechanisms. Particular attention is paid to the use of AI in employment relations, labor organization and management, training and continuing professional education of employees, social partnership, and the resolution of labor disputes. The use of AI has revealed both new opportunities and risks that threaten to deepen the imbalance in the contractual powers of parties to labor relations. The novelty of this study lies in identifying trends in the convergence of legal branches under the influence of AI and the evolution of labor law regulation methods toward a risk-based approach. The conclusion is drawn that an ethical and legal framework is necessary for the balanced development of AI technologies in the field of labor.

Keywords: legal regulation of AI technologies, legal technologies, labor rights, risk-based regulation, law algorithmization

Acknowledgements: this study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project “Fundamental problems of the development methodology and related legal and ethical regulation in the field of application of artificial intelligence systems and models” (No. FEWZ-2024-0052).

Citation: Kursova, O. A. (2026). Labor law in the AI era: Instrumental impact and fundamental changes. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 153–175. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-153-175>

Received Jan. 22, 2026; Reviewed Feb. 3, 2026; Accepted May 8, 2026

Введение

Влияние на сферу труда технологий, связанных с применением искусственного интеллекта (далее — технологий ИИ), отмечается и на уровне международных исследований, проводимых под эгидой Международной организации труда¹, и на уровне правовой доктрины в национальных юрисдикциях.

Наиболее заметно влияние технологий ИИ на трудовую правовую сферу проявляется в инструментальном ключе, а именно в оптимизации существующего юридико-технического и управленческого инструментария для автоматизации рутинных задач.

Менее очевидный, но гораздо более важный аспект влияния ИИ на право вообще и трудовое право в частности связан с мощным трансформационным потенциалом, заложенным в самой технологии ИИ. Эта технология выступит катализатором уже наметившегося процесса трансформации как предмета и метода отдельных традиционных отраслей права, так и всего правового ландшафта.

В работе рассматриваются особенности инструментального и фундаментального влияния технологий ИИ на трудовые отношения.

Методы

В данной статье использованы аналитический и сравнительно-правовой методы: для получения выводов изучены международные и национальные акты, регулирующие применение ИИ, а также научные публикации, посвященные влиянию ИИ на трудовое право; с использованием метода анализа эмпирических данных проанализированы результаты социологических исследований, статистические данные и кейсы из практики российских и зарубежных компаний для оценки масштабов и особенностей применения ИИ в сфере труда; посредством метода системного анализа рассмотрено влияние ИИ на различные аспекты трудовых отношений (трудоустройство, организация труда и управление трудом, социальное партнерство, разрешение трудовых споров) во взаимосвязи и взаимозависимости; на основе выявленных тенденций сформулированы прогнозы относительно дальнейшего развития трудового права под влиянием ИИ (прогностический анализ).

Результаты и обсуждение

Приступая к рассмотрению инструментального аспекта влияния ИИ технологий на трудовые практики, отметим, что централизованной статистики по применению технологий ИИ в сфере труда в РФ не ведется, однако доступны различные локальные исследования, содержащие аналитику экспансии ИИ в сферу управления трудом. Несмотря на то что такого рода исследования показывают разные результаты (возможно, в силу отсутствия единой методики, различий в ширине выборки и охвате респондентов и пр.),

¹ Революция в области охраны труда и промышленной безопасности: роль искусственного интеллекта и цифровизации: МОТ, Женева. 2025 // ООН: оф. сайт. <https://www.ungeneva.org/ru/news-media/news/2025/04/105589/doklad-mot-ii-znachitelno-izmenit-sistemu-bezopasnosti-i-okhrany> (дата обращения: 28.12.2025).

всё же по их итогам можно сделать вывод о том, что такое внедрение только начинается, но в перспективе станет расширяться и углубляться.

Так, например, по результатам одного из исследований практического применения ИИ в HR-практиках (по состоянию на 2025 г.), только 5% российских компаний используют ИИ в процессе найма работников, однако при этом 40% HR-специалистов отмечают автоматизацию подбора как наиболее приоритетное и перспективное направление автоматизации¹.

Другое подобное исследование, проведенное в 2024 г. (опрошены представители 95 российских компаний разных отраслей экономики, с численностью работников от 100 до 100 000 человек), показало, что 56% компаний не используют ИИ в сфере HR, 44% — используют в основном в обучении и рекрутинге. При этом рекрутинг в этом исследовании, как и в предыдущем, обозначен как наиболее перспективная область применения технологий ИИ².

Наиболее широкое распространение цифровые инструменты, в том числе с элементами ИИ, получили в сфере кадрового администрирования [Конобевцев, 2022]. Если судить по анализу кейсов различных крупных российских производственных компаний [Котов, 2023], внедрение технологий ИИ в управление охраной труда и обеспечение промышленной безопасности осуществляется достаточно интенсивно³.

Нет оснований полагать, что экспансия технологий ИИ в область управления трудом не продолжится и в дальнейшем.

Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что оптимизация рутинных задач в рамках любого правоотношения в сфере труда сопряжена с рисками нарушения трудовых прав работников и повлечет за собой глубокие изменения как в самой организации труда и управлении трудом, так и в механизмах социального партнерства, осуществления контроля и надзора в сфере труда, разрешения трудовых споров [Зайцева, 2024; Филипова, 2023, Шуралева, 2023].

Это в свою очередь потребует трансформации трудового правового регулирования, приспособления к изменяющейся реальности существующих юридических технологий, либо конструировании новых.

¹ Прикладное применение ИИ в HR-практиках найма персонала: оценка рынка, сравнение сервисов и прогноз на 2026 год. Сколково, Финтех Хаб, 2025. https://drive.google.com/file/d/1PPEnX_WQM-uFbxE-H3u97TN-NFbIOSdU/view?clckid=bdcc4ab2&pli=1 (дата обращения: 20.12.2025).

² Искусственный интеллект в HR. Кейсы российского рынка. Совместное исследование «Технологий Доверия» и Knomary. Июль, 2024 г. <https://data.tedo.ru/publications/ai-hr-2024.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

³ Для оптимизации управления охраной труда, обеспечения промышленной безопасности используются различные цифровые инструменты, например, специализированные промышленные платформы для решения задач в сфере безопасности и охраны труда: ЕИСОТ Росминтруда, платформа «Цифровой рабочий»: <https://reestr.digital.gov.ru/reestr/307438/>; электронная платформа по охране труда, см.: <https://safe.vcot.info/>.

В частности, действующее нормативное регулирование отношения по трудоустройству у данного работодателя сейчас не предполагает действенных механизмов защиты от действия алгоритмов. Между тем, как уже отмечалось, ИИ всё активнее используется для автоматизированного отбора кандидатов (анализ резюме, первичные собеседования через чат-ботов, оценки компетенций по видеointервью [Малекова, Романова, 2023] — Битрикс24¹, Юнион², Work Here³, SmartHead⁴, СберПодбор⁵ и др.).

Применение таких технологий практически всегда сопряжено с рисками потенциального снижения «человеческого фактора» в процессе найма и усиления дискриминации из-за предвзятости алгоритмов (гендерной, расовой, возрастной), о чем свидетельствуют многочисленные исследования как зарубежных, так и отечественных авторов [Новиков, 2024; Харитонов, Савина, Паньины, 2021; Bigman и др., 2021; Chen, 2023; De Stefano, 2019].

Общий анализ потенциальных направлений использования технологий ИИ в *отношениях по организации труда и управлению трудом* указывает на то, что ИИ заменит многие традиционные функции управления трудом: планирование графиков, распределение задач, мониторинг производительности. Уже несколькими работодателями используются системы, автоматически отслеживающие эффективность и предлагающие оптимизации, системы управления проектами, автоматически распределяющие задачи на основе навыков и доступности работников и пр. Инструменты предиктивной HR-аналитики применяются для решения задач, связанных с прогнозированием производительности труда и ее повышением, управлением талантами, планированием HR-активностей для улучшения операционных показателей компании и пр. [Чуланова, 2020; Сопилко, Горбачева, 2022]; в перспективе ИИ сможет проводить предварительный анализ рисков профессиональных заболеваний и пр.

Тут очевидны риски усиления контроля, в частности алгоритмизированного, за работниками и еще большего обострения проблематики прозрачности и предвзятости алгоритмов в оценке персонала⁶. На этом фоне прогнозируется существенное снижение автономии работников в частности и профсоюзного влияния на процессы управления трудом в целом [De Stefano, Taes, 2022].

Серьезное влияние технологии ИИ смогут оказать и на *правоотношение по подготовке и дополнительному профессиональному образованию работников непосредственно у данно-*

¹ <https://www.bitrix24.ru/promo/hr-portal/>

² <https://nota.tech/products/union/>

³ <https://workhere.ru/human-resources>

⁴ <https://smarthead.io/>

⁵ <https://sberpodbor.ru/>

⁶ Например, в апреле 2019 г. стало известно, что Amazon использует ИИ для отслеживания эффективности работы складских сотрудников. Сотрудники, не соответствующие индексу продуктивности, автоматически увольнялись. См.: <https://www.theverge.com/2019/4/25/18516004/amazon-warehouse-fulfillment-centers-productivity-firing-terminations> (дата обращения: 04.01.2026).

го работодателя: ИИ можно использовать для генерирования персонализированных программ обучения на основе анализа навыков и потребностей каждого работника. С одной стороны, появляется возможность адаптивного обучения, подстраивающегося под скорость и стиль обучения конкретного работника. Кроме того, распространение систем виртуальной реальности позволит обучать работников сложным навыкам в безопасной среде, например, применяются VR-тренажеры с функцией отработки элементов безопасного производства работ, корпоративные чат-боты, подключенные к нейросетям, осуществляющие информационную поддержку работников по производственной безопасности (KioutCHAT, разработанный Клинским институтом охраны и условий труда¹).

С другой же стороны, из-за алгоритмов, производящих отбор наиболее перспективных работников по непрозрачно заданным параметрам, неизбежно актуализируется проблема обеспечения равенства возможностей работников без всякой дискриминации на продвижение по работе, а также на подготовку и дополнительное профессиональное образование.

На отношения по социальному партнерству, ведению коллективных переговоров, заключению коллективных договоров и соглашений технологии ИИ уже сейчас влияют как предметно, так и содержательно: это влияние проявляется как в изменении предмета коллективных переговоров, так и в появлении новых рисков и возможностей для деятельности профсоюзов.

В первую очередь, вопросы, связанные с внедрением новых технологий, всегда были предметом обсуждения между работодателями и профсоюзами. Однако применение технологий ИИ — это новая веха в развитии социального партнерства.

Во-первых, исследователями, изучавшими опыт коллективно-договорных кампаний, в содержание повестки которых были включены вопросы применения ИИ для целей найма, алгоритмизированного контроля, мониторинга и пр., отмечается, что именно коллективные переговоры и действия профсоюзов являются наиболее эффективными инструментами для решения проблем, связанных с быстрым развитием технологий в области алгоритмического управления [De Stefano, 2020; Aguilar, 2021; Balci, 2025].

Во-вторых, в сравнении с применением других инноваций, в случае с ИИ предмет коллективных переговоров становится гораздо шире и сложнее.

К основным вопросам для обсуждения в этой связи можно отнести следующие:

- влияние ИИ на занятость: профсоюзы должны участвовать в обсуждении планов по внедрению ИИ, оценивать его потенциальное влияние на занятость, добиваться гарантий сохранения рабочих мест и предлагать альтернативные сценарии, и примеры таких переговорных кампаний в мировой практике уже есть²;

¹ <https://chat.kiout.ru/>

² В январе 2026 г. компания Microsoft подписала рамочное соглашение с Австралийским советом профсоюзов (ACTU), направленное на то, чтобы учитывать мнение работников при внедрении искусственного интеллекта на рабочих местах в Австралии. См.: <https://www.webpronews.com/microsoft-and-australian-unions-ink-ai-deal-for-worker-protections-115b-boost/> (дата обращения: 20.01.2026); в декабре 2023 г. Microsoft заключила подобное соглашение

- изменение характера труда: ИИ меняет содержание работы, требуя от работников новых навыков и компетенций; профсоюзы должны участвовать в разработке программ обучения и переквалификации работников, чтобы они могли успешно адаптироваться к новым условиям труда¹;
- профсоюзы могут требовать доступа к информации об алгоритмах, используемых в ИИ-системах, и участвовать в их оценке в целях обеспечения контроля за алгоритмами, чтобы предотвратить дискриминацию, предвзятость и другие негативные последствия²;
- ИИ-системы, используемые работодателями, часто собирают и обрабатывают большие объемы данных о работниках; обсуждение гарантий защиты персональных данных и контроля за их использованием вполне закономерно становится частью коллективно-договорной повестки и пр.

Таким образом, различные аспекты применения работодателями технологий ИИ в сфере труда становятся предметом коллективных переговоров на разных уровнях социального партнерства: это вполне закономерно, поскольку применение технологий ИИ работодателем может усугубить существующие проблемы или создать новые риски, связанные с дискриминацией, неравенством, потерей рабочих мест, усилением контроля за работниками, снижением автономии и пр.

Содержательной, идеологической и методологической основой таких переговоров, как показывает анализ мировой практики, становятся правовые или этические ориентиры, определяющие особенности применения технологий ИИ, которые используются социальными партнерами для адаптации к конкретным условиям сферы деятельности и конкретной организации.

с Американской федерацией труда — Конгрессом производственных профсоюзов (AFL-CIO). См.: <https://www.weetechsolution.com/blog/now-microsoft-announce-new-ai-alliance-with-afl-cio-partnership> (дата обращения: 20.01.2026). По информации Eurofound (по состоянию на 2024 г.), примеры коллективных переговоров по вопросам ИИ были зафиксированы в Италии на межотраслевом уровне, в Бельгии и Ирландии — на отраслевом уровне, а в Дании — на уровне компаний. В Испании примеры коллективных переговоров по вопросам ИИ есть на всех трех уровнях, см.: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/all/collective-bargaining-on-artificial-intelligence-at-work> (дата обращения: 20.01.2026).

¹ В Германии IG Metall, крупнейший промышленный профсоюз страны, выступил с инициативой «Индустрия 4.0», направленной на защиту прав и интересов работников производственных отраслей при внедрении технологий ИИ, в рамках которой в сотрудничестве с работодателями реализуются программы переквалификации, связанные с приобретением цифровых навыков. См.: <https://www.cogentinfo.com/resources/union-roles-in-ai-oversight-ethical-workforce-transitions-in-tech> (дата обращения: 20.01.2026).

² Профсоюзы сыграли важную роль в формировании политики об этичном использовании ИИ в сфере труда, отраженной в стратегии Европейской комиссии в отношении ИИ, предоставив информацию о потенциальном влиянии ИИ на работников. См.: <https://www.etuc.org/en/document/eu-social-partners-agreement-digitalisation>. (дата обращения: 20.01.2026).

Так, например, принятие в августе 2024 г. в ЕС Закона об ИИ послужило толчком к реализации государственных инициатив в области ИИ в нескольких государствах — членах ЕС, а также повлияло на регулирование использования ИИ в коллективных договорах и инициативах социальных партнеров.

Коллективно-договорные кампании, проводимые в ряде европейских стран, предметом которых было использование технологий ИИ работодателями [Blanchet, 2025], опирались, кроме того, на Рамочное соглашение о цифровизации (далее-FAD), подписанное 22 июня 2020 г. европейскими межотраслевыми социальными партнерами BusinessEurope, SMEunited, CEEP и ETUC (а также комитетом по связям EUROCADRES/CEC)¹.

Президентский Указ США о безопасной, надежной и заслуживающей доверия разработке и использовании ИИ от 30 октября 2023 г., среди прочего, определявший меры поддержки «способности работников вести коллективные переговоры» в целях решения проблемы сужения сферы занятости для работников из-за внедрения технологических решений² (впоследствии отменен президентом США Д. Трампом), стал опорой для практик разработки и принятия крупными американскими профсоюзами собственных принципов или руководств по ИИ³.

Примечателен и опыт Казахстана: на основе Закона Республики Казахстан «Об искусственном интеллекте» от 17 ноября 2025 г. № 230-VIII ЗРК, Федерацией профсоюзов Республики Казахстан был разработан и принят к реализации в рамках Совета профсоюзов стран Центральной Азии Стандарт защиты прав работников при внедрении искусственного интеллекта на предприятиях, послуживший основой коллективно-договорных кампаний в Казахстане.

Второй аспект, связанный с влиянием ИИ на развитие социального партнерства, обусловлен тем, что применение ИИ само по себе создает новые риски и возможности для социального партнерства.

¹ См.: European social partners framework agreement on digitalization 22 June 2020. <https://www.business-europe.eu/publications/european-social-partners-framework-agreement-on-digitalisation/> (дата обращения: 05.01.2026).

² См.: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 05.01.2026).

³ Например, в 2023 г. IATSE опубликовал свои «Основные принципы применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения (МО) в индустрии развлечений»: <https://variety.com/2023/artisans/news/iatse-core-principles-ai-technology-1235662084/> (дата обращения: 08.01.2026 г.); профсоюз работников связи Америки (CWA), представляющий интересы трудящихся в сфере телекоммуникаций, обслуживания клиентов, СМИ, авиаперевозок, здравоохранения, государственных услуг и образования, производства, технологий и других областях, в декабре 2023 г. объявил о новых всеобъемлющих принципах ведения профсоюзных переговоров и участия в формировании государственной политики в отношении внедрения технологий искусственного интеллекта на рабочих местах: <https://cwa-union.org/news/releases/communications-workers-america-announces-union-principles-artificial-intelligence> (дата обращения: 08.01.2026).

Во-первых, это риск усиления дисбаланса сил. В частности, в силу неравных возможностей социальных партнеров в интенсивности и качестве использования ИИ-инструментов, может возникнуть риск информационного дисбаланса. Работодателю, активно использующему инструменты ИИ, в том числе инструменты предиктивной аналитики, платформы для анализа настроений сотрудников по данным из внутренних коммуникаций (сообщения, опросы чат-ботами, например, ControlHippo и т. п.)¹ в процессах управления трудом, доступен большой объем информации, на основании которого он принимает решения в сфере управления трудом.

Информационный дисбаланс, складывающийся явно не в пользу представителей работников, может быть чреват потенциальной дезинформацией или предоставлением профсоюзам со стороны работодателя неполной информации, что потенциально ухудшает позиции представителя работников как в социально-партнерских отношениях, так и в отношениях по участию работников и профессиональных союзов в установлении условий труда и применении трудового законодательства в предусмотренных законом случаях.

Дисбаланс сил проявляется и в том, что работодатель благодаря технологиям ИИ может при желании получить беспрецедентные возможности нейтрализации профсоюзной активности. Так, широкую дискуссию в зарубежной прессе вызвало использование Amazon технологий ИИ для выработки стратегии противодействия профсоюзной деятельности. В частности, сообщалось об использовании геопрограммированной операционной консоли (SPOC), централизованной системы на основе ИИ, для анализа данных, связанных с потенциальными угрозами для компании, включая профсоюзные инициативы².

С другой стороны, применение ИИ в профсоюзной деятельности может создавать новые возможности для усиления роли профсоюзов как экспертов. В частности, профсоюзы могут оптимизировать свою деятельность за счет применения технологий цифрового профсоюза³; профсоюзы могут стать ключевыми консультантами для работников

¹ <https://controllhippo.com/blog/ru/ai/hr-chatbots/>

² Централизованная система с применением ИИ может автоматически выявлять фразы и действия, свидетельствующие о поддержке профсоюза, на каждом складе Amazon в режиме реального времени. См.: The role of AI in union busting: How employers use Artificial Intelligence to keep workers from unionizing // UnionTrack. <https://uniontrack.com/blog/union-busting> (дата обращения: 20.01.2026).

³ Такая технология включает, например, создание цифровой платформы с возможностью удаленного доступа каждым председателем первичной и территориальной профсоюзной организации к единой базе данных; переход профсоюза на единый электронный профсоюзный билет; перевод профсоюза на электронную форму реестра и электронный учет членов профсоюза; создание электронной библиотеки, электронного документооборота и протольно-архивной службы профсоюза; введение автоматизированного сбора, упрощение анализа и обработки профсоюзной статистики и текущей отчетности; создание специального мобильного приложения и пр. См.: <https://i.fnpr.ru/> (дата обращения: 20.01.2026); Профсоюз работников народного образования и науки Российской Федерации: Цифровой профсоюз / Сборник документов и материалов. М., 2019. <https://ec-eseur.ru/metod/posobie-cifrovoy-profsouz.pdf>.

по вопросам, связанным с ИИ, помогая им понимать риски и возможности, связанные с новыми технологиями [Flanagan, Walker, 2020; Пшеничный, 2023]; ИИ может использоваться для анализа больших объемов данных и выявления проблем, требующих решения в рамках коллективных переговоров, что способствует повышению эффективности коллективных переговоров¹; ИИ может способствовать развитию новых форм социального диалога, основанных на онлайн-платформах и использовании алгоритмов для принятия решений [Катабай и др., 2021].

Применение ИИ может способствовать расширению охвата профсоюзного членства: цифровизация создает новые формы занятости (например, платформенная занятость), которые традиционно не охватываются профсоюзами. Сейчас во всем мире отмечается тенденция адаптации профсоюзами своей деятельности, чтобы привлекать новых членов из этих секторов [Миронова, Литвиненко, 2023]. Кроме того, есть данные, свидетельствующие о том, что профсоюзное членство может прирастать и в сфере традиционной занятости в связи с опасениями работников по поводу их замены ботами с ИИ и нарушений их трудовых прав².

Общий анализ влияния технологий ИИ на отношения по разрешению трудовых споров указывает на несколько направлений трансформации. Во-первых, технологии ИИ открывают широкие возможности для экспертной юридико-технической деятельности, что не может не сказаться на качестве подготовки юридических документов, как в целом, так и для нужд разрешения трудового спора³.

Во-вторых, ИИ-инструменты могут использоваться для анализа обстоятельств дела, выявления закономерностей в судебной практике, прогнозирования исхода судебного разбирательства, что способствует выравниванию позиций сторон трудового спора.

¹ См.: Профсоюзы выходят в будущее: как искусственный интеллект готовится отстаивать права рабочих // MosTimes. 12.09.2025. <https://www.mostimes.com/news/ai-labor-unions/10550/> (дата обращения: 05.06.2026).

² См.: Canva, Atlassian employees flock to unions amid AI job fears // Financial Review. 23.05.2025. <https://www.afr.com/technology/canva-atlassian-employees-flock-to-unions-amid-ai-job-fears-20250520-p5m0rl> (дата обращения: 05.06.2026).; См.: Разработчики видеоигр по всему миру пытаются создать профсоюзы, выступая против проблем автоматизации, особенно генеративного искусственного интеллекта, чтобы защитить свои рабочие места // Cryptopolitan. <https://www.cryptopolitan.com/ru/video-game-industry-to-unionize-against-ai/> (дата обращения: 25.12.2025); ФНПР помогает работникам Wildberries в нескольких регионах создавать профсоюзы // ТАСС. 22.03.2023. <https://tass.ru/obschestvo/17340453> (дата обращения: 25.12.2025).

³ В российской и зарубежной практике для анализа трудовых документов применяются как обычные нейросети (ChatGPT, GPT-5, YandexGPT, GigaChat (VK), DeepSeek-V2, Vikhr), так и специализированные программные инструменты для анализа контрактов, в том числе трудовых договоров, с использованием ИИ (Kira Systems, Seal Software, Luminance, LawGeex, Noroots, «ПравоТех», Doczilla); для подготовки типовых документов (трудовых договоров, приказов, уведомлений) используются различные программы, например, правовой AI-ассистент ИСКРА от компании ГАРАНТ, Legal Robot и пр.

При этом следует отметить, что внедрение ИИ-инструментов в юридическую практику не только не уступает показателям внедрения ИИ в HR-процессы, но и превосходит их. По данным, приведенным в российском исследовании о применяемости в профессии юриста технологий ИИ в 2025 г., 72,1% опрошенных используют ИИ в личной практике, на корпоративное внедрение ИИ указали 25,3% опрошенных. Юристами ИИ чаще всего используется для анализа данных (17,8%), работы с документами (16,6%), ответов на вопросы (17,7%) и генерации текста (20%)¹.

Примерно такую же картину показывает и зарубежное исследование о влиянии ИИ на юридическую профессию, проведенное Международной ассоциацией юристов (IBA) и Центром искусственного интеллекта и цифровой политики в 2024 г.²

Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что юристами не всегда учитывается специфика работы алгоритмов ИИ, связанная с «галлюцинациями», когда алгоритм начинает выдавать ссылки на недостоверную информацию и заполнять пробелы сгенерированной судебной практикой, не существующей в реальности³.

Уже появляются первые судебные решения, обязывающие одну из сторон спора возместить судебные издержки из-за ненадлежащего использования ИИ при подготовке судебных документов. Так, например, 18 декабря 2025 г. Суд первой инстанции Глобального рынка Абу-Даби (ADGM) вынес знаковое решение по делу Arabyads Holding Limited против Gulrez Alam Marghood Alam LLC⁴, касающееся цитирования представителем одной из сторон в споре фейковых дел.

В этом решении Суд сослался на получившее широкую огласку дело в США *Mata vs Avianca Inc* (2023), часто называемом «Делом ChatGPT», в котором адвокаты в ходе процесса ссылались на сгенерированные ChatGPT несуществующие дела⁵. По итогам этого разбирательства, в июле 2024 г. Американская ассоциация юристов опубликовала

¹ См.: Искусственный интеллект в профессии юриста: исследование Git.Legal при поддержке компании ПравоТех, 2025 // Право.ру. <https://pravo.ru/news/261622/> (дата обращения: 08.12.2025).

² См.: IBA Publication: The Future Is Now – Artificial Intelligence & The Legal Profession. Sept 2024 // PracticeSource. <https://practicesource.com/iba-publication-the-future-is-now-artificial-intelligence-the-legal-profession-sept-2024/> (дата обращения: 08.12.2025).

³ См.: QFC employment case highlights the risk of relying on artificial intelligence in litigation // Clyde & Co. 17.11.2025. <https://www.clydeco.com/en/insights/2025/11/qfc-employment-case-highlights-the-risk-of-relying> (дата обращения: 08.12.2025).

⁴ In The Qatar Financial Centre Civil And Commercial Court First Instance Circuit. *Arabyads Holding Limited v Gulrez Alam Marghood Alam LLC*. Case No: CTFIC0033/2025. 12.11.2025 // QCDCRC/ <https://www.qicdrc.gov.qa/sites/default/files/2025-11/Jonathan%20David%20Sheppard%20v%20Jillion%20LLC%20-%20Sealed%20Judgment%20-%202012%20November%202025.pdf> (дата обращения: 05.06.2026).

⁵ United States District Court Southern District Of New York. *Mata v. Avianca, Inc.* 22-cv-1461 (PKC), 2023 WL 4114965 // Foong Cheng Leong: blog. <https://foongchingleong.com/judgements/Mata%20vs.%20Avianca.pdf> (дата обращения: 05.06.2026).

свое первое официальное заключение по этике, касающееся ответственности юристов, использующих генеративный искусственный интеллект (ГИИ) [Merken, 2025].

Подобные проблемы возникали в Англии и Уэльсе, Канаде и Австралии, что побудило суды и регулирующие органы выпустить рекомендации по ответственному использованию ИИ и необходимости проверки достоверности любых источников, будь то информация, полученная с помощью ИИ, поиска в Интернете или традиционных методов исследования [Curlin, 2025].

Представленный краткий обзор инструментального влияния ИИ на отношения, составляющие предмет трудового права, дает основания полагать, что решением рутинных задач влияние технологий ИИ на сферу труда не ограничивается. Экспансия технологий ИИ в сферу труда только начинается, но уже сейчас можно прогнозировать трансформацию самих основ правовой материи трудового права, ее предмета и метода, из-за воздействия этих технологий.

Применение технологий ИИ, во-первых, само по себе является мощным трансформационным фактором для отрасли трудового права, и, во-вторых, ИИ выступает катализатором и усилителем трансформационных процессов, связанных с другими факторами.

Внутриотраслевая трансформация под влиянием ИИ обусловлена тем, что использование ИИ не только затрагивает широкий спектр прав и свобод, включая трудовые права, право на защиту персональных данных, право на неприкосновенность частной жизни, но и порождает новые категории прав, например нейроправа.

Зачастую эти новые группы прав формируются не просто на стыке отраслей права, но затрагивают другие области знаний, как гуманитарных, так и естественно-научных, что в свою очередь требует и собственно правового, и этического осознания. Такого рода комплексность требует системной интеграции; в этой связи, ИИ становится катализатором сближения различных отраслей права.

Вообще, тенденция к конвергенции различных отраслей права наблюдается уже какое-то время, и причинами этого явления выступают другие глобальные трансформационные факторы, например распространение цифровизации и появление различных нестандартных форм занятости, глобальное потепление, повышение значимости экологических рисков и связанное с этим «позеленение» экономики, проблематизация международной обстановки, возрастание рисков конфликтов и террористических угроз и связанное с этим усиление публичных начал в правовом регулировании и пр.

На этом фоне активизируется взаимодействие и взаимопроникновение различных отраслей права, даже тех, которые ранее либо вообще не взаимодействовали, либо их взаимодействие было едва ощутимо (например, трудовое и экологическое право) [Kovačević, 2024; Doorey, 2017; Tomassetti, 2018]; наблюдается экспансия административного права в сферу трудового права (например, внедрение антикоррупционных стандартов и ограничений применительно практически ко всем сферам деятельности, активизация «экстренного» подзаконного нормотворчества¹) и т. п.

¹ Согласно ч. 2 ст. 252 ТК РФ, при введении специальных мер в сфере экономики Правительство Российской Федерации вправе устанавливать особые правила регулирования трудо-

Нельзя не отметить и тенденцию к конгломерации норм права разной отраслевой направленности и моральных регуляторов под влиянием научных достижений не гуманитарных отраслей знаний — например, если вести речь о формировании биоправа [Mokhov, 2021; Умнова-Конюхова, Алешкова, 2021; Зенин, Брюхина, 2024] и нейроправа [Meunpen, 2014; Yuste и др., 2017; Красиков, 2023; Sommaggio, 2024].

Несмотря на то что внутри отдельных отраслей права сохраняется тенденция к дифференциации правового регулирования, всё же, похоже, что эпоха отраслевой дифференциации сменяется эпохой правовой конгломерации. Следует подчеркнуть, что технологии ИИ здесь не просто пассивный инструмент; они активно способствуют этой конвергенции, делая ее более быстрой и всеохватывающей.

Так, ИИ способен генерировать новые «мосты» между отраслями, выявляя скрытые связи через анализ больших данных (big data) и прогнозируя «гибридные» риски, возникающие на стыке различных сфер человеческой деятельности. Это меняет правовую парадигму — от жесткой дифференциации к гибким отраслям, где в точке регулирования трудовых отношений пересекаются различные права, сконструированные на междисциплинарном стыке. Например, в трудовом праве ИИ может интегрировать экологические риски в оценку условий труда, когда алгоритмы машинного обучения анализируют данные о климатических изменениях, здоровье работников и производственные процессы, предлагая модели труда в контексте устойчивого развития.

Таким образом, ИИ ускоряет эволюцию права от «изолированных островов» к «сети отраслей», где трудовое право интегрируется с другими под влиянием данных и алгоритмов. Без ИИ конгломерация шла бы медленнее, полагаясь на человеческий анализ; с ИИ она становится предиктивной и проактивной.

Что касается метода трудового права, то и здесь мы наблюдаем трансформации, которые, вероятно, будут существенно усилены благодаря технологиям ИИ. Уже сейчас, наряду с традиционными императивным и диспозитивным методом, повсеместно используется риск-ориентированное регулирование и управление (государственный надзор и контроль, регулирование различных инновационных технологий — от биомедицинских до технологий ИИ, различные виды комплаенса, в том числе санкционный комплаенс, и пр.) [Шахназаров, 2025].

Как известно, суть ИИ — в вероятностном моделировании и предикции, поэтому ИИ способен не только усилить риск-ориентированный метод, но и может радикально его эволюционировать, создавая новые формы регулирования. В частности, активно

вых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах, отличающиеся от тех, которые установлены непосредственно ТК РФ, даже если эти правила предусматривают некоторые ограничения прав работников. См., например: Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах: Постановление Правительства РФ от 01.08.2022 № 1365 // ГАРАНТ. <https://base.garant.ru/405117355/> (дата обращения: 05.06.2026).

развивается концепция алгоритмического права¹ [Порываева, 2022; Catanzariti, 2021; Зенин и др., 2020], связанная с тенденцией алгоритмизации права, которая может проявляться в:

- алгоритмическом регулировании, предполагающем создание правил и норм, которые управляют поведением алгоритмов и ИИ-систем, а также использование алгоритмов для контроля за соблюдением других регуляторов;
- динамической адаптации правовых норм к изменяющимся условиям и обстоятельствам;
- прогнозировании и автоматизированном принятии юридически значимых решений, в том числе на основе прогнозирования исхода судебных дел или оценки рисков, связанных с определенным поведением (предиктивная правовая аналитика, предиктивная юриспруденция) [Бирюков, 2019; Рустамбеков, Турдалиев, 2023; Понкин, 2022].

Это меняет саму философию права — от статичного к эволюционному, где трудовое правовое регулирование может стать «самообучающимся», адаптируясь к глобальным вызовам.

На уровне правореализации такого рода алгоритмизация может проявляться в динамической оценке профессиональных рисков и опасностей: ИИ может анализировать данные в режиме реального времени (например, данные с датчиков на рабочем месте, данные о производительности труда, данные о жалобах работников) для выявления и оценки рисков. Это позволит более точно и оперативно выявлять факторы, представляющие угрозу для работников, и принимать меры по их устранению (например, формировать персонализированные рекомендации по снижению рисков и пр.).

В комплаенс-системах ИИ может не просто контролировать соблюдение трудовой дисциплины, но и предлагать персонализированные «риск-контракты» с гибкими условиями труда, учитывающими индивидуальные риски.

Кроме того, с помощью ИИ можно автоматизировать выявление нарушений трудового законодательства на основе анализа больших объемов данных (например, данных кадрового учета, данных о заработной плате, о графиках работы и пр.) с последующим предоставлением работодателям рекомендаций по соблюдению трудового законодательства.

Однако при этом необходимо учитывать описанные выше риски, связанные с применением ИИ в трудовом праве. Поэтому глобальное влияние требует правовых и этических рамок, чтобы риск-ориентированный метод не деградировал в алгоритмический авторитаризм.

¹ См.: Концепция развития технологий машиночитаемого права. Утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31 // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396491/ (дата обращения: 16.01.2026).

В частности, вероятно, общего регулятора — федерального закона, определяющего особенности применения ИИ технологий в целом¹, окажется недостаточно; потребуются проработка нового трудового института, нормы которого будут регулировать особенности применения ИИ в сфере труда (по аналогии с институтом защиты персональных данных работника, гл. 15 ТК РФ).

Ключевыми элементами такого института могут стать: принципы применения ИИ в сфере труда (например, принцип прозрачности, объяснимости, запрета дискриминации, человеческого контроля, учета мнения представителей работников при внедрении ИИ и пр.); права и обязанности сторон; установление особенностей регулирования отдельных случаев применения ИИ (в отношении высокорисковых систем и пр.); вопросы, связанные с последствиями автоматизации рабочих мест (переобучение, переквалификация работников, меры социальной поддержки, степень участия представителей работников и пр.); меры ответственности за нарушения при применении ИИ в сфере труда, а также в случаях выявления предвзятости или ошибок в работе ИИ систем; механизмы контроля и надзора за соблюдением норм, регулирующих применение ИИ в сфере труда; возможность проведения независимых аудитов ИИ-систем.

Возможно, дополнительно потребуется установить особенности порядка рассмотрения как коллективных, так и индивидуальных трудовых споров, связанных с ИИ.

Что же касается иных регуляторов, то потребуются разработка специальных национальных стандартов, определяющих особенности применения технологий ИИ и (или) алгоритмов к трудовым отношениям (в диапазоне от установления общих этических рамок применения ИИ в сфере труда до конкретизации специфики использования технологий ИИ в процессе отбора и подбора персонала, процедур оценки эффективности работников и аттестации, анализа профессиональных рисков в сфере охраны труда и т. п.)².

Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что влияние ИИ на трансформацию права — преимущественно глобальное, не ограниченное локальным совершенствованием. Локально ИИ — это «усилитель» процессов, но глобально он выступает в качестве «трансформера»: ускоряет конвергенцию отраслей, делая трудовое право интегратором, и эволюционирует методы регулирования от статичных к динамичным, риск-ориентированным.

¹ См.: Правительство проработает проект по регулированию ИИ // РИА «Новости». 06.02.2026. <https://ria.ru/20260206/zakon-2072622440.html> (дата обращения: 07.02.2026).

² На начало 2026 г. в России действует 143 стандарта по направлению «Искусственный интеллект»; среди них нет ни одного стандарта, определяющего особенности применения ИИ к сфере труда. К примеру, применительно к использованию ИИ в медицине утверждено 30 стандартов; причем с 2022 г. стандарты ИИ в медицине эволюционировали от общих рекомендаций к детализированным требованиям, ориентированным на практическое применение, особенно в таких критически важных областях, как система поддержки принятия врачебных решений и анализ клинических данных. См.: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts> (дата обращения: 06.02.2026).

В трудовом праве это может знаменовать переход к «умному труду», где ИИ не только оптимизирует трудовые договоры, но и формирует новые правовые категории и даже институты.

Например, внедрение ИИ в сферу труда актуализирует вопрос не только о появлении нового правового института защиты прав работников в связи с применением технологий ИИ, но и о конструировании новой правовой категории индивидуального соглашения на применение в отношении работника технологий ИИ (биоэтический контракт как приложение к трудовому договору); постоянная оценка индивидуальных рисков для работника посредством ИИ-технологий потребует разработки максимально гибкого трудового договора, предусматривающего возможность оперативного изменения вследствие реализации рисков; сближение отраслей права способствует формированию смежных правовых категорий (например, экологические трудовые права) и сквозных юридических технологий (защита достоинства, личной неприкосновенности, частной жизни от чрезмерного воздействия ИИ-технологий) и пр.

На уровне правореализации такого рода алгоритмизация может проявляться в динамической оценке профессиональных рисков и опасностей: ИИ может анализировать данные в режиме реального времени (например, данные с датчиков на рабочем месте, данные о производительности труда, данные о жалобах работников) для выявления и оценки рисков. Это позволит более точно и оперативно выявлять факторы, представляющие угрозу для работников, и принимать меры по их устранению (например, формировать персонализированные рекомендации по снижению рисков и пр.).

Однако для позитивного эффекта необходимо сохранение баланса между инновациями и защитой прав человека — это ключевая задача, стоящая перед трудово-правовой доктриной, законодателем и социальными партнерами на разных уровнях.

Список источников

- Бирюков П. Н. 2019. Искусственный интеллект и «Предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. № 11 (156). С. 79–85. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087>.
- Брюхина Е. Р., Третьякова Е. С., Зенин С. С. [и др.]. 2024. Биоэтика и биоправо. Терминологический справочник / под ред. С. С. Зенина, Е. Р. Брюхиной. Тюмень: ТюмГУ-Press. 134 с.
- Жужгина А. А. 2025. Компьютерное зрение как средство обеспечения безопасности труда: правовые вызовы цифровизации российской системы охраны труда // Современная правовая система России: наследие победы и взгляды в будущее: сб. тезисов докладов по материалам 4.1 Саратовского юридического форума. Саратов. С. 137–142. https://xn--80af5bzc.xn--p1ai/documents/nauch_izdania/sbornikSUF2025.pdf (дата обращения: 05.06.2026).
- Зайцева Л. В. 2024. Влияние нейросетевого контроля на содержание правового статуса субъектов трудового отношения // За права трудящихся! Гражданин как субъект трудового права: реализация и защита прав и законных интересов в условиях современных вызовов: материалы Десятой Международной научно-практической конференции

- (Екатеринбург, 19 декабря 2024 г.) / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева. С. 71–77. <https://www.elibrary.ru/yydtkr>.
- Зенин С. С., Кутейников Д. А., Ижаев О. А., Япрынцев И. М. 2020. Правотворчество в условиях алгоритмизации права // *Lex russica*. Т. 73. № 7. С. 97–104. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.097-104>.
- Катабай П. Х., Смирнов Ю. И., Абрамов И. Н., Мажиев Х. Н., Скрипникова М. И. 2021. Управление локальной профсоюзной организацией на основе применения цифровой платформы // *Креативная экономика*. Т. 15. № 11. С. 4095–4104. <https://1economic.ru/lib/113738> (дата обращения: 05.06.2026).
- Конобеццев Ф. Д. 2022. Цифровизация кадрового документооборота // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. № 6 (63). С. 63–66. <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-11-6-63-66>.
- Котов В. 2023. Искусственный интеллект (ИИ) в охране труда и промышленной безопасности. Успешные кейсы в России // *СФЕРА. Нефть и Газ*. № 5. С. 72–74. <https://xn--80aaigboe2bzaiqs7i.xn--p1ai/asiz-2023-5> (дата обращения: 05.06.2026).
- Красиков В. И. 2023. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // *Вестник Российской правовой академии*. № 1. С. 65–83. https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/2023/1/VestnRPA_2023_1-65-83.pdf (дата обращения: 05.06.2026).
- Малекова В. А., Романова Е. В. 2023. Перспективы использования чат-ботов в HR-секторе // *Сервис в России и за рубежом*. Т. 17. № 1. С. 180–191. https://mlsd2019.ipu.ru/proceedings_1/section_5/546-548.pdf (дата обращения: 05.06.2026).
- Миронова С. М., Литвиненко З. Г. 2023. Профсоюзы для самозанятых и работников платформ: опыт России и зарубежных стран // *Legal Bulletin*. № 4. С. 10–19. https://en.legalbulletin.ru/data/documents/LB2023no4_1.pdf (дата обращения: 05.06.2026).
- Новиков Д. А. 2024. Использование искусственного интеллекта в сфере занятости: проблемы и перспективы правового регулирования // *Журнал цифровых технологий и права*. № 2 (3). С. 611–635. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.31> (дата обращения: 05.06.2026).
- Пшеничный С. П. 2023. Специфика деятельности профсоюзов в условиях цифровой трансформации // *Экономические науки*. № 6 (223). С. 428–234.
- Порываева Н. Ф. 2022. Алгоритмизация права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 23 с.
- Понкин И. В. 2022. Машинная правовая аналитика: понятие, онтология и значение для правовой деятельности // *Государственная служба*. № 6 (140). С. 40–46. <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnaya-pravovaya-analitika-ponyatie-ontologiya-i-znacheniedlya-pravovoy-deyatelnosti> (дата обращения: 05.06.2026).
- Рустамбеков И. Р., Турдалиев М. У. 2023. Искусственный интеллект в правовой предиктивной аналитике: совершенствование судебных стратегий // *Universum: экономика и юриспруденция*. № 9-10 (108). С. 24–28. <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/15924> (дата обращения: 05.06.2026).
- Сопилко Н. Ю., Горбачева В. В. 2022. HR-аналитика в контексте повышения производительности труда на отраслевых предприятиях // *Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право»*. № 4. С. 8–20. <https://economics.rsuh.ru/jour/article/view/420/366> (дата обращения: 05.06.2026).

- Тимофеева С. С. 2024. Цифровизация и искусственный интеллект в охране труда // XXI век. Техносферная безопасность. Т. 9. № 3. С. 280–295. <https://doi.org/10.21285/2500-1582-2024-9-3-280-295>.
- Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. 2021. Биоправо как отрасль права нового поколения // Вестник Томского гос. ун-та. Право. № 41. С. 98–118. <https://doi.org/10.17223/22253513/41/9>.
- Филипова И. А. 2023. Нейросети: применение, вопросы этики и права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. Т. 23. № 4. С. 76–81. <https://vestnik.susu.ru/law/article/view/13793> (дата обращения: 05.06.2026).
- Харитонов Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. 2021. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 53. С. 488–515. <https://cyberleninka.ru/article/n/predvzyatost-algoritmov-iskusstvennogo-intellekta-voprosy-etiki-i-prava> (дата обращения: 10.06.2026).
- Чуланова О. Л. 2020. Возможности применения дескриптивной, прогнозной, предиктивной и прескриптивной HR-аналитики как цифровых трендов // Материалы Афанасьевских чтений. № 1 (30). С. 40–49. <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-deskriptivnoy-prognoznoy-prediktivnoy-i-preskriptivnoy-hr-analitiki-kak-tsifrovyyh-trendov> (дата обращения: 05.06.2026).
- Шахназаров Б. А. (общ. ред.). 2025. Правовой комплаенс в условиях санкций: монография. М.: Проспект. 176 с. ISBN 978-5-392-43012-3.
- Шуралева С. В. 2023. О влиянии цифровых технологий на правовое регулирование труда и занятости уязвимых групп работников // Вестник Пермского университета. Юридические науки. № 62. С. 645–661. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-tsifrovyyh-tehnologiy-na-pravovoe-regulirovanie-truda-i-zanyatosti-uyazvimykh-grupp-rabotnikov> (дата обращения: 05.06.2026).
- Aguilar R. 2021. Just Eat and unions sign the first company agreement for riders in Spain // Spain's News. <https://spainsnews.com/just-eat-and-unions-sign-the-first-company-agreement-for-riders-in-spain/> (дата обращения: 05.06.2026).
- Balcı A. İ. 2025. The effects of Artificial Intelligence and automation on labour markets: Rethinking the role of trade unions // The New Role of Labor Unions in the AI Era / A. Arenas Falótico, J. Bayón Pérez (Eds.). IGI Global Scientific Publishing. Pp. 421–472. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-8049-9.ch014>.
- Bigman Y. E., Wilson D., Arnestad M. N., Waytz A., Gray K. 2023. Algorithmic discrimination causes less moral outrage than human discrimination // Journal of Experimental Psychology. No. 152 (1). Pp. 4–27. <https://doi.org/10.31234/osf.io/m3nnp>.
- Blanchet A. 2024. Trade union strategies on artificial intelligence and collective bargaining on algorithms // Equal Times. <https://www.equaltimes.org/trade-union-strategies-on?lang=en> (дата обращения: 15.01.2026).
- Catanzariti M. 2021. Algorithmic law: Law production by data or data production by law? // Constitutional Challenges in the Algorithmic Society / H.-W. Micklitz, O. Pollicino, A. Reichman, A. Simoncini, G. Sartor, G. De Gregorio (eds.). Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 78–92. <https://doi.org/10.47743/RDC-2021-2-00010>.
- Chen Z. 2023. Ethics and discrimination in artificial intelligence-enabled recruitment practices // Humanities and Social Sciences Communications. No. 10. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02079-x> (дата обращения: 05.06.2026).

- De Stefano V. 2019. "Negotiating the algorithm": Automation, artificial intelligence and labor protection // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. No. 41 (1). Pp. 15–46. https://www.researchgate.net/publication/325711883_'Negotiating_the_Algorithm'_Automation_Artificial_Intelligence_and_Labour_Protection (дата обращения: 05.06.2026).
- De Stefano V. 2020. "Masters and servers": Collective labour rights and private government in the contemporary world of work // *International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*. No. 36 (4). Pp. 435–443. https://www.researchgate.net/publication/360042841_'Masters_and_Servers'_Collective_Labour_Rights_and_Private_Government_in_the_Contemporary_World_of_Work (дата обращения: 05.06.2026).
- De Stefano V., Taes S. 2022. Algorithmic management and collective bargaining // *Transfer: European Review of Labour and Research*. Vol. 29 (1). Pp. 21–36. <https://ideas.repec.org/a/sae/treure/v29y2023i1p21-36.html> (дата обращения: 05.06.2026).
- Doorey D.J. 2017. Just transitions law: Putting labour Law to work on climate change // *Journal of Environmental Law and Practice*. No. 30 (2). <https://doi.org/10.2139/ssrn.2680241> (дата обращения: 05.06.2026).
- Flanagan F., Walker M. 2020. How can unions use Artificial Intelligence to build power? The use of AI chatbots for labour organising in the US and Australia December // *New Technology Work and Employment*. No. 36 (2). Pp. 159–176. <https://doi.org/10.1111/ntwe.12178>.
- James H. Curlin IV. 2025. ChatGPT didn't write this ... or did it? The emergence of generative AI in the legal field and lessons from *Mata v. Avianca* // *Arkansas Law Review*. No. 78 (1). <https://doi.org/10.54119/alr.mlrt4575>.
- Kerckhofs P. 2025. Collective bargaining on artificial intelligence at work // Eurofound. <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/all/collective-bargaining-on-artificial-intelligence-at-work> (дата обращения: 15.01.2026).
- Kovačević L. 2024. Relationship between Labour and Environmental Law – Accidental or Natural Partners? // *Legal Insights into Environmental Sustainability* / S. Stojković Zlatanović, R. Sovilj, I. Ostojić, M. Dimitrovska (eds). Skopje: Institute of Social Sciences: Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Institute for Sociological, Political and Juridical Research. Pp. 12–43. https://www.researchgate.net/publication/381462077_Relationship_between_Labour_and_Environmental_Law_-_Accidental_or_Natural_Partners (дата обращения: 05.06.2026).
- Meynen G. 2014. Neurolaw: Neuroscience, ethics, and law. Review essay // *Ethic Theory Moral Practice*. No. 17 (4). Pp. 819–829. <https://doi.org/10.1007/s10677-014-9501-4>.
- Mokhov A. A. 2021. Bioethics and biolaw as bioeconomy regulators // *Kutafin Law Review*. No. 8 (1). Pp. 68–84. <https://doi.org/10.17803/2313-5395.2021.1.15.068-084>.
- Sommaggio P. 2024. Protecting my mind: Cognitive liberty, commons, and neurorights // *The Discourse of Biorights. The International Library of Bioethics* / J. A. Seoane, O. Vergara (eds.). Vol. 109. Pp. 133–145. https://doi.org/10.1007/978-3-031-66804-3_9.
- Tomassetti P. 2018. Labor law and environmental sustainability // *Comparative Labor Law and Policy Journal*. No. 40 (1). Pp. 61–88. <https://www.proquest.com/docview/2616896770> (дата обращения: 05.06.2026).
- Vidalis T. 2022. *The Emergence of Biolaw: The European Experience and the Evolutionary Approach*. [Б. м.]: Springer. 332 pp. ISBN-10 3031023617.
- Yuste R., Goering S., Arcas Ag., et al. 2017. Four ethical priorities for neurotechnologies and AI // *Nature*. No. 551 (7679). Pp. 159–163. <https://doi.org/10.1038/551159a>.

References

- Biryukov, P. N. (2019). Artificial intelligence and “predicted justice”: Foreign experience. *Lex Russica*, (11), 79–85. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.156.11.079-087> [In Russian]
- Bryukhina, E. R., Tretyakova, E. S., Zenin, S. S. [et al.]. (2024). *Bioethics and Biolaw. Terminological Dictionary* (Edited by S. S. Zenin & E. R. Bryukhina). TyumGU-Press. [In Russian]
- Zhuzhgina, A. A. (2025). Computer vision as a means of ensuring labor safety: Legal challenges of digitalization of the Russian labor protection system. In *Proceedings of the 4.1 Saratov juridical forum “Russia’s Modern Legal System: Legacy of Victory and Views for the Future”* (pp. 137–142). Retrieved June 5, 2026, from https://xn--80af5bzc.xn--p1ai/documents/nauch_izdania/sbornikSUF2025.pdf [In Russian]
- Zaitseva, L. V. (2024). The influence of neural network control on the content of the legal status of subjects of labor relations. In *Proceedings of the 10th International Scientific and Practical conference “For the Rights of Workers! A Citizen as a Subject of Labor Law: Realization and Protection of Rights and Legitimate Interests in the Face of Modern Challenges”* (December 19, Ekaterinburg) (pp. 71–77). V. F. Yakovlev Ural State Law University. <https://www.elibrary.ru/yydtkr> [In Russian]
- Zenin, S. S., Kuteynikov, D. L., Izhaev, O. A., & Yapryntsev, I. M. (2020). Law-making in the condition of algorithmization of law. *Lex Russica*, 73(7), 97–104. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.164.7.097-104> [In Russian]
- Katabay, P. Kh., Smirnov, Yu. I., Abramov, I. N., Mazhiev, Kh. N., & Skripnikova, M. I. (2021). Management of a local trade union organization based on a digital platform. *Creative Economy*, 15(11), 4095–4104. Retrieved June 5, 2026, from <https://1economic.ru/lib/113738> [In Russian]
- Konobevtsev, F. D. (2022). Digitalization of personnel document management. *Management of the personnel and intellectual resources in Russia*, (6), 63–66. <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-11-6-63-66> [In Russian]
- Kotov, V. (2023). Artificial intelligence (AI) in labor protection and industrial safety. Successful cases in Russia. *Sphere. Oil & Gas*, (5), 72–74. Retrieved June 5, 2026, from <https://xn--80aa-igboe2bzaiqs7i.xn--p1ai/asiz-2023-5> [In Russian]
- Krasikov, V. I. (2023). Features of new human rights in the conditions of development of modern neurotechnologies. *Herald of the Russian Law Academy*, (1), 65–83. Retrieved June 5, 2026, from https://journal.rpa-mu.ru/Media/journal/archiv/2023/1/VestnRPA_2023_1-65-83.pdf [In Russian]
- Malekova, V. A., & Romanova, E. V. (2023). Prospects for the use of chatbots in the HR sector. *Services in Russia and Abroad*, 17(1), 180–191. Retrieved June 5, 2026, from https://mlsd2019.ipu.ru/proceedings_1/section_5/546-548.pdf [In Russian]
- Mironova, S. M., & Litvinenko, Z. G. (2023). Trade unions for the self-employed and platform workers: Experience of Russia and foreign countries. *Legal Bulletin*, (4), 10–19. Retrieved June 5, 2026, from https://en.legalbulletin.ru/data/documents/LB2023no4_1.pdf [In Russian]
- Novikov, D. A. (2024). Using artificial intelligence in employment: Problems and prospects of legal regulation. *Journal of Digital Technologies and Law*, (2), 611–635. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.31> [In Russian].

- Pshenichnyy, S. P. (2023). The specifics of the of trade unions activities in the digital transformation context. *Economic Sciences*, (6), 428–234. [In Russian]
- Poryvaeva, N. F. (2022). *Algorithmization of Law* [Cand. Sci. (Jur.) dissertation]. [In Russian]
- Ponkin, I. V. (2022). Computational legal analytics: Concept, ontology, and significance for legal. *Public Administration*, (6), 40–46. Retrieved June 5, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnaya-pravovaya-analitika-ponyatie-ontologiya-i-znachenie-dlya-pravovoy-deyatelnosti> [In Russian]
- Rustambekov, I. R., & Turdialiev, M. U. (2023). Artificial intelligence in legal predictive analytics: Enhancing litigation strategies. *Universum: Economics and Law*, (9-10), 24–28. Retrieved June 5, 2026, from <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/15924> [In Russian]
- Sopilko, N. Yu., & Gorbacheva, V. V. (2022). HR Analytics in the context of increasing labor productivity at industry companies. *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Economics. Management. Law*, (4), 8–20. Retrieved June 5, 2026, from <https://economics.rsuh.ru/jour/article/view/420/366> [In Russian]
- Timofeeva, S. S. (2024). Digitalization and artificial intelligence in labor protection. *XXI Century. Technosphere Safety*, 9(3), 280–295. <https://doi.org/10.21285/2500-1582-2024-9-3-280-295> [In Russian]
- Umnova-Konukhova, I. A., & Aleshkova, I. A. (2021). Bio-law as a new generation of law. *Tomsk State University Journal of Law*, (41), 98–118. <https://doi.org/10.17223/22253513/41/9> [In Russian]
- Filipova, I. A. (2023). Neural networks: Application, ethics and law. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Law"*, 23(4), 76–81. Retrieved June 5, 2026, from <https://vestnik.susu.ru/law/article/view/13793> [In Russian]
- Kharitonova, Yu. S., Savina, V. S., & Pagnini F. (2021). Artificial intelligence's algorithmic bias: Ethical and legal issues. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, (53), 488–515. Retrieved June, 10, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/predvzyatost-algoritmov-iskusstvennogo-intellekta-voprosy-etiki-i-prava> [In Russian]
- Chulanova, O. L. (2020). Opportunities for using descriptive, predictive, predictive, and prescriptive HR analytics as digital trends. *Materials Athanasian Readings*, (1), 40–49. Retrieved June 5, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-primeneniya-deskriptivnoy-prognoznoy-prediktivnoy-i-preskriptivnoy-hr-analitiki-kak-tsifrovyyh-trendov> [In Russian]
- Shakhnazarov, B. A. (2025). Legal Compliance in the Context of Sanctions. *Prospekt*. ISBN 978-5-392-43012-3 [In Russian]
- Shuraleva, S. V. (2023). On the impact of digital technologies on labor and employment of vulnerable groups of workers. *Perm University Herald. Juridical Sciences*, (62), 645–661. Retrieved June 5, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyani-tsfrovyyh-tehnologiy-na-pravovoe-regulirovanie-truda-i-zanyatosti-uyazvimyyh-grupp-rabotnikov> [In Russian]
- Aguiar, R. (2021). Just Eat and unions sign the first company agreement for riders in Spain. *Spain's News*. Retrieved June 5, 2026, from <https://spainsnews.com/just-eat-and-unions-sign-the-first-company-agreement-for-ridersin-spain/>

- Balci, A. İ. (2025). The effects of Artificial Intelligence and automation on labour markets: Rethinking the role of trade unions. In A. Arenas Falótico & J. Bayón Pérez (Eds.), *The New Role of Labor Unions in the AI Era* (pp. 421–472). IGI Global Scientific Publishing. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-8049-9.ch014>
- Bigman, Y. E., Wilson, D., Arnestad, M. N., Waytz, A., & Gray, K. (2023). Algorithmic discrimination causes less moral outrage than human discrimination. *Journal of Experimental Psychology*, (152), 4–27. <https://doi.org/10.31234/osf.io/m3nrp>
- Blanchet, A. (2024). Trade union strategies on artificial intelligence and collective bargaining on algorithms. *Equal Times*. Retrieved June 5, 2026, from <https://www.equaltimes.org/trade-union-strategies-on?lang=en>
- Catanzariti, M. (2021). Algorithmic law: Law production by data or data production by law? In H.-W. Micklitz, O. Pollicino, A. Reichman, A. Simoncini, G. Sartor & G. De Gregorio (eds.), *Constitutional Challenges in the Algorithmic Society* (pp. 78–92). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.47743/RDC-2021-2-00010>
- Chen, Z. (2023). Ethics and discrimination in artificial intelligence-enabled recruitment practices. *Humanities and Social Sciences Communications*, (10). <https://doi.org/10.1057/s41599-023-02079-x>
- De Stefano, V. (2019). “Negotiating the algorithm”: Automation, artificial intelligence and labor protection. *Comparative Labor Law & Policy Journal*, (41), 15–46. Retrieved June 5, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/325711883_'Negotiating_the_Algorithm'_Automation_Artificial_Intelligence_and_Labour_Protection
- De Stefano, V. (2020). “Masters and servers”: Collective labour rights and private government in the contemporary world of work. *International Journal of Comparative Labour Law and Industrial Relations*, (36), 435–443. Retrieved June 5, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/360042841_'Masters_and_Servers'_Collective_Labour_Rights_and_Private_Government_in_the_Contemporary_World_of_Work
- De Stefano, V., & Taes, S. (2022). Algorithmic management and collective bargaining. *Transfer: European Review of Labour and Research*, 29(1), 21–36. Retrieved June 5, 2026, from <https://ideas.repec.org/a/sae/treure/v29y2023i1p21-36.html>
- Doorey, D. J. (2017). Just transitions law: Putting labour law to work on climate change. *Journal of Environmental Law and Practice*, (30). <https://doi.org/10.2139/ssrn.2680241>
- Flanagan, F., & Walker, M. (2020). How can unions use Artificial Intelligence to build power? The use of AI chatbots for labour organising in the US and Australia December. *New Technology Work and Employment*, (36), 159–176. <https://doi.org/10.1111/ntwe.12178>
- James H. Curlin IV. (2025). ChatGPT didn't write this ... or did it? The emergence of generative AI in the legal field and lessons from *Mata v. Avianca*. *Arkansas Law Review*, (78). <https://doi.org/10.54119/alr.mlrt45>
- Kerckhofs, P. (2025). Collective bargaining on artificial intelligence at work. *Eurofound*. Retrieved June 5, 2026, from <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/all/collective-bargaining-on-artificial-intelligence-at-work>
- Kovačević, L. (2024). Relationship between Labour and Environmental Law — Accidental or Natural Partners? In S. Stojković Zlatanović, R. Sovilj, I. Ostojić & M. Dimitrovska

- (eds.), *Legal Insights into Environmental Sustainability* (pp. 12–43). Institute of Social Sciences: Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Institute for Sociological, Political and Juridical Research. Retrieved June 5, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/381462077_Relationship_between_Labour_and_Environmental_Law_-_Accidental_or_Natural_Partners
- Meynen, G. (2014). Neurolaw: Neuroscience, ethics, and law. Review essay. *Ethic Theory Moral Practice*, 17, 819–829. <https://doi.org/10.1007/s10677-014-9501-4>
- Mokhov, A. A. (2021). Bioethics and biolaw as bioeconomy regulators. *Kutafin Law Review*, 8(1), 68–84. <https://doi.org/10.17803/2313-5395.2021.1.15.068-084>
- Sommaggio, P. (2024). Protecting my mind: Cognitive liberty, commons, and neurorights. In J. A. Seoane & O. Vergara (eds.). *The Discourse of Biorights. The International Library of Bioethics* (vol 109, pp. 133–145). https://doi.org/10.1007/978-3-031-66804-3_9
- Tomassetti, P. (2018). Labor law and environmental sustainability. *Comparative Labor Law and Policy Journal*, (40), 61–88. Retrieved June 5, 2026, from <https://www.proquest.com/docview/2616896770>
- Vidalis, T. (2022). *The Emergence of Biolaw: The European Experience and the Evolutionary Approach*. Springer. ISBN-10 3031023617
- Yuste, R., Goering, S., Arcas, Ag., et al. (2017). Four ethical priorities for neurotechnologies and AI. *Nature*, 551, 159–163. <https://doi.org/10.1038/551159a>

Информация об авторе

Оксана Александровна Курсова, кандидат юридических наук, доцент академического департамента, Школа права и управления, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
o.a.kursova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9170-1678>

Information about the author

Oksana A. Kursova, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor of the Academic Department, School of Law and Management, University of Tyumen, Tyumen, Russia
o.a.kursova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9170-1678>

Климатические проекты: концепция и механизмы правового регулирования

Наталья Владимировна Данилова✉

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: n.v.danilova@utmn.ru✉

Аннотация. Целью настоящего исследования является обзор основных концептуальных подходов к регулированию разработки и реализации климатических проектов, используемых в мировой практике. В рамках настоящей работы рассмотрено понятие климатических проектов и их связь с углеродными рынками, основные типы климатических проектов, имеющиеся в мировой практике, дан обзор основных механизмов нормативного регулирования разработки и реализации климатических проектов: международных, национальных и независимых. Показаны базовые принципы правового регулирования климатических проектов, рассмотрена процедура разработки и реализации климатических проектов. Дана оценка современного состояния правового и технического регулирования климатических проектов в Российской Федерации. Продemonстрировано несоответствие правовых механизмов, используемых в рамках проведения Сахалинского эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов, базовому климатическому федеральному закону, что ставит под сомнение возможность экстраполяции результатов пилотного проекта на другие регионы России.

Ключевые слова: охрана климата, климатическое право, выбросы парниковых газов, климатический проект, углеродная единица

Цитирование: Данилова Н. В. 2026. Климатические проекты: концепция и механизмы правового регулирования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 176–194. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-176-194>

Поступила 20.02.2026; одобрена 13.03.2026; принята 08.05.2026

Climate projects: Concept and mechanisms of legal regulation

Natalia V. Danilova ✉

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: n.v.danilova@utmn.ru ✉

Abstract. The purpose of this study is to assess the current state of regulatory frameworks for climate projects in the Russian Federation. This paper examines the concept of climate projects and their relation to carbon markets, the main types of climate projects existing globally, and provides an overview of the main regulatory mechanisms for the development and implementation of climate projects (international, national, and independent). It also presents the basic principles of legal regulation of climate projects and examines the procedure for developing and implementing climate projects. It also demonstrates the discrepancy between the legal mechanisms used in the Sakhalin greenhouse gas emission limitation experiment and the basic federal climate law, casting doubt on the applicability of the pilot project's results to other regions of Russia.

Keywords: climate protection, climate law, greenhouse gas emissions, climate project, carbon credit

Citation: Danilova, N. V. (2026). Climate projects: Concept and mechanisms of legal regulation. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 176–194. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-176-194>

Received Feb. 20, 2026; Reviewed Mar. 13, 2026; Accepted May 8, 2026

Введение

Ключевую роль Рамочная Конвенция ООН по изменению климата, Киотский протокол, а вслед за ним и Парижское соглашение, отвели рыночным механизмам, которые призваны способствовать странам или компаниям в решении задач низкоуглеродного развития и снижении выбросов парниковых газов с наименьшими издержками. Эти механизмы основаны на том, что парниковые газы не являются загрязняющими веществами, прямо влияющими на здоровье людей и природу (в типичных для атмосферы концентрациях), а парниковый эффект — сугубо глобальное явление, не зависящее от места выброса, но зависящее от их суммарного объема [Кокорин и др., 2015, с. 37]. К таким механизмам относятся: (1) торговля квотами на выбросы парниковых газов (emission trading) и (2) компенсационные климатические проекты и программы, направленные на со-

кращение выбросов парниковых газов или их депонирование в экосистемах (carbon offset projects and programmes). В российском законодательстве последние именуются климатическими проектами.

Разработка и реализация климатических проектов в России началась в первый период действия Киотского протокола. Тогда же на основе международных требований была создана национальная нормативно-правовая и нормативно-техническая основа регулирования соответствующих отношений. Обновление климатической политики России, постановка целей достижения углеродной нейтральности, формирование современного климатического законодательства в 2021–2023 гг. привело к обновлению и детализации требований и к климатическим проектам.

В ходе исследования использованы такие эмпирические методы научного познания, как изучение литературы, документов и результатов деятельности: изучена научная литература (монографии, статьи в научной периодике) по теме исследования, аналитические доклады и отчеты в сфере углеродного рынка, в частности Всемирного банка, официальные сайты правительственных и неправительственных международных организаций, данные российского Реестра углеродных единиц. Теоретическими методами исследования являлись метод экспертных оценок полученных данных, метод системного анализа, метод сравнения, в частности, сравнительного правоведения. Используемые методы позволили сформулировать понятие климатических проектов и показать их связь с углеродными рынками, продемонстрировать основные типы климатических проектов, имеющиеся в мировой практике, дать обзор основных механизмов нормативного регулирования разработки и реализации климатических проектов, базовых принципов и процедурных моментов, а также оценить уровень нормативного правового регулирования климатических проектов в Российской Федерации на современном этапе.

Результаты и обсуждение

Климатические проекты и углеродные рынки

Климатический проект представляет собой комплекс мероприятий, обеспечивающих сокращение (предотвращение) выбросов парниковых газов или увеличение поглощения парниковых газов. Результатом реализации климатических проектов являются углеродные единицы, выраженные количеством предотвращенных или поглощенных выбросов в тоннах CO₂-эквивалента. К данным проектам и их обоснованию предъявляются специальные требования, а их итоги подтверждаются внешними экспертами.

Реализуя климатические проекты, организации стараются снизить издержки, связанные с углеродным регулированием, достичь статуса углеродно-нейтральной (когда сумма эмиссий углерода равна нулю). Достичь этого можно разными способами, например, как реализуя собственные климатические проекты, так и посредством покупки углеродных сертификатов у других организаций. Возможен вариант, когда одна компания инвестирует в климатический проект другой компании с целью получения углеродных единиц после реализации проекта.

Можно утверждать, что верифицированные углеродные единицы являются видом имущества (имущественных прав) и включаются в гражданский оборот. Особенность этого имущественного права состоит в том, что имущественное содержание определяется обязанностью государства в конечном итоге принять углеродные единицы в счет погашения количества выбросов парниковых газов. Отношения по формированию содержания права создаются в системе «власти — подчинения», но это не препятствует его обращению в качестве объекта гражданского права. С учетом нематериального характера объекта и необходимости его обращения для устранения рисков ненадлежащего определения его владельца, Закон устанавливает режим его учета, во многом сходный с режимом учета бездокументарных ценных бумаг (ведение реестра, определение уполномоченного лица, которое его ведет, установление правила о том, что права переходят и прекращаются при внесении соответствующих записей в реестре) [Новоселова, Медведева, 2023]. Схожая точка зрения высказана и в работе [Аристов, Медведева, 2024, с. 30–42].

Различают два типа углеродных единиц. Первые выпускаются в подтверждение права на выброс парниковых газов в соответствии с установленной эмитенту квотой на выбросы парниковых газов. Считается, что эмитент уложился в установленную квоту на выбросы (выполнил обязательство по ограничению и сокращению выбросов), если по окончании отчетного периода фактические выбросы эмитента не превысили количества углеродных единиц на счете эмитента в углеродном реестре. Второй тип углеродных единиц выпускается в подтверждение сокращения выбросов парниковых газов или увеличения поглотительной способности экосистем, достигнутого в результате реализации климатического проекта. Во всех случаях эмитент вправе в любое время по своему усмотрению продавать и покупать углеродные единицы, а также накапливать их и переносить на последующие периоды.

Такими образом формируются углеродные рынки (carbon credit markets). Углеродный рынок — рынок углеродных единиц, измеряемых в тоннах CO₂-эквивалента (тCO₂-экв.), которые выпускаются в обращение уполномоченными на то органами в электронной форме в виде записей на счетах в реестре углеродных единиц (углеродном реестре).

В основе концепции углеродного рынка лежит представление о том, что независимо от своего происхождения парниковые газы, накапливаясь в атмосфере, оказывают негативное воздействие на климатическую систему в глобальном масштабе; соответственно, сокращение выбросов парниковых газов, где бы оно ни происходило, служит смягчению климатических изменений. Данная концепция и построенные на ее основе механизмы углеродной торговли позволяют сокращать выбросы парниковых газов наиболее экономически целесообразным образом, т. е. там и так, где и как это в данный момент выгоднее (дешевле). Углеродный рынок выполняет важную функцию: он обеспечивает мобилизацию и перераспределение ресурсов в глобальном масштабе в пользу низкоуглеродных технологий, отраслей и производств, характеризующихся наименьшими выбросами парниковых газов, способствуя, в конечном счете, переводу мировой экономики на инновационный, низкоуглеродный путь развития [Юлкин и др., 2013, с. 11–12].

Типы климатических проектов

В литературе климатические проекты принято делить на два типа: природные и технологические.

К природным проектам можно отнести следующие:

1. Проекты по защите экосистем, то есть отсутствие или минимальное вмешательство в экосистемы. Целью является сохранение или усиление определенных природных ресурсов в уже существующих естественных или плохо управляемых экосистемах. Этот тип проектов способствует более эффективному использованию природных/охраняемых экосистем. Например, защита лесов от вырубki и деградации в результате вырубки, пожаров и нерационального уровня добычи недревесных ресурсов; поддержание и улучшение естественных водно-болотных угодий.
2. Проекты по устойчивому управлению. Подразумевается улучшение управления земельными ресурсами для увеличения секвестрации (поглощения) углерода без изменения текущего основного использования земли. Примеры: агролесоводство, использование биоугля для повышения плодородия почв.
3. Проекты по восстановлению экосистем включают изменение текущей модели землепользования, например, путем восстановления лесов на деградировавших или заброшенных землях, или на землях, которые в настоящее время используются для сельского хозяйства. Обычно это влечет за собой преобразование земли в существовавшую ранее естественную экосистему, но может включать облесение земель, которые веками не были покрыты лесом. Перспективными проектами для России являются обводнение водно-болотных угодий и торфяников [Климатические проекты ..., 2022; Пинаев и др., 2023].

Среди проектов по защите экосистем можно выделить проект устойчивого лесного хозяйства, реализуемый с 2022 г. на территории девяти стран Латинской Америки и Африки. Проект предоставляет решения для увеличения поглощения парниковых газов путем рационального производства древесины и сохранения естественных лесов. Снижение выбросов составляет 20 млн т $\text{CO}_2\text{Э}$ ежегодно.

Проектом по сохранению биоразнообразия является реализуемый на территории Южной Америки проект по сохранению биоразнообразия экосистемы реки Амазонки. На этой территории находится крупнейший тропический лес. Проект предусматривает стимулирование сохранения биоразнообразия экосистемы за счет инвестирования в лесовосстановление и воспроизводство водных биологических ресурсов. Проект реализуется с 2021 г. шестью странами, ежегодное снижение выбросов — 123,4 млн $\text{CO}_2\text{Э}$. Большая часть природных проектов приходится на лесовосстановление. Негативное воздействие человека, а также климатические изменения приводят к обезлесению территорий и деградации лесов, при которой биоразнообразие леса постоянно снижается.

Примером реализации проекта восстановления экосистем является проект в Гане. Лесная экосистема северной Ганы характеризуется 400 миллионами уникальных деревьев ши и других. Изменение климата, переход к более современному сельскохозяйствен-

ному производству и большая зависимость района от древесного угля, производимого из древесины этих деревьев, создают серьезную нагрузку на экосистему района. Проект направлен на восстановление деградировавших лесов саванн путем лесовосстановления. Проект реализуется с 2020 г., ежегодное снижение выбросов — 25,2 млн $\text{CO}_2\text{Э}$. Всего в настоящее время в мире реализовано более 400 природных климатических проектов. Большая часть из них — лесовосстановительные [Нагайцев, 2022].

В России в период действия Киотского протокола как проекты совместного осуществления были реализованы два лесоклиматических проекта: «Поглощение углерода путем лесоразведения в отдаленных районах сибирского региона Российской Федерации» и «Бикинский углеродный проект в ареале обитания тигра: долгосрочное сохранение лесов в долине реки Бикин, подверженных рубке при отсутствии проекта», реализованные в Алтайском и Приморском краях соответственно. Деятельность в рамках проекта на Алтае подразумевала охрану и управление заросшими лесом землями сельхозназначения и охватила площадь 9 356 га. Проект был направлен на увеличение поглощения CO_2 путем увеличения площади активных лесонасаждений, тем самым способствуя митигации последствий изменения климата и снижению экологической нагрузки на окружающую среду. Также одной из целей проекта была отработка механизма активного управления и охраны лесных участков, не состоящих в лесном фонде. Бикинский проект предполагал сохранение существующего лесного углеродного пула посредством защиты территории проекта от лесозаготовительной деятельности. Оба проекта были успешно реализованы, и в результате были получены углеродные единицы [Пинаев и др., 2023].

В качестве примера реализуемого в настоящее время лесоклиматического проекта можно привести проект АО «РУСАЛ КРАСНОЯРСК» «Авиационная охрана от пожаров лесного участка», реализуемый в Красноярском крае¹. Сроки реализации заявлены с 2019 по 2033 г., к настоящему времени по проекту выпущено около 1,3 млн углеродных единиц.

Отметим, что природные решения подвержены различным рискам: возникновение лесных пожаров, гибель от вредителей и стихийных бедствий, изменения в государственной политике. Природные экосистемы уязвимы: углерод, накопленный лесами, прибрежными экосистемами и т. д., может высвобождаться из-за антропогенной вырубki лесов и/или природных явлений. Кроме того, проекты по восстановлению природных экосистем и лесовосстановлению могут быть коммерчески непривлекательными. Реализация проектов по лесовосстановлению требует от инвесторов терпения и готовности ждать, но не все из них хотели бы получать прибыль лишь в долгосрочной перспективе [Климатические проекты..., 2022].

К технологическим климатическим проектам относятся:

1. Проекты в области низкоуглеродной энергетики. Реализуются проекты перехода на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). С 2020 по 2021 г. в мире выработано 638 ТВт/ч энергии от ВИЭ. Наибольшее число реализованных проектов по внедрению ВИЭ приходится на Китай. Проекты включают генерацию энергии за счет солнечной, ветряной, геотермальной, водородной энергии, гидроэнергии, энергии биомассы, энергии океана.

¹ Реестр углеродных единиц: оф. сайт. <https://carbonreg.ru/ru/> (дата обращения: 15.02.2026).

2. Проекты улавливания и секвестрации углерода. Распространены в меньшей степени из-за большой стоимости технологий и высоких затрат при эксплуатации. Проекты предусматривают улавливание углерода и его использование или захоронение. Наибольшее количество проектов на 2021 г. приходится на Европу, Северную Америку и Азию — всего более 90 проектов. Наибольшее распространение получили проекты улавливания и секвестрации углерода, повышающие нефтеотдачу месторождений по добыче нефти, и проекты по производству водорода. Примером такого проекта является Alberta Carbon Trunk Line (ACTL), реализуемый с 2020 г. в Канаде. Проект предусматривает применение технологий улавливания на заводах компании и транспортировки CO_2 на истощающиеся нефтяные месторождения ACTL с целью повышения нефтеотдачи. Улавливание углекислого газа проектом составляет 1,3–1,6 млн т CO_2 в год.
3. Проекты по эффективному обращению с отходами. К таким проектам можно отнести, например, проекты по энергетической утилизации твердых коммунальных отходов, анаэробное сбраживание органических отходов, сжигание и энергетическая утилизация свалочного газа. Одной из компаний, занимающейся реализацией подобных проектов, является австралийская компания EDL, которая специализируется на генерации энергии из возобновляемых источников. Объем генерируемой электроэнергии компании составляет 1 042 МВт. Производства компании присутствуют на территории Канады, США, Великобритании, Греции и Австралии. Проектом газогенерации, реализуемым компанией EDL с 2017 г. в Канаде, является «Lidya Energie». Объем генерируемой электроэнергии составляет 11 МВт. Сокращение выбросов парниковых газов составляет 0,32 млн т CO_2 в год. Реализация технологических проектов требует больших финансовых затрат компаний ввиду высокой стоимости низкоуглеродных технологий и отсутствия большого спроса на технологии [Нагайцев, 2022].

Механизмы нормативного регулирования разработки и реализации климатических проектов

Сложившиеся в мире механизмы нормативного регулирования климатических проектов можно разделить на три категории:

1. Международные — это механизмы, администрируемые или управляемые международной организацией, созданной государствами, например, агентствами ООН. Эта категория включает механизмы, созданные в соответствии со ст. 12 Киотского протокола и ст. 6 Парижского соглашения.
2. Государственные — это механизмы, администрируемые одним или несколькими государствами, например Калифорнийская программа компенсации за соблюдение требований и Австралийская схема единиц углеродных кредитов (ACCU).
3. Независимые — это механизмы, которые администрируются неправительственными организациями, например, такими как Verra и Gold Standard.

Международные механизмы, предусмотренные Киотским протоколом, выступили катализатором развития в рассматриваемой области, выработанные принципы и подходы в дальнейшем послужили основой для формирования национальных систем торговли выбросами парниковых газов и реализации климатических проектов. В связи с этим рассмотрим их более подробно.

Киотский протокол предусматривал два варианта реализации климатических проектов: Механизм чистого развития (Clean Development Mechanism) и Проекты совместного осуществления (Joint Implementation). В рамках этих механизмов реализация проекта осуществляется в одной стране за счет средств другой страны. Результатом реализации проекта должно быть сокращение выбросов парниковых газов либо увеличение поглотительной способности экосистем. Полученные за счет этого углеродные единицы поступают либо стране, финансирующей проект, либо стране, его реализующей, двойной зачет исключен. Дополнительным бонусом реализации таких проектов является обмен технологиями, что имеет большое значение для развивающихся стран.

Механизм чистого развития допускал выполнение климатического проекта на территории развивающейся страны, не входящей в Приложение 1 Рамочной конвенции ООН об изменении климата, но полностью или частично за счет средств развитой страны, входящей в Приложение 1. Затем развитая страна или ее хозяйствующий субъект получают созданные проектом единицы сокращения выбросов. В Механизме чистого развития могут участвовать частные и (или) государственные субъекты. Для администрирования и контроля за деятельностью механизма чистого развития был создан специальный международный орган — Исполнительный совет МЧР (Executive Board). В его функции входят одобрение методологий, регистрация проектов, введение в обращение сертифицированных углеродных единиц, а также аккредитация аудиторских компаний для проведения валидации МЧР проектов, верификации и сертификации.

Проекты совместного осуществления — это климатические проекты, которые выполняются на территории одной страны Приложения 1, но полностью или частично за счет средств другой страны этого Приложения. Затем страна-донор или ее хозяйствующий субъект получают созданные проектом углеродные единицы.

Как и в случае механизма чистого развития, проекты совместного осуществления в обязательном порядке проходят независимую экспертизу, которую проводят уполномоченные независимые организации, аккредитованные при соответствующем международном органе Киотского протокола — Комитете по надзору за совместным осуществлением (Joint Implementation Supervisory Committee). Часто это те же самые организации, которые валидируют и верифицируют проекты в рамках механизма чистого развития. Кроме того, допускается реализация проекта по решению уполномоченного органа страны, где реализуется проект, в соответствии с собственной (национальной) процедурой верификации проектов [Романова, 2023, с. 437–444].

Отметим, что согласно своему статусу по Киотскому протоколу, как страна с переходной экономикой, Россия могла участвовать в реализации проектов совместного осуществления. Были установлены критерии отбора проектов, создан реестр углеродных единиц и определен его оператор. Необходимо отметить, что российские компании

достаточно активно включились в этот процесс. В общей сложности за период 2008–2012 гг. было инициировано 156 проектов, из них утверждено Минэкономразвития России 108 с совокупным углеродным потенциалом в 311,6 млн т эквивалента углекислого газа [Леонова, 2024].

К проектам того периода относились, например, реконструкция технологической ТЭС в Братске, позволившая повысить эффективность использования биотоплива и снизить выбросы; перевод ТЭС в Архангельской области с мазута на природный газ; проекты утилизации попутного нефтяного газа; крупнейший в России проект совместного осуществления — строительство в Ханты-Мансийском АО второй очереди Южно-Балыкского газоперерабатывающего комплекса и прочие [Пинаев и др., 2023].

В декабре 2012 г. в Дохе завершилась Всемирная климатическая конференция ООН, на которой должна была решиться судьба второго периода действия Киотского протокола. Обсуждение всех недостатков Протокола, а в особенности отсутствия обязательств для развивающихся стран и неэффективности системы квот в силу огромного перевеса предложения относительно спроса, определили тот факт, что обязательства во втором периоде готовы были взять на себя всего около 35 стран. Россия отказалась от участия во втором периоде действия Киотского протокола. В официальном заявлении МИД РФ сообщалось, что Россия считает продление Киотского протокола в его существующем виде неэффективным. При этом РФ продолжала участвовать в мероприятиях в рамках Рамочной Конвенции, в частности, представляла в ООН национальные данные об объеме выбросов. Отказ от участия во втором периоде действия Киотского протокола означал невозможность дальнейшего участия России в проектах совместного осуществления и международной торговле квотами на выбросы.

Парижское соглашение взамен механизмов чистого развития и проектов совместного осуществления предусматривает новый инструмент — механизм устойчивого развития, в котором могут участвовать любые страны независимо от уровня экономического развития. Условия участия в них не изменились, ими по-прежнему являются добровольность, необходимость одобрения проекта, невозможность двойного учета единиц снижения выбросов.

В 2019 г. 30 стран подписали декларацию о сотрудничестве по реализации ст. 6 Парижского соглашения на основе согласованных принципов, получивших свое название по месту подписания — «Принципы Сан-Хосе» (столица Коста-Рики). Среди подписантов — страны ЕС, а также Норвегия, Швейцария, Новая Зеландия, некоторые малые островные государства и страны Латинской Америки — Перу, Парагвай, Колумбия и Коста-Рика. Страны достигли следующих договоренностей:

- не использовать углеродные единицы, полученные до 2020 г.;
- исключить двойной учет результатов проектов и производить соответствующие корректировки;
- использовать метрики в эквиваленте CO₂;

- применять принципы «прозрачности, точности, последовательности, сопоставимости и полноты»;
- использовать централизованную и общедоступную инфраструктуру и системы для сбора, отслеживания и обмена информацией, необходимой для надежного и прозрачного учета [Гершиноква, 2021].

Проектные механизмы Киотского протокола дали толчок к развитию целого ряда альтернативных национальных, региональных и независимых стандартов и программ, на основе которых реализуются климатические проекты и формируются так называемые добровольные углеродные рынки.

Помимо механизмов, основанных на Рамочной конвенции, существуют и другие международные инициативы. Так, Япония продвигает свою оригинальную схему углеродного сотрудничества в рамках т. н. «механизма совместных действий» (Joint Crediting Mechanism), основанного на двусторонних межправительственных соглашениях с развивающимися странами по поводу совместной реализации углеродных проектов. Схема представляет собой попытку скомпилировать, объединить и переложить на двустороннюю основу сильные стороны механизма чистого развития и механизма совместного осуществления проектов Киотского протокола.

Среди национальных систем следует выделить Систему торговли выбросами Новой Зеландии (NZ ETS), Постоянную инициативу Новой Зеландии по поглощению углерода лесами (NZ PFSI), Австралийскую инициативу по сокращению выбросов углерода в сельском хозяйстве (Australia's CFI), Тихоокеанский углеродный стандарт Британской Колумбии (British Columbia's Pacific Carbon Standard), японские программы Japan's Offset Credit Scheme (J-VER) и J-CDM, Лесной углеродный кодекс Комиссии по лесному хозяйству Великобритании (UK Forestry Commission's Woodland Carbon Code).

Особенность независимых углеродных механизмов состоит в том, что они созданы и администрируются независимыми международными организациями и базируются на их собственных стандартах, в частности:

- Верифицированный углеродный стандарт (Verified Carbon Standard, сокращенно VCS); с 2018 г. переименован в VERRA;
- Золотой стандарт (Gold Standard) Механизм чистого развития (Clean Development Mechanism, сокращенно CDM);
- Американский углеродный реестр (American Carbon Registry, сокращенно ACR);
- Резерв климатических действий (Climate Action Reserve);
- Plan Vivo;
- ИСО 14064-2 и др.

С обзором основных добровольных углеродных программ можно ознакомиться на сайте Carbon Offset Guide¹.

¹ Carbon Offset Guide: оф. сайт. <https://offsetguide.org> (дата обращения: 08.06.2026).

В целом эти схемы основаны на тех же принципах и подходах, что и киотские механизмы, и также позволяют по итогам реализации проектов верифицировать достигнутые сокращения выбросов, выпускать в обращение углеродные единицы и передавать их на возмездной основе заинтересованным приобретателям. Разница только в том, что эти добровольные углеродные единицы не могли служить инструментами выполнения количественных обязательств по ограничению и сокращению выбросов стран — участниц Киотского протокола. За редким исключением добровольные углеродные единицы также не принимаются в зачет выполнения обязательных требований по ограничению и сокращению выбросов, установленных эмитентам в рамках национальных схем регулирования выбросов.

Кроме требований к сокращению выбросов парниковых газов, некоторые независимые стандарты требуют, чтобы климатические проекты соответствовали определенным социальным и экологическим параметрам. Например, согласно Золотому стандарту, заявители должны подтвердить экологичность применяемых по проекту технологий, а также продемонстрировать, что проект способствует устойчивому развитию и обеспечивает сопряженные экологические, социальные и экономические выгоды. Золотой стандарт предлагает критерии экологической устойчивости проекта и специальный шаблон, с помощью которого разработчики проекта описывают проект и его соответствие экологическим критериям.

Детальную характеристику независимых механизмов климатических проектов см. [Юлкин и др., 2013; Романова, 2023].

До недавнего времени регулируемые и добровольные углеродные рынки существовали параллельно и независимо друг от друга, оказывая друг на друга только косвенное влияние через взаимный обмен и признание применяемых критериев, подходов и методик. Однако в последние годы наметился тренд на интеграцию добровольных углеродных стандартов в регулируемые рынки через механизм аккредитации или в иной форме [Юлкин, Дёпова, 2023].

Так, с целью консолидации добровольного рынка углеродных единиц и повышения его эффективности была создана инициатива Taskforce on Scaling Voluntary Carbon Markets (TSVCM), в рамках которой планируется ряд мероприятий, включая разработку единого стандарта (Core Carbon Principles) для обеспечения высокого уровня качества углеродных единиц и стандартных договоров на покупку углеродных единиц (Core Carbon reference contracts).

Соотношение использования тех или иных механизмов с течением времени менялось. Так, на 2015 г. на механизмы Киотского протокола приходилось около 90% всех зарегистрированных углеродных единиц. К настоящему моменту ситуация изменилась. По данным Всемирного банка, с 2021 г. углеродные единицы регистрируются в рамках государственных или независимых систем¹ (рис. 1).

¹ World Bank. State and Trends of Carbon Pricing 2024. Washington, DC: World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/b0d66765-299c-4fb8-921f-61f6bb979087> (дата обращения: 08.06.2026).

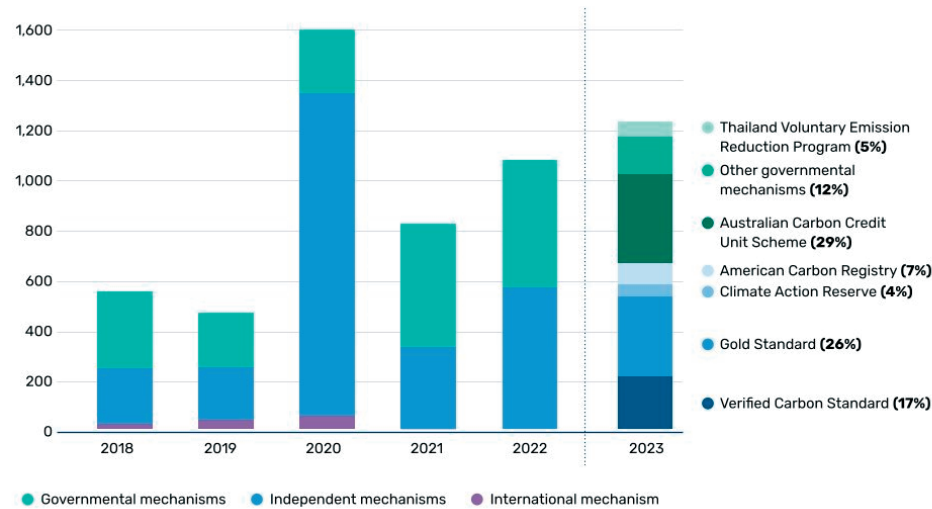

Рис. 1. Объем зарегистрированных углеродных единиц по видам механизма нормативного регулирования, 2018–2023 гг.¹

Fig. 1. Volume of registered carbon units by type of regulatory mechanism, 2018–2023¹

Принципы и порядок разработки и реализации климатических проектов

В целом все стандарты и программы базируются на следующих принципах реализации климатических проектов и требований финансирования:

1. **Дополнительность (Additionality):** проект не должен быть обязательным по закону, общепринятой практикой или финансово привлекательным при отсутствии доходов от продажи углеродных единиц.
2. **Отсутствие переоценки (No overestimation):** сокращение выбросов CO₂ должно соответствовать количеству углеродных единиц, выпущенных для проекта, и должно учитывать любые непреднамеренные выбросы ПГ, вызванные проектом.
3. **Постоянство (Permanence):** влияние сокращения выбросов ПГ не должно подвергаться риску возвращения углерода в атмосферу и должно приводить к постоянному снижению выбросов.
4. **Избежание двойного учета (Exclusive claim avoidance):** каждая метрическая тонна CO₂ может быть заявлена только один раз и должна включать подтверждение погашения углеродной единицы (credit retirement) после завершения проекта.
5. **Недопущение увеличения выбросов вне границ проекта (Leakage avoidance):** реализация проекта не должна приводить к тому, чтобы источник выбросов был перенесен за границы реализации проектов (например, в другой регион).

¹ World Bank. State and Trends of Carbon Pricing 2024.

6. Дополнительные социальные и экологические выгоды (Additional social and environmental benefits): проекты должны соответствовать всем юридическим требованиям своей юрисдикции и должны приносить дополнительные сопутствующие выгоды в соответствии с ЦУР ООН [Климатические проекты ..., 2022].

Процедура разработки и реализации климатических проектов представляет собой последовательность следующих шагов:

1. Подготовка проектной документации. Исполнитель проекта должен подготовить и предоставить валидатору документы и сведения о проектной деятельности (в соответствии с требованиями законодательства или программы), включая границы проекта, описание базового сценария, методологии измерений и расчета выбросов ПГ, оценку потенциала сокращений выбросов ПГ или увеличения поглощения и план мониторинга.
2. Валидация проекта. Валидатор осуществляет проверку сведений о планируемой/реализуемой проектной деятельности на соответствие критериям климатического проекта. По результатам проверки валидатор готовит отчет о валидации с заключением о соответствии проекта критериям. В нем указывается характер заключения (положительное или отрицательное) и информация, предусмотренная стандартами и требованиями законодательства или программы.
3. Регистрация климатического проекта в реестре углеродных единиц. После предоставления в реестр УЕ положительного заключения о валидации проекта исполнитель проекта может подать заявление о его регистрации. Проект считается зарегистрированным в реестре УЕ со дня внесения оператором реестра записи о нем.
4. Реализация проекта. Исполнитель осуществляет мероприятия, предусмотренные проектом, и на протяжении всего периода проводит сбор данных для подтверждения сокращения выбросов ПГ или увеличения поглощения (мониторинг).
5. Подготовка отчета о реализации проекта. Исполнитель заносит данные о реализации проекта в отчет и передает верификатору. В случае, если реализация климатического проекта происходит в несколько этапов, отчет предоставляется по каждому из этапов.
6. Верификация результатов проекта. Верификатор проводит проверку данных, которые содержатся в отчете о реализации климатического проекта и оценку правильности расчета количества выпускаемых углеродных единиц. По результатам проверки верификатор готовит отчет, включающий в себя заключение о верификации (положительное или отрицательное).
7. Выпуск в обращение углеродных единиц. Исполнитель проекта направляет оператору реестра верифицированный отчет о результатах реализации проекта вместе с положительным заключением о верификации и заявлением о выпуске УЕ. УЕ считаются выпущенными в обращение со дня внесения в реестр записи о зачислении¹.

¹ Валидаторы и верификаторы климатических проектов. 2025 // Фонд «Центр стратегических разработок». <https://www.csr.ru/upload/iblock/b87/9a0wfg560neb84f9q7zcqwg7dl0y72oa.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).

Схематически данная процедура представлена на рис. 2.

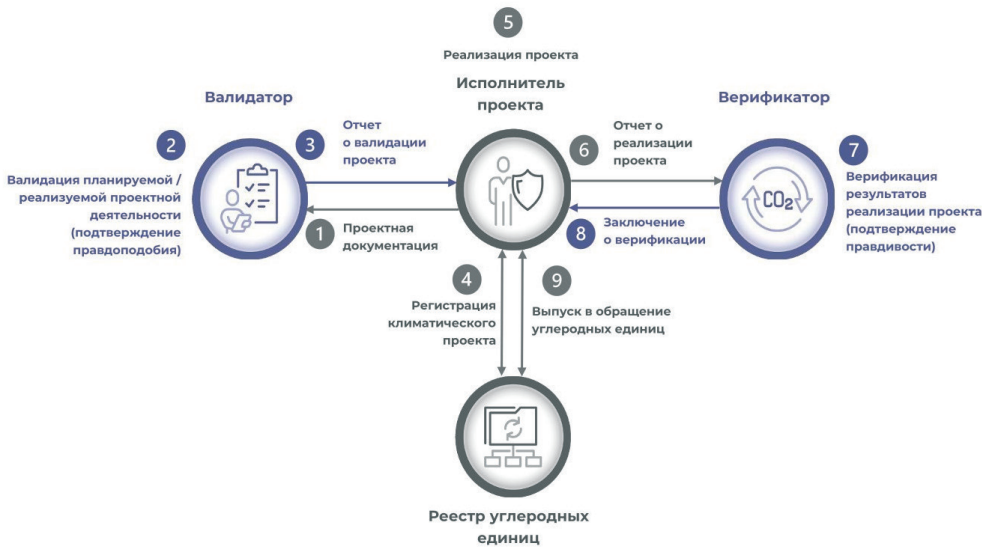

Рис. 2. Процедура реализации климатических проектов¹

Fig. 2. Climate project implementation procedure¹

Российское законодательство о климатических проектах и Сахалинский эксперимент

В настоящее время в России сформированы нормативные правовые рамки для реализации климатических проектов. Их основу составляет Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов»², который ввел легальные дефиниции основных терминов, в частности:

- климатический проект — комплекс мероприятий, обеспечивающих сокращение (предотвращение) выбросов парниковых газов или увеличение поглощения парниковых газов;
- углеродная единица — верифицированный результат реализации климатического проекта, выраженный в массе парниковых газов, эквивалентной 1 тонне углекислого газа;
- верификация результатов реализации климатического проекта — проверка и подтверждение сведений о сокращении (предотвращении) выбросов парниковых газов или об увеличении поглощения парниковых газов в результате реализации климатического проекта;

¹ Валидаторы и верификаторы климатических проектов. 2025.

² Об ограничении выбросов парниковых газов: Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5124.

- реестр углеродных единиц — информационная система, в которой регистрируются климатические проекты и ведется учет углеродных единиц и операций с ними.

Непосредственно требования к климатическим проектам и порядок их валидации и верификации результатов указанный Федеральный закон не предусматривает. Они регламентированы подзаконными нормативными правовыми актами:

- утверждены критерии отнесения проектов, реализуемых юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями или физическими лицами, к климатическим проектам и порядок их валидации, форма и порядок представления отчета о реализации климатического проекта (Приказ Минэкономразвития России от 11.05.2022 № 248);
- утверждены правила создания и ведения реестра углеродных единиц, а также проведения операций с углеродными единицами в реестре углеродных единиц (Постановление Правительства РФ от 30.04.2022 № 790);
- определены правила верификации результатов реализации климатических проектов (Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 № 455).

Создан Реестр углеродных единиц, определен его оператор — АО «Контур». По состоянию на 01.03.2026 в российском Реестре углеродных единиц зарегистрирован уже 101 климатический проект¹. Торги углеродными единицами могут осуществляться на Национальной товарной бирже (NAMEX).

Действующим законодательством предусмотрено осуществление климатических проектов в соответствии с документами национальной системы стандартизации в области ограничения выбросов парниковых газов. Российские национальные стандарты базируются на международных стандартах ИСО. В 2021–2022 гг. национальные стандарты по данному вопросу были полностью обновлены (ГОСТ Р ИСО 14064-1-2021; ГОСТ Р ИСО 14064-2-2021; ГОСТ Р ИСО 14064-3-2021; ГОСТ Р ИСО 14080-2021; ГОСТ Р ИСО 14067-2021; ГОСТ Р ИСО/МЭК 17029-2022). Наличие национальных стандартов в этой сфере тем более важно, что после 2022 г. многие держатели добровольных углеродных стандартов отказались от сотрудничества с Россией и перестали принимать и регистрировать на своих площадках климатические проекты российских компаний. В ряде случаев запреты и ограничения были введены и в отношении ранее зарегистрированных проектов российского происхождения [Юлкин, Дёпова, 2023].

В связи с закрытием — надеемся, временным — для российского бизнеса международных углеродных рынков, на современном этапе актуальным становится развитие российского углеродного рынка и, соответственно, определенность его правовых рамок.

Отработка всех правовых механизмов климатического регулирования, в том числе запуск пилотного проекта системы торговли выбросами, предполагалась в рамках так называемого Сахалинского эксперимента. Его правовой базой стал Федеральный закон «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных

¹ Реестр углеродных единиц: оф. сайт. <https://carbonreg.ru/ru/>. (дата обращения: 15.02.2026).

субъектах Российской Федерации»¹. Однако внимательное прочтение этого закона позволяет усомниться, что его результаты могут быть экстраполированы на другие регионы Российской Федерации, по крайней мере в части, касающейся реализации климатических проектов и оборота углеродных единиц.

Такое сомнение вызвано тем, что механизмы Сахалинского эксперимента кардинально отличаются от тех, что заложены в базовом климатическом законе «Об ограничении выбросов парниковых газов» и принятых на его основе подзаконных актах. Прежде всего, для обозначения углеродных единиц, полученных за счет реализации мероприятий по сокращению выбросов парниковых газов, вводится дополнительный термин «единица выполнения квоты», которая определяется как верифицированный результат выполнения установленной квоты, выраженный в разнице между установленной квотой и фактической массой выбросов парниковых газов, эквивалентной одной тонне углекислого газа. И хотя единица выполнения квоты, по сути, есть разновидность углеродной единицы [Аристов, Медведева, 2024], требования к ее выпуску совсем иные.

Для выпуска единиц выполнения квоты с возможностью последующего вовлечения их в гражданский оборот не требуется разрабатывать и регистрировать специальные климатические проекты и проходить соответствующие процедуры валидации и верификации. Как верно отмечают М. А. Юлкин и Е. В. Дёпова, «сокращение выбросов парниковых газов может быть достигнуто в рамках обычной инвестиционной деятельности, а результаты реализации проектов могут быть отражены обычным порядком в углеродной отчетности как разница между выбросами до и после реализации проекта» [Юлкин, Дёпова, 2023, с. 7]. Требуется лишь верификация соответствующей углеродной отчетности организации². Правило же о внесении денежной платы в случае превышения квот на выбросы парниковых газов³, заимствованное их экологического законодательства по аналогии с платой за негативное воздействие на окружающую среду, как нам представляется, вообще нивелирует экономические стимулы для покупки недостающих углеродных единиц у других эмитентов — участников углеродного рынка.

Очевидно, что обязательным условием вовлечения всех углеродных единиц (включая единицы выполнения квот) должна быть валидация и верификация соответствующих проектов регулятором, что равносильно их допуску на регулируемый рынок. Полагаем, что следует устранить указанную двойственность правовых механизмов, предусмотренных базовым климатическим законом и законом о Сахалинском эксперименте.

Заключение

Проведенное исследование позволяет увидеть связь климатических проектов с развитием углеродных рынков. Ведущую роль в развитии климатического регулирования

¹ О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 06.03.2022 № 34-ФЗ // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1391.

² О проведении эксперимента... Ст. 9–11.

³ О проведении эксперимента... П. 10, 11 ст. 8.

в целом и климатических проектов в частности первоначально сыграли международные механизмы, предусмотренные Рамочной конвенцией и Киотским протоколом. После вступления в силу Парижского соглашения они утратили свое значение. Однако выработанные на международном уровне принципы, подходы и процедуры послужили основой для формирования национальных и независимых систем торговли выбросами парниковых газов и реализации климатических проектов. Указанные подходы стали базой и для формируемого российского климатического законодательства. После 2022 г., когда многие держатели добровольных углеродных стандартов отказались от сотрудничества с Россией и перестали принимать и регистрировать на своих площадках климатические проекты российских компаний, создание собственного национального механизма реализации климатических проектов приобретает особую актуальность. Отработка всех правовых механизмов климатического регулирования, в том числе запуск пилотного проекта системы торговли выбросами, предполагалась в рамках Сахалинского эксперимента. Однако несоответствие правовых механизмов, используемых при проведении эксперимента, базовому климатическому законодательству ставит под сомнение возможность экстраполяции результатов пилотного проекта на другие регионы России.

Список источников

- Аристов В. В., Медведева Т. М. 2024. Углеродные единицы: отечественное регулирование. Часть первая // Хозяйство и право. № 5 (568). С. 30–42. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2024-5-30-42>.
- Гершинкова Д. А. 2021. Нерешенные вопросы статьи 6 Парижского соглашения — возможен ли компромисс в Глазго? // Вестник международных организаций. Т. 16. № 3. С. 79–98. <http://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-03-03>.
- Климатические проекты: риски и возможности для бизнеса. 2022 // CGI Russia. <https://cgi-russia.ru/wp-content/uploads/Climate-project-research.pdf> (дата обращения: 25.01.2025)
- Кокорин А. О., Липка О. Н., Суляндзига Р. В. 2015. Изменение климата. Глоссарий терминов, используемых в работе РКИК ООН WWF России. М. 95 с. <https://www.priroda.ru/lib/detail.php?ID=11767> (дата обращения: 08.06.2026).
- Леонова И. И. 2024. Правовое регулирование реализации климатических проектов в России // Журнал российского права. № 3. С. 156–170. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.3.7>.
- Нагайцев И. А. 2022. Предпосылки реализации климатических проектов в России // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. № 4 (42). С. 122–126. <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-realizatsii-klimaticheskikh-proektov-v-rossii> (дата обращения: 08.06.2026).
- Новоселова Л. А., Медведева Т. М. 2023. Углеродные единицы как объекты гражданских прав // Власть Закона. № 1 (53). С. 92–104.
- Пинаев В. Е., Ухова В. Н., Ледашева Т. Н. 2023. Направления, опыт и перспективы реализации климатических проектов в России // Отходы и ресурсы. Т. 10. № 2. <https://doi.org/10.15862/17ECOR223>.
- Романова В. В. (ред.). 2023. Правовое обеспечение реализации климатических проектов в Российской Федерации и за рубежом. М.: Центр развития энергетического права и современной правовой науки им. В. А. Мусина. 560 с.

- Юлкин М. А., Дёпова Е. В. 2023. Углеродный рынок: состояние и перспективы // *Carbon Lab*. <https://disk.360.yandex.ru/i/fhAxjIOeYmZNIA> (дата обращения: 25.01.2025).
- Юлкин М. А., Дьячков В. А., Самородов А. В., Кокорин А. О. 2013. Добровольные системы и стандарты снижения выбросов парниковых газов. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF). 100 с. https://esg-library.mgimo.ru/publications/dobrovolnye-sistemy-i-standarty-snizheniya-vybrosov-parnikovyykh-gazov/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 08.06.2026).

References

- Aristov, V. V., & Medvedeva, T. M. (2024). Carbon units: Domestic regulation. Part one. *Economy and Law*, (5), 30–42. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2024-5-30-42> [In Russian]
- Gershinkova, D. A. (2021). Unresolved issues of Article 6 of the Paris Agreement — is a compromise possible in Glasgow? *International Organisations Research Journal*, 16(3), 79–98. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-03-03> [In Russian]
- Climate projects: Risks and opportunities for business. (2022). *CGI Russia*. Retrieved January 25, 2025, from <https://cgi-russia.ru/wp-content/uploads/Climate-project-research.pdf> [In Russian]
- Kokorin, A. O., Lipka, O. N., & Sulyandziga, R.V. (2015). *Climate Change. Glossary of Terms Used in the Work of the UNFCCC. WWF Russia*. Retrieved June 8, 2026, from <https://www.priroda.ru/lib/detail.php?ID=11767> [In Russian]
- Leonova, I. I. (2024). Legal regulation of the implementation of Russian climate projects. *Journal of Russian Law*, (3), 156–170. <https://doi.org/10.61205/jrp.2024.3.7> [In Russian]
- Nagaytsev, I. A. (2022). Prerequisites for the implementation of climate projects in Russia. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova*, (4), 122–126. Retrieved June 8, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-realizatsii-klimaticheskikh-proektov-v-rossii> [In Russian]
- Novoselova, L. A., & Medvedeva, T. M. (2023). Carbon units as objects of civil rights. *The Rule of Law*, (1), 92–104. [In Russian]
- Pinaev, V. E., Ukhova, V. N., & Ledashcheva, T. N. (2023). Directions, experience and prospects for the implementation of climate projects in Russia. *Russian Journal of Resources, Conservation and Recycling*, 10(2). <https://doi.org/10.15862/17ECOR223> [In Russian]
- Romanova, V. V. (Ed.). (2023). *Legal Support for the Implementation of Climate Projects in the Russian Federation and Abroad*. V. A. Musin Center for the Development of Energy Law and Modern Legal Science. [In Russian]
- Yulkin, M. A., & Depova, E. V. (2023). Carbon market: Status and prospects. *Carbon Lab*. Retrieved January 25, 2025, from <https://disk.360.yandex.ru/i/fhAxjIOeYmZNIA> [In Russian]
- Yulkin, M. A., Dyachkov, V. A., Samorodov, A. V., & Kokorin, A. O. (2013). *Voluntary Systems and Standards for Reducing Greenhouse Gas Emissions*. WWF. Retrieved June 8, 2026, from https://esg-library.mgimo.ru/publications/dobrovolnye-sistemy-i-standarty-snizheniya-vybrosov-parnikovyykh-gazov/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com [In Russian]

Информация об авторе

Наталья Владимировна Данилова, кандидат юридических наук, доцент, Институт государства и права, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.v.danilova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6037-9468>

Information about the author

Natalia V. Danilova, Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor, Institute of State and Law, University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.v.danilova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6037-9468>

Современные подходы к использованию маркетинга персонала на рынке общественного питания

Лариса Евгеньевна Замураева[✉], Юрий Алексеевич Шаламов,
Надежда Викторовна Красовская, Ксения Дмитриевна Шаламова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: l.e.zamuraeva@utmn.ru[✉]

Аннотация. Рынок общественного питания является одним из динамичных и конкурентных секторов современной экономики. Его устойчивое развитие напрямую зависит не только от уровня сервиса, но и от способности привлекать и удерживать квалифицированный, мотивированный персонал, в том числе за счет использования инструментов маркетинга персонала. Цель данной работы заключается в обобщении современных подходов к маркетингу персонала и определении направлений совершенствования маркетинга персонала в сфере общественного питания на основе исследования несоответствия между брендом работодателя и реальным опытом сотрудников. В статье систематизированы инструменты внешнего и внутреннего маркетинга персонала организации, выявлены особенности и тренды маркетинга персонала в сфере общественного питания. Проведено маркетинговое исследование организации общественного питания, позволяющее оценить степень разрыва между декларируемым HR-брендом и реальным опытом сотрудников. Выявлены проблемы, которые приводят к низкому уровню лояльности. Предложен комплекс направлений, нацеленных на достижение синхронизации бренда работодателя и опыта сотрудников.

Ключевые слова: маркетинг персонала, внутренний маркетинг, HR-бренд, текучесть кадров, рынок общественного питания

Цитирование: Замураева Л. Е., Шаламов Ю. А., Красовская Н. В., Шаламова К. Д. 2026. Современные подходы к использованию маркетинга персонала на рынке общественного питания // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 195–212. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-195-212>

Поступила 15.02.2026; одобрена 27.02.2026; принята 18.06.2026

Modern approaches to the use of personnel marketing in the catering market

Larisa E. Zamuraeva✉, Yuri A. Shalamov, Nadezhda V. Krasovskaya, Ksenia D. Shalamova

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: l.e.zamuraeva@utmn.ru✉

Abstract. The catering market is one of the most dynamic and competitive sectors of the modern economy. Its sustainable development directly depends not only on the level of service but also on the ability to attract and retain qualified and motivated personnel, including through the use of HR marketing tools. The purpose of this paper is to generalize modern approaches to personnel marketing and identify areas for improving personnel marketing in the catering industry based on a study of the discrepancy between the employer brand and the actual experience of employees. The article systematizes the tools of external and internal marketing of the organization's personnel, and identifies the features and trends of personnel marketing in the catering sector. A marketing study of a catering organization was conducted to assess the extent of the gap between the declared HR brand and the actual experience of employees. Critical issues leading to low loyalty were identified. A set of interrelated approaches aimed at aligning the employer brand with the employee experience was proposed.

Keywords: staff marketing, internal marketing, HR brand, staff turnover, catering market

Citation: Zamuraeva, L. E., Shalamov, Yu. A., Krasovskaya, N. V., & Shalamova, K. D. (2026). Modern approaches to the use of personnel marketing in the catering market. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 195–212. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-195-212>

Received Feb. 15, 2026; Reviewed Feb. 27, 2026; Accepted Jun. 18, 2026

Введение

Трансформация рынка общественного питания в России обусловлена ужесточением конкуренции, изменением форматов заведений, ростом роли цифровизации. В таких условиях важным фактором устойчивого развития бизнеса становится человеческий капитал и эффективное управление им. Одна из главных проблем в сфере общественного питания — высокая текучесть кадров, которая значительно выше в сравнении с другими отраслями. На практике это приводит к постоянным затратам на обучение

новых сотрудников, нестабильности в работе команды и ухудшению качества сервиса. Эмоциональное выгорание, физическая усталость, ограниченные перспективы карьерного роста, нестабильный график и другие причины высокой текучести кадров создают риск для устойчивости бизнеса.

Классические инструменты управления персоналом, такие как подбор, адаптация, мотивация, обучение, целесообразно дополнять новыми. Одним из путей решения ключевых кадровых проблем в сфере общественного питания является маркетинг персонала — современный подход, в рамках которого сотрудники рассматриваются как внутренняя «целевая аудитория». С ними, как и с клиентами, нужно выстраивать осознанную коммуникацию, продвигать ценности, формировать образ привлекательного работодателя и создавать реальную, а не формальную вовлеченность. Такой подход позволяет привлекать нужных людей, удерживать лучших работников и создавать внутри организации ту атмосферу, в которой хочется оставаться.

Цель данной работы заключается в обобщении современных подходов маркетинга персонала и определении направлений совершенствования маркетинга персонала в сфере общественного питания на основе исследования несоответствия между брендом работодателя и реальным опытом сотрудников.

Методы

Предметом исследования выступают концептуальные и прикладные аспекты маркетинга персонала организаций на рынке общественного питания. В качестве основы исследования использованы научные работы по теме маркетинга персонала, включая маркетинг персонала в сфере общественного питания, а также работы по исследованию тенденций рынка общественного питания России и регионов.

В качестве методов исследования использовались: классификация (при обобщении инструментов внешнего и внутреннего маркетинга персонала), сравнительный анализ (при выявлении факторов и изучении специфики маркетинга персонала сферы общественного питания, при оценке результатов маркетингового исследования), опрос (при проведении маркетингового исследования на выявления несоответствия между брендом работодателя и реальным опытом сотрудников).

Обзор современных публикаций

Изучению маркетинга персонала посвящено значительное количество работ, охватывающих как концептуальные, так и некоторые прикладные аспекты. Современные подходы к маркетингу персонала исследуются в работах Е. О. Таппасхановой, З. А. Мустафаевой, Р. А. Токмаковой, Ф. Р. Бисчековой [Таппасханова, 2020], Е. В. Сардак, Д. С. Вшанова [Сардак, Вшанов, 2025], Ю. А. Лимаревой [2022], М. А. Афонасовой [2022], В. О. Конкина [2024] и др. И. В. Роздольская, М. Е. Ледовская, Д. А. Гердт [Роздольская и др., 2022] выявляют роль, цель, основные задачи HR¹-маркетинга в системе стратегического

¹ HR (Human Resources) — человеческие ресурсы.

управления персоналом современной организации, показывают внешние и внутренние факторы, влияющие на маркетинг персонала. Г. Н. Жукова [2019] раскрывает аналитические и управленческие задачи HR-маркетинга клиентоориентированной компании, подчеркивает важность формирования положительной репутации предприятия как работодателя у реальных и потенциальных сотрудников и других целевых аудиторий, предлагает модель HR-бренда компании, включающую составляющие ценностного предложения работодателя.

Особенности реализации маркетинга персонала, технологии в зависимости от управленческих HR-задач рассмотрены в работах Н. Н. Кретовой, Н. Н. Митиной [Кретова, Митина, 2017], Г. Г. Вукович [2018]. Современные тенденции в сфере развития маркетинга персонала описаны Г. В. Чумаченко [2022], А. В. Балабановой, Е. А. Анциферовой [Балабанова, Анциферова, 2023], Е. В. Сардак, Д. С. Вшановым [Сардак, Вшанов, 2025]. Е. В. Шевченко, А. М. Сафронов [Шевченко, Сафронов, 2020], А. А. Журавлева, Е. В. Зарубина, Н. Н. Симачкова, В. Н. Синько, И. П. Чупина [Журавлева и др., 2024], А. Ю. Костылев [2024] анализируют тенденции на рынке труда, приводят инструменты и технологии маркетинга.

Некоторые исследователи, такие как Е. Г. Новосельцева [2024], В. М. Джуха, Р. Р. Погосян, А. В. Батыргалиев [Джуха и др., 2024], О. Ю. Патласов, Ю. Ю. Беломоин [Патласов, Беломоин, 2025], А. Ю. Костылев [2024] делают акцент на использовании технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в HR-маркетинге с целью повышения эффективности бизнес-процессов компании, рассматривая сферы применения, типологию ИИ в управлении персоналом, направления использования алгоритмов ИИ, риски и преимущества внедрения технологий ИИ в данной области.

Значительно меньше работ посвящено изучению маркетинга персонала применительно к сфере общественного питания. Так, А. В. Балабанова, Е. В. Сардак, Е. А. Анциферова [Балабанова и др., 2024] рассматривают некоторые аспекты маркетинга персонала предприятий сферы услуг с акцентом на лояльность персонала. Кроме того, ряд исследователей изучают тенденции развития рынка общественного питания России¹ [Долгих, 2022] и отдельных регионов [Замураева, 2017], результаты которых позволяют глубже понимать условия и перспективы развития организаций этой сферы и более эффективно разрабатывать пути совершенствования деятельности.

Таким образом, академические исследования последних лет всё чаще фокусируются на концепциях внутреннего маркетинга и развитии бренда работодателя, подчеркивая важность формирования сильного HR-бренда. Однако в данных исследованиях, как правило, не учитываются особенности рынка общественного питания, влияющие на эффективность выбора инструментов и технологий маркетинга персонала. Кроме того,

¹ В частности, BusinesStat (<https://businesstat.ru/> (дата обращения: 08.02.2026)), Пачоли Консалтинг (<https://www.pacioliconsult.ru/> (дата обращения: 08.02.2026)), Информационное агентство Infoline (<https://infoline.spb.ru/> (дата обращения: 07.02.2026)) и др. проводят регулярные исследования рынка общественного питания России.

следует отметить, что даже самый привлекательный бренд оказывается неэффективным, если он вступает в противоречие с реальным опытом сотрудников. Это приводит к разрыву так называемого «психологического контракта». Именно этот разрыв между обещаниями и реальностью становится ключевым драйвером неудовлетворенности, ухода персонала, высокой текучести кадров. Всё вышеперечисленное подчеркивает актуальность проведения маркетингового исследования и совершенствования подходов маркетинга персонала применительно к сфере общественного питания.

Результаты исследования

Анализ современных инструментов маркетинга персонала, представленных в научной литературе и применяемых на практике, в т. ч. в сфере общественного питания, позволяет их систематизировать в 2 группы по направленности воздействия (табл. 1¹). Первая группа инструментов маркетинга ориентирована на внешний маркетинг персонала и направлена на внешний рынок труда с целью привлечения новых сотрудников, формирования и поддержания привлекательного имиджа компании как работодателя в глазах широкой общественности и профессионального сообщества. Вторая группа инструментов маркетинга относится к внутреннему маркетингу и сфокусирована на уже работающих сотрудниках организации, имеет своей целью их удержание, повышение мотивации и вовлеченности, развитие лояльности и создание благоприятной внутренней среды, а также поддержку и укрепление HR-бренда изнутри.

Табл. 1. Современные инструменты маркетинга персонала организации
Table 1. Modern tools for marketing personnel of an organization

Инструменты внешнего маркетинга персонала	Инструменты внутреннего маркетинга персонала
1. Разработка и продвижение карьерного сайта компании	1. Развитие и поддержание корпоративной культуры
2. Взаимодействие с онлайн-платформами трудоустройства	2. Системы мотивации и стимулирования (материальные и нематериальные)
3. Рекрутинг в социальных сетях (SMR ²)	3. Программы адаптации новых сотрудников
4. Контент-маркетинг для целей HR	4. Обучение и развитие сотрудников
5. Участие в ярмарках вакансий и карьерных мероприятиях (онлайн и офлайн)	5. Внутренние коммуникации
6. Взаимодействия с учебными заведениями	6. Создание условий труда, обеспечивающих комфорт и безопасность
7. Реферальные программы (ERP ³)	7. Организация и проведение корпоративных мероприятий, а также тимбилдинг

¹ Составлено авторами на основе изучения научной литературы.
² SMR (Social Media Recruiting) — в пер. с англ. рекрутинг через социальные сети.
³ ERP (Employee Referral Programs) — в пер. с англ. программы поощрения сотрудников за привлечение новых сотрудников.

Окончание табл. 1
Table 1 (end)

Инструменты внешнего маркетинга персонала	Инструменты внутреннего маркетинга персонала
8. PR-активности и работа со СМИ для продвижения HR-бренда	8. Программы помощи персоналу
9. Прямой поиск (Executive Search и Headhunting ¹)	9. Сбор и использование обратной связи от сотрудников
10. Использование HR-аналитики и систем автоматизации рекрутинга (ATS ²)	10. Программы управления талантами и развития лидерства

Наибольшая эффективность использования инструментов внешнего и внутреннего маркетинга персонала достигается при их совместном и скоординированном использовании. Одним из ключевых факторов успеха выступает соответствие между теми ценностями и принципами, которые компания провозглашает, и теми, каким она следует в своей повседневной деятельности. Если компания заявляет о своей открытости и заботе о сотрудниках, но на деле эти принципы не соблюдаются, любые инструменты внутреннего маркетинга будут восприниматься как формальность или даже лицемерие, вызывая лишь отторжение. Поэтому искренняя заинтересованность в благополучии сотрудников является залогом эффективности всей системы внутреннего маркетинга персонала.

Эффективность применения управленческих технологий, включая маркетинг персонала, неразрывно связана со спецификой отраслей. В сфере общественного питания, известной в международной практике как HoReCa ³, появляются уникальные характеристики, которые существенно влияют на процесс управления человеческими ресурсами. Эти характеристики создают необходимость адаптации инструментов маркетинга персонала к условиям функционирования организаций данной отрасли для обеспечения их устойчивого развития.

Человеческий капитал в HoReCa выступает не просто ресурсом, а ключевым фактором создания добавленной стоимости. В отличие от производственных секторов, где стандартизация и автоматизация могут минимизировать влияние человеческого фактора, в индустрии гостеприимства персонал является «лицом» бренда. Качество клиентского опыта и показатели лояльности потребителей находятся в прямой зависимости от профессионализма, эмоционального состояния и личностных качеств контактного персонала. В условиях жесткой конкуренции и высокой чувствительности отрасли к качеству сервиса маркетинг персонала трансформируется из вспомогательной функции в стратегический инструмент обеспечения устойчивости бизнеса.

¹ Executive Search — поиск руководителей высшего звена. Headhunting — подбор персонала.

² ATS (Applicant Tracking Systems) — приложения для управления персоналом, которые помогают выстроить цифровые процессы подбора и приема на работу сотрудников.

³ HoReCa — Hotels, Restaurants, Cafe.

Анализ отраслевой специфики позволяет выделить ряд ключевых факторов, определяющих специфику маркетинга персонала в общественном питании. Во-первых, отрасль характеризуется структурно высокой текучестью кадров, которая в сегменте быстрого обслуживания может достигать 80–100% в год. Это генерирует значительные экономические издержки, связанные с постоянным поиском, наймом и адаптацией новичков, а также репутационные риски из-за нестабильного качества сервиса. В связи с этим акцент в маркетинге персонала смещается с простого закрытия вакансий на удержание и выстраивание долгосрочных отношений с сотрудниками через развитие сильного HR-бренда и программ лояльности.

Во-вторых, это критическая зависимость репутации компании от линейных сотрудников. Повседневная работа официантов, поваров и курьеров формирует непосредственное впечатление гостя. Это диктует необходимость смещения фокуса в профиле компетенций от сугубо профессиональных навыков (*hard skills*) к «гибким навыкам» (*soft skills*): эмпатии, стрессоустойчивости и коммуникабельности. Задачей внутреннего маркетинга становится создание корпоративной культуры, которая стимулирует искреннюю клиентоориентированность, а не формальное выполнение инструкций.

В-третьих, существенное влияние оказывают условия труда, характеризующиеся высокой интенсивностью, физическими нагрузками и психоэмоциональным напряжением. Работа «на ногах», взаимодействие с требовательными клиентами и жесткие временные стандарты создают высокие риски профессионального выгорания. Маркетинг персонала должен учитывать этот аспект при формировании ценностного предложения работодателя (*EVP*¹), интегрируя в него программы поддержки благополучия сотрудников (*total well-being*²) и создавая комфортную среду для восстановления. Кроме того, на управление персоналом влияют сезонность и неравномерность спроса, что требует внедрения гибких графиков и инструментов управления временной занятостью.

Четвертым фактором является специфика кадрового состава, значительную часть которого составляет молодежь (поколения Y и Z), рассматривающая работу в общепите как временный старт карьеры. Это требует адаптации каналов коммуникации: традиционные методы уступают место цифровым инструментам (рекрутинг через социальные сети, мессенджеры, таргетированная реклама). Процессы обучения и адаптации должны быть максимально технологичными, краткими и включать элементы геймификации.

Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта позволяет выявить тенденции в развитии маркетинга персонала на рынке общественного питания. Мировые лидеры индустрии, такие как McDonald's, Yum! Brands, Starbucks, Marriott, демонстрируют стратегический подход, рассматривая вложения в персонал как инвестиции в конкурентное преимущество. Так, например, программа Archways to Opportunity McDonald's, запущенная в 2015 г., к 2025 г. инвестировала свыше 185 млн долларов в образование

¹ *EVP* (*Employer Value Proposition*) — ценностное предложение компании-работодателя для коммуникации с прошлыми, текущими и потенциальными сотрудниками компании.

² *Total Well-being* — в пер. с англ. полное благополучие, включает физическое, ментальное и финансовое здоровье.

сотрудников, что повысило удовлетворенность работой до 81% среди участников¹. В Starbucks программа Bean Stock, реализуемая с 1991 г., позволяет сотрудникам получать акции компании без покупки, что усиливает лояльность². Для Taco Bell (часть Yum! Brands) партнерство с Guild Education предоставляет скидки на обучение в партнерских университетах, полное покрытие обучения для более 100 программ, что способствует удержанию сотрудников через образовательные возможности³. Marriott через Voyage Program (тренинг для выпускников) в 2025 г. фокусируется на глобальной мобильности и инклюзивности, ориентируясь на людей и поддержку сотрудников с инвалидностью⁴.

Кроме того, зарубежные компании активно используют цифровые инструменты в управлении персоналом: системы автоматизации рекрутинга (ATS), ИИ для скрининга резюме, VR/ AR-технологии⁵ для обучения. Особое внимание уделяется концепции Total Well-being и программам DEI⁶, что позволяет привлекать таланты в условиях глобального дефицита кадров. Также широко применяется HR-аналитика (Data-Driven HR⁷) для прогнозирования оттока и оценки эффективности каналов найма.

Российская практика маркетинга персонала в общественном питании находится на этапе активной трансформации. Крупные федеральные сети переходят от тактического реагирования к системному построению бренда работодателя. Ключевыми трендами отечественного рынка являются активная цифровизация (внедрение LMS-платформ, мобильных приложений для сотрудников), развитие реферальных программ («приведи друга»), усиление работы с учебными заведениями. Например, во «Вкусно — и точка» в 2025 г. запущен Корпоративный университет с более чем 640 уникальными программами обучения, что повышает квалификацию и лояльность сотрудников через развитие навыков и наставничество, а в 2026 г. университет провел встречи Клуба наставников для обмена HR-практиками⁸. Сеть «Ростикс» через Корпоративный университет

¹ McDonald's Archways to Opportunity 10 Year Anniversary Report. 2025 // McDonalds. <https://corporate.mcdonalds.com/content/dam/sites/corp/nfl/pdf/McDArchways10YearAnniversaryReport.pdf> (дата обращения: 03.03.2026).

² Starbucks Bean Stock: Why We Call Our employees "partners" // Starbucks. <https://about.starbucks.com/beanstock/> (дата обращения: 03.03.2026).

³ Taco Bell® Partners With Guild To Expand Education... // TacoBell. <https://www.3blmedia.com/news/taco-bell-partners-guild-expand-education-support-its-entire-system-team-members> (дата обращения: 03.03.2026).

⁴ An Overview of the EMEA Voyage Recruitment Process // The Life at Marriott Blog. <https://life.marriott.com/blog/emea-voyage/> (дата обращения: 03.03.2026).

⁵ VR (Virtual Reality) — в пер. с англ. виртуальная реальность. AR (Augmented Reality) — в пер. с англ. дополненная реальность.

⁶ DEI (diversity, equity, and inclusion) — в пер. с англ. разнообразие, равенство и инклюзия.

⁷ Data Driven-HR — это методика принятия решений о найме и управлении командой с опорой на реальные данные: факты, цифры, исследования.

⁸ У «Вкусно — и точка» появился собственный университет // Центр компетенций ОЦО. <https://ssc-pro.ru/novosti/u-vkusno-i-tochka-poyavilsya-sobstvennyy-universitet/> (дата обращения: 03.03.2026).

Unirest, запущенный в 2013 г., предлагает программы на трех факультетах (корпоративной культуры, функционального образования и развития лидерства), где обучено уже 150 000 студентов, что способствует удержанию через формирование кадрового резерва и развитие лидеров¹. В «Додо Пицца» компания подчеркивает открытую культуру без системы штрафов, что способствует мотивации и удержанию сотрудников через развитие навыков и командную работу². Однако для многих компаний отрасли по-прежнему характерны проблемы, связанные с реактивным характером управления, фокусом преимущественно на материальной мотивации и недостаточным вниманием к нематериальным факторам удержания, таким как признание заслуг и карьерное планирование.

Обобщим факторы, определяющие отраслевую специфику, актуальные инструменты внешнего и внутреннего маркетинга персонала, а также результаты его использования на рис. 1³.

Рис. 1. Специфика, инструменты и результаты маркетинга персонала в сфере общественного питания

Fig. 1. The specifics, tools, and results of personnel marketing in the catering industry

Таким образом, современные технологии маркетинга персонала в общественном питании должны базироваться на интеграции внешних и внутренних инструментов. Внешний маркетинг направлен на трансляцию привлекательного и честного EVP через

¹ Университет // Ростикс. <https://rostics.ru/university> (дата обращения: 03.03.2026).
² Как удержать сотрудников с помощью HR-маркетинга. Кейс «Додо Пиццы» // Томат. https://tomat.team/tpost/zu9teayxk1-kak-uderzhat-sotrudnikov-s-pomoschyu-hr_ (дата обращения: 03.03.2026).
³ Составлено авторами на основе изучения и обобщения научной и прикладной литературы.

релевантные цифровые каналы, преодолевая стереотипы о «непрестижности» работы в отрасли. Внутренний маркетинг фокусируется на создании комфортной среды, снижении уровня стресса и предоставлении прозрачных карьерных треков. Успех организации зависит от способности адаптировать универсальные инструменты маркетинга под динамичные требования рынка, сочетая технологичность процессов с человекоцентричным подходом.

В 2025 г. проведено комплексное маркетинговое исследование с целью измерения степени десинхронизации между восприятием HR-бренда и реальным опытом, а также определения управленческих воздействий в сфере маркетинга персонала на примере организации рынка общественного питания. В качестве представительной модели организации общественного питания было выбрано ООО «Додо Франчайзинг» — российская компания, управляющая франчайзинговой сетью пиццерий под брендом «Додо Пицца»¹ и специализирующаяся на приготовлении и доставке блюд общественного питания. Исследование проводилось методом анонимного анкетирования. Анкета включала блоки для оценки различных аспектов работы организации общественного питания по шкале Лайкерта и анализа по модели Кано, выбор которой обусловлен ее способностью измерять удовлетворенность и классифицировать факторы по их влиянию на восприятие (базовые, желаемые, восхищающие), что важно для приоритизации управленческих воздействий. Дополнительно использовался качественный метод анализ ассоциативного ряда. Структура выборки охватывала все ключевые сегменты персонала (кандидаты — 10,3%, новые сотрудники — 30,9%, опытные сотрудники — 48,4% и менеджеры — 10,4%), что позволило считать ее репрезентативной для поставленной цели.

Данное исследование позволило получить представление о том, как бренд «Додо Пицца» воспринимается в качестве работодателя. Анализ показал наличие сложной, двойственной картины, в которой внешний имидж вступает в противоречие с рядом внутренних проблем. Представим основные выводы.

1. Первичный анализ источников информации о компании подтверждает значимость неформальных и цифровых каналов. Рекомендации друзей, уже работающих в компании (46,4%), и социальные сети (41,2%) являются доминирующими источниками, что подчеркивает критическую важность «сарафанного радио» и онлайн-репутации. В целом, это формирует позитивное восприятие на рынке труда: более половины респондентов (59,8%) считают «Додо Пицца» привлекательнее основных конкурентов. Однако уже на этом этапе проявляются негативные сигналы: 13,4% опрошенных воспринимают компанию как менее привлекательную.
2. Качественный анализ ассоциативного ряда, проведенный для более глубокого понимания эмоциональной структуры этого восприятия, выявил наличие сильного позитивного ядра ассоциаций, которое формирует привлекательность HR-бренда (рис. 2²). К ним относятся понятия, связанные с командной работой

¹ Dodo Brands: акционерам и инвесторам. <https://dodobrands.io/ru/investors/> (дата обращения: 10.01.2026).

² Составлено авторами по результатам проведенного маркетингового исследования.

и социальной средой («команда», «коллектив», «друзья», «молодежь»), что подтверждает успешное построение дружелюбной атмосферы. Другой блок позитивных ассоциаций связан с возможностями для роста и приобретения опыта («развитие», «обучение», «возможности», «перспективы»). Наконец, отмечается технологичность и системность бизнеса («стандарты», «скорость», «качество», «система»), что говорит о восприятии компании как современной и хорошо организованной.

Рис. 2. Ассоциативное облако «Додо Пицца» как места работы
Fig. 2. Association cloud of a job in Dodo Pizza

Однако с большей частотой в ответах респондентов доминирует негативный кластер ассоциаций, который формирует основу для десинхронизации. Прежде всего, это слова, описывающие запредельную физическую и эмоциональную нагрузку: «нагрузка», «усталость», «тяжело», «на ногах», «стресс», «нервы», «выгорание». Также часто упоминаются проблемы, указывающие на системные сбои в организации труда, такие как «текучка», «нехватка людей / работаешь за двоих» и «рутина». Именно в этом сопоставлении позитивных и негативных кластеров и заключается эмоциональная суть двойственного восприятия бренда. С одной стороны, исследуемая компания успешно транслирует ценности командной работы, развития и стабильности, привлекая кандидатов. С другой стороны, реальный операционный опыт для многих сотрудников оказывается опытом физического и психологического истощения. Это качественное свидетельство является отправной точкой для дальнейшего количественного измерения этого разрыва через анализ конкретных аспектов работы.

3. Анализ восприятия сотрудниками ключевых аспектов их работы, выполненный для измерения разрыва между обещаниями и реальностью, показал, что единственной сильной стороной является надежность компании с позиции своевременности выплаты заработной платы. Высокий средний балл (4,46 баллов

по 5-балльной шкале) свидетельствует о безупречном выполнении формальных обязательств и формирует базовый уровень доверия. Однако этот позитивный фактор оказывается недостаточным, чтобы компенсировать другие проблемы. Оценка справедливости оплаты труда едва превышает нейтральную (2,94 балла), но настоящей проблемой в системе мотивации становится система премий и бонусов. С критически низким средним баллом 2,35, она не выполняет свою стимулирующую функцию, а воспринимается как непрозрачная и нереалистичная, порождая у сотрудников чувство несправедливости. Не менее острой точкой разрыва становится гибкость графика. Для молодой аудитории «Додо Пицца» возможность совмещать работу с учебой является ключевым элементом ценностного предложения. Однако со средним баллом всего 2,52, реальность оказывается далека от обещаний бренда, что ведет к прямому нарушению психологического контракта.

4. Анализ условий труда показывает, что компания обеспечивает приемлемый уровень комфорта и технологичности, о чем говорят идентичные оценки в 3,52 балла за условия труда и ИТ-системы. Однако этот позитивный фон полностью перечеркивается низкой оценкой рабочей нагрузки. Средний балл 2,15 по данному показателю — это свидетельство системного выгорания и физического истощения персонала, что подтверждается качественными данными из анализа ассоциативного ряда.
5. Оценка восприятия возможностей для развития и содержания работы показывает, что система обучения вновь предстает сильной стороной изучаемой компании (3,70 балла). Однако, когда речь заходит о применении полученных навыков, картина резко меняется. Возможности карьерного роста видятся сотрудникам туманными (2,90 балла), а ощущение признания вклада (2,83 балла) и интерес к задачам (2,65 балла) находятся на еще более низком уровне. Это говорит о том, что значительной частью команды работа воспринимается как рутинная, а их усилия — как недооцененные.
6. Анализ восприятия взаимоотношений и поддержки в компании подтверждает наличие фундаментальных сильных сторон: соблюдение трудового законодательства (4,60 балла) и дружный коллектив (3,70 балла) создают чувство защищенности и мощную социальную поддержку. Можно утверждать, что именно дружелюбная атмосфера является тем «социальным клеем», который удерживает многих вопреки высокой нагрузке.

В итоге общая интегральная оценка «Додо Пицца» как «хорошего места для работы» составила всего 3,15 из 5, что является прямым следствием накопления негативных оценок. Анализ по модели Кано позволил классифицировать эти факторы. Своевременная заработная плата и исправное оборудование являются базовыми атрибутами. Дружный коллектив — привлекающим. Карьерный рост и обучение — одномерными. Ключевой вывод: гибкий график и комфортные зоны отдыха в текущих условиях превратились для сотрудников в базовые потребности, неудовлетворение которых вызывает острое неприятие.

Вся совокупность этих факторов десинхронизации исследуемой организации приводит к низким интегральным показателям удовлетворенности и лояльности (табл. 2¹).

Табл. 2. Интегральные показатели удовлетворенности и лояльности
Table 2. Integral indicators of satisfaction and loyalty

Показатель (для действующих сотрудников, N = 77)	Средний балл (из 10)	Структура сотрудников, %			Индекс eNPS
		Промоутеры (9–10)	Нейтралы (7–8)	Детракторы (0–6)	
Общая удовлетворен- ность работой	5,99	3,9	49,4	46,8	—
Готовность рекомен- довать компанию	5,79	1,3	29,9	68,8	–67,5%

Примечание: Индекс eNPS (Employee Net Promoter Score) — показатель лояльности сотрудников, показывающий их готовность рекомендовать компанию как место работы друзьям или знакомым.

Note: eNPS (Employee Net Promoter Score) is an indicator of employee loyalty that shows their willingness to recommend the company as a place to work to their friends or acquaintances.

Анализ данных табл. 2 раскрывает глубину кризиса лояльности. Подавляющее большинство действующих сотрудников (68,8%) попадают в категорию «Детракторов» — критиков компании. В то же время доля «Промоутеров», то есть убежденных сторонников бренда, составляет всего 1,3%. Рассчитанный на основе этих данных индекс eNPS составляет –67,5%. Этот низкий показатель является количественным выражением глубокого разрыва между брендом и реальностью, а также прямым сигналом о серьезных системных проблемах в управлении персоналом.

Для решения выявленных проблем предложено три взаимосвязанных направления, нацеленных на гармонизацию опыта сотрудников с ценностями бренда исследуемой организации.

Первым направлением становится оптимизация графиков и рабочей нагрузки. Это достигается через внедрение современных WFM-систем² для автоматизации планирования смен с учетом предпочтений сотрудников. Наряду с этим, предлагается провести пересмотр нормативов штата, используя аналитические данные из корпоративной системы организации для более точного расчета необходимого количества персонала, и создать «гибкий резерв» из частично занятых сотрудников для оперативного усиления команды в пиковые периоды.

Вторым направлением является программа «Додо Комфорт», нацеленная на улучшение физической среды. Она подразумевает проведение аудита и стандартизации зон отдыха по всей сети, с последующей реализацией программы реновации для приведения

¹ Составлено авторами по результатам маркетингового исследования.

² WFM (Workforce Management)-системы — программные решения по управлению персоналом, предназначенные для повышения эффективности труда, прогнозирования рабочих нагрузок, управления графиками сотрудников и грамотного распределения ресурсов предприятия.

их в соответствие с разработанным стандартом, что напрямую повлияет на благополучие персонала.

Третье направление — программа «Додо Признание и Рост» — призвана восстановить связь между усилиями, вознаграждением и карьерными перспективами. Она включает в себя пересмотр системы мотивации с целью ее упрощения и повышения прозрачности, внедрение системы нематериального признания через регулярные номинации, а также усиление системы наставничества. Ключевым элементом здесь становится формирование прозрачных карьерных треков и запуск программы «Кадровый резерв» для удержания и развития наиболее перспективных сотрудников.

Следует отметить, что реализация предложенных направлений сопряжена с определенными управленческими вызовами. Внедрение WFM-систем потребует обучения менеджеров и может столкнуться с первоначальным сопротивлением. Программа реновации зон отдыха требует эффективной координации и финансового участия со стороны франчайзи-партнеров. Успех этих инициатив будет напрямую зависеть от качества управленческих коммуникаций и реальной вовлеченности менеджмента на всех уровнях.

Выполнена оценка экономической эффективности указанных направлений для трех сценариев снижения текучести кадров, показавшая потенциальную экономию от 80 000 до 240 000 руб. на пиццерию в год (индекс рентабельности инвестиций ROI до 48%) и до 208 млн руб. для сети из 1 300 пиццерий. Кроме того, реализация данных направлений позволяет повышать производительность, улучшать качество сервиса и усиливать HR-бренд, а также влечет социальную эффективность в виде роста удовлетворенности, лояльности, снижения уровня стресса и профессионального выгорания сотрудников.

В целом, предложенные направления могут быть реализованы в других организациях рынка общественного питания, прежде всего из категории быстрорастущих франчайзинговых сетей, где факторы разрыва между брендом и реальностью могут быть идентичны.

Заключение

Обобщены инструменты внешнего и внутреннего маркетинга всех категорий персонала организации общественного питания. Тщательный выбор инструментов маркетинга, соответствующих целям компании и особенностям целевой аудитории, определяет успешность по привлечению персонала и эффективность бизнеса.

Выявлены ключевые факторы, определяющие особенности реализации маркетинга персонала в общественном питании: высокая текучесть кадров; большая зависимость репутации компании от линейных сотрудников; влияние условий труда, характеризующихся высокой интенсивностью, физическими нагрузками и психоэмоциональным напряжением; специфика кадрового состава, значительную часть которого составляет молодежь (поколения Y и Z). Анализ зарубежного опыта в HoReCa позволил выделить современные направления развития маркетинга персонала, включая использование цифровых инструментов и различных программ. Ключевыми отечественными трендами маркетинга персонала являются активная цифровизация, развитие реферальных программ и усиление работы с учебными заведениями.

Проведенное маркетинговое исследование доказывает, что в современной высококонкурентной среде долгосрочный успех компании на рынке труда определяется не столько внешним HR-брендом, сколько его синхронизацией с реальным опытом сотрудников. Выявленная на примере ООО «Додо Франчайзинг» десинхронизация является системным вызовом для всей индустрии HoReCa.

Предложенные направления совершенствования маркетинга персонала на примере организации общественного питания позволяют синхронизировать HR-бренд и опыт сотрудников. Построение честного, сильного и привлекательного HR-бренда, подтвержденного реальными действиями, является ключевым условием для обеспечения долгосрочной конкурентоспособности и устойчивого развития.

Список источников

- Афонасова М. А. 2022. Использование инструментов внутреннего маркетинга в системе управления персоналом в периоды нестабильности и кризисов // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 10-2. С. 214–220. <https://doi.org/10.17513/vaael.2451>.
- Балабанова Л. В., Сардак Е. В., Анциферова Е. А. 2023. Современные тенденции в сфере управления персонал-маркетингом // Первый экономический журнал. № 3 (333). С. 12–18. <https://sovman.ru/wp-content/uploads/2023/10/ss227-1.pdf> (дата обращения: 10.06.2026).
- Балабанова Л. В., Сардак Е. В., Анциферова Е. А. 2024. Концептуальные подходы к исследованию лояльности персонала предприятий сферы услуг // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 1. № 1 (142). С. 173–180. <https://doi.org/10.36871/ek.ur.p.r.2024.01.01.022>.
- Вукович Г. Г. 2018. Современные технологии в системе маркетинга персонала современных предприятий // Экономика устойчивого развития. № 1 (33). С. 231–233.
- Джуха В. М., Погосян Р. Р., Батыргалиев А. В. 2024. Маркетинг персонала: инновационные технологии использования генеративного искусственного интеллекта // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. Т. 12. № 2 (65). С. 7–18. <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2024-12-2-7-18>.
- Долгих О. С., Каменева А. Ю., Новикова Т. В. 2022. Общественное питание РФ: Ключевые тенденции современного развития // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 2 (93). С. 95–104. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2022-2-95-104>.
- Жукова Т. Н. 2019. Маркетинг персонала как инструмент построения клиентоориентированной организации // Дискурс. Т. 5. № 1. С. 49–54. <https://discourse.etu.ru/assets/files/t.-n.-zhukova.pdf> (дата обращения: 10.06.2026).
- Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Симачкова Н. Н., Синько В. Н., Чупина И. П. 2024. Маркетинг персонала: поколенческий подход // Право и управление. № 1. С. 364–370. <https://cyberleninka.ru/article/n/marketing-personala-pokolencheskiy-podhod> (дата обращения: 10.06.2026).
- Замураева Л. Е., Данилова Е. П. 2017. Тенденции развития рынка общественного питания России и Тюменской области // Экономика и предпринимательство. № 2-1 (79). С. 190–195.

- Конкин В. О. 2024. Маркетинг персонала и его значение в современных рыночных условиях // Практический маркетинг. № 6 (324). С. 31–35. <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2024-6324-31-35>.
- Костылев А. Ю. 2024. Инновационные тренды развития маркетинга персонала в условиях рыночной структуризации // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 6. № 1 (142). С. 51–56. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.01.06.006>.
- Кретова Н. Н., Митина Н. Н. 2017. Особенности реализации маркетинга персонала в современных российских условиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. Т. 19. № 2 (39). С. 88–96. <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.2.9>.
- Лимарева Ю. А. 2022. Маркетинг персонала как элемент системы управления знаниями // Маркетинг в России и за рубежом. № 2. С. 46–50. <https://elibrary.ru/nlsjak>.
- Новосельцева Е. Г. 2024. Направления использования технологий искусственного интеллекта в HR-маркетинге и управлении персоналом // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Т. 31. № 2. С. 75–85. <https://doi.org/10.54220/v.r.sue.1991-0533.2024.22.39.009>.
- Патасов О. Ю., Беломоин Ю. Ю. 2025. Эволюция комплекса маркетинга персонала // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 19. № 2. С. 185–195. <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kompleksa-marketinga-personala> (дата обращения: 10.06.2026).
- Роздольская И. В., Ледовская М. Е., Гердт Д. А. 2022. Целенаправленное использование HR-маркетинга в системе стратегического управления персоналом современной организации // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 6 (97). С. 204–216. <https://elibrary.ru/ojajfm>.
- Сардак Е. В., Вшанов Д. С. 2025. Стратегии управления HR-брендом в условиях маркетинговой ориентации предприятия // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 10. № 2 (155). С. 75–83. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.02.10.010>.
- Таппасханова Е. О., Мустафаева З. А., Токмакова Р. А., Бисчекова Ф. Р. 2020. Маркетинг персонала: современный подход // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 8–1. С. 96–104. <https://doi.org/10.17513/vaael.1262>.
- Чумаченко Г. В. 2022. Тенденции развития маркетинга персонала как базиса формирования стратегического потенциала компании // Инновационное развитие экономики. № 5 (71). С. 186–190. <https://doi.org/10.51832/2223798420225186>.
- Шевченко Е. В., Сафронов А. М. 2020. Маркетинг персонала: основные тренды и приоритеты в период кризиса // Экономика устойчивого развития. № 4 (44). С. 153–157. <https://elibrary.ru/mdigdu>.

References

- Afonasova, M. A. (2022). Using internal marketing instruments in the HR management system during periods of instability and crises. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of Altay Academy of Economics and Law*, (10-2), 214–220. <https://doi.org/10.17513/vaael.2451> [In Russian]
- Balabanova, L. V., Sardak, E. V., & Antsiferova, E. A. (2023). Modern trends in the sphere of personnel-marketing management. *The First Economic Journal*, (3), 12–18. Retrieved June 10, 2026, from <https://sovman.ru/wp-content/uploads/2023/10/ss227-1.pdf> [In Russian]

- Balabanova, L. V., Sardak, E. V., & Antsiferova, E. A. (2024). Conceptual approaches to the study of employee loyalty in the service sector. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 1(1), 173–180. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.01.01.022> [In Russian]
- Vukovich, G. G. (2018). Modern technologies in the marketing system of modern enterprise personnel. *Economics of Sustainable Development*, (1), 231–233 [In Russian]
- Dzhukha, V. M., Pogosyan, R. R., & Batyrgaliyev, A. V. (2024). Personnel marketing: Innovative technologies of generative artificial intelligence. *Actual Directions of Scientific Researches of the XXI Century: Theory and Practice*, 12(2), 7–18. <https://doi.org/10.34220/2308-8877-2024-12-2-7-18> [In Russian]
- Dolgikh, O. S., Kameneva, A. Yu., & Novikova, T. V. (2022). Public catering of the Russian Federation: Key trends in modern development. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, (2), 95–104. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2022-2-95-104> [In Russian]
- Zhukova, T. N. (2019). Recruitment marketing as a construction tool of a customer-centric organization. *Discourse*, 5(1), 49–54. Retrieved June 10, 2026, from <https://discourse.etu.ru/assets/files/t.-n.-zhukova.pdf> [In Russian]
- Zhuravleva, L. A., Zarubina, E. V., Simachkova, N. N., Sinko, V. N., & Chupina, I. P. (2024). Personnel marketing: Generational approach. *Law and Management*, (1), 364–370. Retrieved June 10, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/marketing-personala-pokolencheskiy-podhod> [In Russian]
- Zamurayeva, L. E., & Danilova, E. P. (2017). The tendencies of market development of public catering in Russia and the Tyumen. *Economics and Entrepreneurship*, (2-1), 190–195 [In Russian]
- Konkin, V. O. (2024). Personnel marketing and its importance in modern market conditions. *Practical Marketing*, (6), 31–35. <https://doi.org/10.24412/2071-3762-2024-6324-31-35> [In Russian]
- Kostylev, A. Yu. (2024). Innovative trends in the development of personnel marketing in the context of market structuring. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 6(1), 51–56. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2024.01.06.006> [In Russian]
- Kretova, N. N., & Mitina, N. N. (2017). Staff marketing in modern Russian conditions. *Journal of Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*, 19(2), 88–96. <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.2.9> [In Russian]
- Limareva, Yu. A. (2022). Personnel marketing as an element of knowledge management system. *Marketing in Russia and Abroad*, (2), 46–50. <https://elibrary.ru/nlsjak> [In Russian]
- Novoseltseva, E. G. (2024). Directions of using artificial intelligence technologies in hr-marketing and staff management. *Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH)*, 31(2), 75–85. <https://doi.org/10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.22.39.009> [In Russian]
- Patlasov, O. Yu., & Belomoin, Yu. Yu. (2025). The evolution of the employer marketing complex. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 19(2), 185–195. Retrieved June 10, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kompleksa-marketinga-personala> [In Russian]
- Rozdolskaya, I. V., Ledovskaya, M. E., & Gerdt, D. A. (2022). Targeted use of HR-marketing in the system of strategic personnel management of a modern organization. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, (6), 204–216. <https://elibrary.ru/ojajfm> [In Russian]

- Sardak, E. V., & Vshanov, D. S. (2025). HR-brand management strategies in the context of the company's marketing orientation. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 10(2), 75–83. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2025.02.10.010> [In Russian]
- Tappaskhanova, E. O., Mustafayeva, Z. A., Tokmakova, R. A., & Bischekova, F. R. (2020). Staff marketing: A modern approach. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava = Bulletin of Altay Academy of Economics and Law*, (8-1), 96–104. <https://doi.org/10.17513/vaael.1262> [In Russian]
- Chumachenko, G. V. (2022). Trends in the development of staff marketing as a basis for forming the company's strategic potential. *Innovative Development of the Economy*, (5), 186–190. <https://doi.org/10.51832/2223798420225186> [In Russian]
- Shevchenko, E. V., & Safronov, A. M. (2020). Personnel marketing: Main trends and priorities during the crisis. *Economics of Sustainable Development*, (4), 153–157. <https://elibrary.ru/mdigdu> [In Russian]

Информация об авторах

Лариса Евгеньевна Замураева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
l.e.zamuraeva@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1454-6632>, Author ID: 324880

Юрий Алексеевич Шаламов, магистрант, кафедры менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
stud0000257959@utmn.ru

Надежда Викторовна Красовская, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
n.v.krasovskaya@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6989-9742>, Author ID: 356092

Ксения Дмитриевна Шаламова, выпускник направления «Менеджмент», Тюмень, Россия
ksenija.naidenova@yandex.ru

Information about the authors

Larisa E. Zamuraeva, Cand. Sci (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Business, University of Tyumen, Tyumen, Russia
l.e.zamuraeva@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1454-6632>, Author ID: 324880

Yuri A. Shalamov, Master Student, Department of Management and Business, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000257959@utmn.ru

Nadezhda V. Krasovskaya, Cand. Sci (Econ.), Associate Professor, Department of Management and Business, University of Tyumen, Tyumen, Russia
n.v.krasovskaya@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6989-9742>, Author ID: 356092

Ksenia D. Shalamova, Graduate (Management), Tyumen, Russia
ksenija.naidenova@yandex.ru

Мультипликационный эффект развития туризма и модель гастрономического туризма в регионе

Людмила Константиновна Субракова ,
Ева Геннадьевна Гравдина

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия
Контакт для переписки: subrackoval@yandex.ru

Аннотация. По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, в 2024 г. вклад индустрии туризма в мировой ВВП составил 11,1 трлн долл., или 10% от общемирового показателя. В России вклад туризма в ВВП России в 2024 г. оценивался в 2,9%, а к 2030 г. планируется увеличение до 5%. При наличии значительного потенциала туристической индустрии в нашей стране с ее огромной территорией, разнообразными природными условиями, богатым культурно-историческим наследием и вложениями государства в создание современной туристской инфраструктуры обоснование путей дальнейшего развития данной сферы экономики является актуальной научной и практической задачей. Цель исследования состоит в определении мультипликатора инвестиций в основной капитал туризма в Республике Хакасия и эффекта для региональной экономики от развития гастрономического туризма. Экономико-статистическим анализом определено, что динамика оборотов туристической индустрии и общественного питания за 2021–2024 гг. в России была выше темпов ВВП. Расчет инвестиционного мультипликатора туризма в регионе показал его превышение по сравнению с общим мультипликатором ВРП, но отставание от аналогичных показателей развитых туристских центров страны. Разработанная аддитивная модель оценки эффективности развития гастрономического туризма в Республике Хакасия составляет научную новизну работы, может использоваться в практике управления отраслью.

Ключевые слова: национальный проект, инвестиции в туристическую индустрию, валовый региональный продукт, гастрономические мероприятия, Республика Хакасия

Цитирование: Субракова Л. К., Гравдина Е. Г. 2026. Мультипликационный эффект развития туризма и модель гастрономического туризма в регионе //

Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 213–226. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-213-226>

Поступила 16.03.2026; одобрена 22.04.2026; принята 18.06.2026

The multiplier effect of tourism development and the model of gastronomical tourism in the region

Ludmila K. Subrakova✉, Eva G. Gravdina

Katanov Khakass State University, Abakan, Russia
Corresponding author: subrackonal@yandex.ru✉

Abstract. According to the World Travel & Tourism Council, the tourism industry's contribution to global GDP in 2024 was \$11.1 trillion, or 10% of the global total. In Russia, tourism's contribution to GDP was estimated at 2.9% in 2024, and is projected to increase to 5% by 2030. Given the significant potential of the tourism industry in our country, with its vast territory, diverse natural environment, rich cultural and historical heritage, and government investment in creating modern tourism infrastructure, substantiating paths for the further development of this economic sector is a pressing scientific and practical task. The aim of this study is to determine the multiplier of investment in fixed capital of tourism in the Republic of Khakassia and the impact of developing gastronomic tourism on the regional economy. An economic and statistical analysis revealed that the dynamics of tourism and catering industry turnover in Russia from 2021 to 2024 exceeded GDP growth. Calculation of the tourism investment multiplier in the region showed that it exceeds the overall GRP multiplier but lags behind similar indicators in developed tourist destinations across the country. The developed additive model for assessing the effectiveness of gastronomic tourism development in the Republic of Khakassia represents a novel scientific approach and can be applied in industry management.

Keywords: national project, tourism industry investments, gross regional product, gastronomic events, Republic of Khakassia

Citation: Subrakova, L. K., & Gravdina, E. G. (2026). The multiplier effect of tourism development and the model of gastronomical tourism in the region. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 213–226. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-213-226>

Received Mar. 16, 2026; Reviewed Apr. 22, 2026; Accepted Jun. 18, 2026

Введение

Реализация в России национального проекта «Туризм и индустрии гостеприимства»¹, успешно осуществляемого с 2021 и продленного до 2030 г., совпала по времени с прогрессом ряда отраслей, в т. ч. общественного питания и туризма. Данные Росстата показывают: за 2021–2024 гг. достигнут рост оборотов туриндустрии (143,3%) и общественного питания (148,5%), что выше темпов ВВП (102,6%) за те же годы. Выручка повысилась на 12,1%, прибыль — в 2,4 раза, чему способствовал рост инвестиций в основной капитал отрасли в 2,39 раза².

Одним из перспективных направлений туристской деятельности является гастрономический туризм: по оценке Российского союза туриндустрии, его ежегодный рост составит 15–17%³. Гастрономия законодательно отнесена к креативным индустриям, установлены критерии господдержки творческих отраслей⁴, утверждена методология оценки вклада сектора в ВВП⁵. Регионам предстоит определить критерии отнесения фирм к этому сектору с учетом региональной специфики и формировать реестр субъектов креативной экономики.

В Республике Хакасия гастрономический туризм активно развивается. С 2023 г. Хакасия в числе 73 субъектов РФ включена Роспатентом в Гастрономическую карту регионов России, участвует в одном из первых зарегистрированных Ростуризмом национальных туристских маршрутов «Сибирские каникулы», проводит регулярные гастрофестивали «Баран-талган», «Медвежья ягода», «Мясо и огонь», «Смачный борщец», «Шаньга», в Абакане идут спектакли драматического гастрономического театра Livini, разрабатывается региональная Концепция устойчивой гастрономии. Цель исследования состоит в определении мультипликатора инвестиций в основной капитал туризма в Республике Хакасия и эффекта для региональной экономики от развития гастрономического туризма.

¹ О национальном проекте «Туризм и индустрии гостеприимства»:

Постановление Правительства РФ от 01.01.2024 № 1 // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_339844/357fc627ae96510e650befc06e63e91feb966557/ (дата обращения: 10.06.2026).

² Росстат. <https://rosstat.gov.ru>.

³ РСТ: гастрономический туризм в России растет на 15–17% в год // Российский союз туриндустрии. 2024, 31 июля. <https://rst.ru/novosti/novosti-turizma/rst-gastronomicheskij-turizm-v-rossii-rastet-na-15-17-v-god.html> (дата обращения: 10.06.2026).

⁴ О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ // Президент России: оф. сайт. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50912> (дата обращения: 10.06.2026).

⁵ Об утверждении официальной статистической методологии расчета показателей «валовая добавленная стоимость креативной экономики», «доля валовой добавленной стоимости креативной экономики в валовом внутреннем продукте Российской Федерации» и «индекс физического объема валовой добавленной стоимости креативной экономики»: Приказ Росстата от 05.09.2024 № 398 // Росстат. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/met398-05092024.pdf> (дата обращения: 10.06.2026).

Материалы, методы, обзор литературы

Материалами исследования послужили данные государственной статистики за последние годы и оценки экспертов в сфере туризма. Обработка данных об инвестициях в экономику региона в целом и туристскую отрасль производилась методами экономико-статистического и корреляционного анализа. Для выявления количественного влияния изменения инвестиционных затрат на динамику валового регионального продукта разработана модель определения эффективности. На начальном этапе широкого развертывания туристской инфраструктуры в России исследователями отмечался ряд проблем в статистике, учете, методике оценки влияния отрасли на экономику и социальную сферу [Гуляев, 2011]. Для активизации исследований роли туризма предложена классификация индикаторов развития туризма на макро-, мезо- и микроуровне с выделением важности последнего для междисциплинарных исследований [Восколович, 2016]. Российскими исследователями составлена методика расчета мультипликативного эффекта от реализации межрегиональных туристских продуктов на трех уровнях: пространственно-территориальном, кумулятивном и синергетическом [Карпова и др., 2018]. Позднее были разработаны методологические подходы на основе межотраслевого баланса для оценки связей взаимодействующих с туризмом отраслей [Леонидова, 2024].

Зарубежные публикации, посвященные влиянию туризма, затрагивают разнообразные аспекты его количественных и качественных характеристик. Так, анализ воздействия туризма на экономику, проведенный в странах Европейского Союза [Castilho и др., 2025], показал, что наряду с положительным влиянием отрасли на занятость, существуют проблемы с созданием достойных условий труда, безопасности и гигиены труда местных работников. Автор [Suryanata, 2019] отмечает многоплановый характер отдачи от инвестиций в туризм, выражающейся в налоговых поступлениях, повышении качества жизни и снижении безработицы на Бали. В статье [Bozkurt, Bayrı, 2026] рассматриваются финансовые аспекты туризма и отмечается, что различное соотношение прямых и обратных финансовых потоков может уменьшать или увеличивать комплексный мультипликационный эффект. В развитии т. н. конференц-туризма в Санта-Круз, Боливия, авторы [Alvares, Rodríguez, 2024] считают необходимым обеспечивать устойчивость туризма и минимизировать социальные конфликты. В исследовании мультипликативного эффекта от покупки местной гастрономии в суданских ресторанах констатируется мультипликационный эффект туристских расходов, превосходящий расходы в развитие туризма в 1,286 раза [Turgarini и др., 2018].

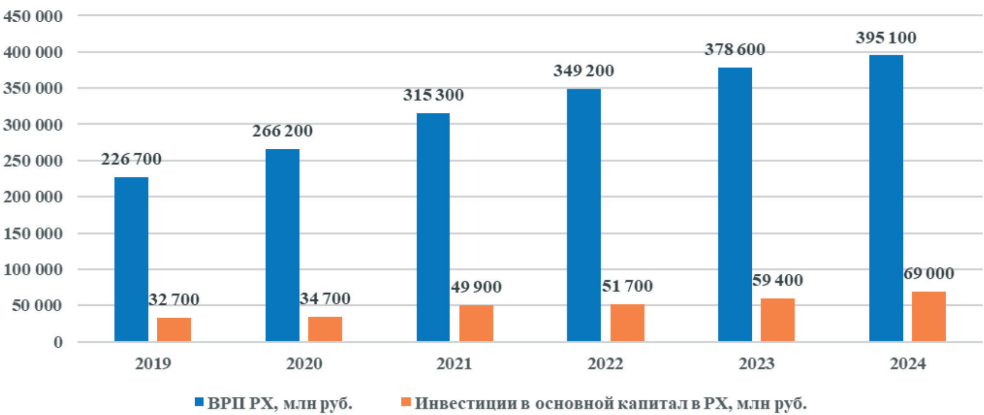
Обсуждение, результаты

В связи с увеличением инвестиций в инфраструктуру туризма Республики Хакасия (за 2019–2024 гг. — в 2,5 раза) интересно определить влияния инвестиций в развитие туризма на прирост ВРП. Эффект мультипликатора инвестиций разработан Дж. М. Кейнсом. В «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) он писал: «Когда происходит прирост общей суммы инвестиций, то доход увеличивается на сумму, которая в К раз превосходит прирост инвестиций» [Кейнс, 2022]. В виде формулы это выглядит, как

$$M_{\text{инв}} = \frac{\Delta Y}{\Delta I}, \tag{1}$$

где $M_{\text{инв}}$ — мультипликатор инвестиций; ΔY — прирост продукта; ΔI — прирост инвестиций.

Поскольку эффект мультипликатора формируется не за один год, а в динамике, развиваясь во времени, передаваясь через цепочки потребления и инвестиций и постепенно затухая, то есть влияет на национальный доход на протяжении нескольких циклов, рассчитаем его значения с учетом изменения влияющих факторов за ряд лет по данным государственной статистики.

а)

б)

Рис. 1. Динамика показателей Республики Хакасия в 2019–2024 гг.

Fig. 1. Dynamics of the Republic of Khakassia's indicators in 2019–2024

Для расчета мультипликатора ВРП использованы данные об объемах обобщающего экономического показателя (рис. 1а) и инвестиций в основной капитал региона (рис. 1б). За 2019–2024 гг. ВРП вырос в 1,7 раза, инвестиции — в 2,1 раза, что свидетель-

ствуется о росте инвестиционной нагрузки в экономике и как следствие — отложенном эффекте роста. На рис. 16 представлена динамика инвестиций в туриндуэтрию и объема платных услуг населению в республике за тот же период. Темпы роста инвестиций за период составили 2,8 раза, платных услуг — 2,5 раза. В 2020 г. наблюдалось снижение показателей отрасли в связи с ограничениями, введенными из-за пандемии коронавируса. В 2022 г. уменьшение вложений в туризм происходило вследствие проблем привлечения внебюджетных средств, в последующие годы объем деятельности и вложений средств в отрасль неуклонно повышался.

В табл. 1 представлены рассчитанные по данным Росстата приростные показатели, необходимые для определения значений коэффициентов мультипликаторов.

Табл. 1. Динамика показателей Республики Хакасия за 2020–2024 гг.
Table 1. Dynamics of the Republic of Khakassia's indicators for 2020–2024

Показатели	Обозначение	2020	2021	2022	2023	2024	Сред.
Прирост инвестиций в основной капитал туризма, млн руб.	$\Delta I_{\text{тур}}^i$	-12,9	36,8	-5,1	44,4	13,4	15,3
Прирост ВРП РХ, млн руб.	$\Delta Y_{\text{ВРП}}^i$	39 500	49 100	33 900	29 400	16 500	33 600
Прирост инвестиций в основной капитал в РХ, млн руб.	$\Delta I_{\text{ВРП}}^i$	2 000	15 200	1 800	7 700	9 600	7 300
Прирост объема платных услуг туризма, млн руб.	$\Delta Y_{\text{тур}}^i$	-77,5	337,6	206,7	162,2	124,8	150,8

Источник: рассчитано по данным Росстата¹.
Source: calculated according to Rosstat data¹.

Расчет коэффициентов мультипликаторов инвестиций в ВРП и инвестиций в туриндуэтрию региона методом корреляционного анализа по данным табл. 1 приведен в (2) и (3):

$$M_{\text{ВРП}} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (\Delta Y_{\text{ВРП}}^i - \Delta Y_{\text{ВРП}}^{\text{ср}})^2}{\sum_{i=1}^n (\Delta I_{\text{ВРП}}^i - \Delta I_{\text{ВРП}}^{\text{ср}})^2}} = \sqrt{\frac{585,2}{126,3}} = \sqrt{4,6334} = 2,1525, \tag{2}$$

$$M_{\text{тур}} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (\Delta Y_{\text{тур}}^i - \Delta Y_{\text{тур}}^{\text{ср}})^2}{\sum_{i=1}^n (\Delta I_{\text{тур}}^i - \Delta I_{\text{тур}}^{\text{ср}})^2}} = \sqrt{\frac{90945,9}{9\,088,7}} = \sqrt{10,0065} = 3,1633. \tag{3}$$

¹ Республика Хакасия в цифрах: статистический сборник / Росстат. № 1.37.5. Красноярск, 2024 // Росстат. <https://24.rosstat.gov.ru/folder/45808> (дата обращения: 11.06.2026); Туризм в Республике Хакасия. Информационно-статистические материалы / Росстат. Красноярск, 2025. С. 15. <https://24.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Эксклюзив%20по%20туризму%20РХ.pdf> (дата обращения: 11.06.2026).

Как показали результаты расчетов, коэффициент мультипликатора инвестиций в туротрасль Хакасии равен 3,1633, это означает, что на каждый рубль дополнительно вложенных инвестиций в туризм смежные отрасли получают более 3 рублей дополнительного дохода. Значение мультипликатора инвестиций в ВРП региона, равное 2,1525, оказалось существенно ниже, чем в туризме. Высокий мультипликатор туризма свидетельствует, во-первых, о том, что туристская отрасль имеет развитые кооперативные связи со многими смежными сферами: общественным питанием, системой размещения, транспортом, сферой культуры и развлечений, экскурсионными бюро, ремесленным бизнесом и другими видами деятельности на территории, которые образуют звенья «цепочки ценности» [Портер, 1985] турпродукта и получают соответствующую часть его стоимости. Во-вторых, особенности отраслевой структуры региональной экономики таковы, что в ней преобладают добывающие отрасли (угольная, горнорудная промышленность) и отрасли первого передела (алюминиевая промышленность), это снижает возможности по производству добавленной стоимости и отражается на сравнительно низком значении мультипликатора ВРП в целом.

Для сравнения: по результатам исследования эффекта развития туризма в России и городе Москве, мультипликатор для российского туризма оценен в 3,4, а в Москве — 3,85 [Каждый, 2025], что вполне объяснимо высоким туристским потенциалом столицы. Культурная столица России — Санкт-Петербург — при значительном росте туристского потока в последние годы отличается самой высокой в стране удовлетворенностью туристов — 86%¹.

Далее рассчитаем, какой вклад в ВРП внесло развитие туризма в Хакасии в 2024 г. Для этого из формулы (1) выведем прирост ВРП:

$$\Delta Y = M_{\text{тур.}} * \Delta I_{\text{тур}} \quad (4)$$

и используем полученное значение инвестиционного мультипликатора туризма, равное 3,1633, и показатель прироста инвестиций в основной капитал туризма в сумме 126,3 млн руб. Тогда прирост ВРП от инвестиций в туризм равен:

$$\Delta Y = 3,1633 * 126,3 = 399,5 \text{ млн руб.},$$

что составляет 0,1% от всего ВРП и 2,4% прироста ВРП Республики Хакасия в 2024 г.

Отличием гастрономического туризма от других направлений является существенно меньший объем инвестиций, так как вложения необходимы на создание устойчивого производства местных продуктов и технологий их хранения и использования (ферментации, обезвоживания, замораживания), а также на приобретение в случае отсутствия современного кухонного оборудования, посуды, мебели, создание интерьеров.

¹ Александр Бегов: Туристический вклад в экономику Петербурга достиг 843,1 млрд рублей — рост на 15% // ТВ СПб. 2025, 12 декабря. <https://tvspb.ru/news/2025/12/12/aleksandr-beglov-turisticheskij-vklad-v-ekonomiku-peterburga-dostig-8431-mlrd-rublej-rost-na-15> (дата обращения: 11.06.2026).

Что имеет первостепенное значение, так это высокая креативность продукта гастро-туризма, это требует соответствующей подготовки персонала, знающего историю места и способного адаптировать старинные кулинарные традиции и культуру питания к современным форматам подачи, привлекательного антуража, вовлечения туристов в активности, т. е. созданию добавленной стоимости в виде нематериальных благ. Тем не менее мультипликативный эффект гастротуризма имеется, он виден в движении денежных потоков.

По данным Всемирной туристской организации ООН, выбор маршрута на 30% зависит от гастрономических предпочтений путешественников — их желания знакомиться с новой кухней или следовать сложившемуся вкусу. Во время путешествий 30% бюджета туриста идет на питание и гастрономические эксперименты. В гастрономических турах затраты туристов на 24% выше, чем в экскурсионных и пляжных турах¹. Дополнительный доход от гастротуризма может направляться на развитие, создание рабочих мест, налоги, заказы местным производителям — тогда регион получает эффект мультипликации. При направлении дополнительных доходов на импортные закупки и финансовые вложения положительный эффект не достигается.

Для оценки уровня развития гастротуризма в регионах авторами [Шмарков и др., 2024] предложена модель с балльными оценками по 4 группам объективных критериев, важных для организации туристской деятельности. Другие авторы [Moital, 2009; Büyükeke и др., 2021] обращают внимание на то, как гастрономические бренды воспринимаются туристами, то есть на необходимость учета субъективных критериев, которые можно оценить путем опроса и анкетирования.

Предлагается интегрированная аддитивная модель оценки эффективности гастрономического туризма (S) с включением объективно определяемых (K_i) и субъективно оцениваемых потребителями критериев (T_j) следующего вида:

$$E_{\text{гастр}^{\text{тур}}} = (K_1 + K_2 + K_3 + K_4 + K_5) + (T_1 + T_2 + T_3), \quad (5)$$

где K_1 — наличие в регионе разработанного гастротурпродукта; K_2 — проведение гастрономических фестивалей, ярмарок, выставок, спектаклей; K_3 — наличие гастрономических брендов; K_4 — размещение информации о гастротурах и брендах в Интернете; K_5 — объединение рестораторов, предприятий общественного питания в ассоциации для продвижения гастротуризма; T_1 — оценка туристами вкуса, аромата, оригинальности блюд, свежести продуктов, пользы для здоровья; T_2 — оценка туристами сервиса, подачи блюд, атмосферы, санитарных условий, интерьера; T_3 — соотношение качества и цены.

Чтобы упростить оценку и иметь возможность проводить ее регулярно, предлагается определять критерии по трехбалльной системе: 0 — отсутствие элементов критерия; 1 — частичное соответствие содержанию элементов; 2 — полное соответствие содержанию критерия, то есть максимальное значение показателя эффективности гастротуризма, может составлять 16 баллов.

¹ Gastronomy and Wine Tourism // UN Tourism. <https://www.unwto.org/gastronomy-wine-tourism> (дата обращения: 11.06.2026).

Применяя предлагаемую модель к оценке уровня и эффективности гастрономического-го туризма в Республике Хакасия, получаем следующие результаты (табл. 2).

Табл. 2. Оценка эффективности гастрономического туризма в Хакасии
Table 2. Evaluation of the effectiveness of gastronomic tourism in Khakassia

Критерии	Оценка	Баллы
— наличие в регионе разработан-ного гастротурпродукта	Тур «Тайны и вкусы солнечной Хакасии» ¹ Тур «Горная Хакасия угощает» ²	2
— проведение гастрономических фестивалей, ярмарок, выставок, спектаклей	За 5 лет в республике проведено 30 гастро-номических мероприятий ³	2
— наличие гастрономических брендов	Айран, Талган, Хан, Табан, Харгы, Пох-ты и др. ⁴	2
— размещение информации о га-стротурах и брендах в Интернете	Гастротуры в Хакасию предлагаются на 15 сайтах («БольшаяСтрана», «Дискаве-ри», «Туроператор ПМП», «Свое за горо-дом», Tripster, «ХорошоТам», «Абакан.ру», Sayanyeco, Vk, gtur.friday.ru, dzen.ru, rutube.ru, yandex.ru, abakan.ru, Delfin-tur.ru)	2
— объединение рестораторов, предприятий общепита региона в ассоциации для продвижения гастротуризма	В Ассоциацию «Крестьянских (фермерских) хозяйств и организаций агропромышленного комплекса Сибири» входят 60 организаций, фермеров, индивидуальных предпринимате-лей и самозанятых ⁵	2
— оценка туристами вкуса, арома-та, свежести продуктов, оригиналь-ности блюд, пользы для здоровья	Отзывы на Гастрономические экскурсии в Абакане ⁶ Хакасское застолье ⁷	2

¹ Королёв А. Гастротуризм в Хакасии // Пульс19. 2022, 3 октября. <https://pulse19.ru/155420-gastroturizm-v-hakasii/?ysclid=mniodfpmqfp637440276> (дата обращения: 11.06.2026).

² Орлова М. Гастрономический туризм Хакасии как основа патриотизма // Пульс19. 2025, 13 сентября. <https://pulse19.ru/256882-gastronomicheskij-turizm-hakasii-kak-osnova-patriotizma/?ysclid=mnioy3tfpk284040734> (дата обращения: 11.06.2026).

³ Орлова М. 2025. Андрей Попков: гастрономический туризм как элемент развития Хакасии // Пульс19. 2025, 2 декабря. <https://pulse19.ru/261424-andrej-popkov-gastronomicheskij-turizm-kak-jelement-razvitija-hakasii/?ysclid=mnipeuqqzv818148486> (дата обращения: 11.06.2026).

⁴ Путеводитель по Хакасии: секретные гастрономические места региона // Красраб.ру. 2024, 19 июня. <https://krasrab.ru/molva/proba-pera/1640> (дата обращения: 11.06.2026).

⁵ Ассоциация КФХ и АПК Сибири. <http://akfhsibiri.ru/> (дата обращения: 11.06.2026).

⁶ Отзывы на Гастрономические экскурсии в Абакане // Tripster. 2026. <https://experience.tripster.ru/experience/Abakan/8319-gastronomicheskije/reviews/?page=7> (дата обращения: 11.06.2026).

⁷ Зоркий. Хакасское застолье: 9 блюд, которыми угощали за сибирским столом (ел впервые) // Дзен. 2025, 6 августа. <https://dzen.ru/a/aKzgSUux6ALTAOPe?ysclid=mnfrl63y9w930872601> (дата обращения: 11.06.2026).

Окончание табл. 2
Table 2 (end)

Критерии	Оценка	Баллы
— оценка туристами сервиса, подачи блюд, атмосферы, санитарных условий, интерьера	Смолькин ¹ «Смачный борщец» ² «Повара на колесах» ³	1
соотношение качества и цены	Цены на продукты и украшения ⁴	1
— эффективность гастрономического туризма		14

По всем объективно определяемым критериям оценки определены высшими баллами, поскольку в республике созданы и поддерживаются многосторонние благоприятные условия для развития гастрономического туризма, в том числе широко представлена информационная поддержка. Так, изданы три выпуска путеводителя «Хакасия: гастрономия и гостеприимство», содержащего QR-коды доступа к видео о национальных блюдах, музыкальным композициям и достопримечательностям; предложения для самостоятельного планирования маршрутов; информацию о 60 туристических объектах; каталог местных производителей сувениров. Присуждение путеводителю 1-й премии на Всероссийском конкурсе «Туристический сувенир» в 2024 г. вполне заслужено⁵.

Отзывы — подлинный источник информации, на их основе можно оценить восприятие гастрономических брендов туристами. Подробных отзывов именно о гастрономии на сайтах турагентств и в информационных ресурсах для путешественников мало, но гастрономические отзывы туристов-блогеров положительны и многочисленны. Узнать более полно о впечатлениях и оценке туристами гастротурпродукта можно через проведение интервью и анкетирования, это предстоит сделать в будущем исследовании совместно со специалистами туризма в «высокий» летний сезон. Как отмечалось на об-

¹ Сепрей Смолькин: «В Хакасию стоит ехать за едой!» // Newsalab. 2014. <https://newslab.ru/article/600038?ysclid=mj8xorh3bi106559730> (дата обращения: 11.06.2026).

² Гастрономический фестиваль «Смачный борщец» (Россия, Хакасия) // Отзовик. https://otzovik.com/review_17560897.html?ysclid=mj8ybgd6hh390035854 (дата обращения: 11.06.2026).

³ Выпуск шоу «Повара на колесах» о Хакасии уже в эфире // VK. 2024, 15 декабря. https://vk.com/wall-48759114_9689 (дата обращения: 11.06.2026).

⁴ Из Сибири с покупками: что купили домой. Цены на продукты и украшения // Дзен. 2025. <https://dzen.ru/a/aMCaQGk6AxbJUBwv?ysclid=mnfzs89pwr1141855> (дата обращения: 11.06.2026).

⁵ Альбом-путеводитель «Хакасия. Гастрономия и гостеприимство» отмечен на Всероссийском конкурсе «Туристический сувенир» // Пульс19. <https://pulse19.ru/240028-albom-putevoditel-hakasija-gastronomija-i-gostepriimstvo-otmechen-na-vserossijskom-konkurse-turisticheskij-suvnir/> (дата обращения: 11.06.2026).

суждении развития гостротуризма в Ассоциации «Крестьянских (фермерских) хозяйств и АПК Сибири», для совершенствования услуг гостротуризма необходимо создание матрицы уникальных продуктов, стандартов качества, сертификация услуг, подготовки кадров¹. Также эксперты и практики констатировали существующий разрыв между презентуемыми на выставках и конкурсах блюдами национальной кухни в традиционном и адаптированном к современным запросам виде с одной стороны, и блюдами для потребителей в широком доступе с другой. Важной задачей развития гастрономического туризма становится формирование культуры питания в общем и высокой гастрономической культуры в особенности. Феномен гастрономической культуры, по мнению исследователей, включает систему «правил, предписаний и образцов, определяющих: а) способы приготовления пищи (кулинарную культуру), б) набор принятых в данной культуре продуктов и их сочетания, в) практику потребления пищи (культуру принятия пищи), а также г) рефлексии над вышеперечисленными феноменами и процессами» [Капкан, Лихачева, 2008]. Решение столь многогранной задачи невозможно без подготовки кадров рестораторов, шеф-поваров, кулинаров, которой в Хакасии занимаются профессиональные образовательные организации (колледжи), центр «Жарче» (Абакан)². Однако для создания повседневной высокой гастрономической культуры потребуются дальнейшие усилия энтузиастов-профессионалов при поддержке государства в развитии всех видов туризма и формирования привлекательного имиджа территории, что осуществляется в Республике Хакасия.

Заключение

По результатам проведенного исследования следуют выводы:

1. Туризм в России развивается высокими темпами, превосходящими темпы роста ВВП за 2021–2024 гг., следовательно, можно ожидать увеличения вклада отрасли в экономику и социальную сферу.
2. Расчет по модели мультипликатора инвестиций в туристскую индустрию Республики Хакасия показал, что при значении показателя, равном 3,16, что выше инвестиционного мультипликатора в ВРП в целом, но ниже, чем в развитых туристских регионах страны, вклад инвестиций в основной капитал туризма составляет 0,1% ВРП и 2,4% его прироста.
3. Оценка эффективности гастрономического туризма в Республике Хакасия по предлагаемой модели выявила высокие показатели объективно определяемых критериев и более низкие — субъективной оценки потребителями туристских

¹ Данилов В. 2022. В Хакасии прошло обсуждение развития гостротуризма // Пульс19. <https://pulse19.ru/160772-v-hakassii-proshlo-obsuzhdenie-razvitija-gastroturizma/> (дата обращения: 11.06.2026).

² Шаповалова Е. 2023. Первая проектно-учебная лаборатория «Вкус Хакасии». Гастрономическая карта России. <https://www.gastromaprussia.ru/tpost/fkl2d058p1-pervaya-proektno-uchebnaya-laboratoriya?ysclid=mng7cu5w5c677166327> (дата обращения: 11.06.2026).

услуг в сфере гастрономического туризма, в частности оценки блюд, качества сервиса, соотношения цена/качество.

4. Модель эффективности гастротуризма показала проблемные вопросы, над решением которых предстоит работать в ближайшем будущем, в том числе исследовать посредством проведения опросов потребителей услуг туриндустрии, совершенствовать систему обучения персонала, формировать высокую повседневную гастрономическую культуру.

Список литературы

- Восколович Н. А. 2016. Междисциплинарный аспект современных исследований в сфере туризма // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. № 6. С. 71–86. <https://msuecon.elpub.ru/jour/article/view/385> (дата обращения: 11.06.2026).
- Гуляев В. Г. 2011. Мультипликативный эффект в туризме // Вестник РМАТ. № 3 (3). С. 54–64. <https://www.elibrary.ru/qcaacj>.
- Капкан М. В., Лихачева Л. С. 2008. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. № 55. С. 34–43. <https://elar.urfu.ru/handle/10995/22711> (дата обращения: 11.06.2026).
- Карпова Г. А., Ткачев В. А., Долженко Д. Е. 2018. Методологические подходы к определению мультипликативного эффекта межрегиональных туристских проектов // Сервис plus. Вып. 12. № 2. С. 65–72. <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2018-10207>.
- Кейнс Дж. М. 2022. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо. 960 с. <https://books.yandex.ru/books/Dn2S8OmL/read-online?ysclid=mj8u97pk45818751941>.
- Леонидова Е. Г. 2024. Оценка экономических эффектов от развития туристической инфраструктуры России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 4. С. 144–160. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.8>.
- Портер М. Э. 2005. Конкуренция / пер. с англ. М.: Вильямс. 608 с.
- Шмарков М. С., Цёхла С. Ю., Шмаркова Л. И. 2024. Гастрономический туризм как драйвер развития регионального рынка туристских услуг: оценка состояния и перспективы // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. Т. 10. Вып. 4. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2024-10-4-0-5>.
- Alvares D. M. O., Rodríguez J. L. 2024. Potencial del segmento turístico de reuniones en el departamento Santa Cruz, Bolivia // Revista Enfoques. No. 8 (30). Pp. 95–109. <https://doi.org/10.33996/revistaenfoques.v8i30.182>.
- Bozkurt Y. S., Bayri E. 2026. Tourism multipliers and economic impact models // Theories and Models in Tourism and Hospitality Research. Pp. 444–450. CABIISBN: 978-1-80062-580-8. <https://doi.org/10.1079/9781800625822.0066>.
- Büyükeke A., Özsoy T. 2021. A text mining analysis of customer evaluations in terms of gastronomy tourism // Balıkesir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. No. 24 (46-1). <https://doi.org/10.31795/baunsobed.1025204>.
- Castilho D., Fuinhas J. A. 2025. How do tourism investments affect each pillar of decent work? Evidence from European Union countries // Safety Science. Vol. 189. Art. 106896. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2025.106896>.

- Correia A., Moital D., Oliveira N., Costa C. 2009. Multidimensional segmentation of gastronomic tourists based on motivation and satisfaction // *International Journal of Tourism Policy*. No. 2 (1). <https://doi.org/10.1504/IJTP.2009.023272>.
- Suryanata I G. N. P. 2019. Investment multiplier effect expands tourism destinations // *International Research Journal of Management IT and Social Sciences*. No. 6 (2). Pp. 44–51. <https://doi.org/10.21744/irjmis.v6n2.606>.
- Turgarini D., Baiquni M., Harmayani E. 2018. The multiplier effect of buying local gastronomy: Case of Sundanesse restaurant // *E-Journal of Tourism*. <https://doi.org/10.24922/eot.v5i1.38460>.

References

- Voskolovich, N. A. (2016). The interdisciplinary aspect of current research in the field of tourism. *Moscow University Economics Bulletin*, (6), 71–86. Retrieved June 11, 2026, from <https://msuecon.elpub.ru/jour/article/view/385> [In Russian]
- Gulyaev, V. G. (2011). Tourism multiplier effect. *Vestnik of RIAT*, (3), 54–64. <https://www.elibrary.ru/qcaacj> [In Russian]
- Kapkan, M. V., & Likhacheva, L. S. (2008). Gastronomic culture: Concept, functions, factors of formation. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, (55), 34–43. Retrieved June 11, 2026, from <https://elar.urfu.ru/handle/10995/22711> [In Russian]
- Karpova, G. A., Tkachev, V. A., & Dolzhenko, D. E. (2018). Methodological approaches to determining the multiplicative effect of interregional tourist projects. *Service Plus*, 12(2), 65–72. <https://doi.org/10.24411/2413-693X-2018-10207> [In Russian]
- Keynes, J. M. (2022). *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. Eksmo. Retrieved June 15, 2026, from <https://books.yandex.ru/books/Dn2S8OmL/read-online?ysclid=mj8u97pk45818751941> [In Russian]
- Leonidova, E. G. (2024). Assessing the economic effects of tourism infrastructure development in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(4), 144–160. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.4.94.8> [In Russian]
- Porter, M. E. (2005). *Competition* (Translated from English). Williams Publishing House. [In Russian]
- Shmarkov, M. S., Tsyokhla, S. Yu., & Shmarkova, L. I. (2024). Gastronomic tourism as a driver of the development of the regional market of tourist services: assessment of the state and prospects. *Research Result. Business and Service Technologies*, 10(4). <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2024-10-4-0-5> [In Russian]
- Alvares, D. M. O., & Rodríguez, J. L. (2024). Potencial del segmento turístico de reuniones en el departamento Santa Cruz, Bolivia. *Revista Enfoques*, (8), 95–109. <https://doi.org/10.33996/revistaenfoques.v8i30.182> [In Spanish]
- Bozkurt, Y. S., & Bayri, E. (2026). Tourism multipliers and economic impact models. *Theories and Models in Tourism and Hospitality Research*, 444–450. CABIISBN:978-1-80062-580-8. <https://doi.org/10.1079/9781800625822.0066>
- Büyükeke, A., & Özsoy, T. (2021). A text mining analysis of customer evaluations in terms of gastronomy tourism. *Balıkesir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*, 24(46-1). <https://doi.org/10.31795/baunsobed.1025204>

- Castilho, D., & Fuinhas, J. A. (2025). How do tourism investments affect each pillar of decent work? Evidence from European Union countries. *Safety Science*, 189, 106896. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2025.106896>
- Correia, A., Moital, D., Oliveira, N., & Costa, C. (2009). Multidimensional segmentation of gastronomic tourists based on motivation and satisfaction. *International Journal of Tourism Policy*, 2(1). <https://doi.org/10.1504/IJTP.2009.023272>
- Suryanata, I G. N. P. (2019). Investment multiplier effect expands tourism destinations. *International Research Journal of Management IT and Social Sciences*, 6(2), 44–51. <https://doi.org/10.21744/irjmis.v6n2.606>
- Turgarini, D., Baiquni, M., & Harmayani, E. (2018). The multiplier effect of buying local gastronomy: Case of Sundanesse restaurant. *E-Journal of Tourism*, 54. <https://doi.org/10.24922/eot.v5i1.38460>

Информация об авторах

Людмила Константиновна Субракова, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и бизнеса, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия
subrackoval@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2828-5146>

Ева Геннадьевна Гравдина, студент, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия
eva.gravdina@bk.ru

Information about the authors

Ludmila K. Subrakova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Economics and Business, Katanov Khakass State University, Abakan, Russia
subrackoval@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2828-5146>

Eva G. Gravdina, Student, Katanov Khakass State University, Abakan, Russia
eva.gravdina@bk.ru

Оценка уровня самодостаточности обрабатывающего производства регионов с участием институтов развития

Алия Усмановна Фархутдинова

Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия
Контакт для переписки: aliya_2186@bk.ru

Аннотация. В условиях макроэкономической нестабильности, разрыва многих производственно-технологических цепочек, высокой зависимости от импорта возрастает необходимость формирования производственного потенциала региона и повышения его самодостаточности. Обосновано, что одним из инструментов обеспечения финансово-инвестиционных потребностей обрабатывающего производства и повышения его самодостаточности являются институты развития. Целью исследования стало уточнение роли Фонда развития промышленности (ФРП) в обеспечении самодостаточности регионов-лидеров Приволжского федерального округа (ПФО) и разработка направлений по ее повышению. Предложена методика оценки самодостаточности, включающая индикаторы результативности отрасли и инвестиционной активности ФРП. Описаны принципы агрегирования показателей в интегральный индекс самодостаточности. Установлена тенденция снижения среднего размера поддерживаемых ФРП инвестиционных проектов. Выявлено, что увеличение доли инвестиций института не всегда коррелирует с ростом общей суммы инвестированных в отрасль средств. Оценка самодостаточности отрасли топ-5 регионов ПФО выявила потенциал его роста. Обосновано, что использование стратегий, ориентированных на развитие промышленности более развитых территорий, должно сочетаться с мерами поддержки обрабатывающего производства менее развитых регионов для обеспечения равномерного роста их промышленного комплекса. Практическое применение разработанной методики может повысить качество управленческих решений, направленных на повышение инвестиционной привлекательности и самодостаточности отрасли.

Ключевые слова: институты развития, фонд развития промышленности, самодостаточность отрасли, результативность, инвестиции

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00576-26-00 на 2026 г. и на плановый период 2027 и 2028 гг.

Цитирование: Фархутдинова А. У. 2026. Оценка уровня самодостаточности обрабатывающего производства регионов с участием институтов развития // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 227–244. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-227-244>

Поступила 06.04.2026; одобрена 23.04.2026; принята 18.06.2026

Assessing the level of self-sufficiency of regional manufacturing with the participation of development institutions

Aliya U. Farkhutdinova ✉

Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Corresponding author: aliya_2186@bk.ru ✉

Abstract. In the context of macroeconomic instability, the disruption of many production and technological chains, and high dependence on imports, the need to develop regional production potential and increase its self-sufficiency is growing. It is substantiated that development institutions are one of the tools for meeting the financial and investment needs of manufacturing and increasing its self-sufficiency. The aim of the study is to clarify the role of the Industrial Development Fund (IDF) in ensuring the self-sufficiency of leading regions of the Volga Federal District (VFD) and to develop strategies for improving it. A methodology for assessing self-sufficiency is proposed, including indicators of industry performance and the IDF's investment activity. The principles of aggregating indicators into an integrated self-sufficiency index are described. A downward trend in the average size of investment projects supported by the IDF is established. It is revealed that an increase in the share of institute investments does not always correlate with an increase in the total amount invested in the industry. An assessment of the industry's self-sufficiency in the top five regions of the VFD reveals its potential for growth. It is substantiated that the use of strategies aimed at industrial development in more developed regions should be combined with measures to support manufacturing in less developed regions to ensure balanced growth of their industrial complexes. Practical application of the developed methodology can improve the quality of management decisions aimed at enhancing the investment attractiveness and self-sufficiency of the industry.

Keywords: development institutions, industrial development fund, industry self-sufficiency, efficiency, investments

Acknowledgements: the study was carried out within the framework of the state assignment of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences no. 075-00576-26-00 for 2026 and for the planning period of 2027 and 2028.

Citation: Farkhutdinova, A. U. (2026). Assessing the level of self-sufficiency of regional manufacturing with the participation of development institutions. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 227–244. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-227-244>

Received Apr. 6, 2026; Reviewed Apr. 23, 2026; Accepted Jun. 18, 2026

Введение

В условиях макроэкономической нестабильности, разрыва многих производственно-технологических цепочек, высокой зависимости от импорта возрастает необходимость формирования производственного потенциала региона и повышения его самодостаточности. В качестве одной из мер по преодолению сложившихся негативных тенденций в развитии территориальных образований следует рассматривать совершенствование инвестиционного процесса, являющегося главной составляющей стабильного экономического развития, влияющего на уровень удовлетворения нужд экономики в финансовых ресурсах. Решение проблемы финансово-инвестиционного обеспечения различных отраслей, в том числе и обрабатывающего производства, предполагает привлечение организационно-экономических структур — институтов развития, обладающих значительным потенциалом в части активизации бизнес-процессов между хозяйствующими субъектами.

В российской и зарубежной научной литературе «институты развития» рассматриваются с точки зрения различных аспектов. В работе Оналтаева и др. [Оналтаев и др., 2025] институты рассматриваются как драйверы рыночных трансформаций в национальной финансовой системе. Оценка финансово-экономической деятельности финансовых институтов Казахстана выявила барьеры, препятствующие развитию рыночных механизмов, обеспечивающих доступ малого и среднего бизнеса к источникам финансирования. Авторами отмечена необходимость пересмотра существующих инструментов их поддержки с учетом современных рисков.

Д. В. Расулова [Расулова, 2026] анализирует стратегическую роль и значение международных финансовых институтов в экономическом развитии Республики Узбекистан. На основе анализа проектов по секторам экономики и направляемых институтами средств, установлены приоритетные направления поддержки. Обоснована необходимость повышения сотрудничества с международными финансовыми институтами в целях обеспечения социальной стабильности и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

В работе Бывшева и др. [Бывшев и др., 2024] изучена деятельность институтов инновационного развития, определены функции и их полномочия, отраслевая специфика

и направленность на развитие определенных сфер. Авторами представлена структура институтов инновационного развития, выделены три уровня их функционирования.

А. В. Райхлина и Е. Г. Патрушева [Райхлина, Патрушева, 2024] на основе экосистемного подхода исследовали возможность совершенствования деятельности региональных институтов развития. Авторами определены основные преимущества модернизации региональных институтов в направлении выстраивания экосистемы и потенциал их развития.

В статье А. А. Фролова [Фролов, 2024] рассмотрены теоретические основы формирования институтов развития в эпоху технологического развития, выделены основные задачи и направления их деятельности в новой реальности. В работе Цзян и др. [Цзян и др., 2025] также анализируется роль институтов развития в повышении уровня технологизации национальной экономики. Авторами предложены принципы коллективного технологического суверенитета, проведен контент-анализ национальных программ, стратегий технологического развития, а также оценка эффективности деятельности институтов технологического развития.

Проведенный обзор показывает, что большинство исследований сосредоточено на решении институтами ключевых задач стратегического развития, оценке их эффективности и результативности, изучении опыта функционирования и влияния на различные отрасли.

Однако анализ научной литературы, посвященной исследованию роли институтов развития в обрабатывающей промышленности, является сравнительно небольшим. В работах Н. С. Степанова [Степанов, 2023, 2025] исследованы роль ФРП в обеспечении технологического суверенитета и мероприятия, позволяющие в долгосрочной перспективе модернизировать его деятельность. Проанализирована структура программ финансирования, определены основные принципы работы фонда. Автором установлено сужение сферы интересов фонда, что обуславливает необходимость четкого определения объектов его деятельности.

С. В. Палаш [Палаш, 2019] также анализирует роль ФРП в модернизации экономики РФ. Автор оценивает эффективность механизмов поддержки, методы финансирования проектов и их влияния на импортозамещение и структурные сдвиги в промышленности.

Статья Старикова и др. [Стариков и др., 2022] посвящена оценке влияния портфеля проектов ФРП на показатели развития обрабатывающей промышленности по группам субъектов РФ. Авторами детально изучен механизм и критерии отбора проектов в портфель. Установлено, что реализация портфеля проектов в ряде регионов не дает положительного эффекта в виде роста результативности промышленного производства.

Таким образом, анализ источников, посвященных деятельности фондов промышленности, сводится к: оценке программ их финансирования, выявлению ключевых принципов работы, качественному и количественному соответствию профиля портфеля проектов в региональном разрезе стратегическим задачам развития обрабатывающей промышленности, возможности модернизации и т. д.

В свою очередь, обзор отечественных и зарубежных публикаций, посвященных оценке самодостаточности территорий, показал изучение проблемы на микро- и мезоуровне.

В первом случае выявлена подмена анализом «финансовой обеспеченности», «самостоятельности», «самокупаемости», «безопасности», «устойчивости» бюджета или отдельных отраслей [Косинский и др., 2022; Petrovich и др., 2025], во втором — муниципальных образований или регионов [Чуланова, Бримбетова, 2025].

Установлено, что зарубежные авторы рассматривают самодостаточность обрабатывающей промышленности через призму: развития нефтехимической промышленности [Jeong и др., 2026; Djansena, Aritonang, 2026; Schmidhäuser и др., 2024], текстильной и машиностроительной отрасли [Kajima, 2026], разработки моделей и стратегий по повышению конкурентоспособности и независимости исследуемых секторов.

В теоретической статье Schmidhäuser и др. [Schmidhäuser и др., 2024] представлены концепции промышленной самодостаточности и стратегии ее обеспечения с учетом специфики производства. Выделены общие стратегии промышленной самодостаточности: бережливость, долговечность и специфичность в отношении трех различных факторов бизнеса (продукт, производство и бизнес-модель). Исследование выявило взаимозависимость отдельных мер между тремя общими стратегиями устойчивого развития (эффективность, стабильность и достаточность).

В работе Jeong и др. [Jeong и др., 2026] рассматриваются стратегические варианты развития нефтехимической промышленности Южной Кореи в ответ на рост самодостаточности Китая в производстве этилена и полиэтилена. С использованием модели системной динамики проводится оценка экономического воздействия стратегий защиты рентабельности и объемов производства. В результате установлено, что, по мере расширения производственных мощностей Китая, Южная Корея сталкивается со снижением рентабельности по обеим стратегиям.

В статье A. Djansena, S. Aritonang [Djansena, Aritonang, 2026] сравнивается траектория развития оборонной промышленности Индонезии, Южной Кореи и Турции. Авторами разработана концептуальная основа повышения конкурентоспособности и независимости оборонного сектора Индонезии, интегрирующая инновации и управление рисками.

J. Kajima [Kajima, 2026] оценивает самодостаточность текстильной и машиностроительной отраслей. При анализе автором используются специализированные географические справочники по объемам производства (с данными по стоимости основных средств и прибыли каждой отрасли) и инновационные бизнес-модели.

Основной акцент в работе российских авторов сделан на оценке: экономической специализации регионов в обрабатывающей промышленности и определении ее влияния на финансовую самодостаточность территорий [Иванов, 2025]; потенциала для достижения максимально возможного уровня экономической самодостаточности региона [Потехина, 2026]; мер по уменьшению ключевых уязвимостей сектора и обеспечения промышленного суверенитета страны. При анализе самодостаточности исследователи используют статистические данные (совокупный экспорт продукции обрабатывающей промышленности, доля экспорта продукции в общем объеме производства в стране и т. д.), отраслевые отчеты и кластерные характеристики региона, показатели, характеризующие инвестиционную, производственную и налоговую сферы, результаты проведенных интервью и различные модели оценки.

Несмотря на значительный теоретический и прикладной интерес к рассматриваемым категориям, отсутствие единых стандартов и правил анализа текущего и перспективного состояния отрасли, разрозненность показателей существенно затрудняют объективную оценку ее самодостаточности и разработку дальнейших сценариев развития с участием институтов развития.

По нашему мнению, самодостаточность представляет степень обеспеченности отрасли собственными ресурсами, достаточными для удовлетворения ее финансово-инвестиционных потребностей и устойчивого развития. Привлечение ключевого института развития обрабатывающего производства к поддержке отрасли играет значимую роль в формировании условий для роста ее самодостаточности в условиях воздействия множества факторов.

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в разработке интегрированной системы показателей, адаптированной к особенностям обрабатывающего производства, а также с учетом обеспечения ее резилиентности и достижения стратегических приоритетов. В рамках этой системы показатели объединяются в единый комплекс оценки самодостаточности, учитывающей результативность отрасли и инвестиционную активность институтов развития промышленности.

Разработанная система показателей заполняет имеющийся пробел в методическом инструментарии оценки вклада институтов в развитие отрасли, предоставляет научно обоснованный инструмент для выбора направлений и параметров их инвестирования с учетом объективно существующих факторов состояния отрасли, обеспечивает основу для стратегического планирования и принятия управленческих решений по развитию промышленного сектора.

Цель — уточнение роли ФРП в обеспечении самодостаточности регионов-лидеров Приволжского федерального округа и разработка направлений по ее повышению.

Задачи — обосновать критерии для оценки вклада общества в обеспечение самодостаточности отрасли, разработать методический инструментарий оценки его влияния на уровень самодостаточности, предложить рекомендации по оптимизации деятельности института и направлений инвестирования для обеспечения устойчивого развития регионов.

Методы

В качестве методов исследования были использованы анализ и синтез, сравнение, статистические методы, приемы графического представления данных. Исходная база представлена официальной государственной статистикой, а также финансово-аналитической отчетностью ФРП.

В условиях воздействия множества факторов и ограниченного объема бюджетных средств результативность отрасли является ключевым показателем ее устойчивого функционирования, а инвестиционная активность институтов развития служит критерием эффективного аккумулирования и распределения финансовых и ресурсных потоков. Использование этих критериев в комплексе обеспечивает сбалансированную и объективную оценку состояния отрасли, а также способствует формированию эффективных стратегий по ее развитию с участием фондов промышленности.

Гипотеза исследования заключается в том, что существует положительная взаимосвязь между показателями инвестиционной активности фондов развития, результативности отрасли и ее самодостаточностью.

Выбор факторов для оценки результативности обусловлен: перечнем отраслевых направлений, финансируемых ФРП; информативностью показателей для оценки состояния отрасли; ограниченным набором идентичных по содержанию показателей, имеющих в статистических сборниках (табл. 1).

Табл. 1. Факторы для оценки результативности отрасли
Table 1. Factors for assessing industry performance

Факторы
X1 — Инвестиции в обрабатывающее производство (без субъектов малого предпринимательства; млн руб.)
X2 — Оборот организаций обрабатывающего производства (млрд руб.)
X3 — Сальдированный финансовый результат (прибыль (убыток) до налогообложения) организаций обрабатывающего производства (млн руб.)
X4 — Удельный вес убыточных организаций обрабатывающего производства (в процентах от общего числа организаций)
X5 — Индекс обрабатывающего производства (в процентах к предыдущему году)
X6 — Среднегодовая численность занятых в обрабатывающем производстве (тыс. чел.)
X7 — Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в обрабатывающем производстве (в фактически действовавших ценах; млн руб.)

Источник: составлено автором по данным Росстата.
Source: compiled by the author based on Rosstat data.

Так, фонд осуществляет финансово-инвестиционную поддержку проектам по коду ОКВЭД, а именно программам по производству пищевых продуктов, текстильных изделий, химических веществ и продуктов, лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях, обработки древесины и т. д.¹

В связи с существующей фрагментарностью статистической информации по количеству поддержанных проектов, объему финансирования, форме привлечения инвесторов и т. д., для исследования специфики вклада ФРП в обеспечении самодостаточности отрасли были отобраны регионы ПФО, входящие в топ-5 по профинансированным проектам.

$$x_i = \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}, \tag{1}$$

где x — фактическое значение нормируемого показателя; x_{max} — максимальное значение показателя; x_{min} — минимальное значение показателя;

$$x_i = 1 - \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}. \tag{2}$$

¹ Фонд развития промышленности. <https://frprf.ru/o-fonde/> (дата обращения: 30.03.2026).

Результативность отрасли определяется следующим образом:

$$R = \frac{\sum_i^n x_i}{n}, \quad (3)$$

где R — результативность; n — количество анализируемых показателей; $\sum_i^n x_i$ — сумма значений нормируемых показателей.

Использование удельного веса инвестиций, осуществляемых фондом, в общем объеме инвестиционного потока позволяет оценить вклад в развитие региональной экономики через анализ его влияния на уровень инвестиционной активности региона:

$$I_{ir} = \frac{I_{irt}}{I_t}, \quad (4)$$

где I_{ir} — уровень инвестиционной активности; I_{irt} — объем инвестиций ФРП за период t ; I_t — общая сумма инвестиций в обрабатывающее производство региона за период t .

При этом предлагается классифицировать вклад фонда в достижение целей по обеспечению самодостаточности отрасли по уровням: высокий уровень (значение индикатора выше 2/3); допустимый уровень (значение индикатора в промежутке от 1/3 до 2/3) [Чучкалова, 2022]; низкий уровень (значение индикатора меньше 1/3).

Далее на основе расчета среднегеометрического значения всех входящих параметров определен уровень самодостаточности отрасли:

$$S = 1 - \sqrt{(1 - R) \times (1 - I_{ir})}, \quad (5)$$

где S — самодостаточность.

Построение интегрального показателя с использованием среднегеометрического отклонения позволяет учесть значения каждой из составляющих, обуславливающих эффективное функционирование анализируемой системы в целом. Нормативное значение коэффициента составляет 0,9.

Результаты и обсуждение

Согласно целевому предназначению, функционирование фонда осуществляется на принципах: 1) «единого окна»; 2) целевого назначения займа; 3) возвратности и срочности предоставляемых средств; 4) поддержка разным — приоритет сильным¹; 5) открытость технологиям.

В соответствии с инвестиционным стандартом², устанавливающим единые правила и процедуры работы институтов, оценка результатов их деятельности осуществляется

¹ Фонд развития промышленности. <https://frprf.ru/o-fonde/> (дата обращения: 30.03.2026).

² О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»): Приказ Министерства экономического развития РФ от 30.09.2021 № 591 // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_397302/ (дата обращения: 15.06.2026).

по следующим ключевым показателям: количеству консультаций и количеству инвестиционных проектов; доле инвесторов, привлеченных к реализации новых инвестиционных проектов; числу введенных в эксплуатацию объектов капитального строительства по сопровождаемым инвестиционным проектам; объему инвестиций, привлеченных за отчетный период. Согласно методическим рекомендациям фонда по подготовке бизнес-плана и финансовой модели¹, для оценки их деятельности рекомендуется расчет следующих коэффициентов: чистой приведенной стоимости проекта, дисконтированного периода его окупаемости, индекса бюджетной эффективности и т. д. Таким образом, перечисленные показатели используются для детальной оценки инвестиционных проектов, в то время как аспекты результативности деятельности самого фонда остаются за рамками исследования.

В то же время определены ключевые показатели реализуемых в 2015–2030 гг. фондом проектов: объем налоговых поступлений в бюджеты различных уровней; объем планируемых инвестиций в реальный сектор экономики; количество высокопроизводительных рабочих мест и заявок, поданных на регистрацию объектов интеллектуальной собственности; суммарный объем выручки от реализации проектов. Однако указанные коэффициенты представлены в целом по стране, без выделения данных в разрезе территорий, что значительно затрудняет их использование при анализе самодостаточности обрабатывающего производства того или иного региона.

Указанное обуславливает необходимость оценки деятельности ФРП. Согласно данным, с 2014 г. компания поддержала 2 134 проекта на сумму 714,6 млрд руб., из них 28,5% приходится на проекты машиностроения, 14,2% — на программы химической отрасли² и т. д. (см. рис. 1). Наибольшее количество проектов — 21,3% от общего числа — приходится на топ-5 регионов ПФО (Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская и Самарская области, Республика Башкортостан)³.

В то время как на Москву и Московскую область приходится 13,2% проектов соответственно. Таким образом, увеличение объема реализованных инвестиционных проектов наблюдается в регионах ПФО с благоприятным инвестиционным климатом, с развитой производственной базой в обрабатывающей промышленности, характеризующихся наличием крупных промышленных предприятий и инфраструктуры. Основной фокус института направлен на нефтяные и деревообрабатывающие предприятия, производство электронных и оптических изделий, создание новых производственных мощностей в особых экономических зонах регионов.

¹ О государственной поддержке организаций, реализующих инвестиционные проекты, направленные на производство приоритетной продукции: Методические рекомендации по подготовке бизнес-плана и финансовой модели для включения инвестиционного проекта в Перечень проектов в рамках постановления Правительства Российской Федерации от 22.02.2023 № 295 // Фонд развития промышленности. <https://frprf.ru/download/rekomendatsii-posostavleniyu-biznes-plana-i-finansovoy-modeli.pdf> (дата обращения: 26.03.2026).

² Фонд развития промышленности. <https://frprf.ru/o-fonde/> (дата обращения: 30.03.2026).

³ Фонд развития промышленности. <https://frprf.ru/o-fonde/> (дата обращения: 30.03.2026).

Рис. 1. Отраслевое распределение профинансированных ФРП проектов

Fig. 1. Sectoral distribution of projects financed by the IDF

Источник: составлено автором по данным ФРП.

Source: compiled by the author based on IDF data.

Несмотря на увеличение общего числа и суммы поддержанных фондом инвестиционных проектов, отмечается постепенное снижение их средней стоимости. Так, если в 2022 г. на один проект фонда приходилось в среднем 4,06 млрд руб., то с 2025 г. уже 2,99 млрд руб. Анализ данных общего бюджета инвестиционных проектов за 2022–2026 гг. выявил, что снижение стоимости проектов обусловлено смещением стратегии института в сторону поддержки меньших по масштабу проектов и реакцией на снижение инвестиционной привлекательности проектов со стороны частного капитала ¹. Наименее привлекательными для инвесторов оказались такие отрасли, как электрическое оборудование и прочие сектора, включающие в себя: производство мебели и прочих изделий, новые материалы, пищевая промышленность, промышленные биотехнологии.

При этом увеличивается доля заемных средств ФРП (см. рис. 2).

Несмотря на снижение собственных инвестиций и увеличение долговой нагрузки, рост проектов ФРП отмечается в Республике Татарстан, Самарской и Нижегородской

¹ Фонд развития промышленности. <https://frprf.ru/o-fonde/> (дата обращения: 30.03.2026).

областях в 1,95, 1,92 и 3,25 раза соответственно и свидетельствует о благоприятных условиях для развития их обрабатывающих производств.

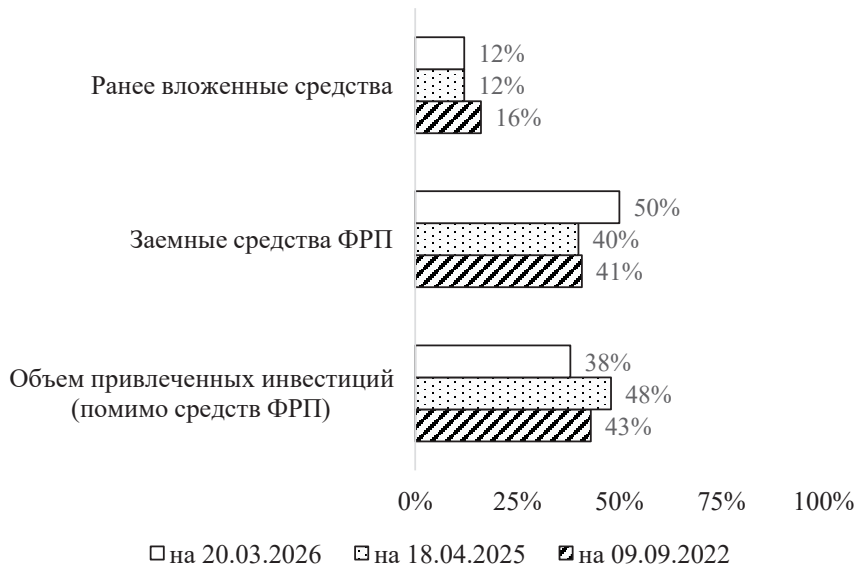

Рис. 2. Бюджет инвестиционных проектов ФРП

Fig. 2. Budget of investment projects of the IDF

Источник: составлена автором по данным ФРП.

Source: compiled by the author based on IDF data.

Таким образом, в условиях ограниченного объема средств возрастает необходимость повышения результативности деятельности фонда и обоснованности выбора направлений инвестиционных проектов, поддерживаемых им. В свою очередь, оценка результативности отрасли предполагает приведение информационного массива показателей в сопоставимый вид с учетом воздействия положительных и отрицательных факторов на общий показатель. В соответствии с полученными данными Республика Татарстан и Самарская область демонстрируют сбалансированный рост по показателям, что свидетельствует о высоком уровне их отраслевой результативности и потенциале для дальнейшего развития (табл. 2 и 3). При этом наименьшие значения наблюдаются в Республике Башкортостан и Пермском крае, что обусловлено более низкой долей среднегодовой численности занятых в их отраслях и снижением объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по сравнению с регионами-лидерами.

В то же время, наибольшие значения уровня инвестиционной активности ФРП демонстрировали Республика Башкортостан и Республика Татарстан с результатами в 0,28 и 0,19 соответственно, что обусловлено более высокой долей инвестиций института в их обрабатывающих производствах (табл. 2).

Табл. 2. Оценка результативности отрасли и инвестиционной активности ФРП за 2022 г.

Table 2. Assessment of the industry performance and investment activity of the IDF for 2022

Регионы ПФО	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	R	lir
Республика Башкортостан	0,00	0,51	0,27	0,61	0,69	0,24	0,12	0,35	0,28
Республика Татарстан	1,00	1,00	0,00	0,98	1,00	1,00	1,00	0,85	0,19
Пермский край	0,50	0,00	0,05	0,95	0,17	0,00	0,02	0,24	0,08
Нижегородская область	0,31	0,31	0,70	1,00	0,45	0,90	0,18	0,55	0,14
Самарская область	0,18	0,04	1,00	0,00	0,00	0,76	0,00	0,28	0,05

Источник: составлено автором по данным расчетов.

Source: compiled by the author based on calculations.

В 2024 г. Республика Башкортостан сохраняет лидирующие позиции по уровню инвестиционной активности ФРП (табл. 3).

Табл. 3. Оценка результативности отрасли и инвестиционной активности ФРП за 2024 г.

Table 3. Assessment of the industry performance and investment activity of the IDF for 2024

Регионы ПФО	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	R	lir
Республика Башкортостан	0,00	0,41	0,64	0,30	0,63	0,16	0,20	0,33	0,47
Республика Татарстан	1,00	1,00	0,00	0,00	0,74	1,00	1,00	0,68	0,09
Пермский край	0,27	0,00	1,00	0,67	1,00	0,00	0,00	0,42	0,14
Нижегородская область	0,24	0,33	0,62	1,00	0,00	0,83	0,30	0,48	0,28
Самарская область	0,14	0,32	0,83	0,67	0,70	0,55	0,21	0,49	0,20

Источник: составлено автором по данным расчетов.

Source: compiled by the author based on calculations.

Рост значений показателя в Самарской и Нижегородской областях обусловлен увеличением поддержки их технологически емких производств¹, способствующих росту конкурентоспособности. Наименьшие значения показателя в 2024 г. отметим в Республике Татарстан, вызванное сокращением объема финансово-инвестиционной поддержки ФРП при одновременном росте общей суммы инвестиций в обрабатывающее производство региона в 2,51 раза по сравнению с 2022 г.²

Оценка самодостаточности отрасли в регионах выявила потенциал для дальнейшего его увеличения (рис. 3).

¹ Фонд развития промышленности. <https://frprf.ru/o-fonde/> (дата обращения: 30.03.2026).

² Федеральная служба государственной статистики. <https://02.rosstat.gov.ru>. (дата обращения: 10.03.2026).

Наилучшие результаты отметим у Республики Башкортостан, Нижегородской и Самарской областей, демонстрирующих устойчивый рост по уровню самодостаточности их обрабатывающих производств.

Для проверки принятого в исследовании допущения использовался метод множественной линейной регрессии. Уравнение имеет следующий вид:

$$y = -0,09 + 0,52X_1 + 0,73X_2,$$

где X_1, X_2 — коэффициенты результативности отрасли и инвестиционной активности ФРП.

Рис. 3. Оценка самодостаточности отрасли в 2022–2024 гг.

Fig. 3 Assessment of industry self-sufficiency in 2022–2024

Источник: составлен автором по данным расчетов.

Source: compiled by the author based on calculations.

Дисперсионный анализ продемонстрировал, что фактическое значение F-критерия Фишера при уровне значимости $\alpha = 0,05$ больше табличного, следовательно, уравнение статистически значимое. Выявленные тенденции свидетельствуют о наличии взаимосвязи между самодостаточностью отрасли и указанными показателями.

По нашему мнению, использование предложенного инструментария оценки позволит, в соответствии с принципом ФРП «поддержка разным — приоритет сильным», осуществлять своевременный мониторинг и прогнозирование развития отрасли, выявлять регионы с высоким потенциалом для дальнейшего роста и развития отрасли и сосредотачивать ресурсы на наиболее перспективных направлениях. Однако такой подход может создавать риск усиления территориальных и отраслевых диспропорций, что обуславливает необходимость балансировки между поддержкой сильных игроков и развитием промышленности менее развитых регионов.

Заключение

По результатам исследования сделаны следующие выводы:

1. Внедрение в практику территориального управления инструментария оценки отрасли по уровню самодостаточности позволит своевременно определять, какие отраслевые проекты требуют дополнительной поддержки, а какие способны стать драйверами самостоятельного развития.
2. Установлена тенденция к снижению среднего размера поддерживаемых ФРП инвестиционных проектов, что может свидетельствовать о стратегическом смещении фонда в сторону поддержки меньших по масштабу инициатив.
3. Уровень инвестиционной активности ФРП оказывает существенное влияние на самодостаточность отрасли, однако увеличение доли инвестиций института не всегда коррелирует с ростом общей суммы инвестированных в отрасль средств, что может свидетельствовать о необходимости повышения целевой направленности инвестиций.
4. Выявлен потенциал роста уровня самодостаточности отрасли в анализируемых регионах.
5. Использование стратегий, ориентированных на развитие промышленности более развитых территорий, должно сочетаться с мерами поддержки обрабатывающего производства менее развитых регионов для обеспечения равномерного роста их промышленного комплекса.

По нашему мнению, в целях нивелирования территориальных и отраслевых диспропорций возникает необходимость дифференцированного подхода к финансированию проектов в сфере промышленности. В данном случае именно учет уровня самодостаточности отрасли при выборе направлений поддержки позволит фондам осуществлять оптимальное перераспределение ограниченного объема финансовых и ресурсных потоков. Так, поддержка проектов менее развитых территорий с учетом их потенциала и потребностей способствовала бы сокращению разрывов в уровне их развития с территориями, отрасли которых имеют более высокий уровень самодостаточности.

В целях исключения дублирования функций федеральных и региональных фондов промышленности предлагается внедрение электронной платформы поддерживаемых ими проектов. По нашему мнению, архитектура платформы должна включать следующие основные компоненты. Так, портал пользователей является первым компонентом, который обеспечивает функции регистрации, авторизации и создания личных кабинетов для всех участников системы, включая предприятия, федеральные и региональные фонды. Следующий компонент — модуль подачи заявок, в котором пользователи смогут загружать и отслеживать статус своих проектных предложений, а фонды — аккумулировать проектные заявки, осуществлять их фильтрацию и классификацию в разрезе регионов. Модуль оценки и отбора позволит экспертам фондов проводить экспертизу соответствия заявок установленным критериям и формировать портфель проектов, а раздел мониторинга и отчетности обеспечит анализ эффективности использования ресурсов и выбор приоритетных направлений их размещения.

Данное нововведение позволит осуществлять постоянный мониторинг и контроль за реализацией проектов, повысит результативность программ, а также будет способствовать более прозрачному взаимодействию между участниками и заинтересованными сторонами.

Результаты, полученные в рамках проведенного исследования, являются первоначальным заданием для разработки практических рекомендаций по повышению самодостаточности экономики регионов ПФО.

Список источников

- Бывшев В. И., Писарев И. В., Дрянных Е. Е. 2024. Об институтах инновационного развития в России // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. Т. 22. № 3. С. 14–23. <https://www.elibrary.ru/iyejkc>.
- Иванов П. А. 2025. Оценка экономической специализации обрабатывающей промышленности с позиции обеспечения финансовой самодостаточности региона // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 8. № 8 (160). С. 140–149. <https://www.elibrary.ru/wcfevg>.
- Косинский П. Д., Зубова А. В., Юрзина Т. А. 2022. Методические подходы к оценке самодостаточности бюджета муниципальных образований // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 3 (71). Ст. 7102. <https://www.elibrary.ru/xwound>.
- Оналтаев Д. О., Бертаева К. Ж., Акимбаева К. Т., Жандаралы З. Е. 2025. Ключевые проблемы финансовых институтов развития Казахстана // Статистика, учет и аудит. № 3 (98). С. 109–127. <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2025.-3.09>.
- Палаш С. В. 2019. Оценка эффективности деятельности Фонда развития промышленности по реализации структурной промышленной политики // Экономика и предпринимательство. № 6 (107). С. 266–274.
- Потехина Е. Н. 2026. Комплексная оценка уровня производственной и экономической автаркии Республики Татарстан // Вестник науки. Т. 1. № 2 (95). С. 139–165. <https://doi.org/10.24412/2712-8849-2026-295-139-165>.
- Райхлина А. В., Патрушева Е. Г. 2024. Модернизация региональных институтов развития. Экосистемный подход // ЭКО. № 54 (2). С. 201–215. <https://doi.org/10.30680/ЕКО0131-7652-2024-2-201-215>.
- Расулова Д. В. 2026. Международные финансовые институты и их стратегическая роль в экономическом развитии Узбекистана // Международный журнал социальных наук и междисциплинарных исследований. Т. 15. № 03. С. 100–107.
- Старииков Е. Н., Евсеева М. В., Наумов И. В. 2022. Управление промышленным ростом: эффективность фондов развития // Управленец. Т. 13. № 3. С. 16–29. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-3-2>.
- Степанов Н. С. 2023. Модернизация Фонда развития промышленности с целью создания эффективного импортозамещения в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 61. С. 5–16. <https://doi.org/10.17223/19988648/61/1>.

- Степанов Н. С. 2025. Технологический суверенитет и структурная адаптация экономики при поддержке Фонда развития промышленности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 69. С. 7–20. <https://doi.org/10.17223/19988648/69/1>.
- Фролов А. А. 2024. Роль институтов развития в обеспечении технологического прогресса страны (на примере Орловской области) // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 248. № 4. С. 591–603. EDN XYOGSZ. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-591-603>.
- Цзян Ц., Фролова Е. Д., Фролов А. А. 2025. Участие институтов развития в технологизации экономики Китая и России: компаративный анализ (рус.) // Экономика региона. Т. 21. № 3. С. 741–757. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-12>.
- Чучкалова С. В. 2022. Интегральная оценка инновационной безопасности региона проблемы, решения // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 3. № 8 (128). С. 127–134. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.08.03.015>.
- Chulanova Z. K., Brimbetova N. Zh. 2025. The financial self-sufficiency of the Western Kazakhstan regions and mechanisms of their self-development // Bulletin of national academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. Vol. 2. No. 414. Pp. 603–619. <https://doi.org/10.32014/2025.2518-1467.947>.
- Djansena A., Aritonang S. 2026. Navigating risk and innovation: framework for improving Indonesia's defense industry competitiveness through strategic collaboration // Journal of Humanities and Social Studies. Vol. 9. No. 1. Pp. 269–275. <https://doi.org/10.33751/jhss.v9i1.11961>.
- Jeong S., Jung M., Yoon H. J. 2026. Strategic responses to China's overcapacity: a system dynamics analysis of South Korea's petrochemical industry // Energy Sources, Part B: Economics, Planning, and Policy. Vol. 21. No. 1. Art. 2603659. <https://doi.org/10.1080/15567249.2025.2603659>.
- Kajima J. 2026. The impact of the heavy-industry-priority strategy: the textile and machinery industries // Shanghai under the Socialist System: The Impact of the Planned Economy and the Socialist Transformation. Singapore: Springer Nature Singapore. Pp. 169–187. https://doi.org/10.1007/978-981-95-3225-4_8.
- Petrovich C., Branchetti S., D'Agosta G. 2025. Parametrization of self-consumption and self-sufficiency in Renewable Energy Communities: a case study application // Energy, Ecology and Environment. No. 10 (65). Pp. 324–351. <https://doi.org/10.1007/s40974-025-00353-z>.
- Schmidhäuser P., Inhofer M., Buchholz A., Mais F., Mieke R. 2024. Industrial sufficiency: a conceptual methodological framework // Sustainability. No. 16 (24). Art. 11121. <https://doi.org/10.3390/su162411121>.

References

- Byvshev, V. I., Pisarev, I. V., & Dryannykh, E. E. (2024). About institutions of innovative development in Russia. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 22(3), 14–23. <https://www.elibrary.ru/iyejkc> [In Russian]
- Ivanov, P. A. (2025). Assessment of economic specialization of the manufacturing industry from the position of ensuring financial self-sufficiency of the region. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 8(8), 140–149. <https://www.elibrary.ru/wcfevg> [In Russian]

- Kosinskiy, P. D., Zubova, A. V., & Yurzina, T. A. (2022). Methodological approaches to assessing self-sufficiency of municipal budget. *Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal*, (3), 7102. <https://www.elibrary.ru/xwound> [In Russian]
- Onaltayev, D. O., Bertayeva, K. Zh., Akimbayeva, K. T., & Zhandaraly, Z. E. (2025). Key problems of Kazakhstan's financial development institutions. *Statistics, Accounting and Audit*, (3), 109–127. <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2025.-3.09> [In Russian]
- Palash, S. V. (2019). Evaluation of the effectiveness of the Industrial Development Fund in implementing structural industrial policy. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, (6), 266–274. [In Russian]
- Potekhina, E. N. (2026). Comprehensive assessment of level of industrial and economic self-sufficiency of the Republic of Tatarstan. *Science Bulletin*, 1(2), 139–165. <https://doi.org/10.24412/2712-8849-2026-295-139-165> [In Russian]
- Rajkhlina, A. V., & Patrusheva, E. G. (2024). Modernization of regional development institutions: Ecosystem approach. *ECO*, (54), 201–215. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-2-201-215> [In Russian]
- Rasulova, D. V. (2026). International financial institutions and their strategic role in the economic development of Uzbekistan. *International Journal of Social Science & Interdisciplinary Research*, 15(03), 100–107. [In Russian]
- Starikov, E. N., Evseeva, M. V., & Naumov, I. V. (2022). Managing industrial growth: the role of development funds. *The Manager*, 13(3), 16–29. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-3-2> [In Russian]
- Stepanov, N. S. (2023). Modernization of the Industry Development Fund to create effective import substitution in today's environment. *Tomsk State University Journal of Economics*, (61), 5–16. <https://doi.org/10.17223/19988648/61/1> [In Russian]
- Stepanov, N. S. (2025) Technological sovereignty and structural adaptation of the economy with the support of the Industrial Development Fund. *Tomsk State University Journal of Economics*, (69), 7–20. <https://doi.org/10.17223/19988648/69/1> [In Russian]
- Frolov, A. A. (2024). The role of development institutions in ensuring the country technological progress (on the example of the Orel region). *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 248(4), 591–603. EDN XYOGSZ. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-248-4-591-603> [in Russian]
- Jiang, J., Frolova, E. D., & Frolov, A. A. (2025). Development institutions and the pursuit of technological sovereignty: A comparative study of China and Russia. *Economy of Regions*, 21(3), 741–757. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2025-3-12> [In Russian]
- Chuchkalova, S. V. (2022). Integrated assessment of the innovation security of the region. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 3(8), 127–134. <https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2022.08.03.015> [In Russian]
- Chulanova, Z. K., & Brimbetova, N. Zh. (2025). The financial self-sufficiency of the Western Kazakhstan regions and mechanisms of their self-development. *The Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*, 2(414), 603–619. <https://doi.org/10.32014/2025.2518-1467.947>
- Djansena, A., & Aritonang, S. (2026). Navigating risk and innovation: Framework for improving Indonesia's defense industry competitiveness through strategic collaboration. *Journal of Humanities and Social Studies*, 9(1), 269–275. <https://doi.org/10.33751/jhss.v9i1.11961>

- Jeong, S., Jung, M., & Yoon, H. J. (2026). Strategic responses to China's overcapacity: A system dynamics analysis of South Korea's petrochemical industry. *Energy Sources, Part B: Economics, Planning, and Policy*, 21(1), 2603659. <https://doi.org/10.1080/15567249.2025.2603659>
- Kajima, J. (2026). The impact of the heavy-industry-priority strategy: The textile and machinery industries. In *Shanghai under the Socialist System: The Impact of the Planned Economy and the Socialist Transformation* (pp. 169–187). Springer Nature Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-95-3225-4_8
- Petrovich, C., Branchetti, S., & D'Agosta, G. (2025). Parametrization of self-consumption and self-sufficiency in Renewable Energy Communities: A case study application. *Energy, Ecology and Environment*, 10(65), 324–351. <https://doi.org/10.1007/s40974-025-00353-z>
- Schmidhäuser, P., Inhofer, M., Buchholz, A., Mais, F., & Mieke, R. (2024). Industrial sufficiency: A conceptual methodological framework. *Sustainability*, 16(24), 11121. <https://doi.org/10.3390/su162411121>

Информация об авторе

Алия Усмановна Фархутдинова, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора региональных финансов и бюджетно-налоговой политики, Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия
aliya_2186@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8080-7343>, Researcher ID: AAR-8941-2021, Author ID: 1052251

Information about the author

Aliya U. Farkhutdinova, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of the Department of Regional Finance and Budget and Tax Policy, Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
aliya_2186@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8080-7343>, Researcher ID: AAR-8941-2021, Author ID: 1052251

Эффекты и перспективы региональных запретов на трудовую миграцию в России

Александр Эдуардович Евтушенко ✉

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
Контакт для переписки: ea96@mail.ru ✉

Аннотация. Статья посвящена исследованию региональных запретов на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов в России, в период с 2015 по 2025 г. Целью исследования является анализ долгосрочной динамики введения указанной ограничительной меры, ее пространственной и отраслевой дифференциации, а также сопоставление с показателями региональных рынков труда с 2015 по 2025 г. Исследование проведено на основании сравнительно-правового анализа региональных нормативных правовых актов, а также анализа статистических данных Федеральной службы государственной статистики. В результате выделены группы регионов в зависимости от степени и продолжительности введения запрета на трудоустройство иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность по патенту. Выявлена устойчивая связь между введением региональных запретов и перераспределением потоков иностранной рабочей силы, а также усиление поляризации региональных рынков труда. Изолированная от комплексного подхода к регулированию политика по установлению ограничений на применение труда иностранных граждан приводит не к решению региональных проблем, а к их перемещению. Научная новизна исследования заключается в долгосрочном обосновании отраслевой структуры запретов, а также обосновании необходимости перехода к сбалансированной стратегии регулирования миграционных потоков с учетом мер по развитию внутреннего трудового потенциала.

Ключевые слова: региональные запреты, миграционная политика, трудовая миграция, иностранные работники, рынок труда, пространственная дифференциация, перераспределение трудовых ресурсов, регулирование миграции, региональные рынки труда

Цитирование: Евтушенко А. Э. 2026. Эффекты и перспективы региональных запретов на трудовую миграцию в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 245–264. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-245-264>

Поступила 24.03.2026; одобрена 08.04.2026; принята 18.06.2026

Effects and prospects of regional prohibitions on labor migration in Russia

Alexander E. Evtushenko

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia
Corresponding author: ea96@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of regional prohibitions on attracting foreign citizens who work on the basis of patents in Russia in the period from 2015 to 2025. The purpose of the study is to analyze the long-term dynamics of the introduction of this restrictive measure, its spatial and sectoral differentiation, as well as a comparison with the indicators of regional labor markets from 2015 to 2025. The study was conducted on the basis of a comparative legal analysis of regional regulatory legal acts, as well as an analysis of statistical data from the Federal State Statistics Service. As a result, groups of regions have been identified depending on the degree and duration of the ban on the employment of foreign citizens engaged in employment under a patent. A stable relation has been identified between the introduction of regional prohibitions and the redistribution of foreign labor flows, as well as increased polarization of regional labor markets. Isolated from a comprehensive regulatory approach, the policy of imposing restrictions on the employment of foreign citizens does not lead to solving regional problems, but to their displacement. The scientific novelty of the study lies in the long-term justification of the sectoral structure of prohibitions, as well as the justification for the need to move to a balanced strategy for regulating migration flows, taking into account measures to develop internal labor potential.

Keywords: regional prohibitions, migration policy, labor migration, foreign workers, labor market, spatial differentiation, labor resources redistribution, migration regulation, regional labor markets

Citation: Evtushenko, A. E. (2026). Effects and prospects of regional prohibitions on labor migration in Russia. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 245–264. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-245-264>

Received Mar. 24, 2026; Reviewed Apr. 8, 2026; Accepted Jun. 18, 2026

Введение

Трудовая миграция является одним из неотъемлемых факторов современного экономического и демографического развития. Иностранные трудовые ресурсы в глобальном экономическом пространстве выполняют компенсаторную функцию, способствуя

перемещению рабочей силы из регионов с избытком рабочей силы и низким экономическим потенциалом на территории с высоким потенциалом роста, испытывающие кадровый дефицит. При отсутствии механизмов эффективного и сбалансированного регулирования миграционные процессы, несмотря на их объективную обусловленность, формируют социальные, экономические и правовые риски для принимающего общества. Один из таких рисков — усиление напряженности на рынке труда и создание структурных дефицитов.

В 2026 г. стартует новый этап реализации государственной миграционной политики. В значительной степени «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы»¹ связана с обеспечением приоритетов национальной безопасности, усилением контроля за миграцией, что обусловлено общественным запросом на фоне текущих геополитических событий. Тенденцией последних лет является установление запретов на осуществление трудовой деятельности иностранных граждан.

Механизм установления высшими должностными лицами субъектов Российской Федерации запретов на применение труда иностранных граждан, осуществляющих деятельность по патентам, существует в Российской Федерации с 2015 г. В последние годы наблюдается значительный рост числа регионов, которые установили такие запреты. В 2025 г. количество таких регионов достигло 55 единиц, что составляет 65% от общего количества субъектов Российской Федерации. Существующая тенденция обуславливает актуальность проведения исследования.

Материалы и методы

Данное исследование проведено с использованием двух массивов данных. Первый массив сформирован на основании анализа региональных нормативных актов, а именно указов и постановлений высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, устанавливающих введение запрета на трудовую деятельность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, опубликованных в период с 2015 по 2025 г. На основании анализа указанных нормативных правовых актов подготовлена база данных, содержащая сведения о годе установления запрета, длительности применения данной нормы, а также перечня видов экономической деятельности, на которые распространяются ограничения.

Второй массив основывается на статистических данных Федеральной службы государственной статистики, включая такие показатели, как численность иностранных граждан, имевших действующие патенты на осуществление трудовой деятельности, в разрезе субъектов Российской Федерации и показатели, характеризующие динамику региональных рынков труда (уровень безработицы и коэффициент напряженности).

¹ Об утверждении Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 15.10.2025 № 738 // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055> (дата обращения: 23.03.2026).

Обработка массивов данных проводилась с использованием методов дескриптивной статистики. В целях проведения анализа пространственной и временной дифференциации вводимых запретов регионы сгруппированы по критерию длительности. Последующий сравнительный анализ выполнен на уровне средних значений и динамики долей. Применен также метод сравнительно-правового анализа для выделения отраслевой структуры ограничений.

Стоит подчеркнуть в качестве ограничения исследования его описательный характер, так как не применялись квазиэкспериментальные методы или регрессионные модели. В этой связи выявленные связи не могут быть интерпретированы в качестве строгих причинно-следственных эффектов. Результаты исследования отражают тенденции и могут послужить основой для дальнейших эконометрических исследований. Ввиду существенной неоднородности регионов внутри выделяемых групп по масштабу экономики и доле иностранных работников, а также малого размера отдельных групп, нарушаются базовые предпосылки проведения параметрических тестов, а также снижается мощность любых статистических критериев, повышая вероятность ошибки второго рода.

Обзор литературы

Изучение феномена трудовой миграции и ее влияния на российское общество остается предметом активного научного осмысления авторов. В последние годы российские исследователи отмечают изменение государственного регулирования миграционных процессов [Волох, Герасимова, 2019; Зорин, 2025]. В особенности авторами выделяется смена приоритетов российской миграционной политики в отношении иностранных работников из стран Центральной Азии, что потенциально связано с контингентом трудовых мигрантов, попадающих под действие региональных запретов [Рязанцев, Касымов, 2021]. В последние годы фиксируется также значительное сокращение миграционных потоков при неизменной географии стран исхода трудовых мигрантов [Флоринская, 2024].

В настоящее время миграционный дискурс связан с повышенным вниманием к вызовам, детерминированным негативными демографическими тенденциями и структурными изменениями российской экономики в условиях санкционного давления. Совокупность данных факторов усугубляет проблему кадрового дефицита [Евтушенко и др., 2024; Халтурин, Юняев, 2025]. Анализируются и последствия внешней трудовой миграции для российского рынка труда [Красинец, 2025]. На примере Тюменской области, как одного из регионов, длительно применяющих регулирующие меры, продемонстрировано, насколько миграционные процессы меняют систему расселения [Рязанцев и др., 2023]. Анализируются миграционные процессы и на территории Дальнего Востока как территории, традиционно привлекательной для визовых иностранных работников [Филиппова, 2025].

Констатируется устойчивое несоответствие между потребностями экономики в квалифицированных специалистах и реальной структурой занятости мигрантов, значительная часть которых по-прежнему концентрируется в низкоквалифицированных секторах, таких как строительство, торговля и обрабатывающие производства [Логинова, Лядова,

2024; Воробьева, 2020]. Акцентируется внимание на механизмах адаптации российского рынка, реагирующего на новые институциональные условия, например, ужесточение миграционного регулирования [Мукомель, 2024]. Устойчивый рост зависимости российского рынка труда от иностранной рабочей силы на фоне демографического спада формирует риск теневого сектора иностранных работников [Красинец, 2023].

Парадоксальным образом один из ключевых акторов применения труда иностранных работников — работодатель — оставался в тени научного анализа. Глубинные опросы работодателей подтвердили, что ключевая причина найма иностранных граждан заключается в кадровом дефиците, а преимуществом перед российскими работниками является готовность осуществлять трудовую деятельность за более скромное вознаграждение и сверхурочно [Денисенко, Мукомель, 2023]. Введено такое понятие, как «комфортный рынок труда», в условиях которого работодатели предпочитают привлекать иностранную рабочую силу из-за их высокой мотивации, гибкости и высокой мобильности. Такая ситуация создает дополнительные, зачастую институционально непреодолимые, барьеры для замещения иностранной рабочей силы местными кадрами [Ионцев, 2023].

Ключ к пониманию эффекта замещения на региональных рынках труда достигается за счет подчеркнутой неразрывной взаимосвязи международной и внутренней трудовой миграции.

Авторами осуществляются попытки осмысления трудовой миграции не только внутренних и маятниковых переселенцев, но и международных мигрантов на примере Москвы, оценивая неоспоримый вклад в экономическое развитие [Варшавская, Денисенко, 2025]. В развитие данной темы можно упомянуть качественную оценку вклада иностранных работников в валовой региональный продукт Москвы [Авдеева и др., 2025].

Сложилась направленная расселения и занятости в сферах экономики трудовых мигрантов [Флоринская, 2023]. В продолжение изучения вопроса распределения внешних трудовых мигрантов можно отметить работы, посвященные критике существующей модели государственного регулирования [Маньшин, Моисеева, 2023]. Большая часть иностранных работников самостоятельна в своем выборе территории для осуществления трудовой деятельности, что коррелирует с качеством государственного управления, а также культурно-духовной идентичностью [Мухаметов, 2025].

В настоящее время активно обсуждаются новые инструменты в реализации государственной миграционной политики, в том числе организованный набор мигрантов [Бурда, 2025; Жуков, 2025]. Предлагается концепция «миграционной политики компромиссов» [Васильева, 2025].

Непосредственно механизму региональных запретов на трудоустройство иностранных работников, осуществляющих деятельность на основании патентов, посвящены единичные работы. Практика установления запретов, как правило, оказывает ограниченное прямое влияние на макроэкономические показатели, выступая инструментом «тонкой настройки» рынка труда [Исповедников, 2023].

Введение региональных запретов сопряжено не только с изменением на региональном рынке труда, но и с прямыми фискальными потерями. Авторами отмечается следующая тенденция: даже работая в неформальном секторе, иностранный работник из ближнего

зарубежья остается плательщиком ежемесячного авансового платежа в региональный бюджет, в отличие от россиянина, занятого также в неформальном секторе [Мкртчян, Флоринская, 2018]. Таким образом, политика введения региональных запретов создает противоречие между защитой локального рынка труда и задачами пополнения региональных бюджетов.

Проведенный анализ научной литературы позволяет выявить отсутствие исследований пространственной дифференциации вводимой ограничительной меры и их связи с рынком труда. В исследованиях также не раскрыт синергетический эффект от совместного использования механизмов регулирования рынка труда иностранных работников, например установления стоимости патента. Настоящее исследование направлено на устранение данного пробела за счет достижения следующей цели: проведения анализа долгосрочной динамики введения указанной ограничительной меры, ее пространственной и отраслевой дифференциации, а также сопоставление с показателями региональных рынков труда с 2015 по 2025 г.

Результаты

Перед тем как перейти к представлению результатов исследования, необходимо отметить существующую на федеральном и региональном уровнях систему регулирования труда иностранных граждан.

Федеральный уровень представлен квотированием иностранных работников, прибывающих из визовых стран, а также установлением отраслевых ограничений, вводимых на основании ежегодных постановлений Правительства Российской Федерации. Так, например, постановлением Правительства Российской Федерации от 16.12.2024 № 1796 на 2025 г. установлены ограничения для сферы строительства (80%), деятельности по обслуживанию зданий и территорий (70%), а также для автомобильного грузового и прочего сухопутного транспорта (24%). Указанные меры формируют общероссийские пропорциональные рамки использования труда иностранных работников.

Для высших должностных лиц субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) определено право ежегодного установления запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории субъекта Российской Федерации, к работе иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов по отдельным видам экономической деятельности. Реализуется данное право посредством принятия региональных нормативных правовых актов и становится одним из инструментов регулирования рынка труда иностранных работников, позволяя адаптировать миграционную политику к специфике институционального контекста и динамике социально-экономического развития.

Воздействие на региональный рынок путем установления запрета направлено на достижение баланса между, с одной стороны, интересами региональных трудовых ресурсов, с другой стороны, обеспечения поступления в экономику необходимых кадров.

В период с 2015 по 2023 г. количество регионов с установленным запретом не превышало двадцати, что говорит об избирательном и осторожном выборе такой стратегии регулирования миграционной политики. Однако с 2023 г. наблюдается значительный рост числа субъектов федерации, начавших использовать данный нормативный инструмент. К 2025 г. количество таких субъектов возросло до 55 единиц, что охватывает 65% всех субъектов Российской Федерации. Таким образом, в наблюдаемом периоде просматривается переход к политике структурного протекционизма на рынке труда.

Наибольшее количество запретов установлено в субъектах, входящих в состав Центрального федерального округа, что объяснимо значительным количеством иностранной рабочей силы (например, в Москве). Лидером по установлению запретов является Уральский федеральный округ: из 6 регионов запреты установлены в 5 регионах. В табл. 1 проиллюстрированы результаты проведенного ретроспективного анализа.

Табл. 1. Динамика установления региональных запретов на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность по патенту
Table 1. The dynamics of the establishment of regional prohibitions on the involvement of foreign citizens engaged in employment under a patent

Федеральный округ	Количество регионов, которые ввели запрет, ед.										
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Российская Федерация	11	13	15	15	15	17	16	19	19	40	55
Дальневосточный федеральный округ	3	2	3	4	4	6	5	6	6	7	8
Приволжский федеральный округ	1	3	3	2	2	2	2	2	2	6	9
Северо-Западный федеральный округ	2	1	2	2	1	1	2	2	2	5	6
Северо-Кавказский федеральный округ	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1
Сибирский федеральный округ	1	3	3	2	3	3	2	2	2	6	8
Уральский федеральный округ	3	3	3	3	3	3	3	3	3	5	5
Центральный федеральный округ	1	1	1	2	2	2	2	3	3	8	12
Южный федеральный округ	0	0	0	0	0	0	0	1	1	3	6

На основании изучения процесса введения региональных запретов за 2015–2025 гг. можно выделить четыре группы регионов по характеру реализации государственного регулирования с использованием механизма введения запрета (см. рис. 1).

Первая группа — «регионы-пионеры», состоящая из 7 регионов (Пермский край, Тверская область, Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Челябинская область, Республика Алтай и Забайкальский край), демонстрирует исключительную последовательность в применении ограничительных мер, поддерживая запреты на протяжении всех 11 лет наблюдения.

Миграционная политика рассматриваемых регионов характеризуется превентивным и в значительной мере системно протекционистским подходом. Исследование географии распределения регионов показывает, что к указанной категории можно отнести регионы с развитой промышленностью или регионы, в которых развита добыча природных ресурсов (отдельные регионы Уральского федерального округа и приграничные области). Такое сочетание позволяет предположить влияние как экономических, так и геополитических факторов на формирование региональных стратегий миграционного регулирования.

Вторая группа включает 17 субъектов, которые вводили ограничения на сроки от трех до десяти лет. Для этой категории характерны сложные и прерывистые траектории государственного регулирования. Например, Кемеровская область устанавливала запреты в 2016–2018 и 2020 гг., а затем возобновила их в 2024–2025 гг. Аналогичная ситуация в Ленинградской области, где ограничения вводились в 2017–2018 и 2024–2025 гг. Непостоянство применения законодательных норм, вероятно, отражает влияние разнообразных факторов: экономической конъюнктуры, изменения федеральных миграционных трендов, а также возникающих региональных потребностей во внешней трудовой миграции.

Третья группа состоит из регионов, которые применяли запрет на относительно короткие сроки (1–2 года). Большинство таких запретов введены в 2024–2025 гг., что свидетельствует о тенденции к ужесточению регулирования. Сюда же можно отнести регионы, которые разово ввели запрет сразу в 2015 г., но далее не продолжили использовать такой инструмент регулирования.

Четвертая группа объединяет 26 регионов, не реализовавших данную законодательную норму. В нее вошли территории с диверсифицированной экономикой и устойчивым спросом на иностранную рабочую силу (Москва, Свердловская область, Республика Башкортостан), а также регионы с особыми демографическими характеристиками, характерными для Северо-Кавказского федерального округа, и некоторые приграничные территории.

Выявленные различия свидетельствуют о формировании дифференцированной модели государственного миграционного регулирования, при которой регионы-пионеры выступают своего рода «пилотной площадкой». Пример таких регионов формирует в том числе федеральные тенденции, стимулируя другие регионы использовать данный механизм на фоне социальных потрясений последних лет. Присутствие среднесрочной группы с прерывистым характером нормативных ограничений указывает на сложность взаимодействия между федеральной миграционной политикой и экономическими интересами субъектов Российской Федерации.

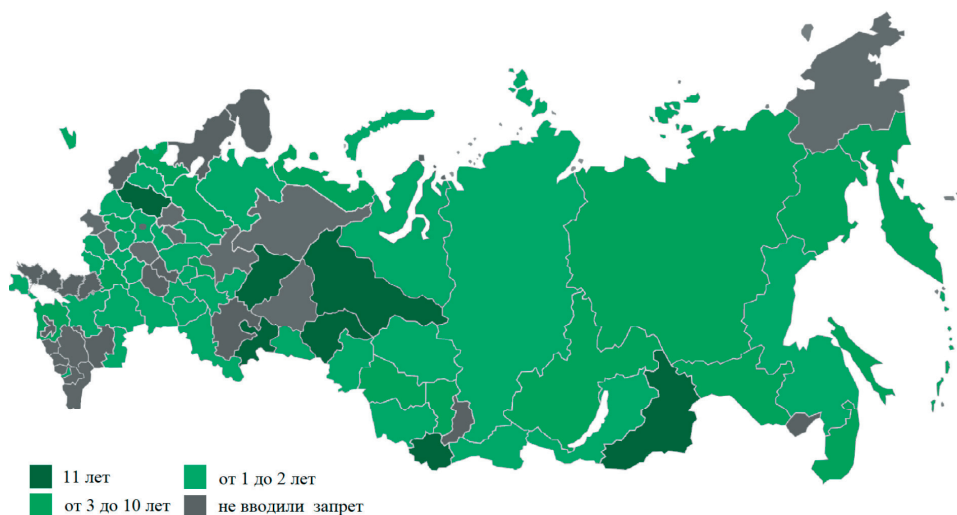

Рис. 1. Количество лет, в течение которых в регионе действовал запрет на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов

Fig. 1. The number of years during which the region was prohibited from attracting foreign citizens engaged in employment under a patent

В дополнительное подтверждение тезиса об ужесточении регуляторной политики стоит отметить, что в 2023 г. запреты были зафиксированы лишь в части регионов, при этом наибольшее их количество отмечено в Краснодарском крае (50 единиц) и Тверской области (36 единиц). К 2024 г. ситуация начала меняться: число регионов с запретами увеличилось, а в некоторых субъектах, таких как Челябинская, Вологодская и Амурская области, произошел резкий рост количества запретов. К 2025 г. процесс приобретает системный характер: запреты регистрировались в подавляющем большинстве регионов. Наибольшая концентрация ограничений отмечается в Самарской области (112 единиц) и Краснодарском крае (88 единиц). В отдельных субъектах, например, в Липецкой области (с 7 до 56 единиц) и Нижегородской области (с 1 до 49 единиц), зафиксирован скачкообразный рост, что свидетельствует о точечном усилении регуляторного давления. На противоположном конце спектра находятся регионы с минимальными значениями, такие как Ростовская и Владимирская области (по 2 запрета), а также г. Санкт-Петербург (5), что позволяет говорить о существенной региональной дифференциации. Средние значения количества введенных запретов в субъектах Российской Федерации также демонстрируют устойчивый рост: по общему количеству запретов в одном регионе — с 12 единиц в 2023 г. до 22 единиц в 2025 г.

В целях анализа того, какие виды экономической деятельности попадают под запреты, они укрупнены до уровня разделов ОКВЭД2. При этом установление запрета на любом уровне детализации (класс, подкласс, группа, подгруппа, вид) учитывалось как распространение ограничения на весь соответствующий раздел. Аналогичная общим запре-

там динамика прослеживается и в отношении количества затронутых разделов видов деятельности. Если в 2023 г. ограничения концентрировались в ограниченном числе регионов и секторов, то к 2025 г. они распространились практически на большинство субъектов и секторов экономики. Среднее количество затронутых разделов по регионам возросло с 5 в 2023 г. до 8 в 2025 г. Максимальные значения в 2025 г. зарегистрированы в Краснодарском крае (21 единица), г. Севастополе (20 единиц) и Тверской области (19 единиц), тогда как минимум приходится на ряд областей, включая Ленинградскую и Астраханскую (по 1 разделу).

Наиболее показателен пример Краснодарского края, где в 2025 г. зафиксированы запреты, затрагивающие 21 раздел ОКВЭД2. Поскольку это число соответствует общему количеству разделов в классификаторе, охватывающих реальный сектор экономики, данный факт свидетельствует о введении в регионе запретительных мер, формально распространенных на все ключевые виды экономической деятельности.

В ходе анализа выявлена следующая закономерность в российских регионах: введение запрета далеко не всегда коррелирует с широким охватом различных укрупненных отраслей (разделов), что обусловлено тем, что множественные ограничения могут концентрироваться в пределах узкого круга секторов, тогда как относительно небольшое число запретов может быть диверсифицировано по широкому спектру экономических видов деятельности.

Подтверждает данный тезис сравнение Самарской области и Ямало-Ненецкого автономного округа по данным за 2025 г. В Самарской области введено значительное количество ограничений (112 единиц), что является максимумом по всем регионам. При детализации по разделам видов экономической деятельности выясняется, что эти ограничения сфокусированы лишь в 9 секторах экономики. В Самарской области присутствует высокая концентрация регуляторного давления на ограниченном числе отраслей экономики, в то время как большая часть экономики региона не попадает под ограничения, и иностранные работники могут осуществлять трудовую деятельность. Противоположный пример — Ямало-Ненецкий автономный округ. При наличии существенно более низкого разнообразия запретов (13 единиц) по сравнению с Самарской областью, он демонстрирует распределение по разным сферам экономики. Каждый из введенных запретов относится к отдельной отрасли, что означает охват 13 различных секторов экономики. Таким образом, при скромном абсолютном числе ограничений Ямало-Ненецкий автономный округ характеризуется максимально широким их отраслевым охватом, потенциально затрагивающим значительную часть экономики региона.

Абсолютными лидерами по установлению запретов являются транспорт, логистика и торговля (разделы Н и G): к 2025 г. запреты в этих сферах действуют в 52 и 39 регионах соответственно. Структура регулирования также концентрируется в секторах с традиционно высокой долей иностранной рабочей силы. К ним относятся не только упомянутые транспорт и торговля, но также «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» (раздел I) и «Обрабатывающие производства» (раздел C), где к 2025 г. запреты распространились на 31 и 30 регионов. Это отражает целенаправленное стремление регуляторов диверсифицировать структуру занятости и стимулировать

замещение иностранных работников внутренними трудовыми ресурсами в данных отраслях.

Наиболее значительная положительная динамика отмечается в социально ориентированных секторах. В сфере образования (раздел Р) количество регионов с запретами увеличилось с 2023 по 2025 г. в 3,8 раза (с 9 до 34), а в «Деятельности в области здравоохранения и социальных услуг» (раздел Q) — в 4,8 раза (с 5 до 24). Столь резкий рост может быть интерпретирован как следствие политики, направленной на повышение стандартов квалификации и защиту национального рынка труда в социальной сфере.

При этом наименьший рост ограничений отмечается в «Строительстве» (раздел F) — с 2 до 3 регионов, что, вероятно, связано с высокой зависимостью данной отрасли от иностранной рабочей силы и рисками дестабилизации при введении жестких запретов (см. рис. 2).

Рис. 2. Топ-10 разделов видов экономической деятельности по количеству регионов, которые ввели запреты на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов

Fig. 2. Top 10 sections of economic activities by the number of regions that have imposed bans on attracting foreign citizens engaged in employment under a patent

Наибольшая положительная динамика ограничений наблюдается в социальной сфере. Зависимые сферы от внешних трудовых ресурсов показывают минимальный рост ограничений.

После резкого спада в 2020 г. до 1 071 314 человек последовало восстановление, и к 2024 г. численность иностранной рабочей силы достигла рекордных 2 049 380 человек, что на 23,7% выше уровня 2015 г. За общей тенденцией скрыта глубокая региональная дифференциация, системно связанная с применением ограничительных мер.

Прямая корреляция между высокой исходной концентрацией иностранной рабочей силы и решением о введении запрета отсутствует. Ключевые российские экономические и агломерационные центры аккумулировали в 2024 г. более половины всех иностранных граждан, либо не вводя запретов, либо вводя их на краткосрочный и поздний период. Данная ситуация указывает на существующую структурную зависимость перечисленных регионов от иностранной рабочей силы из стран ближнего зарубежья.

Разделение регионов по признаку «длительность применения» запретов позволяет установить основные тенденции в перераспределении миграционных потоков иностранной рабочей силы.

Регионы-пионеры, которые на протяжении наблюдаемого периода применяли запреты, демонстрируют политику фокусированного протекционизма. Оценочно (на основании описательной статистики) совокупная доля в общероссийской численности иностранной рабочей силы, осуществляющей трудовую деятельность по патенту, снизилась с 2015 по 2024 г. с 6,3 до 5,2%.

Регионы со среднесрочными запретами также снизили вышеназванную долю иностранных работников — с 16,5 до 13,2%. Сохранение абсолютных значений указывает на устойчивую, хотя и ограничиваемую, потребность экономик данных территорий во внешней трудовой миграции.

Регионы с относительно поздно введенными запретами или краткосрочными запретами, наоборот, повысили долю иностранных работников с 42,1 до 46,2%. Данный феномен можно обосновать за счет изначально высокой концентрации иностранной рабочей силы. Резкий эффект снижения численности иностранных работников за счет введения мер регулирования не преодолел инерцию сложившейся ситуации во внешней трудовой миграции.

Группа регионов, не вводивших запреты, сохраняет стабильную долю в общем объеме патентной занятости на уровне около 35%, что подтверждает гипотезу об их компенсаторной функции и роли реципиентов перераспределяемых трудовых ресурсов (см. рис. 3).

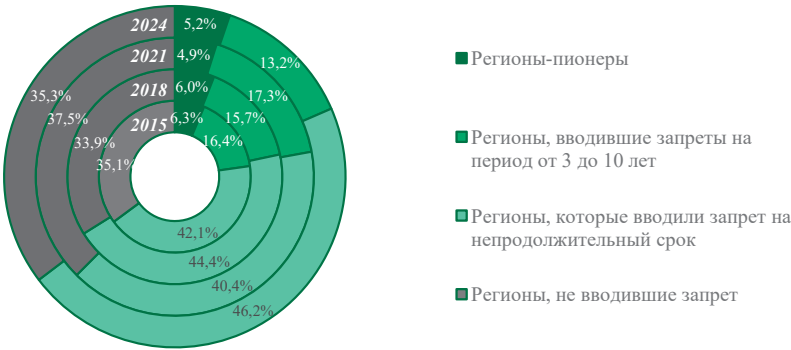

Рис. 3. Динамика изменения доли иностранных граждан, имеющих действующий патент на осуществление трудовой деятельности, приходящуюся на соответствующую группу

Fig. 3. Dynamics of the change in the share of foreign citizens who had a valid work patent in the corresponding group of regions

На примере конкретных регионов — представителей разных групп — можно проследить последствия реализуемой политики по установлению запрета.

Ханты-Мансийский автономный округ (регион-пионер) демонстрирует классическую политику жесткого протекционизма, в результате которой численность иностранных граждан из стран ближнего зарубежья снизилась на 35% (с 2015 по 2024 г.). Доля в структуре региональной рабочей силы также снизилась, что указывает на успешное достижение цели структурного вытеснения.

Краснодарский край, введший запреты с 2022 г., иллюстрирует сдерживающий эффект среднесрочных ограничений. Численность патентных работников снизилась на 8,7% по сравнению с пиковым значением, однако сохраняющийся значительный объем подчеркивает устойчивую структурную потребность экономики края в данном виде труда, которую запреты ограничивают, но не устраняют.

Самарская область, присоединившаяся к запретительной политике лишь в 2024 г., демонстрирует одно из самых значительных абсолютных сокращений среди крупных регионов (–35,7% к уровню 2015 г.), что может свидетельствовать либо об опережающем эффекте ожиданий рынка, либо о глубинных структурных сдвигах, обостренных в контексте общей тенденции ужесточения миграционного режима.

Свердловская область, не применявшая запреты, служит примером альтернативной модели открытого региона-реципиента. В 2024 г. в регионе зафиксирован рост абсолютной численности патентных работников на 18,1% к уровню 2015 г. (см. рис. 4).

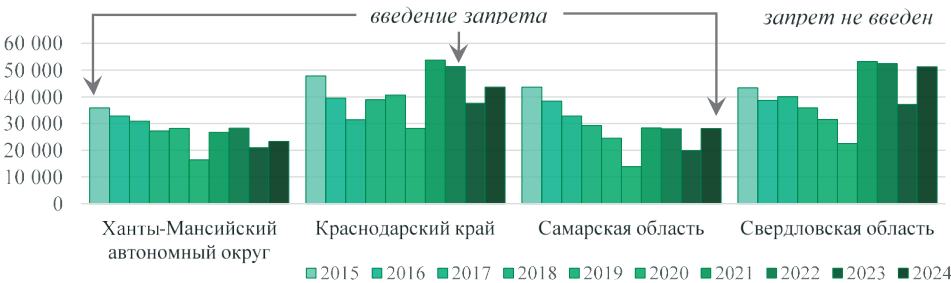

Рис. 4. Динамика изменения численности иностранных граждан, имевших действующий патент на осуществление трудовой деятельности, в некоторых субъектах Российской Федерации

Fig. 4. Dynamics of the change in the number of foreign citizens who had a valid employment patent in some regions of the Russian Federation

Анализ динамики указанных показателей позволяет рассуждать о том, что введение региональных запретов сопряжено с перераспределением иностранной рабочей силы, однако характер этого влияния не является прямолинейным и определяется комплексом факторов, включая длительность применения ограничений, исходный уровень зависимости экономики от иностранного труда и общероссийскую конъюнктуру спроса.

Исходя из уровня наблюдаемых тенденций, основным следствием политики выступает не общее сокращение, а пространственно-отраслевое перераспределение иностран-

ной рабочей силы, связанное с процессом усиления дифференциации региональных рынков труда.

Введение региональных запретов на привлечение иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, представляет собой не только инструмент миграционной политики, но и один из факторов трансформации региональных рынков труда. Переходя к оценке зависимости показателей рынка труда от введения региональных запретов, стоит отметить, что в целом по России отмечается снижение уровня безработицы: с 1,3 до 0,4%. Показатель соотношения потребности в работниках вырос с 1,5 до 2,2%. Отклонения от данного тренда в группах регионов с разной миграционной политикой свидетельствуют о дифференцированном влиянии запретов.

В группе регионов-пионеров снижается зависимость от иностранной рабочей силы: в данных регионах уровень безработицы значительно ниже, чем в среднем по России. При этом в Ханты-Мансийском автономном округе показатель соотношения потребности в работниках к численности рабочей силы в этой группе изменялся в умеренной динамике или оставался стабильным, что может свидетельствовать о существующем дефиците кадров. Несмотря на длительное действие ограничений, местные трудовые ресурсы не заместили иностранные.

В группе регионов со среднесрочными запретами формируется более разнонаправленная динамика, где влияние ограничительных мер носит адаптивный характер. Введенные меры регулирования рынка иностранных работников совпали с интенсивным экономическим ростом, но растущий дефицит кадров говорит об опоздании процесса замещения иностранных работников местными кадрами.

Группа регионов с поздними и краткосрочными запретами представляет особый интерес для оценки непосредственного эффекта. В среднем по этой группе, несмотря на недавнее введение мер, уже наблюдается тенденция к снижению уровня безработицы, иногда опережающая общероссийский тренд, при одновременном резком росте показателя потребности в работниках.

На противоположном полюсе находятся регионы, не вводившие запреты. Рынки труда данных регионов сталкиваются с иными проблемами. В среднем по данной группе уровень безработицы также снижается, но рост показателя потребности в работниках часто оказывается более умеренным по сравнению с регионами, активно вводившими запреты.

Обсуждение

Введение мер государственного регулирования в виде запретов оказывает разноплановое влияние на показатели рынка труда, усиливая поляризацию. Ключевым итогом становится не простое сокращение числа иностранных работников, а их структурное и пространственное перераспределение, ведущее к усилению дифференциации региональных рынков труда. Существующая проблематика обуславливает новые вызовы для федерального и регионального уровней власти, выраженные в необходимости дополнения инструментария ограничений комплексными программами повышения мобильности внутренней рабочей силы, переобучения кадров и стимулирования производительности труда в проблемных секторах экономики.

Динамика численности иностранных работников находится под влиянием других институциональных механизмов, например, фиксированного авансового платежа с доходов, полученных физическими лицами, являющимися иностранными гражданами, осуществляющими трудовую деятельность на основании патента. По сути, данный инструмент является ценовым барьером. Постепенное повышение его стоимости во многих субъектах Российской Федерации создает дополнительный фильтр, ограничивающий доступ на рынок труда для низкоквалифицированных иностранных граждан даже при формальном отсутствии прямого запрета. Возникает существенный риск качественного замещения: вытесняемые с патентного рынка работники из третьих стран могут замещаться гражданами государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС), пользующимися правом на трудоустройство без разрешительных документов.

Реализация данного сценария может привести к комплексу негативных эффектов. Во-первых, возможно нарушение баланса на локальных рынках труда, так как может создаться монопольное или олигопольное положение для работников из конкретных стран ЕАЭС в отдельных отраслях (например, в строительстве, логистике, ЖКХ). Во-вторых, мониторинг фактической занятости граждан ЕАЭС, условий труда, уплаты налогов существенно усложнен для региональных властей по сравнению с патентной системой ввиду особенностей правового статуса. Совокупность указанных факторов повышает риски роста неформальной занятости, снижения собираемости налогов и формирования «серых» схем трудоустройства, что в конечном итоге подрывает цели протекционистской политики — защиту легального рынка труда и доходов местного населения.

Стоит отметить, что важным ограничением данного исследования является невозможность разграничить эффект от введения запрета с одновременным повышением стоимости патента во многих российских регионах. Наблюдаемое снижение численности иностранных работников, осуществляющих трудовую деятельность по патенту, может быть вызвано обеими протекционистскими мерами. Дальнейшая проверка гипотезы сравнительного вклада запрета и ценовых барьеров является перспективным направлением научной мысли, выходящей за рамки настоящего исследования.

Заключение

Результаты проведенного анализа позволяют выявить ряд устойчивых тенденций пространственного и отраслевого перераспределения иностранной рабочей силы в условиях установления региональных запретов на привлечение иностранных работников.

Проведенный анализ актуализирует ряд комплексных исследовательских и практических задач, направленных на преодоление выявленных дисбалансов и рисков. Перспективным направлением является комплексное моделирование взаимодействия всех регуляторных инструментов (запретов, квот, стоимости патентов, иных административных барьеров) для оценки их синергетического и противоречивого влияния на параметры рынка труда, отраслевую структуру занятости и доходы региональных бюджетов. В не-

посредственной связи с этим находится задача организации системного мониторинга процессов качественного замещения трудовых ресурсов, в частности эмпирической верификации масштабов и последствий вытеснения работников из третьих стран гражданами государств ЕАЭС. Предполагаемый мониторинг должен давать оценку отраслевой специфики данного явления и его долгосрочных эффектов, включая воздействие на уровень заработных плат, производительность труда и социальную стабильность в регионах.

Центральной методологической и практической проблемой остается поиск оптимального баланса между задачами протекционизма и требованиями экономической целесообразности.

Список источников

- Авдеева Д. А., Акиндинова Н. В., Денисенко М. Б. 2025. Вклад мигрантов в производство валового регионального продукта Москвы // Вопросы экономики. № 10. С. 85–103. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-10-85-103>.
- Бурда М. А. 2025. Миграционная политика России: организованный набор как эффективный механизм внешней трудовой миграции // Управленческое консультирование. № 2 (188). С. 18–28. <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-rossii-organizovannyy-nabor-kak-effektivnyy-mehanizm-vneshney-trudovoy-migratsii> (дата обращения: 17.06.2026).
- Варшавская Е. Я., Денисенко М. Б. 2025. Мигранты на рынке труда Москвы // Вопросы экономики. № 1. С. 44–70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-44-70>.
- Васильева А. В. 2025. Оценка возможности формирования российской миграционной политики компромиссов в сфере регулирования иностранной рабочей силы // Миграционное право. № 2. С. 6–10. <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-2-6-10>.
- Волох В. А., Герасимова И. В. 2019. Управление миграционными процессами в Российской Федерации: анализ и перспективы // Управление. Т. 7. № 1. С. 5–12. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-5-12>.
- Воробьева И. В. 2020. Трудовые мигранты в России: проблемы занятости иностранных трудовых работников // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. № 1 (20). С. 85–95. https://philosophy.rsuh.ru/jour/article/view/300?locale=ru_RU (дата обращения: 17.06.2026).
- Денисенко М. Б., Мукомель В. И. 2023. Иностранные работники в России: мнения работодателей // Социологические исследования. № 1. С. 26–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250021528-3>.
- Евтушенко А. Э., Чевтаева Н. Г., Кононова Д. С., Агумбаева А. Е. 2024. Государственное регулирование внешней трудовой миграции в условиях дефицита кадров на рынке труда // Вопросы управления. Т. 18. № 5. С. 69–87. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-69-87>.
- Жуков И. А. 2025. Организационный набор как современный инструмент регулирования миграционных процессов: вызовы и перспективы (на примере г. Санкт-Петербурга) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 3 (19). С. 50–55. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2025-3-50-55>.

- Зорин В. Ю., Аствацатурова М. А., Бурда М. А. 2025. Миграционные процессы в современной России: актуальные реакции политики и управления // Российский социально-гуманитарный журнал. № 4. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2025-4-1678>.
- Ионцев В. А. 2023. Международная трудовая миграция в условиях «комфортного» рынка труда в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 2. С. 90–96. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-90-96>.
- Исповедников Д. Ю. 2023. Экономические и социальные последствия запрета на трудоустройство иностранных рабочих (пример Центрального федерального округа) // Наука. Культура. Общество. Т. 29. № 1. С. 143–158. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.11>.
- Красинец Е. С. 2025. Внешняя трудовая миграция в современном российском обществе: динамика и последствия // Народонаселение. Т. 28. № 3. С. 61–73. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-61-73>.
- Логинова Т. П., Лядова Е. В. 2024. Международная трудовая миграция в экономике современной России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. № 1 (104). С. 170–179. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2024-1-170-179>.
- Маньшин Р. В., Моисеева Е. М. 2023. Влияние международной трудовой миграции на сбалансированность региональных рынков труда // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 3. № 4. С. 209–230. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13>.
- Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. 2018. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (37). С. 186–193. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9>.
- Мукомель В. И. 2024. Трудовая миграция в России: адаптация к трансформациям рынка труда // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 233–240. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_233-240.
- Мухаметов Р. С. 2025. Влияние институциональной среды на процессы международной трудовой миграции в регионы Российской Федерации // Регинология. Т. 33. № 2 (131). С. 257–270. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270>.
- Рязанцев С. В., Добрякова В. А., Смирнов А. В., Рязанцев Н. С. 2023. Влияние демографических и миграционных процессов на систему расселения в Тюменской области // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 3. № 3. С. 171–190. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.11>.
- Рязанцев С. В., Касымов О. К. 2021. Трансформация миграционной политики России: тренды, приоритеты, место стран Центральной Азии // Миграционное право. № 2. С. 16–20. <https://www.elibrary.ru/qsajlr>.
- Рязанцев С. В., Сыдыгалиева Б. А. 2024. Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию // ДЕМИС. Демографические исследования. Т. 4. № 3. С. 105–118. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7>.
- Филиппова К. В. 2025. Иностранная трудовая миграция на Дальнем Востоке России: проблемы, основные тренды // Kant. № 4 (57). С. 151–156. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.21>.
- Флоринская Ю. Ф. 2023. Трудовая миграция в Россию (на примере московского региона): уехать нельзя остаться // Демографическое обозрение. Т. 10. № 4. С. 69–85. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18809>.

- Флоринская Ю. Ф. 2024. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2 (63). С. 223–232. <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/Florinskaya.pdf>.
- Хаалтурин Р. А., Юняев А. Р. 2025. Влияние миграционных процессов на рынок труда Российской Федерации в условиях санкций // Экономика и предпринимательство. № 12-1 (185). С. 254–259. <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.185.12.041>.

References

- Avdeeva, D. A., Akindinova, N. V., & Denisenko, M. B. (2025). The contribution of migrants to the production of gross regional product in Moscow. *Voprosy Ekonomiki*, (10), 85–103. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-10-85-103> [In Russian]
- Burda, M. A. (2025). Migration policy of Russia: Organized recruitment as an effective mechanism of external labor migration. *Administrative Consulting*, (2), 18–28. Retrieved June 17, 2026, from <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-rossii-organizovanny-nabor-kak-effektivnyy-mehanizm-vneshney-trudovoy-migratsii> [In Russian]
- Varshavskaya, E. Ya., & Denisenko, M. B. (2025). Migrants in the Moscow labor market. *Voprosy Ekonomiki*, (1), 44–70. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-1-44-70> [In Russian]
- Vasileva, A. V. (2025). Assessment of the possibility of forming a Russian migration policy of compromises in the regulation of foreign labor. *Migration Law*, (2), 6–10. <https://doi.org/10.18572/2071-1182-2025-2-6-10> [In Russian]
- Volokh, V. A., & Gerasimova, I. V. (2019). Management of migration processes in the Russian Federation: Analysis and prospects. *Management*, 7(1), 5–12. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-1-5-12> [In Russian]
- Vorob'eva, I. V. (2020). Labor migrants in Russia. Issues of the foreign workers employment. *RSUH/RGGU Bulletin. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, (1), 85–95. Retrieved June 17, 2026, from https://philosophy.rsuh.ru/jour/article/view/300?locale=ru_RU [In Russian]
- Denisenko, M. B., & Mukomel, V. I. (2023). Foreign workers in Russia: Employers' opinions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (1), 26–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250021528-3> [In Russian]
- Evtushenko, A. E., Chevtaeva, N. G., Kononova, D. S., & Agumbaeva, A. E. (2024). State regulation of external labor migration in conditions of personnel shortage in the labor market. *Management Issues*, 18(5), 69–87. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-5-69-87> [In Russian]
- Zhukov, I. A. (2025). Organized recruitment as a modern tool for regulating migration processes: Challenges and prospects (Case of St. Petersburg). *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, (3), 50–55. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2025-3-50-55> [In Russian]
- Zorin, V. Yu., Astvatsaturova, M. A., & Burda, M. A. (2025). Migration processes in modern Russia: Current policy and management reactions. *Russian Social and Humanitarian Journal*, (4). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2025-4-1678> [In Russian]
- Iontsev, V. A. (2023). International labor migration in the context in a “comfortable” labor market in Russia. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, (2), 90–96. <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-90-96> [In Russian]

- Ispovednikov, D. Yu. (2023). Economic and social consequences of the ban on the employment of foreign workers (example of the Central Federal District). *Science. Culture. Society*, 29(1), 143–158. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.11> [In Russian]
- Krasinets, E. S. (2025). External labor migration in modern Russian society: Dynamics and consequences. *Demography: Theory and Practice Issues*, 28(3), 61–73. <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-3-61-73> [In Russian]
- Loginova, T. P., & Lyadova, E. V. (2024). International labor migration in the economy of modern Russia. *Herald Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, (1), 170–179. <https://doi.org/10.21295/2223-5639-2024-1-170-179> [In Russian]
- Manshin, R. V., & Moiseeva, E. M. (2023). The impact of international labor migration on the balance in regional labor markets. *DEMIS. Demographic Research*, 3(4), 209–230. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.13> [In Russian]
- Mkrtychyan, N. V., & Florinskaya, Yu. F. (2018). Labor migration in Russia: International and internal aspects. *Journal of the New Economic Association*, (1), 186–193. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-37-1-9> [In Russian]
- Mukomel, V. I. (2024). Labor migration in Russia: Adaptation to labor market transformations. *Journal of the New Economic Association*, (2), 233–240. https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_233-240 [In Russian]
- Mukhametov, R. S. (2025). Influence of the institutional environment on the processes of international labor migration to the regions of the Russian Federation. *Russian Journal of Regional Studies*, 33(2), 257–270. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270> [In Russian]
- Ryazantsev, S. V., Dobryakova, V. A., Smirnov, A. V., & Ryazantsev, N. S. (2023). Impact of demographic and migration processes on the settlement system in the Tyumen region. *DEMIS. Demographic Research*, 3(3), 171–190. <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.3.11> [In Russian]
- Ryazantsev, S. V., & Kasymov, O. K. (2021). Transformation of Russia's migration policy: Trends, priorities, and the place of Central Asian countries. *Migration Law*, (2), 16–20. <https://www.elibrary.ru/qsqqlr> [In Russian]
- Ryazantsev, S. V., & Sydygalieva, B. A. (2024). New trends in migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*, 4(3), 105–118. <https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7> [In Russian]
- Filippova, K. V. (2025). Foreign labor migration in the Russian Far East: Challenges and main trends. *Kant*, (4), 151–156. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2025-57.21> [In Russian]
- Florinskaya, Yu. F. (2023). Labor migration to Russia (using the example of the Moscow region): you can't leave and stay. *Demographic Review*, 10(4), 69–85. <https://doi.org/10.17323/dem-review.v10i4.18809> [In Russian]
- Florinskaya, Yu. F. (2024). Labor migration to Russia: Reduction of flows accompanied by a little-changing geography. *Journal of the New Economic Association*, (2), 223–232. <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01071/Florinskaya.pdf> [In Russian]
- Khalturin, R. A., & Yunyaev, A. R. (2025). Impact of migration processes on the labor market of the Russian Federation under sanctions. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, (12-1), 254–259. <https://doi.org/10.34925/EIP.2025.185.12.041> [In Russian]

Информация об авторе

Александр Эдуардович Евтушенко, аспирант, Уральский государственный экономический университет; заместитель начальника отдела трудовых ресурсов и миграционной политики Департамента по труду и занятости населения Свердловской области, Екатеринбург, Россия
ea96@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7819-1683>

Information about the author

Alexander E. Evtushenko, Postgraduate Student, Ural State University of Economics; Deputy Head of the Division of Labor Resources and Migration Policy of the Department of Labor and Employment of the Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Russia
ea96@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7819-1683>

Субъекты РФ в системе «инновационное развитие — качество жизни»: особенности и дисбалансы

Кристина Алексеевна Захарова¹✉, Анастасия Олеговна Лёвкина²,
Наталья Алексеевна Бабурина², Олег Анатольевич Крыжановский³

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

² Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

³ Банк России, Москва, Россия

Контакт для переписки: kr.a.zakharova@utmn.ru✉

Аннотация. В статье представлена концептуализация и эмпирическая верификация структурно-динамических паттернов регионального развития в бинарной системе координат «инновационное развитие — качество жизни» посредством аналитической визуализации и картирования пространственно-временных траекторий субъектов РФ для выявления дисфункциональных состояний и обоснования перехода от технократической к человекоцентричной парадигме инновационной политики. В качестве методологической основы использована двумерная матрица развития, построенная на основе медианных значений Российского регионального инновационного индекса (НИУ ВШЭ) и рейтинга качества жизни (РИА «Новости» / Финансовый университет). Выявлены четыре устойчивых типа регионального развития: «сбалансированное лидерство», «социальный дисбаланс» (высокое качество жизни при низкой инновационной активности), «инновационный дисбаланс» (высокая инновационность при низком качестве жизни) и «комплексное отставание». Анализ динамики положения регионов в указанной системе координат показал усиление поляризации: расширение группы лидеров за счет регионов, совершивших переход в первый квадрант, и одновременное увеличение числа субъектов, столкнувшихся с регрессом по обоим показателям. Установлено, что рост инновационного потенциала не всегда сопряжен с улучшением качества жизни, что подтверждает гипотезу о наличии структурных дисбалансов в региональных моделях развития. На основе полученных результатов обоснована необходимость перехода к человекоориентированной инновационной политике, учитывающей социально-

экономические барьеры, демографические и институциональные особенности территорий. Материалы исследования могут быть использованы при разработке дифференцированных стратегий социально-экономического и инновационного развития регионов, а также в практике адресного государственного регулирования.

Ключевые слова: качество жизни, инновационное развитие, Российский региональный инновационный индекс, рейтинг качества жизни, матрица развития, дифференциация регионов, человекоориентированная инновационная политика, региональная стратегия

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Цитирование: Захарова К. А., Лёвкина А. О., Бабурина Н. А., Крыжановский О. А. 2026. Субъекты РФ в системе «инновационное развитие — качество жизни»: особенности и дисбалансы // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 12. № 2 (46). С. 265–283. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-265-283>

Поступила 29.05.2026; одобрена 18.06.2026; принята 18.06.2026

Subjects of the Russian Federation in the “Innovative Development — Quality of Life” system: features and imbalances

Kristina A. Zakharova^{1✉}, Anastasia O. Levkina²,
Natalya A. Baburina², Oleg A. Kryzhanovskii³

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² University of Tyumen, Tyumen, Russia

³ Bank of Russia, Moscow, Russia

Corresponding author: kr.a.zakharova@utmn.ru ✉

Abstract. The article presents the conceptualization and empirical verification of structural-dynamic patterns of regional development in the binary coordinate system “Innovative Development — Quality of Life” through analytical visualization and mapping of the spatial-temporal trajectories of the constituent entities of the Russian Federation to identify dysfunctional states and justify the transition from a technocratic to a human-centered paradigm of innovation policy. A two-dimensional development matrix, constructed on the basis of the median values of the Russian

Regional Innovation Index (HSE) and the Quality-of-life Rating (RIA Novosti/Financial University), was used as a methodological basis. Four stable types of regional development were identified: “balanced leadership”, “social imbalance” (high quality of life with low innovation activity), “innovation imbalance” (high innovation with low quality of life), and “comprehensive lagging”. An analysis of the dynamics of regional positions within this coordinate system revealed increasing polarization: an expansion of the group of leaders due to regions that have moved into the first quadrant, while the number of regions experiencing regression in both indicators has increased. It was found that increased innovative potential is not always associated with improved quality of life, confirming the hypothesis of structural imbalances in regional development models. Based on the obtained results, the need for a transition to a human-centered innovation policy that takes into account the socioeconomic barriers, demographics, and institutional characteristics of the regions is substantiated. The research findings can be used in the development of differentiated strategies for the socioeconomic and innovative development of regions, as well as in the practice of targeted government regulation.

Keywords: quality of life, innovative development, Russian Regional Innovation Index, Quality-of-life Rating, development matrix, differentiation of regions, human-oriented innovation policy, regional strategy

Acknowledgements: the article was prepared based on the results of the research supported by budgetary funds under the state assignment of the Financial University.

Citation: Zakharova, K. A., Levkina, A. O., Baburina, N. A., & Kryzhanovskii, O. A. (2026). Subjects of the Russian Federation in the “Innovative Development — Quality of Life” system: Features and imbalances. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 12(2), 265–283. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2026-12-2-265-283>

Received May 29, 2026; Reviewed Jun. 18, 2026; Accepted Jun. 18, 2026

Введение

Влияние инноваций на социально-экономическое благополучие изучается исследователями уже более века, начиная с Шумпетера [Aghion и др., 2009; Grossman, Helpman, 1994; Jones, 1995; Schumpeter, 1936; Segerstrom, 1991; Wong и др., 2005; Zachariadis, 2004]. Исследование инноваций как основной движущей силы экономического роста привело к массовым мировым расходам на НИОКР с 1980-х гг. Однако за научно-технологическим прогрессом не последовал ожидаемый высокий темп экономического роста, тогда как всё сильнее проявлялись проблемы устойчивого развития. Данная ситуация привела к изменению парадигмы изучения инновационной деятельности, обращению к ее смыслу и целям, задающим базовые векторы развития общества [Beaudreau, Lightfoot, 2015]. Так, в рамках концепции устойчивого развития инновации — не столько движущие силы экономического роста, сколько инструменты долгосрочного обеспечения высокого качества жизни

человека, достигаемого в системе целей устойчивого развития общества [Cancino и др., 2018; Dawson, Daniel, 2010; Edwards-Schachter и др., 2012].

Однако взаимосвязь инноваций с качеством жизни не так очевидна, как кажется на первый взгляд. Технологические инновации оказывают непосредственное влияние на все сферы жизни людей [Ittipanuvat и др., 2014; Jones, 1995; Lee, Trimi, 2018; Li, Riachaud, 2019; Мокуг, 1992]. Прорывы в химии, биологии, информационных технологиях и других областях позволили создать новые лекарства, новое высокотехнологичное оборудование, новые материалы и т. д. Инновации обеспечивают производство новых продуктов и услуг, стимулируют экономический рост и занятость, что может улучшать жизнь людей [Ahlstrom, 2010], но может и создавать новые социально-экономические и экологические проблемы. Исходя из базовых принципов рыночной экономики, инновации в сфере частного бизнеса требуют прежде всего окупаемости инвестиций, т. е. обеспечения конкурентных преимуществ для компаний и прибыли для владельцев. Соответственно, современная экономическая модель [Vitali и др., 2011] не предполагает прямой непосредственной связи целей основных инвесторов инновационных процессов и целей качества жизни людей и устойчивого развития общества. Математически доказана склонность такой модели к финансированию инноваций, способствующих планируемому устареванию товаров и ухудшению их качества, что вынуждает потребителей делать повторные и более частые покупки и повышает ресурсоемкость экономики в целом [Bulow, 1986; Stiglitz, 2012], а также в целом склонность общества к нарастающему потреблению ресурсов [Meadows и др., 1972], несмотря на все усилия государств и отдельных сообществ в реализации программ и проектов в области устойчивого развития [Weizsäcker, Wijkman, 2018]. Такая ситуация актуализирует необходимость переосмысления управлением инновационным развитием общества в целом [Матризаев, 2019; Соловьева, 2018] и региональных моделей управления инновациями в частности [Гурьева, Маценко, 2015; Мерзлякова, Колмыкова, 2019; Субботина, Громова, 2017].

Целью данного исследования является анализ согласованности инновационного развития и качества жизни в субъектах РФ в целом на национальном уровне и анализ региональной дифференциации регионального развития в системе «инновационное развитие — качество жизни».

Методология

Одной из основных методологических проблем данного исследования является выбор метода для анализа синергичной системы «инновационное развитие — качество жизни» со взаимовлияющими связями ее сложносоставных компонентов.

Человеческое и инновационное развитие имеют двусторонние отношения. С одной стороны, человеческая деятельность обеспечивает производство новых знаний и инноваций, причем чем выше качество жизни в обществе, тем благоприятнее условия для развития человеческого потенциала¹, творческой активности и инновационной

¹ Human Development Report 2019: Beyond Income, Beyond Averages, Beyond Today. New York: UNDP, 2019. <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2019> (дата обращения: 18.06.2026).

деятельности. Ряд исследований обосновывает прямое влияние социального капитала на динамику инновационного развития [Dakhli, Clercq, 2004; Hausken, Moxnes, 2019]. С другой стороны, инновационная экономика в значительной степени обеспечивает человеческое развитие и рост качества жизни. Так, посредством повышения эффективности экономического производства и распределения достигается увеличение богатства и свободы общения и обмена [Soete, 2000].

Показатели инновационного развития и качества жизни также наследуют свойства сложной обратной связи данных феноменов, что отражается в частичном совпадении факторов внутри композитных индексов и, следовательно, неизбежно вызывает эффект мультиколлинеарности при применении эконометрических подходов к анализу системы «качество жизни — инновационное развитие». В частности, такой фактор, как развитие малого и среднего предпринимательства, как правило, присутствует во всех комплексных показателях как инновационного развития, так и качества жизни. Предприниматели в первую очередь используют новые возможности для бизнеса, предлагаемые инновациями, превращая эти возможности в новые продукты, которые могут улучшить жизнь всех граждан и повысить производительность и социальное благополучие [Baumol, Strom, 2007]. Именно предпринимательская инновационная деятельность обеспечивает диверсификацию, рост экономики и занятости, адаптацию к технологическим, природным и иным изменениям [Земцов, 2022], а в итоге — высокое качество жизни нации и повышение национального богатства [Woodside и др., 2016]. Также предпринимательство, являясь инициатором и проводником инновационного развития, оказывает не только непосредственное влияние на экономические, технологические и трудовые аспекты качества жизни, но и косвенное долгосрочное воздействие на институциональные и социальные аспекты качества жизни [Morris, Lewis, 1991]. Одновременно, уровень развития малого и среднего предпринимательства выступает индикатором качества жизни, поскольку отражает степень экономической самостоятельности населения, уровень социальной вовлеченности и устойчивость местных сообществ.

Модели панельных данных (VAR), предварительно рассчитанные нами на основании анализа эмпирических данных по субъектам РФ (различных показателей качества жизни и инновационного развития), позволили подтвердить предположение о том, что фактор инновационного развития, несомненно, является значимым в изменении качества жизни. Однако статистические оценки коэффициентов значимости являются смещенными, что подтвердило теоретические основания отсутствия прямой зависимости между инновационным развитием и качеством жизни и наличие других важных предикторов и факторов, например, таких как целенаправленность инновационной политики и ее согласованность с целями повышения качества жизни. Также возникают проблемы мультиколлинеарности при применении эконометрических и кластерных методов в анализе синергичной системы «качество жизни — инновационное развитие», в которой качество жизни является одновременно стимулом, условием и метациелью инновационного развития.

Учитывая специфику исследуемой системы, в рамках разведывательного исследования мы остановились на методах медианной группировки регионов (матрицы развития).

Второй методологической проблемой исследования является выбор показателей, отражающих феномены качества жизни и инновационного развития с учетом их релевантности целям исследования, а также доступности и наличия данных в разрезе субъектов РФ за достаточно долгий и сопоставимый период времени.

В социально-экономических науках качество жизни выступает многомерной категорией, которая может выражаться через множество индикаторов. Долгое время акцент при определении качества жизни был смещен на уровень жизни, богатство и потребление. Данный подход был поставлен под сомнение А. Сеном, который переосмыслил понятие качества жизни с позиций развития человека, а именно расширения его способностей и возможностей [Sen, 1985]. Идея человеческого развития как расширения выбора людей посредством расширения их человеческих способностей и возможностей легла в основу Доклада о развитии человеческого потенциала (HDR), который с 1990 г. выпускается под эгидой ПРООН и многомерного индикатора — индекса человеческого развития (HDI).

Среди наиболее популярных мультикомпонентных показателей качества жизни, базирующихся на объективных и субъективных методиках их подсчета: Индекс физического качества жизни, PQLI [Morris, 1978]; Ожидаемая продолжительность счастливой жизни, HLE [Veenhoven, 1996]; Индекс экономического благосостояния [Osberg, Sharpe, 2002]; Составные индексы SL и QL [Béranger, Verdier-Chouchane, 2007]; Индекс счастливой планеты (HPI). Однако данные индексы предоставляют информацию только в разрезе стран, поэтому в данном исследовании мы их не рассматриваем.

Среди отечественных индексов качества жизни можно выделить рейтинг качества жизни (РИА «Новости» совместно с Финансовым университетом при Правительстве РФ). Данный рейтинг разделяет общий принцип методики ООН — оценивать благополучие населения не только через ВВП, но и через доступ к возможностям, однако он использует собственную, гораздо более детализированную и локально адаптированную модель, в которой качество жизни понимается шире, чем в ИЧР, и включает инфраструктурные, институциональные и даже восприятие-ориентированные аспекты. Для целей нашего исследования данный рейтинг является наилучшим выбором. Рейтинг публикуется ежегодно, начиная с 2012 г. по настоящее время.

Современные индикаторы, характеризующие инновационное развитие, также разнообразны, многомерны и многокомпонентны. В мировом масштабе общепризнанным индикатором выступает Глобальный Инновационный Индекс (GII), учитывающий инновации на входе и выходе: субиндекс затрат на инновации и субиндекс результатов инноваций. Однако мировые инновационные индексы не предоставляют данных по регионам. Учитывая цели исследования, наиболее релевантным для исследования является российский региональный инновационный индекс (РРИИ), разработанный Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». РРИИ основывается на симбиозе количественных и качественных показателей, составляющих четыре ключевых субиндекса: ИСЭУ — индекс социально-экономических условий инновационной деятельности; ИНТП — индекс научно-технического потенциала; ИИД — индекс инновационной деятельности; ИКИП — индекс качества инновационной политики.

РРИИ обеспечивает полноценный охват основных аспектов регионального инновационного развития. Показатели по данному рейтингу рассчитываются на базе ВШЭ с 2008 г. по настоящее время. Периоды 2018 и 2019 гг. не разделялись по оценкам (имеют одинаковые значения). Отсутствующие показатели РРИИ за 2011, 2016 и 2020 гг. были заполнены посредством наиболее подходящего метода для коротких пропусков в плавных временных рядах — линейной интерполяции на основе среднего.

Таким образом, для анализа был использован российский региональный инновационный индекс (РРИИ), а в качестве индикатора качества жизни — рейтинг качества жизни РИА (РКЖ) в сопоставимый период — с 2012 по 2023 г. Для определения специфики развития субъектов РФ в сложной синергичной системе «инновационное развитие — качество жизни» был применен метод аналитической визуализации в форме двумерной матрицы развития, разделенной на четыре квадранта по медиане РРИИ вдоль оси абсцисс и по медиане РКЖ вдоль оси ординат. На основе данной матрицы было проведено картирование распределения регионов по значениям индексов как в отдельные периоды времени (статический анализ), так и в динамике во всем исследуемом временном периоде (анализ траекторий развития). В частности, динамический анализ позволил увидеть типовые и аномальные тенденции стратегического регионального развития. Все статистические расчеты и матричная визуализация были выполнены с использованием программного обеспечения с открытым исходным кодом Python (лицензия GNU).

Двумерная классификация по медианным значениям, визуализированная в форме матрицы с осями РКЖ и РРИИ, позволила выделить 4 квадранта в системе «инновационное развитие — качество жизни»:

1. Высокий РКЖ и высокий РРИИ (сбалансированное развитие).
2. Низкий РКЖ и высокий РРИИ (инновационный дисбаланс).
3. Высокий РКЖ и низкий РРИИ (социальный дисбаланс).
4. Низкий РКЖ и низкий РРИИ (комплексное отставание).

В рамках данной матрицы были содержательно проанализированы уровни развития субъектов РФ на начало и конец периода, а также проведена оценка траектории их движения.

Таким образом, методология исследования учитывает специфику теоретических проблем изучения развития территорий в рамках системы «инновационное развитие — качество жизни», обеспечивает принцип дифференциации регионов, учет временного измерения, статистическую строгость, снижение риска упрощенной классификации, практическую ориентированность и позволяет решить цели исследования посредством сочетания статистических методов и визуальной аналитики.

Результаты исследования и их обсуждение

Распределение регионов по квадрантам в 2011 г. демонстрирует классическую типологизацию: в первом квадранте сосредоточены регионы-лидеры с высокими показателями как инноваций, так и качества жизни (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Белгородская область); второй квадрант объединяет регионы с высоким качеством

жизни, но умеренным инновационным развитием (ХМАО, ЯНАО, Краснодарский край); третий квадрант включает наименее развитые регионы с низкими показателями по обоим критериям (большинство республик Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока); четвертый квадрант представляет «инновационных аутсайдеров» — регионы с относительно высокими инновационными показателями при низком качестве жизни: Ульяновская область, Камчатский край, Республика Мордовия и др. (см. рис. 1).

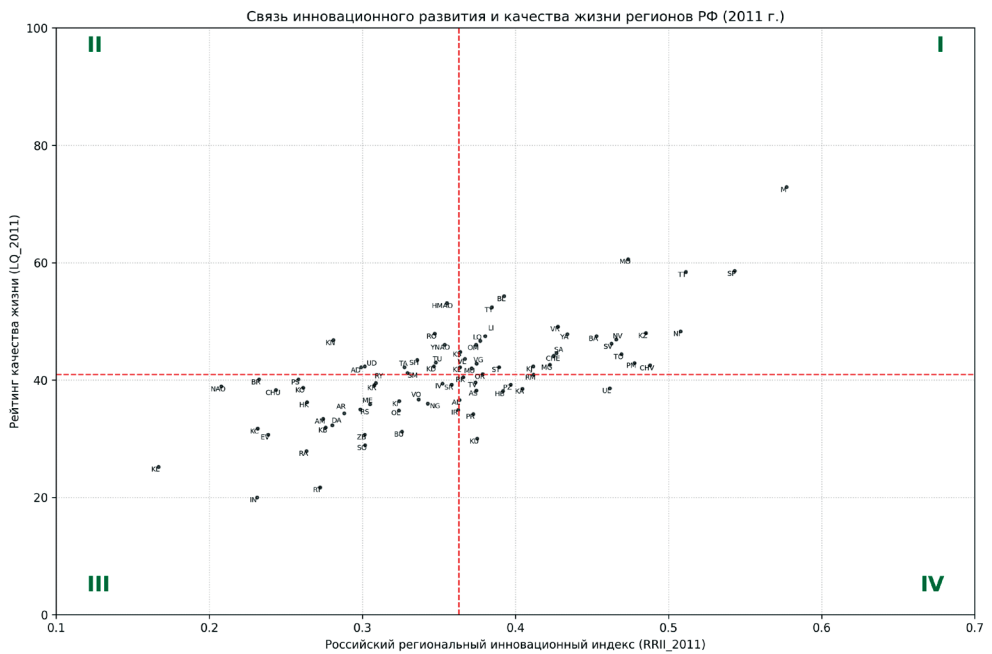

Рис. 1. Матрица развития «инновационное развитие — качество жизни», 2011 г.
Источник: здесь и далее составлено авторами.
Fig. 1. Development Matrix “Innovative Development — Quality of Life”, 2011
Source: compiled by the authors hereinafter.

Распределение регионов по квадрантам в 2023 г. (см. рис. 2) демонстрирует значительную концентрацию развития: первый квадрант расширился до 30 регионов против 19 в 2011 г., включив большинство промышленно развитых субъектов (Москва, СПб., Татарстан, Башкортостан, а также Краснодарский край, Калининградскую и Самарскую области). Второй квадрант сохранил регионы с высоким качеством жизни при умеренных инновациях (Ленинградская область, ХМАО, Адыгея), тогда как третий квадрант значительно сократился и теперь объединяет преимущественно северные, дальневосточные и северокавказские регионы с низкими показателями по обоим критериям. Четвертый квадрант трансформировался в группу «инновационных середняков» с относительно высокими РРИИ при средних показателях качества жизни (Томская, Иркутская, Вологодская области), см. табл. 1.

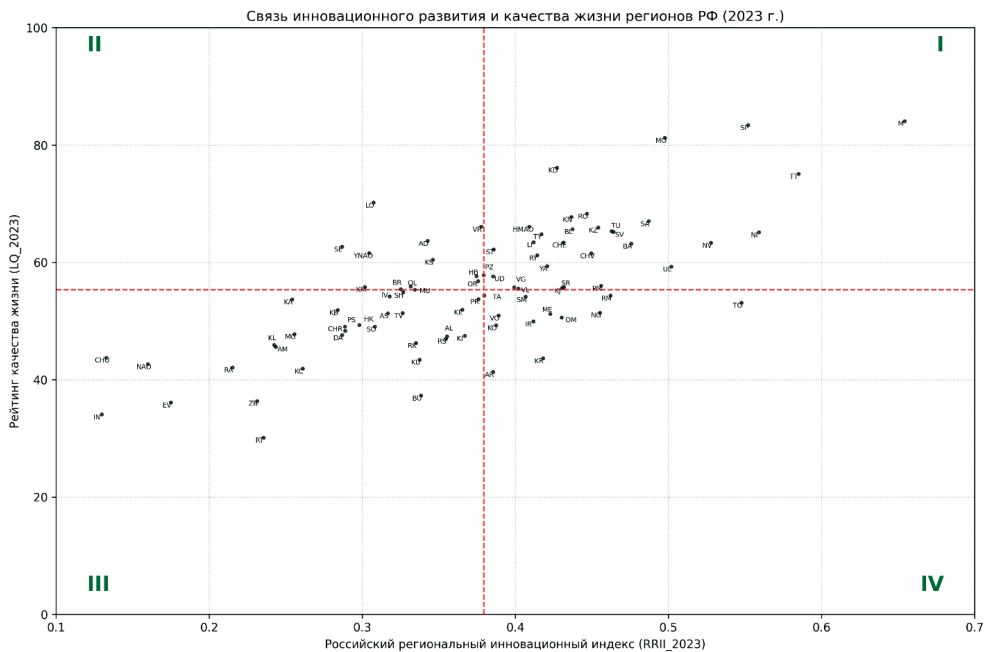

Рис. 2. Матрица развития «инновационное развитие — качество жизни», 2023 г.

Fig. 2. Development Matrix “Innovative Development — Quality of Life”, 2023

Табл. 1. Распределение субъектов РФ в матрице развития

Table 1. Distribution of the subjects of the Russian Federation in the development matrix

Квадрант	2011 г.	2023 г.
1. «Лидеры» — регионы с высокой инновационной активностью и высоким уровнем жизни. Желаемая зона для развития	Кемеровская область, Курская область, Владимирская область, Мурманская область, Омская область, Волгоградская область, Ленинградская область, Оренбургская область, Липецкая область, Тюменская область, Ставропольский край, Белгородская область, Красноярский край, Магаданская область, Челябинская область, Самарская область, Воронежская область, Ярославская область, Республика Башкортостан, Свердловская область, Новосибирская область, Томская область, Московская область, Пермский край, Калужская область, Чувашская Республика, Нижегородская область, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Москва	Удмуртская республика, Ставропольский край, Волгоградская область, Владимирская область, ХМАО, Липецкая область, Рязанская область, Тюменская область, Ярославская область, Краснодарский край, Красноярский край, Челябинская область, Саратовская область, Калининградская область, Белгородская область, Ростовская область, Чувашская Республика, Калужская область, Пермский край, Тульская область, Свердловская область, Республика Башкортостан, Самарская область, Московская область, Ульяновская область, Новосибирская область, Санкт-Петербург, Нижегородская область, Республика Татарстан, Москва

Окончание табл. 1

Table 1 (end)

Квадрант	2011 г.	2023 г.
2. «Благополучные, но не инновационные» — хороший уровень жизни, но слабое инновационное развитие. Риск устойчивости без модернизации	Калининградская область, Республика Адыгея, Удмуртская республика, Тамбовская область, Смоленская область, Сахалинская область, Краснодарский край, Ростовская область, Тульская область, ЯНАО, ХМАО	Севастополь, Республика Крым, ЯНАО, Ленинградская область, Брянская область, Орловская область, Республика Адыгея, Курская область, Хабаровский край, Оренбургская область, Воронежская область, Пензенская область
3. «Отстающие» — низкие показатели и по инновациям, и по качеству жизни. Требуют целенаправленной поддержки	Республика Калмыкия, Ненецкий автономный округ, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская республика, Брянская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Псковская область, Костромская область, Республика Алтай, Республика Хакасия, Республика Тыва, Амурская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Архангельская область, Республика Саха, Забайкальский край, Республика Северная Осетия-Алания, Республика Марий Эл, Республика Карелия, Рязанская область, Орловская область, Кировская область, Республика Бурятия, Вологодская область, Новгородская область, Ивановская область, Саратовская область, Иркутская область	Республика Ингушетия, Чукотский автономный округ, Ненецкий автономный округ, Еврейская автономная область, Республика Алтай, Забайкальский край, Республика Тыва, Республика Калмыкия, Амурская область, Камчатский край, Магаданская область, Карачаево-Черкесская республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Дагестан, Псковская область, Чеченская Республика, Республика Хакасия, Республика Северная Осетия-Алания, Астраханская область, Ивановская область, Тверская область, Сахалинская область, Мурманская область, Республика Коми, Курганская область, Республика Бурятия, Республика Саха, Алтайский край, Кемеровская область, Кировская область, Приморский край
4. «Инновационные, но социально напряженные» — высокая инновационная активность при низком уровне жизни. Возможен «инновационный рывок» без социального эффекта	Алтайский край, Республика Коми, Приморский край, Тверская область, Астраханская область, Курганская область, Хабаровский край, Пензенская область, Камчатский край, Республика Мордовия, Ульяновская область	Тамбовская область, Архангельская область, Костромская область, Вологодская область, Смоленская область, Иркутская область, Республика Карелия, Республика Марий Эл, Омская область, Новгородская область, Республика Мордовия, Томская область

Кардинальные изменения проявились в массовом переходе регионов в первый квадрант: Краснодарский край переместился из второго квадранта в первый благодаря росту инновационного потенциала; Калининградская область совершила впечатляющий

рывок из второго квадранта в первый за счет значительного улучшения обоих показателей; Ульяновская область перешла из четвертого в первый квадрант, демонстрируя баланс между качеством жизни и инновациями. Подробнее см. табл. 2.

Табл. 2. Динамика регионов в матрице развития за период 2011–2023 гг.
Table 2. Dynamics of the regions in the development matrix for the period 2011–2023

Переход между квадрантами	Регионы
Позитивные переходы:	
2 → 1: Благополучный, но не инновационный → Лидер (рост инноваций при сохранении высокого качества жизни)	Удмуртская республика, Ставропольский край, ХМАО, Краснодарский край, Ростовская область, Нижегородская область, Тульская область
3 → 1: Отстающий → Лидер (наиболее успешный сценарий: рост и инноваций, и качества жизни)	Владимирская область, Саратовская область, Рязанская область
4 → 1: Инновационный, но социально напряжённый → Лидер (улучшение качества жизни при сохранении высокой инновационности)	Ульяновская область
3 → 2: Отстающий → Благополучный, но не инновационный (рост качества жизни, инновации остаются низкими)	Орловская область, Брянская область
Негативные переходы:	
1 → 2: Лидер → Благополучный, но не инновационный (потеря инновационной динамики при сохранении высокого качества жизни)	Ленинградская область, Оренбургская область, Курская область, Воронежская область
2 → 3: Благополучный → Отстающий (падение и качества жизни, и инновационности)	Сахалинская область
2 → 4: Благополучный → Инновационный, но социально напряжённый (рост инноваций, но падение качества жизни)	Смоленская область
4 → 3: Инновационный, но социально напряжённый → Отстающий (потеря и инноваций, и качества жизни)	Приморский край, Камчатский край, Алтайский край, Курганская область, Астраханская область, Тверская область, Республика Коми
1 → 3: Лидер → Отстающий (катастрофический регресс: падение по обоим показателям)	Кемеровская область, Мурманская область, Магаданская область
1 → 4: Лидер → Инновационный, но социально напряжённый (сохранение/рост инноваций при падении качества жизни)	Омская область, Томская область
3 → 4: Отстающий → Инновационный, но социально напряжённый (рост инноваций при низком качестве жизни)	Костромская область, Республика Карелия, Иркутская область, Вологодская область, Новгородская область, Архангельская область, Республика Марий Эл
4 → 2: Инновационный, но социально напряжённый → Благополучный, но не инновационный (падение инноваций при росте качества жизни)	Пензенская область, Хабаровский край

Анализ динамики регионального положения субъектов Российской Федерации по двум ключевым измерениям — уровню качества жизни (РКЖ) и региональному индексу инновационного развития (РРИИ) — за период с 2011 по 2023 г. выявляет как устойчивые тенденции, так и существенные структурные сдвиги. Данные свидетельствуют о сохранении ядра «лидеров» — регионов, находящихся в первом квадранте (высокие значения как РКЖ, так и РРИИ) на протяжении всего рассматриваемого периода. К ним относятся Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Новосибирская, Свердловская, Челябинская, Московская области и ряд других. Это указывает на наличие устойчивой институциональной и экономической базы, способной поддерживать высокий уровень социально-экономического развития в долгосрочной перспективе.

Одновременно наблюдается значительная мобильность регионов между квадрантами, что отражает дифференцированные результаты региональной политики. Наиболее позитивную траекторию демонстрируют субъекты, совершившие переход из квадранта 3 (низкие РКЖ и РРИИ) напрямую в квадрант 1. К таким регионам относятся Владимирская, Саратовская и Рязанская области. Их опыт представляет собой редкий, но чрезвычайно ценный сценарий комплексного развития, сочетающего рост инновационной активности с улучшением социальных условий. Другая важная группа — регионы, перешедшие из квадранта 2 (высокий РКЖ, низкий РРИИ) в квадрант 1, включая Удмуртскую Республику, Ставропольский край, ХМАО, Краснодарский и Ростовскую области. Этот переход свидетельствует об успешном наращивании инновационного потенциала на фоне уже достигнутого высокого уровня жизни, что является признаком перехода к более устойчивой и конкурентоспособной модели развития.

Особого внимания заслуживает Ульяновская область, единственная совершившая переход из квадранта 4 (высокий РРИИ, низкий РКЖ) в квадрант 1. Это означает, что региону удалось преодолеть социальное отставание, сохранив при этом высокую инновационную динамику, что является примером сбалансированной региональной стратегии. Дополнительно следует отметить положительную динамику Орловской и Брянской областей, которые переместились из квадранта 3 в квадрант 2, что говорит об улучшении качества жизни, хотя и без значительного роста инновационной активности.

В то же время анализ выявляет и тревожные тенденции. Критически негативным является переход ряда регионов из лидирующего квадранта 1 напрямую в квадрант 3. К таким субъектам относятся Кемеровская, Мурманская и Магаданская области. Такой регресс свидетельствует о системном ослаблении как инновационной, так и социальной составляющих, что требует срочного вмешательства на федеральном уровне. Другой неблагоприятной траекторией является переход из квадранта 1 в квадрант 4, наблюдавшийся в Омской и Томской областях. Несмотря на сохранение (а в случае Томской области — и рост) высокого уровня инновационного развития, эти регионы оказались ниже медианы по качеству жизни, что может указывать на рост внутреннего неравенства или недостаточную конвертацию инновационных достижений в социальные блага.

Кроме того, значительное число регионов, ранее демонстрировавших инновационную активность (квадрант 4 в 2011 г.), к 2023 г. переместились в квадрант 3. Среди них — Приморский, Камчатский и Алтайский края, Курганская, Астраханская, Тверская

области и Республика Коми. Эта траектория, характеризующаяся падением по обоим показателям, свидетельствует о деградации ранее существовавших инновационных ниш и ослаблении социальной инфраструктуры. Параллельно часть бывших лидеров, включая Курскую, Ленинградскую, Оренбургскую и Воронежскую области, потеряли инновационную динамику, переместившись в квадрант 2, что может в долгосрочной перспективе подорвать их конкурентоспособность.

Заключение

Проведенное исследование позволило систематизировать и визуализировать пространственно-временную динамику регионального развития России в системе координат «качество жизни — инновационное развитие». Сопоставление данных за 2011 и 2023 гг. выявило устойчивую тенденцию к поляризации: с одной стороны, формируется ядро регионов-лидеров с синхронным ростом инновационного потенциала и уровня жизни, с другой — расширяется группа субъектов, демонстрирующих комплексное отставание или дисбаланс по одному из измерений. Особенно примечательны случаи перехода регионов из квадранта «отстающих» напрямую в группу «лидеров» (Владимирская, Саратовская, Рязанская области), а также успешная трансформация Ульяновской области из зоны «инновационного дисбаланса» в сбалансированное лидерство.

Вместе с тем выявлены и негативные траектории. Так, ряд ранее благополучных регионов (Кемеровская, Мурманская, Магаданская области) переместились в квадрант «комплексного отставания», что свидетельствует о системной деградации их социально-экономической среды. Параллельно в некоторых регионах, сохраняющих высокий уровень инновационной активности (Омская, Томская области), качество жизни оказалось ниже медианы, что указывает на разрыв между технологическим прогрессом и его социальной отдачей.

Полученные результаты опровергают упрощенное представление о прямой связи между инновациями и благополучием населения. Напротив, они подчеркивают необходимость целенаправленного управления инновационным развитием с акцентом на его социальную направленность. Это требует перехода от технократической модели инновационной политики к человекоориентированной парадигме, в которой инновации рассматриваются не как самоцель, а как инструмент достижения устойчивого роста качества жизни.

Методологическим вкладом исследования является апробация и валидация двумерной матрицы развития как инструмента стратегической диагностики региональной политики. Предложенная типология позволяет не только классифицировать текущее положение субъектов, но и отслеживать их траектории, выявляя как успешные практики, так и риски деградации. Вместе с тем ограничения исследования — агрегированный характер индексов, недостаточная репрезентация внутрирегиональной неоднородности и слабая чувствительность к культурно-идентификационным аспектам качества жизни — указывают на необходимость дальнейших исследований на субрегиональном уровне с применением смешанных методов, сочетающих количественные метрики и качественные данные.

Список источников

- Гурьева М. А., Маценко А. В. 2015. Инновационные аспекты устойчивого развития Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. № 8. С. 33–35. <https://elibrary.ru/twsgsb>.
- Земцов С. П. 2022. Технологическое предпринимательство как фактор развития России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (53). 212 с. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-11>.
- Матризаев Б. Д. 2019. Исследование социально-технических основ современной трехполярной системы инновационной политики // Теоретическая экономика. № 6 (54). С. 53–62. <https://elibrary.ru/kmgtor>.
- Мерзлякова Е. А., Колмыкова Т. С. 2019. Циркулярное воспроизводство и экологические инновации в обеспечении устойчивого роста региональной экономики // Регион: системы, экономика, управление. № 3 (46). С. 104–111. <https://elibrary.ru/ywnkfz>.
- Соловьева С. В. 2018. Инновации в Целях устойчивого развития для России // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 10. № 4. С. 50–64. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2018-10-4-50-64>.
- Субботина В. Д., Громова В. А. 2017. Инновационные программы как инструмент повышения устойчивого развития экономики региона // Стратегии и инструменты управления экономикой: отраслевой и региональный аспект: мат. VII Международной научно-практической конференции. Т. 2 / под общ. ред. В. Л. Василёнка. СПб.: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. <https://openbooks.itmo.ru/ru/file/6337/6337.pdf> (дата обращения: 18.06.2026).
- Aghion P., David P. A., Foray D. 2009. Science, technology and innovation for economic growth: Linking policy research and practice in «STIG Systems» // Research Policy. Vol. 38. No. 4. Pp. 681–693. https://www.researchgate.net/publication/46488937_Science_Technology_and_Innovation_for_Economic_Growth_Linking_Policy_Research_and_Practice_in_STIG_Systems (дата обращения: 18.06.2026).
- Ahlstrom D. 2010. Innovation and growth: How business contributes to society // Academy of Management Perspectives. Vol. 24. No. 3. Pp. 11–24. https://www.researchgate.net/publication/324999507_Innovation_and_Growth_How_Business_Contributes_to_Society (дата обращения: 18.06.2026).
- Baumol W. J., Strom R. J. 2007. Moderator comments entrepreneurship and economic growth // Strategic Entrepreneurship Journal. Vol. 1 (3-4). Pp. 233–237. <https://doi.org/10.1002/sej.26>.
- Beaudreau B. C., Lightfoot H. D. 2015. The physical limits to economic growth by R & D funded innovation // Energy. Vol. 84. Pp. 45–52. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2015.01.118>.
- Bérenger V., Verdier-Chouchane A. 2007. Multidimensional measures of well-being: Standard of Living and Quality of Life across countries // World Development. Vol. 35 (7). Pp. 1259–1276. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2006.10.011>.
- Bulow J. 1986. An economic theory of planned obsolescence // Quarterly Journal of Economics. Vol. 101. No. 4. Pp. 729–750. https://econpapers.repec.org/article/oupqjecon/v_3a101_3ay_3a1986_3ai_3a4_3ap_3a729-749.htm (дата обращения: 18.06.2026).

- Cancino C. A., Le Paz A. I., Ramaprasad A., Syn T. 2018. Technological innovation for sustainable growth: An ontological perspective // *Journal of Cleaner Production*. Vol. 179. Pp. 31–41. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.01.059>.
- Dakhli M., De Clercq D. 2004. Human capital, social capital, and innovation: A multi-country study // *Entrepreneurship and Regional Development*. Vol. 16. No. 2. Pp. 107–128. <https://doi.org/10.1080/08985620410001677835>.
- Dawson P., Daniel L. 2010. Understanding social innovation: A provisional framework // *International Journal of Technology Management*. Vol. 51. No. 1. Pp. 9–21. https://www.researchgate.net/publication/247832667_Understanding_social_innovation_A_provisional_framework (дата обращения: 18.06.2026).
- Edwards-Schachter M. E., Matti C. E., Alcántara E. 2012. Fostering quality of life through social innovation: a living lab methodology study case // *Review of Policy Research*. Vol. 29. No. 6. Pp. 672–692. <https://doi.org/10.1111/j.1541-1338.2012.00588.x>.
- Grossman G. M., Helpman E. 1994. Endogenous innovation in the Theory of Growth // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 8. No. 1. Pp. 23–44. <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.8.1.23> (дата обращения: 18.06.2026).
- Hausken K., Moxnes J. F. 2019. Innovation, Development and National Indices // *Social Indicators Research*. Vol. 141. No. 3. Pp. 1165–1188. https://doi.org/10.1007/s11205-018-1873-8?urlappend=%3Futtm_source%3Dresearchgate.net%26uttm_medium%3Darticle.
- Ittipanuvatt V., Fujita K., Sakata I., Kajikawa Yu. 2014. Finding linkage between technology and social issue: A Literature Based Discovery approach // *Journal of Engineering and Technology Management*. Vol. 32. Pp. 160–184. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2013.05.006>.
- Jones C. I. 1995. R & D-based models of economic growth // *Journal of Political Economy*. Vol. 103. No. 4. Pp. 759–784. <https://www.jstor.org/stable/2138581> (дата обращения: 18.06.2026).
- Lee S. M., Trimi S. 2018. Innovation for creating a smart future // *Journal of Innovation & Knowledge*. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2016.11.001>.
- Li B., Piachaud D. 2019. Technological innovations and social development in Asia // *Journal of Asian Public Policy*. Vol. 12. No. 1. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1080/17516234.2018.1546419>.
- Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. W. 1972. *The Limits to Growth. A Report for THE CLUB OF ROME'S Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books. 211 pp. <https://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf> (дата обращения: 18.06.2026).
- Mokyr J. 1992. *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. New York; Oxford: Oxford University Press. 369 pp.
- Morris M. D. 1978. A physical quality of life index // *Urban Ecology*. Vol. 3. No. 3. Pp. 225–240.
- Morris M. H., Lewis P. S. 1991. Entrepreneurship as a significant factor in societal quality of life // *Journal of Business Research*. Vol. 23. No. 1. Pp. 21–36.
- Osberg L., Sharpe A. 2002. An index of economic well-being for selected OECD countries // *Review of Income and Wealth*. Vol. 48 (3). Pp. 291–316. <https://doi.org/10.1111/1475-4991.00056>.
- Schumpeter J. A. 1936. *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. [Б. м.]: Harvard University Press. 255 pp.

- Segerstrom P. S. 1991. Innovation, imitation, and economic growth // *Journal of Political Economy*. Vol. 99. No. 4. Pp. 807–827. <https://ideas.repec.org/a/ucp/jpolec/v99y1991i4p807-27.html> (дата обращения: 18.06.2026).
- Sen A. 1985. *Commodities and Capabilities*. [Б. м.]: North-Holland. 130 pp.
- Soete L. 2000. Towards the digital economy: Scenarios for business // *Telematics and Informatics*. Vol. 17. No. 3. Pp. 199–212. [https://doi.org/10.1016/S0736-5853\(00\)00008-3](https://doi.org/10.1016/S0736-5853(00)00008-3).
- Stiglitz J. E. 2012. The price of inequality: How today's divided society endangers our future // *Sustainable Humanity, Sustainable Nature: Our Responsibility*. https://www.pass.va/content/dam/casinapioiv/pass/pdf-volumi/acta/acta_19/es41-stiglitz.pdf.
- Veenhoven R. 1996. Happy life-expectancy: A comprehensive measure of quality-of-life in nations // *Social Indicators Research*. Vol. 39. No. 1. Pp. 1–58.
- Vitali S., Glattfelder J. B., Battiston S. 2011. The network of global corporate control // *PLoS One*. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0025995>.
- Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. 2018. *Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. [Б. м.]: Springer. 234 pp.
- Wong P. K., Ho Y. P., Autio E. 2005. Entrepreneurship, innovation and economic growth: Evidence from GEM data // *Small Business Economics*. Vol. 24. No. 3. Pp. 335–350. <https://doi.org/10.1007/s11187-005-2000-1>.
- Woodside A. G., Bernal P. M., Coduras A. 2016. The general theory of culture, entrepreneurship, innovation, and quality-of-life: Comparing nurturing versus thwarting enterprise start-ups in BRIC, Denmark, Germany, and the United States // *Industrial Marketing Management*. Vol. 53. Pp. 136–159. <http://doi.org/10.1016/j.indmarman.2015.11.003>.
- Zachariadis M. 2004. R&D-induced growth in the OECD? // *Review of Development Economics*. Vol. 8. No. 3. Pp. 423–439. https://www.lsu.edu/business/economics/files/workingpapers/pap01_02.pdf (дата обращения: 18.06.2026).

References

- Guryeva, M. A., & Matsenko, A. V. (2015). Innovative aspects of sustainable development of the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*, (8). <https://elibrary.ru/twsgsb> [In Russian]
- Zemtsov, S. P. (2022). Technological entrepreneurship as a development factor of Russia. *Journal of the New Economic Association*, (1), 212–223. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-11> [In Russian]
- Matrizaev, B. D. (2019). Research of social and technical bases of modern three-polar system of innovation policy. *Theoretical Economics*, (6), 53–62. <https://elibrary.ru/kmgtor> [In Russian]
- Merzlyakova, E. A., & Kolmykova, T. S. (2019). Circular reproduction and environmental innovations in ensuring sustainable growth of the regional economy. *Region: Systems, Economy, Management*, (3), 104–111. <https://elibrary.ru/ywnkfz> [In Russian]
- Solovieva, S. V. (2018). Innovations through Sustainable Development Goals for Russia. *Scientific Research of Faculty of Economics*, 10(4), 50–64. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2018-10-4-50-64> [In Russian]

- Subbotina, V. D., & Gromova, V. A. (2017). Innovative programs as a tool to increase sustainable development of the regional economy. In V. L. Vasilenok (ed.), *Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference "Strategies and Tools for Economic Management: Industry and Regional Aspect"* (vol. 2). St. Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics. Retrieved June 18, 2026, from <https://openbooks.itmo.ru/ru/file/6337/6337.pdf> [In Russian]
- Aghion, P., David, P. A., & Foray, D. (2009). Science, technology and innovation for economic growth: Linking policy research and practice in «STIG Systems». *Research Policy*, 38(4), 681–693. Retrieved June 18, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/46488937_Science_Technology_and_Innovation_for_Economic_Growth_Linking_Policy_Research_and_Practice_in_STIG_Systems
- Ahlstrom, D. (2010). Innovation and growth: How business contributes to society. *Academy of Management Perspectives*, 24(3), 11–24. Retrieved June 18, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/324999507_Innovation_and_Growth_How_Business_Contributes_to_Society
- Baumol, W. J., & Strom, R. J. (2007). Moderator comments entrepreneurship and economic growth. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 1(3-4), 233–237. <https://doi.org/10.1002/sej.26>
- Beaudreau, B. C., & Lightfoot, H. D. (2015). The physical limits to economic growth by R & D funded innovation. *Energy*, 84, 45–52. <https://doi.org/10.1016/j.energy.2015.01.118>
- Béranger, V., & Verdier-Chouchane, A. (2007). Multidimensional measures of well-being: Standard of Living and Quality of Life across countries. *World Development*, 35(7), 1259–1276. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2006.10.011>
- Bulow, J. (1986). An economic theory of planned obsolescence. *Quarterly Journal of Economics*, 101(4), 729–750. Retrieved June 18, 2026, from https://econpapers.repec.org/article/oupqjecon/v_3a101_3ay_3a1986_3ai_3a4_3ap_3a729-749.htm
- Cancino, C. A., Le Paz, A. I., Ramaprasad, A., & Syn, T. (2018). Technological innovation for sustainable growth: An ontological perspective. *Journal of Cleaner Production*, 179, 31–41. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.01.059>
- Dakhli, M., & De Clercq, D. (2004). Human capital, social capital, and innovation: A multi-country study. *Entrepreneurship and Regional Development*, 16(2), 107–128. <https://doi.org/10.1080/08985620410001677835>
- Dawson, P., & Daniel, L. (2010). Understanding social innovation: A provisional framework. *International Journal of Technology Management*, 51(1), 9–21. Retrieved June 18, 2026, from https://www.researchgate.net/publication/247832667_Understanding_social_innovation_A_provisional_framework
- Edwards-Schachter, M. E., Matti, C. E., & Alcántara, E. (2012). Fostering quality of life through social innovation: A living lab methodology study case. *Review of Policy Research*, 29(6), 672–692. <https://doi.org/10.1111/j.1541-1338.2012.00588.x>
- Grossman, G. M., & Helpman, E. (1994). Endogenous innovation in the Theory of Growth. *Journal of Economic Perspectives*, 8(1), 23–44. Retrieved June 18, 2026, from <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.8.1.23>
- Hausken, K., & Moxnes, J. F. (2019). Innovation, development and national indices. *Social Indicators Research*, 141(3), 1165–1188. https://doi.org/10.1007/s11205-018-1873-8?urlappend=%3Futm_source%3Dresearchgate.net%26utm_medium%3Darticle

- Ittipanuvat, V., Fujita, K., Sakata, I., & Kajikawa, Yu. (2014). Finding linkage between technology and social issue: A Literature based discovery approach. *Journal of Engineering and Technology Management*, 32, 160–184. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2013.05.006>
- Jones, C. I. (1995). R & D-based models of economic growth. *Journal of Political Economy*, 103(4), 759–784. Retrieved June 18, 2026, from <https://www.jstor.org/stable/2138581>
- Lee, S. M., & Trimi, S. (2018). Innovation for creating a smart future. *Journal of Innovation & Knowledge*, 3(1), 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.jik.2016.11.001>
- Li, B., & Piachaud, D. (2019). Technological innovations and social development in Asia. *Journal of Asian Public Policy*, 12(1), 1–14. <https://doi.org/10.1080/17516234.2018.1546419>
- Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J., & Behrens, W. W. (1972). *The Limits to Growth. A Report for THE CLUB OF ROME'S Project on the Predicament of Mankind*. Universe Books. Retrieved June 18, 2026, from <https://www.donellameadows.org/wp-content/userfiles/Limits-to-Growth-digital-scan-version.pdf>
- Mokyr, J. (1992). *The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress*. Oxford University Press.
- Morris, M. D. (1978). A physical quality of life index. *Urban Ecology*, 3(3), 225–240.
- Morris, M. H., & Lewis, P. S. (1991). Entrepreneurship as a significant factor in societal quality of life. *Journal of Business Research*, 23(1), 21–36.
- Osberg, L., & Sharpe, A. (2002). An index of economic well-being for selected OECD countries. *Review of Income and Wealth*, 48(3), 291–316. <https://doi.org/10.1111/1475-4991.00056>
- Schumpeter, J. A. (1936). *The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle*. Harvard University Press.
- Segerstrom, P. S. (1991). Innovation, imitation, and economic growth. *Journal of Political Economy*, 99(4), 807–827. <https://ideas.repec.org/a/ucp/jpolec/v99y1991i4p807-27.html>
- Sen, A. (1985). *Commodities and Capabilities*. North-Holland.
- Soete, L. (2000). Towards the digital economy: Scenarios for business. *Telematics and Informatics*, 17(3), 199–212. [https://doi.org/10.1016/S0736-5853\(00\)00008-3](https://doi.org/10.1016/S0736-5853(00)00008-3)
- Stiglitz, J. E. (2012). The price of inequality: How today's divided society endangers our future. *Sustainable Humanity, Sustainable Nature: Our Responsibility*. Retrieved June 18, 2026, from https://www.pass.va/content/dam/casinapioiv/pass/pdf-volumi/acta/acta_19/es41-stiglitz.pdf
- Veenhoven, R. (1996). Happy life-expectancy: A comprehensive measure of quality-of-life in nations. *Social Indicators Research*, 39(1), 1–58.
- Vitali, S., Glattfelder, J. B., & Battiston, S. 2011. The network of global corporate control. *PLoS One*. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0025995>
- Weizsäcker, E. U. von, & Wijkman, A. (2018). *Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer.
- Wong, P. K., Ho, Y. P., & Autio, E. (2005). Entrepreneurship, innovation and economic growth: Evidence from GEM data. *Small Business Economics*, 24(3), 335–350. <https://doi.org/10.1007/s11187-005-2000-1>
- Woodside, A. G., Bernal, P. M., & Coduras, A. (2016). The general theory of culture, entrepreneurship, innovation, and quality-of-life: Comparing nurturing versus thwarting enterprise

start-ups in BRIC, Denmark, Germany, and the United States. *Industrial Marketing Management*, 53, 136–159. <http://doi.org/10.1016/j.indmarman.2015.11.003>

Zachariadis, M. (2004). R&D-induced growth in the OECD? *Review of Development Economics*, 8(3), 423–439. Retrieved June 18, 2026, from https://www.lsu.edu/business/economics/files/workingpapers/pap01_02.pdf

Информация об авторах

Кристина Алексеевна Захарова, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
kr.a.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3603-2659>

Анастасия Олеговна Лёвкина, кандидат экономических наук, доцент; доцент, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
a.o.lyovkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9938-5822>

Наталья Алексеевна Бабурина, кандидат экономических наук, доцент; доцент, заместитель директора Финансово-экономического института, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
natalbaburina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6970-0449>

Олег Анатольевич Крыжановский, кандидат экономических наук, Банк России, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-3670-0063>

Information about the authors

Kristina A. Zakharova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Lead Researcher, Institute for Research on Socio-Economic Transformations and Financial Policy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
kr.a.zakharova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3603-2659>

Anastasia O. Levkina, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, University of Tyumen, Tyumen, Russia
a.o.lyovkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9938-5822>

Natalya A. Baburina, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Finance and Economics, University of Tyumen, Tyumen, Russia
natalbaburina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6970-0449>

Oleg A. Kryzhanovskii, Cand. Sci. (Econ.), Bank of Russia, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3670-0063>

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Социально-экономические и правовые исследования

2026. Том 12. № 2 (46)

Редакторы	<i>Д. В. Лангавая</i>
Перевод	<i>А. А. Горбунов</i>
Компьютерная верстка	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башикиров</i>

Дата выхода в свет 31.07.2026

Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print

Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro

Печать цифровая. 24,85 усл. печ. л., 19,88 уч.-изд. л.

Цена свободная.

Тираж 500 экз. Заказ № 172